

INSPIRIA

МОЛЧАЛИВАЯ СЛУШАТЕЛЬНИЦА

ЛИН ЙОВАРТ

 INSPIRIA

Annotation

АВСТРАЛИЙСКАЯ «ТАМ ГДЕ РАКИ ПОЮТ». ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ.

Две сестры. Умиравший отец. И жуткая тайна – одна на троих...

Холодное сырое лето 1960 года. Глубинка австралийского континента. Одиннадцатилетняя Джой Хендерсон живет в постоянном страхе перед отцом. Стараются всячески угодить ему, чтобы избежать очередного града истязаний. Но отец всегда непреклонен: его дочь – мерзкая грешница, обреченная на Ад...

Много лет спустя тридцатипятилетняя Джой возвращается в родительский дом, чтобы ухаживать за тяжело больным учителем. И, к собственному удивлению, встречает там свою «идеальную» сестру Рут. Рут нашептывает ей на ухо ядовитые слова, призывая отомстить. А на следующий день Джой обнаруживает отца мертвым, с затянутым на шею ремнем. Тем самым ремнем, которым тот когда-то порол своих детей...

Этот необычайно мощный и проникновенный роман переносит читателя между 1940-ми, 1960-ми и 1980-ми годами. Незабываемое литературное полотно, изображающее мрачную австралийскую глубинку, ее подчас жестоких обитателей – и тихие омуты человеческого сознания...

«Душераздирающий, страшный и великолепно написанный роман, от которого у меня перехватывало дыхание. Йоварт моментально погрузила меня в жизнь сельской семьи, в которой властвует злой опасный деспот, роман не отпускал – от пугающего начала и до шокирующего конца». – Кирстен Александер

«Напряженный. Запутанный. Не щадящий чувств. Роман – настоящая австралийская готика». – Лиам Пипер

«Гениальная форма повествовательной археологии: вскрываются все новые пласты семейной трагедии, и правда наконец всплывает на свет». – Джок Серонг

«Напряженный, внушающий ужас, опустошительный рассказ о семье Хендерсонов, от которого невозможно оторваться. Он останется с вами надолго». – Books+Publishing

- [Лин Йоварт](#)
 -
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)

- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Часть IV](#)
 - [Глава 78](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)
 - [Глава 81](#)
 - [Глава 82](#)
 - [Глава 83](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Лин Йоварт

Молчаливая слушательница

Lin Yeowart
THE SILENT LISTENER

Copyright © Lyn Yeowart 2021. This edition published by arrangement with Jacinta di Mase Management and Synopsis Literary Agency

© Lyn Yeowart 2021. This edition published by arrangement with Jacinta di Mase Management and Synopsis Literary Agency

© Борисова Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

UPMARKET CRIME FICTION БОЛЬШЕ ЧЕМ ТРИЛЛЕР

МОЛЧАЛИВАЯ СЛУШАТЕЛЬНИЦА

ЛИН ЙОВАРТ

INSPIRIA

Москва
2022

**Школа перевода
В. Баканова**

*Каждому
ребенку, лишенному
любви,
безопасности
и покоя в родном
доме, особенно
Джону и Кену*

Пролог

Джой и Джордж

1983 год

Едва он умирает, комната взрывается жизнью.

Я вскакиваю, открываю ящики, выкидываю оттуда трусы, майки, носки с уродливыми протертостями на пальцах.

Наверное, чересчур спешу, ну и ладно... Плевать.

Почему я не занялась этим раньше, зачем ждала до конца?

Где же?.. Не могу найти.

Вот бы позвонить Марку (хотя, конечно, нельзя) и крикнуть:

– Он умер! Умер! Ты знаешь, где искать?

Марк ответил бы:

– На гвозде.

– На гвозде? – переспросила бы я. – Каком гвозде?

– В шкафу.

Распахиваю единственную дверцу шкафа и смотрю на висящую внутри одежду. Тринадцать комплектов – он развешивал их с маниакальной тщательностью и надевал столько раз, что вещи приобрели очертания фигуры. Тринадцать обликов моего отца.

Достаю их один за другим, швыряю на пол.

Папа – церковный старейшина, дольше всех пробывший на этом посту.

Папа в огороде.

Папа производит нужное впечатление на банкира.

Папа играет в шары.

Папа рыбачит.

Папа чинит забор.

Папа убивает очередную Рут. Я останавливаюсь. Множество кур за множество лет, каждую звали Рут, каждую он обезглавливал на колоде для рубки дров. Бросаю «папу, убивающего очередную Рут» под ноги и продолжаю.

Папа молится с мистером и миссис Боскомб о пропавшей Венди. Бедная Венди Боскомб. Рут верно говорила, что ни Венди, ни ее куклу так и не найдут.

Папа играет в музыкальной группе.

Папа на заседании общественного комитета.

Папа на уроках Библии.

Папа доит коров.

Папа – судья в матче по австралийскому футболу. Белые брюки, белая рубашка, длинный белый пиджак. Современный ангел. На самой дальней вешалке.

Ныряю рукой в темноту – ладонь натывается на что-то острое. Заглядываю внутрь. Вот он. Одинокий гвоздь, вбитый в деревянную стенку. На гвозде висит ремень.

Один ремень. И десять тысяч багровых криков.

Я вижу, как отец отодвигает свои наряды-личины, достает ремень, не слыша прошлых криков. Позже вешает его на место – бережно, с маниакальной аккуратностью. Не слыша криков новых.

Снимаю ремень с гвоздя, держу в руке.

Простой фермерский ремень. Минутку – хочу уточнить. Не ремень простого фермера, а простой ремень, который принадлежит фермеру. Поправка: принадлежал. Прошедшее время, восхитительное на вкус.

Ремень изготовлен из гладкой черной кожи, имеет серебристую пряжку с серебристым язычком.

Так его описали бы, скажем, на судебном разбирательстве по уголовному делу. Но это дало бы представление лишь о внешнем виде. Адвокату правильнее было бы сказать, подчеркивая определенные слова, делая красноречивые паузы и жестикулируя:

– Да, господа присяжные, обыкновенный, простой фермерский ремень. Я же, с вашего позволения, поведаю о том, чего вы при взгляде на этот предмет не увидите. Перед вами ремень длиной в тридцать пять лет и шириной в двоих детей. Из каждой его поры сочится кровь. Детская кровь. Проведите по нему пальцами – и ощутите не кожу, а боль. Поднесите к носу – и вдохните запах не кожи, а страха. Сложите пополам – и услышите не скрип кожи, а крики детей.

Люди на галерке ахнули бы, присяжные в ужасе закачали бы головами.

Дойди дело до суда.

Ремень впервые у меня в руках. Я, конечно, видела его раньше. Слышала сотни раз... когда он рассекал надо мной воздух. Ощущала –

ровно столько же раз. Но теперь ремень держу я, а на кровати лежит отец, тихий и испуганный.

Он ведь испуган? Пришел его час.

Подношу ремень к лицу. Адвокат прав. Запах страха жжет ноздри.

Иду к кровати. Лицо у отца желтовато-серое.

Я разглядываю вещи на древней прикроватной тумбочке: пустые пузырьки из-под таблеток; тонкое синее полотенце для лица, испачканное слизью и кровью; детская чашка-непроливайка, которую он под конец не мог даже поднести к губам; бутылочка «Пассионы» с остатками желтой безалкогольной шипучки: отец очень ее просил, потому что она напоминала ему о Рождестве и лете, а еще потому, что во рту у него было противно – сухо и липко.

Я специально поехала за «Пассионой» в город и купила целых восемь бутылок. Вот уж правда – подлая грешница.

В ногах кровати лежит местная газета. Ее тоже купила я. Отец изо дня в день читал одну и ту же страницу и предавался отчаянию, когда сквозь туман деменции узнавал имена умерших на прошедшей неделе людей. Вернее, читала ему я.

– Папа, я принесла газету. Послушаешь некрологи?

Откидываю оранжевые одеяла, смотрю на худое тело, щуплое и сиротливое, но целомудренно прикрытое от стыда синей пижамой. Мне такого счастья никогда не выпадало.

Пришло время мести.

Стиснув заостренный конец ремня в правой ладони, я заношу руку; ремень повисает за спиной, прикосновение пряжки к бедру неприятно. Нет, неудобно. Подтягиваю хвост левой рукой, пока пряжка не поднимается до середины спины. Так лучше. С широко раскрытыми глазами я описываю рукой дугу, опускаю ремень – и считаю, как всегда делал отец.

– *Один... поверь... два... мне... три... сейчас... четыре... большее... пять... чем тебе... шесть.*

Он не кричит: «Не надо, не надо, пожалуйста, не надо!» – потому что разговаривать запрещено.

Досчитываю до пятнадцати, перемежая цифры словами, которые до сих пор помню наизусть. Под конец без сил падаю в кресло у кровати. Кто бы мог подумать, что это настолько утомительно?

Мой взгляд прикован к некрологам, превратившимся в бумажную кашу. Каждая фамилия, каждое имя, все возлюбленные мужья/жены/сыновья/дочери/матери/отцы исхлестаны в клочья, но молчаливое неподвижное тело отца нетронуто. Я была абсолютно уверена в своей способности сотворить с его мертвым телом то, что он вытворял с нашими живыми – а вот поди ж ты... Отец был прав – от меня никакого толку.

Зато в следующем выпуске газеты я вдоволь начитаюсь некрологов. Все будут начинаться с «ХЕНДЕРСОН, Джордж».

Я и сама подам объявления в каждую газету Австралии, чтобы Марк наверняка прочел и приехал на похороны. Чтобы мы воссоединились.

Ремень, оказывается, по-прежнему зажат в моей ладони.

* * *

Ровно в восемь направляюсь из своей спальни в кухню, где обычно ждет Рут. Я сообщу, что он умер, и для нее все закончится. Она уйдет. Я знала, что Рут будет рядом лишь до его смерти.

Однако в кухне никого нет.

Нахмурившись, мысленно рекомендую себе сохранять спокойствие и иду в большую комнату – нужно сделать несколько звонков. Передвигаю закладку-ползунок старого телефонного справочника на букву «Б». В больнице советуют позвонить доктору отца.

Закрываю справочник и перемещаю закладку ниже, на букву «Д». Вот – доктор Купер, Вики. Она обещает выехать немедленно и быть у меня примерно в девять. Я хочу сказать: «Не спешите» – но лишь выдавливаю сквозь горькие слезы: «Спасибо».

Едем вниз, буква «Х», Хендерсон. Вдова папиного брата всхлипывает. «Не плачь, тетя Роза, – вертится у меня на языке. – Это самый счастливый день в моей жизни». Тетя говорит, что приедет завтра.

– Не надо. Не переживай, я обо всем позабочусь и сообщу, когда похороны. Да, обнаружила его утром, когда проснулась, с полчаса назад. Нет, не мучился... он принимал очень хорошие обезболивающие, ты же знаешь. Пока, тетя Роза. Да, обязательно, пока.

Опять вверх, назад на букву «Б», ищем «Блэкхант газетт». Диктую по телефону первый некролог о ХЕНДЕРСОНЕ, Джордже. Дерек на другом конце провода вносит предложение. Я отвечаю:

– Нет, спасибо.

Дерек вносит другое предложение. После недолго молчания я говорю:

– Нет, я знаю, что делаю, ясно?

Он морщится и закатывает глаза. Непременно морщится и закатывает. Перечитывает мне некролог.

– Супер, – говорит (слишком протяжно, на мой вкус; «р» напоминает звон треугольника). – Почти две строки, такса два доллара двадцать один цент за строку или часть таковой, выходит четыре сорок два, оплатить следует в течение двадцати восьми дней. Успеваете в завтрашний выпуск. Благодарю, мисс Хендерсон, и мои искренние соболезнования.

Да уж, супер.

Является Вики, делает скорбное лицо и выражает сочувствие. Она, в отличие от Дерека, мастерски придает голосу нужные интонации. Вскинув брови, перешагивает газетные клочки, щупает холодное запястье отца, после чего объявляет его мертвым.

Для этого нужно учиться в университете?

В кухне мы садимся за старый стол. Вики задает вопросы, записывает мои ответы в верхней части бланка на планшете с зажимом. Затем смотрит мне в глаза.

– Ладненько... – Голос у нее по обыкновению жизнерадостный-как-лимонный-пирог-с-меренгой.

Сейчас наверняка попросит отдать оставшиеся таблетки. Я уже мысленно шепчу Рут: «Что я тебе говорила!» – но вдруг слышу:

– Марк и Рут вам помогут?

От удивления выпаливаю:

– Рут – нет. Она разве здесь? Я ее с самого утра не видела.

Слова срываются с языка, и я понимаю, что произносить их не стоило. Это лишь все осложнит. Тут же начинаю плакать. В конце концов, я – горюющая дочь и обеспокоенная, хотя и раздосадованная, сестра.

– Ладненько, – повторяет Вики уже не-столь-жизнерадостным голосом.

Я украдкой бросаю взгляд на то, что она написала, но не могу разобрать ни слова.

– Не знаю, знакомы ли вы с процедурой, но поскольку он умер... скажем так, внезапно... в своем доме и поскольку ваша сестра уехала... внезапно... нужно известить полицию. Я позвоню им, если хотите.

На самом деле Вики подразумевает «хотите вы того или нет», поэтому я машу в сторону большой комнаты, где стоит телефон. Пока Вики звонит, я сижу в кухне и гадаю, что с Рут. Черт бы ее побрал, угораздило же ее исчезнуть так сразу!

Закончив разговор, Вики плюхается рядом со мной.

– Коп выехал. Славный малый. Алекс Шепард. Живет здесь всю жизнь, по-моему.

Киваю, будто имя ни о чем мне не говорит. Хотя, если честно, я немного растеряна.

– Я еще взяла на себя смелость позвонить Даннам, – сообщает Вики. – Определенно лучшее похоронное бюро в округе. И единственное. – Она ухмыляется собственной шутке.

Я слабо улыбаюсь в ответ. Вики продолжает:

– Пока ждем Шепарда, вы бы позвонили священнику, милочка.

Возвращаясь к телефонному справочнику, передвигаю закладку на «Б», нужного имени не нахожу, зато на «П» обнаруживаю Брейтуэйта Алистера (преподобного). Предлагаю вторник, с последующим чаем и булочками. Возможно, с долькой-другой лимона. В ответ слышу, что вторник – слишком рано, будет очень много людей, и Ассоциации сельских женщин нужно больше времени на подготовку, даже если это просто чай с булочками. И лимонными дольками, напоминаю я.

Собеседник пускается в одностороннюю дискуссию о псалмах и молитвах для службы; я же не могу думать ни о чем, кроме «будет очень много людей». Мы оба знаем, что придет около двух тысяч, плюс-минус. Да-да, верно, сотни людей заполнят церковь, которая затрещит по всем священным швам, а затем выплеснутся в актовый зал, куда мы с Фелисити ходили в воскресную школу.

Словно прочитав мои мысли, Брейтуэйт Алистер (преподобный) говорит, что установит для людей в зале колонки и телеэкран и что женщины из Ассоциации накроют чай с булочками – и дольками лимона – там же, в зале. Я сразу представляю: все эти люди, один за

другим, будут хватать меня за руку и рассказывать, как они убиты горем, как сильно сочувствуют моей ужасной-преужасной утрате...

Однако готова поспорить, никто даже не упомянет Марка. Или Рут.

Мы наконец прощаемся. Скоро приедет полиция, нужно взять себя в руки. То есть обуздать воображение. *Обуздать*. Роскошное слово... Думаю о нем, и в голове расцветает образ – мягкая, податливая сфера оранжевого цвета, из которой вырезан треугольный сегмент. На мгновение уступаю блаженству, затем собираюсь с мыслями. В последнее время, о чем я обязательно напомню Рут, мой самоконтроль выше всяких похвал. Ах да, она ведь исчезла...

Пока ждем полицию, я завариваю чай и повторяю себе – скоро все кончится, надо только пережить следующие несколько дней, а дальше... покой. Больше не придется разговаривать с Рут, видеть ее в неизменном кресле. Я заживу *своей* жизнью – теперь уже по-настоящему – и никогда не вернусь в этот ветхий склад воспоминаний.

Разливаю чай. Вики щебечет о проблемах какого-то пациента – отвлекает меня от скорби, надо полагать. Через определенные интервалы я хмурюсь и качаю головой, а сама думаю – скоро гробовщик из бюро Даннов в гробовой тишине погребет моего отца в сырой земле. Представляю катафалк (употребляют ли сейчас это слово?), который совершает свой траурный путь по подъездной дорожке, – и делаю выбор в пользу кремации. В качестве подготовки отца к его следующему и последнему пункту назначения.

Вики щебечет, не забывая макать в чай печенье миссис Ларсен и шумно прихлебывать; я же размышляю над разговором, который состоится у меня с мистером Данном через несколько дней.

«Мистер Данн, – мысленно репетирую я. – Мне хотелось бы положить кое-что в гроб вместе с отцом».

Опускаю на стол между нами мешок из грубой ткани. Мистер Данн удивленно его разглядывает.

«Пожалуйста, – прошу голосом дочери, убитой горем. – Отцу это очень дорого».

Тыльной стороной левой ладони смахиваю слезу с левого глаза, затем с правого.

«Однако, – произносит мистер Данн, – уже поздно. Все подготовлено. К тому же это очень... необычно».

Ха! Господин гробовщик считает меня дурой. Маленькой, покладистой девочкой-женщиной, которую следует поставить на место. Наверное, он знал отца. Черт, возможно, они вместе играли в шары или молились. Или и то, и другое.

Прежняя Джой пробормотала бы извинения и тихонько ретировалась, забрав мешок с отцовским ремнем. Ведь прежняя Джой позволяла отцу и людям вроде мистера Данна командовать собой, подчинялась им беспрекословно – а у самой в животе извивались противные склизкие угри, которые с каждой секундой жирнели и наливались чернотой.

Однако прежней Джой, молчаливой слушательницы, больше нет, а новая Джой смотрит мистери Данну в глаза и отвечает:

«Вам нужно только поднять крышку и положить мешок в гроб. Меньше тридцати секунд. Поздно было бы, если бы отца уже кремировали, а так – нет, правда?»

Новая Джой улыбается и придвигает мешок к мистери Данну. Тот хватает подношение, встряхивает, словно оценивает плату за перевес багажа, которую придется отдать святому Петру. Или Церберу.

«Да. Разумеется. Для вашего любимого отца – все, что пожелаете».

Изо рта мистера Данна сочится сарказм, но мне плевать.

«А теперь... – Гробовщик встает. – Прошу извинить, мисс Хендерсон, меня ждет несколько неотложных дел. – Он держит мешок подальше, в вытянутой руке, будто внутри полно шипящих хорьков. – Это – дело первое». – И направляется к двери за спиной.

«Минуточку, мистер Данн. Еще одно».

Он медленно поворачивается, на лице высечена улыбка.

«Да?»

«Вот. Туда же». – Я достаю из кармана небольшой предмет, кладу его на обитую кожей книгу для записей.

«Что это?» – спрашивает мистер Данн.

Я притворно удивляюсь его неведению.

«Это? Последний гвоздь в крышку гроба».

Часть I

Глава 1

Джордж и Гвен

Июнь 1942 года

Он устремился напрямик туда, где стояли Гвен с подругами, тербелили пояса, перчатки и шляпки.

– Прошу прощения, дамы.

Дамы захихикали и сгрудились плотнее, точно куры: взгляды искоса, в глазах – жгучее любопытство.

Он улыбнулся Гвен, чуть склонил голову.

– Джордж Хендерсон. Разрешите пригласить вас на танец?

– Так ведь... играть еще не начали. – Гвен указала на оркестр, который устраивался на сцене.

– Когда начнут. – Джордж улыбнулся шире, не отводя взгляда от Гвен.

– Ну хорошо. – Она не удержалась от ответной улыбки.

– Благодарю. – Джордж, по-прежнему улыбаясь, сделал шаг назад. – Дамы. – Легонько кивнул им и вернулся к своему стулу неподалеку.

Девушки наблюдали за молодым человеком, хихикали, шептали: «Разрешите пригласить вас на танец?», «Когда начнут».

Гвен на них шикала, тоже со смехом, но ей было приятно, что Джордж выбрал ее.

– Красавчик, – заключила Джин.

Гвен согласилась, отметив про себя и густые черные волосы, зачесанные наверх ото лба стильной волной, и пронизательные глаза, и правильные черты лица. К тому же кавалер был не меньше шести футов росту и довольно прилично одет, несмотря на тотальный дефицит и карточную систему. Интересно, почему он не в армии? Впрочем, тот же вопрос можно было задать каждому мужчине в зале.

Когда оркестр заиграл, молодой человек вернулся, вновь с улыбкой, и за руку повел трепещущую Гвен на танцпол.

С первой же минуты танца стало очевидно: улыбающийся Джордж Хендерсон решил, что они поженятся.

Глава 2

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Господь украсил грунтовую дорогу между Уишарт-роуд и начальной школой Кингфишера чертополохом, змеями и муравьями-бульдогами^[1]. Затем Он добавил дождь и грязь, дабы внушить путнику желание поскорее добраться домой.

Джой шла по грунтовке в последний раз. В следующем году, всего через несколько недель, когда наступят и пройдут Рождество и январь, когда длинные жуткие каникулы наконец закончатся, Джой начнет ездить на автобусе вместе с Марком в старшую школу. Каждое утро и каждый вечер одолевать сорок восемь миль^[2], покидать дом гораздо раньше и возвращаться гораздо позже.

Прощание с мистером Пламмером и тринадцатью другими учениками навевало грусть, в особенности потому, что сегодня Джой шагала домой одна. Обычно ей составляла компанию Венди Боскомб. Венди было всего девять, и Джой не считала малышку подругой; тем не менее они ежедневно топали вместе до Уишарт-роуд. Там Венди неизменно встречала мама – широкой улыбкой и объятиями, а иногда и теплым угощением только из духовки: печеньем с джемом или кокосовыми шариками. Дальше Венди с мамой ехали три мили на машине на свою ферму по Уишарт-роуд, а Джой переходила дорогу и брела по тракторной колее до их фермы на Буллок-роуд.

Сегодня же, в последний день семестра, миссис Боскомб ждала Венди у школы, потому что они отправлялись сначала в город, пить шоколадный молочный коктейль, а затем на курорт Лейкс-Энтранс^[3]. Всю неделю Венди хвасталась будущими морскими каникулами, а Джой слушала и ощущала укусы угрей в животе. Венди села в машину, угри в животе Джой раздулись и расшвирились еще сильнее. Даже когда Венди опустила окно, с улыбкой помахала и крикнула: «До свидания, Джой! Я буду скучать по тебе в следующем году!» – они не затихли.

Бредя в серой мороси по грунтовке, Джой сосредоточилась на чудесном образе бледных голубоватых пузырьков, который рождало

в голове слово «ностальгия». До чего изумительное слово! Джой открыла его для себя лишь два вечера назад, в зеленом словарики, подарке тети Розы на прошлое Рождество, и образ нежно-голубых пузырьков уже стал для нее одним из любимых.

Пусть она не пьет с мамой молочный коктейль, пусть впереди ждут долгие семь с половиной недель каникул^[4], Джой не будет унывать. Потому что после каникул все изменится. Она станет ученицей первого класса старшей школы, а Марк – одним из шестнадцати пятиклассников^[5]. Всего лишь шестнадцати... Обычно ребята покидали школу, как только им исполнялось пятнадцать лет, но с Марком вышло по-другому: в конце прошлого года родители получили письмо, где ему рекомендовали продолжить учебу в связи с его «выдающейся успеваемостью» и «неоценимым вкладом в спортивные достижения школы». Отец повсюду брал письмо с собой и показывал людям – вот какой у него умный и талантливый сын. В ту зиму он даже позволял Марку играть за местный футбольный клуб и сам судил у ворот на каждом матче. Джой любила субботы, когда отца с Марком не было дома. Мама разрешала Джой закончить домашние дела пораньше и уйти к себе в комнату, где они проводили время с Рут – разговаривали, вместе читали.

По словам Марка, в старшей школе Блэкханта училось больше двухсот ребят, поэтому Джой точно знала, что уж там-то будут ее ровесницы и она заведет Друзей – с большой буквы «Д». Еще она знала, что библиотека в новой школе занимает целую комнату, а не жалкие пять полок одинокого книжного шкафа возле инвентаря для крикета.

Да, следующий год был полон возможностей. Распухал от них, как корова перед рождением первенца.

Новенькие учебники Джой лежали на столе в большой комнате. Уже три недели они стоически дожидались, пока снизятся цены на продукты и мама выкроит деньги на покупку обложек. Тогда книги не замараются, и через год их можно будет продать. Джой нравился многообещающий хруст страниц – вот бы они оставались такими девственно-чистыми вечно! Выражение «девственно-чистый» и его образ – рулон серебристого шелка, разматывающегося в бесконечность, – Джой тоже любила.

Увы, цены на продукты росли, как чертополох у пруда – спасибо правительству и нескончаемому серому дождю, – а выручка, которую отец получал за молоко, падала – спасибо правительству и алчному маслозаводу. Джой знала, что учебники, скорее всего, никогда не получат обложки и оттого загрузят, испачкаются, скрутят уголки страниц. Она постарается, очень постарается держать книги в чистоте... радовать их... радовать отца.

Только каждый раз, когда отец скользил взглядом по безобразному лицу Джой – лицу «подлой грешницы», – она понимала, что никаких ее стараний не хватит...

Джой подошла к задней двери и увидела крошечные фигурки родителей на пути к пруду. Присмотрелась: отец катил сорокачетырехгаллонную бочку, в которой хранили зерно для кур. Он обнаружил в бочке небольшую дыру; значит, львиная доля зерна доставалась не курам, а мышам. В основном семья Джой сжигала мусор в баке на ближнем пастбище, футах в двадцати от дома, но пруд служил последним пристанищем всему, что не умещалось в бак или не горело, – например, ржавым кроличьим капканам или сломанным ножам от плуга, который нашла мама при вскапывании новой клумбы. Отец не собирался тратить горючее ради поездки в другой конец города на свалку – да еще платить там за доставленный мусор.

Крупные предметы вроде старой тракторной шины бросали на берегу – словно у того, кто тащил и толкал ее через целых три пастбища, не оставалось сил довести дело до конца. Спустя несколько дней кто-нибудь шел на пруд собирать кувшинки и тогда уже мог столкнуться – или не столкнуться – тяжелый мусор в воду.

Джой не занималась этим никогда, потому что пруд, по словам отца, имел «фут глубины на первый фут ширины, а дальше пятьдесят футов глубины навечно». Джой умела плавать, но бесконечная глубина и темнота водоема пугали ее. Она была уверена: если однажды соскользнет с узкой однофудовой отмели, то сотни обитающих в пруду угрей обовьются вокруг нее, утащат на дно, и наступит конец...

Джой с трудом различила в маминых руках мотыгу: ее использовали и для защиты от змей, и для срезания кувшинок. Отец не уставал поучать: «Никогда не ходите к пруду без длинной палки, слышите? Змея укусит – умрете. Змеи любят воду». И обязательно добавлял, чтобы уж наверняка запугать: «И детей».

Родители вернутся минут через двадцать, а то и больше, если займутся сбором кувшинок. Марк приедет на автобусе только через час. Джой решила: пересекла кухню, миновала свою комнату, будто там и не сидела в кресле Рут... не ждала сестру... как делала это каждый божий день. Едва дыша от черного ребристого страха, который заползал в ноздри и спускался по горлу, Джой прокралась в большую комнату. Детям запрещали входить сюда без родителей, а в родительскую спальню запрещалось входить вообще, но Джой хотела вновь ощутить хрусткие, чистые надежды, даруемые школьными книгами. При одном взгляде на них у нее текли слюнки.

При распаковке учебников три недели назад внимание Джой привлек заголовок третьей сверху книги в стопке Марка. О «гордости» Джой все знала, поскольку гордыня являлась одним из семи смертных грехов, а вот «предубеждение» было словом новым. Позже Джой нашла его в словаре тети Розы. «Алогичная неприязнь к человеку или людям по определенным признакам, таким как раса или цвет кожи. Алогичная вера в то, что человек или люди, обладающие данными признаками, менее ценны или не способны действовать надлежащим образом. Происхождение: старофранцузский, от латинского *praejudicium* (*prae* «заранее» + *judicium* «суждение»)).»

Хотя при чтении этого слова в голове у Джой возникал захватывающий образ {зеленый крылатый дракон с черными когтями}, предубеждение наверняка было грехом, ведь Господь велел нам любить всех Своих детей.

Она убрала лежавшие сверху книги, раскрыла «Гордость и предубеждение» на первой странице и начала читать. «Существует общепризнанная исти...»

Джой испуганно захлопнула том и вернула на место – вдруг родители вернутся слишком быстро и застанут ее тут? Она сделала шаг от стола, но обложка книги не отпускала. Имя автора было выведено буквами-завитушками; при виде них Джой сразу представила буйную лозу на залитой солнцем стене большого сада, под лозой – тайную калитку, а за ней – извилистую тропу к замку с башенками, где живет старуха, у нее длинные спутанные волосы цвета воронова крыла, она носит фиолетовое одеяние из бархата, а в самой верхней комнате самой высокой башни лежат сотни коробок всевозможных форм, цветов и размеров; коробки, усеивающие пол подобно лепесткам камелии,

изготовлены из всех известных человеку материалов – мрамора и шелка, фарфора и красного дерева, из сотканых вручную трав и коры с запахом корицы, из чеканной жести и цветного стекла; каждая коробочка родом из своей части света, из своего времени, каждая хранит волшебство, которое старуха заперла внутри много столетий назад, и если вы отважитесь прийти к ней в гости, она покрутит длинным костлявым пальцем над этими сокровищами, затем кивнет, скажет: «Да, вот эта – твоя» – и вложит в ваши дрожащие руки коробочку; вы приоткроете крышку, а там...

Дверь в комнату Джой вдруг хлопнула, послышался мамин голос:

– Джой! Ты где?

Сморщенная старуха вместе с загадочными коробочками рассыпалась в прах. Джой резко обернулась.

Прижала ладонь к животу, утихомиривая угрей. Они жили там постоянно. Отец ловил угрей в пруду, а мама резала их на кусочки и готовила жаркое. Угри обеспечивали семью дешевым мясом, и отец говорил: «Будьте благодарны за то, что у вас вообще есть пища, ведь миллионы людей по всему миру голодают, уж они-то были бы благодарны за любое жаркое, хоть с угрями, хоть без». Джой жевала каждый кусок больше положенных шестнадцати раз, старалась быть благодарной, старалась не давиться, но в восьмилетнем возрасте, когда у нее начал жутко болеть живот, а доктор Мерриуэзер не обнаружил никаких недугов, она поняла, что в желудке из всех съеденных ею кусочков каким-то образом выросли новые угри. Сначала они были тощими и беспокоили редко, но постепенно росли, становились жирными, злыми и склизкими. Пять штук, все толстые, как круглые батончики сливочного масла, которые по субботам готовила мама.

Сейчас Джой чувствовала, как угри извиваются и шипят.

– Что ты здесь делаешь?

В дверях большой комнаты стояла мама и смотрела на Джой с «Гордостью и предубеждением» в руках.

– Твое счастье, что отец не видит. – Она кивнула в сторону кухни. – Иди готовь чай. Мне надо заняться венками. – И ушла в мастерскую, где изготавливала похоронные венки и свадебные букеты.

Плечи Джой расслабленно обмякли, хотя она и отругала себя за несообразительность. Почему не придумала подходящее объяснение?

Могла бы сказать: «Я вытирала здесь пыль». Или: «Хотела почитать учебники, чтобы знать материал наперед». Нет, когда Джой нервничала или чувствовала себя виноватой, ее язык прилипал к нёбу, губы сжимались, а в ушах звучали слова отца – и она хранила молчание. «Тихо! Не дерзи. Я разрешал тебе разговаривать?»

Джой очень старалась быть хорошей, чтобы избежать участи Марка. Отцу часто приходилось наказывать Марка за разные ужасные проступки. На каникулах, по выходным дням и после школы брат был обязан помогать отцу загонять коров, забивать в землю столбы для изгороди, чинить на ней колючую проволоку, чистить хлев от навоза, ремонтировать ветряную мельницу, отскребать кормушки, приводить в порядок и затачивать инструменты, мыть трактор и фургон, носить коровам спрессованное в тюки сено, загружать тележку бидонами с молоком и толкать ее до дороги, где автоцистерна забирала полные бидоны и возвращала пустые. И это только та работа, о которой Джой знала! Она ежедневно благодарила Господа за то, что ей самой приходится лишь стряпать и заниматься уборкой под маминым присмотром. И собирать цветы – ни в коем случае не помяв, конечно же.

Еще отцу помогал Колин с соседней фермы. Его любили все, даже отец. Колин был не силен в чтении или письме, зато умел делать любую фермерскую работу. Один раз Джой увидела, как он на глазах у отца нечаянно опрокинул бидон с молоком, и угри у нее в животе встали на дыбы, потому что гнев отца резал не хуже ножей. Его рука взлетела вверх, чтобы ударить, но вместо этого мягко опустилась Колину на плечо, и Джой услышала: «Не беда, Колин. Тащи шланг, сейчас все приберем. Нет смысла рыдать над пролитым молоком, а?» Пока они орудовали шлангом, отец похлопывал Колина по спине, приговаривал: «Отличная работа, Колин, молодец. Не знаю, что бы я без тебя делал». Колин, по своему обыкновению, повторял: «Отличная работа, Колин».

Сестру отец тоже не наказывал, но она, конечно, никогда не совершала ничего плохого. Не совершала и не совершит. Нет-нет, отец никогда не сердился на Рут. Все из-за несчастья. Однажды, в свой десятый день рождения, Джой услышала, как он молится в спальне, просит у Господа особой милости для Рут. Джой ощутила в затылке знакомое покалывание белой зависти... даже в день рождения Джой отец молится не о ней, да?..

Джой затолкала свое красное колючее раздражение на Рут поглубже, к угрям в животе, принялась чистить картофель и задумалась. Как все сложилось бы, не случись то страшное несчастье?

Бедная Рут, из-за страшного несчастья она заперта в кресле, в миллионный раз твердила себе Джой. Бедная Рут, из-за страшного несчастья она заперта в доме, не может пойти ни в школу, ни на работу, ни даже в Церковь. Когда бы Джой ни переступала порог комнаты, там сидела Рут. Всегда улыбалась, всегда жаждала подробностей о делах сестренки, даже если это был обыкновенный сбор яиц. Всегда высказывала свое мнение. Джой жалела старшую сестру, но мечтала разочек, хотя бы разочек войти к себе и не увидеть улыбающегося лица Рут, не услышать ее вопросов и советов.

Джой залила картофель водой, достала из холодильника мясо и горошек. Хлопнула дверь – вернулся Марк, сменил школьную форму на домашнюю одежду и отправился во двор помогать отцу.

Джой ставила картофель на огонь, разворачивала мясо, шелушила горох, а сама думала о «Гордости и предубеждении» и о старухе в замке с волшебными коробками.

Только успел закипеть картофель, как открылась задняя дверь, и Марк прошел в свою комнату. Угри взвились кобрами, сердито зашипели, толкаясь головами.

Джой смотрела, как лопаются над картофелинами большие пузыри {розовые камелии}. Ждала отцовских шагов. Картофель начал размягчаться. Она услышала, как распахнулась задняя дверь. Отец протопал через кухню, не обращая внимания на Джой, миновал большую комнату, скрылся в своей спальне. Джой не поднимала головы, не отрывала взгляда от кипящей воды, вела себя тихо. Отец тяжело прошел через кухню в обратном направлении, в комнату Марка.

Крик раздался в ту же минуту. Вода кипела, картофелины становились все мягче и мягче, а Джой, закрыв глаза, видела, как отец рубит Марку руки и ноги, как брызжет кровь, точно в фонтане из книги «Рим: прекраснейший город мира» – любимой географической книги Джой на полке в маленькой начальной школе.

Джой знала, что руки-ноги Марку не рубят, но картинки были столь живыми, что она ощущала густой сильный запах крови.

В кухне возник отец. Джой стояла не шевелясь, спиной к нему, прижимала язык к нёбу, наблюдала за пузырями и чувствовала, как раздуваются угри.

«Господи, прошу, помоги мне быть хорошей. Прошу, не дай провиниться».

Отец протопал через кухню в родительскую спальню.

«Ибо Твое есть царство, и сила, и слава во...»

Он вновь пересек кухню, вышел на улицу. Джой выдохнула и слила с картофеля воду.

«...Веки веков. Аминь».

Позже, когда Джой с мамой накрывали к ужину мясо, горошек и картофельное пюре, прихромал Марк, медленно сев на свое место за столом. Мама подавала тарелки, Джой – соль, перец и кетчуп. Марк смотрел вниз, на скатерть перед собой. Наверное, возносил Господу слова признательности: голова склонена, руки под столом, тело неподвижно. Марк тихо проговорил «спасибо» маме, поставившей перед ним тарелку. Отец адресовал сыну одно слово: «Благодарственную!» Голос был холоднее льда. Марк прочел благодарственную молитву, и ужин начался. Ели в молчании.

Проглотив пюре, Джой пробежала глазами по трем певучим строкам, грубовато вышитым на темно-синем куске бархата за спиной Марка. Эта вышивка была единственным украшением в доме и висела на стене, сколько Джой себя помнила.

Христос – глава этого дома

Невидимый Гость за столом

Молчаливый Слушатель, внимающий всякой беседе

Раньше Джой думала, что невидимый гость в буквальном смысле слова парит над кухонным столом, оглаживает бороду, придерживает свое одеяние – дабы не обмакнуть его в суп или пюре – и наблюдает: вдруг кто-то из едоков подавится жестким мясом, не скажет «спасибо-пожалуйста-извините» или добавит слишком много кетчупа и соли; станет есть чересчур быстро или чересчур медленно, примется разминать горошек, выпьет много или мало молока, начнет гонять еду по тарелке или коснется стола локтями, со стуком положит нож и вилку, зачавкает или проглотит кусок не жуя или... список был бесконечным. Однажды в субботу, когда Джой закончила дела по дому, Рут

предложила ей записать все правила приема пищи, какие только вспомнит. Джой остановилась после второй исписанной страницы в тетради по математике. Не потому, что правила закончились, – просто, по словам Рут, уже и так было достаточно.

Если парящий Христос замечал нарушение какого-нибудь правила, то подплывал к отцу, шептал ему на ухо, и тогда начиналось. Удар кулаком по столу, скрип линолеума под отодвигаемым стулом, крики о вечных адовых муках, красное лицо отца в десяти дюймах от лица грешника.

– Ты – мерзкий, подлый грешник! Кто ты?

– Мерзкий, подлый грешник.

– Лодырь и пропащий грешник! Повтори.

– Лодырь и пропащий грешник.

– Моли о прощении, подлый ты грешник.

– Молю, прости меня, папа.

– С-с-с... От тебя никакого толку.

Пока отец кричал на Марка, Джой сидела ровно и неподвижно, как столб – и как мама, – а угри в животе корчились все сильнее. Когда отец умолкал, чтобы отхлебнуть молока или что-нибудь съесть, Джой тихонько цепляла вилкой кусочек еды, осторожно подносила его к приоткрытому рту, жевала шестнадцать раз и неслышно проглатывала. Отец обязательно начинал кричать вновь. Наконец следовало последнее слово, сопровождаемое ударом кулака по столу, стене или тарелке Марка – смотря что оказывалось ближе:

– В комнату!

Дети сползали со стульев и отправлялись по комнатам; над плечами Марка клубился страх горчичного цвета. Мама шла в мастерскую. Дальше наступало ожидание – мучительное ожидание. Рут и Джой сидели у себя и не представляли, что сейчас делает Марк. Слышали, как отец топает в свою спальню, возвращается, идет к Марку.

Затем раздавались крики...

Лишь пару лет назад Джой поняла, что самого Христа в кухне нет, и перестала мучиться мыслями, есть ли у парящего над столом гостя трусы и не начнет ли капать в тарелку Его кровь из ран от гвоздей.

Хотя в кухне парил только Его дух, ей все равно хотелось, чтобы невидимый гость ушел. Почему бы Христу не следить за другими грешниками, которые грешат сильнее Джой и Марка? Она торопливо

помолилась о прощении за столь ужасные мысли. Отвела взгляд от вышивки, доела. Они с мамой убрали пустые тарелки и принесли консервированные груши с большой порцией сливок – их собирали с молока Мэйси, которое Колин каждое утро приносил из хлева в ведре. Когда отец съедал десерт наполовину, Джой или мама обычно ставили чайник, чтобы вовремя подать чай и печенье с изюмом.

Однако сегодня, прежде чем приступить к чаю, отец вдруг резко отодвинул от стола стул. Тот яростно скрипнул по полу, и все вздрогнули – кто провинился на этот раз? Отец шагнул к кухонному шкафу, извлек оттуда темно-коричневый пузырек и потряс им перед лицом Марка.

– Видишь? Из-за тебя я вынужден принимать вот это!

Достал из холодильника «Пассиону», которую больше никому не разрешалось трогать, закинул в рот две голубые капсулы и запил их желтой шипучей жидкостью прямо из бутылки. Обернулся, и Джой поспешно уставилась в свою миску, не смея пошевелить даже пальцем; ложка застыла в груше. Джой услышала, как отец закрыл холодильник, убрал в шкаф таблетки и вернулся к столу. Взял чашку с чаем. Джой решила, что опасность миновала и можно продолжить ужин. Поднесла ложку к губам, подняла голову – и встретила пристальным взглядом отца.

– Не думай, что ты лучше его. Тайком ходишь в большую комнату, как подлая грешница?!

Джой окаменела. Угри задергались.

– Придет и твой час, не сомневайся. Придет твой час.

В этот миг Джой поняла: однажды она сделает нечто столь плохое – столь грешное и ужасное, – что отец крикнет «в комнату» уже не Марку, а Джой. И когда такой день настанет, отец отрубит руки-ноги и ей, и она умрет, вдыхая густой запах собственной крови.

Глава 3

Джой и Джордж

1 февраля 1983 года

– Здравствуйте! Я доктор Купер, – говорит она до ужаса сладким голосом, приглашая в кабинет. – Однако зовите меня Вики, милочка. Вики, с одним «к». – И протягивает потную ладонь.

Ладонь пухлая, горячая, влажная. Гадость.

– Мы общались по телефону на прошлой неделе.

– Да. – Я незаметно вытираю руку о джинсы.

– Какая вы молодец – приехали издалека ухаживать за престарелым отцом... – Вики падает в кресло за столом. – Садитесь, садитесь, – и машет на стулья напротив.

Я послушно сажусь, а она демонстративно смотрит на часы.

– Простите, но времени у меня мало, нужно проведать старушку Кларис Джонсон. У нее бородавки на ступне; уже много лет Кларис с ними мучается, бедняжка, а теперь они поползли вверх по ноге...

Понятия не имею, какой реакции от меня ждут.

– Она живет в западной части города, на Джонсон-роуд, названной в честь семьи покойного мужа Кларис. Ни одного соседа на мили вокруг, поэтому я взяла за правило ее навещать.

Какого черта она мне это рассказывает? Но я киваю – надо же что-то делать.

– Впрочем, я предупредила: «Извините, Кларис, я могу завтра опоздать. К Джорджу Хендерсону приезжают *родственники*, и я договорилась встретиться с его дочерью в клинике ровно в полдень». Кларис очень огорчилась, узнав о болезни Джорджа... вашего отца.

Да, конечно, огорчилась.

Вики вздыхает, но тут же приободряется и ведет дальше:

– Ладно, вряд ли вы пришли слушать о бородавках Кларис.

Я улыбаюсь, и Вики с одним «к» понижает голос.

– Итак... ваш батюшка. Он несколько... оторван от реальности. Это все обезболивающие. Плюс медленное угасание. Плюс миорелаксанты с антидепрессантами. Плюс таблетки от гипертонии. И от диареи. И от запоров. Знаете, – голос Вики опять веселеет, – современная медицина просто чудесна. Если б не обезболивающие,

Джордж испытывал бы страшные мучения. Я проводывала его утром, а соседи обещали заглянуть часиков в одиннадцать, узнать, как он. Их обрадовала новость о вашем приезде, они теперь смогут переключиться на собственные заботы. Только я вам ничего не говорила, милочка.

Я вскидываю руку и качаю головой, обещаю хранить тайну. Эта женщина когда-нибудь замолкает?

– Какие соседи? – спрашиваю.

– Барбара Ларсен, милочка.

– Серьезно?

С чего вдруг старая перечница взялась за ним присматривать?

– Та еще заноза, правда?.. В общем, я объяснила Кларис – да и Барбаре, между прочим, тоже, – что вашему бедному батюшке самое место в больнице, но вы же знаете, какими бывают люди – в основном, конечно, мужчины, – вот я и объяснила: если за ним будут ухаживать, если приедут *родственники*, тогда, объяснила я, почему бы не позволить ему умереть в собственной постели, в собственном доме? Мы ведь все этого хотим, правда? Потому-то я и сказала вашему батюшке «да» – при условии, что кто-то из *родственников* станет за ним ухаживать. – Вики демонстрирует в улыбке зубы, ослепительно белые, безупречные, вряд ли настоящие. – И... вот она вы. Родственница. – Она понижает голос, подпускает в него участливости. – Ваш бедный отец наверняка очень рад.

Я киваю с улыбкой, а сама думаю: почему Вики считает нужным менять громкость и тон каждые тридцать секунд... и почему отец должен мне обрадоваться?

– Давайте-ка я быстренько все расскажу. Во-первых, вам нужно будет заполнять рецепты и давать ему таблетки.

Вики достает из картонной папки несколько бланков. Я смотрю на них в ужасе.

– Нет-нет-нет. Я не смогу давать лекарства! Я в них не разбираюсь.

– Тут не в чем разбираться, милочка. Точнее, не в чем разбираться *вам*. Я об этом позаботилась. – Она пододвигает ко мне бланки и ухмыляется с видом магазинного воришки, стащившего два шоколадных батончика, для себя и для меня. – Все, что вам нужно делать, находится здесь! – Вики хлопает по стопке бумаг, оставшихся в папке. – Вы отлично справитесь.

Она протягивает бумаги – на каждой написан день недели – и сообщает:

– Мое собственное изобретение.

В левой графе Вики перечислила название лекарств и их дозировку, в остальных графах – время. Поставила в определенных клетках жирные красные точки – отметила, когда какое лекарство следует принимать.

– Проще простого. Даете нужную дозу в нужное время и зачеркиваете клетку. Та-дам! Ошибиться невозможно.

– Разве не вы должны это делать? Или медсестра, или еще кто-то?

– Простите, милочка, я не в состоянии приезжать к вашему отцу на каждый прием таблеток. Пока я вернусь в город, уже нужно будет ехать обратно. Кроме того, есть еще одинокие люди вроде Кларис Джонсон, о которых некому заботиться. Вам ведь не придется делать уколы, просто пилюли давать.

С очередной ухмылкой Вики с одним «к» поднимает пузырек, полный голубых таблеток, и трясет им на манер карибских маракасов.

– Мало того, я приберегла для вас бесплатный образец обезболивающих! – Ее голос серьезнеет. – Необходимо давать каждые четыре часа по две таблетки.

Она обходит стол, садится в кресло рядом со мной, водружает пузырек на столешницу. Затем кладет большую потную ладонь на мое запястье, которое спокойно лежит на коленке и не просит к себе внимания.

– Здесь хватит на неделю, но... – Вики вздыхает, несколько театрально, на мой взгляд. – Боюсь, вам придется приехать за новой порцией, если отец... неизвестно, сколько еще... – Она на мгновение поднимает глаза, затем ее голос опять веселеет. – Впрочем, это чертовски сильные таблетки. Все будет хорошо. Главное, давайте их вовремя, иначе ему грозит невыносимая боль.

Я киваю, принимая к сведению последние слова: «иначе ему грозит невыносимая боль».

– Дальше. Ваш отец, конечно же, все о вас рассказал...

– Правда?

Еще один сюрприз.

– Да-да. И о ваших брате с сестрой. Я в Блэкханте лишь несколько месяцев, ничего ни о ком не знаю, но Джордж рассказал, что у него

трое детей! – радостно восклицает Вики. – Вы, Марк и Рут. Заметьте, он не сумел вспомнить ничьих телефонов, зато я легко нашла в справочнике *vas*. – Она щелкает пальцами. – Раз, и готово!

Я смотрю в бумаги, избегая взгляда Вики. Не могу представить, что отец рассказывал ей обо мне, а тем более о Марке и Рут, поэтому на всякий случай просто киваю.

– Между нами говоря, милочка, я не привыкла совать нос в чужие дела, но появлению Марка или Рут ваш батюшка очень удивился бы.

– Вы же знаете, в семьях бывает разное.

Я встаю – пора бежать от этой женщины.

– О да. Дальше я попробовала отыскать номер Рут, подумала – может, она в другом штате, и...

– Мы уже все обсудили? Не хочу, чтобы по моей вине вы опоздали к миссис Джонсон.

Вики вновь бросает взгляд на часы и хватается за докторский саквояж.

– Да-да, кажется, все. Я выйду с вами.

Возразить нечего, и мы покидаем кабинет вместе, будто друзья, встретившиеся после долгой разлуки. По крайней мере, за консультацию Вики с меня денег не берет. В приемной она вдруг спрашивает:

– Вы, по-видимому, знали Венди Боскомб, раз жили рядом?

– Что?

Откуда ей известно про Венди?!

– Печальная история. Я недавно виделась с миссис Б. Она записалась ко мне впервые, поэтому я перед приемом изучила ее карточку, и... ужасная трагедия. – Вики медленно качает головой. – Страшно подумать, как они страдали. Понимаю, день значения не имеет, но исчезнуть всего через два дня после Рождества... – Она тяжело вздыхает.

Я так и не сумела примириться с тем, что произошло с Венди. Жуткая история. Я торопливо шмыгаю носом. Не хватало еще расплакаться перед Вики.

– Да... – выдавливаю с трудом.

– Не знать, что произошло с дочерью... Представляете? Бедная женщина. По ее утверждению, это хуже всего... не знать. «Если б мы только знали, Вики, – твердила она раз за разом. – Если б только знали,

что с ней случилось... Мы обрели бы покой, мучениям пришел бы конец». Я не нашла слов для ответа, просто не нашла.

Я сочувственно качаю головой, хотя уверена, что Вики всегда находит слова. Неожиданно меня охватывает жалость, едкая, как запах средства от коровьих паразитов: по правде говоря, при мысли о Венди я обычно думаю о собственном горе, а не о ее несчастных родителях, которые уже столько лет безутешны.

Мы останавливаемся перед аптекой, и грудь сдавливает чувство вины. Однако, судя по вывеске, хозяева сменились. Значит, от неловкости я избавлена.

– Спасибо, Вики. Будем держать связь. – Попрощавшись, я вхожу в аптеку.

После того как все лекарства по рецептам собраны, я осторожно спрашиваю у аптекаря о прежнем владельце.

– Да, я с ним очень долго проработала, а после его смерти мы выкупили дело.

– Он умер? – В желудке шевелится черный, слизкий клубок угрей. – От чего?

Не успевает хозяйка ответить, как за спиной раздается женский крик:

– Подлая грешница!

Я оборачиваюсь. Женщина дает пощечину девочке, у той выпадают из рук пакетик с желейными конфетами и кукла. Я веду себя, как собака Павлова, хотя прошло столько лет. Не могу шевельнуться, слышу только плач девочки, которую женщина – видимо, мать – хватает за руку.

– Прекрати, Белинда! – Мать выкручивает девочке запястье. – Прекрати, слышишь!

Белинда лишь громче взывает.

Мой взгляд неподвижен, спина – будто жердь. Женщина берет с пола желейные конфеты, кидает их назад на прилавок, с силой шлепает девочку по попе, кричит:

– Воровство – грех, мерзкий грех, слышишь?! Хватит реветь, а не то ударю еще раз!

Кукла с фарфоровым лицом лежит в футе от меня, буравит глазами. Я – ледяная твердая глыба, язык прижат к нёбу.

Моргаю. Оказывается, аптекарьша, продолжая беседу, спрашивает:

– Вы их знали?

– Давно, – отвечаю. – Еще пакетик желейных конфет, пожалуйста. А его родные по-прежнему здесь?

– Нет. Переехали в Антверпен, кто бы мог подумать!.. Очень странно.

Мне стыдно. За детство, за семью и за себя-взрослую, которая ни разу не связалась с Фелисити или ее родными – ни звонка, ни строчки. Не сообщила даже о своем возвращении. Мысленно даю обещание: когда все это кончится и я отыщу Марка, мы поедem в Бельгию и найдем их.

Желейные конфеты – для Белинды, но я понимаю, что ее мать накричит и на меня, поэтому прячу их к лекарствам. Жалкая трусиха.

Тем не менее куклу я поднимаю. Мать выхватывает игрушку, трясет ею перед лицом девочки.

– Раз не бережешь, больше не получишь, ясно? – Запихивает куклу в сумку вниз головой, свирепо смотрит на меня. – Чего уставилась?!

Сердце выскакивает из груди. Я так много всего хочу сказать, но слова невозможны. Стою молча, ненавижу себя – и вдруг вспоминаю, как Фелисити давным-давно вложила в мою ладонь желейные конфеты. Нырью рукой в сумку и, нащупав пакетик, протягиваю его девочке.

– Это тебе, Белинда.

Она не знает, что делать, и мать вновь кричит:

– Что нужно сказать, неблагодарная грешница?!

Белинда бормочет:

– Спасибо.

И мать вытаскивает ее на жаркую улицу.

Дрожа, я забираюсь в машину. В голове не укладывается – это какой же религиозной фанатичкой надо быть, чтобы в наше время вот так разговаривать с ребенком? Кидаю таблетки и бумаги с инструкциями на пассажирское сиденье, сдаю назад. На дорожке стоит Вики, улыбается, машет.

– Шла бы ты куда подальше. – И приветливо машу в ответ, зная, что она меня не слышит. – Если повезет, через пару дней он сдохнет, и больше я тебя не увижу.

Глава 4

Джордж и Гвен

Июнь 1942 года

Во время танца Джордж улыбался Гвен и делал комплименты ее шляпке, глазам и умению танцевать. Говорил тихо, спокойно, уверенно. Гвен это нравилось.

Он рассказал о работе на ферме, где его семья выращивает сахарную свеклу, о старшем брате Билле, вернувшемся с войны без обеих ног. Гвен невольно вздрогнула и тут же забеспокоилась – вдруг Джордж почувствовал ее отвращение? Однако тот лишь улыбнулся и продолжил. У них с братом есть машина. Вернее, не машина, а фургончик, который Джордж дважды в неделю загружает сахарной свеклой и возит на рынок. В то время мало кто из молодых людей мог похвастать подобным. Отец Джорджа умер совсем недавно, мать он потерял еще в семилетнем возрасте. После того, как Билл с Джорджем получают наследство, они продадут родительскую ферму. На вырученные деньги Билл купит небольшой дом в городе, а Джордж – собственную ферму. И фургон. С сахарной свеклой не прогадаешь, пояснил Джордж, ведь на сахар всегда будет спрос.

Гвен слушала, сравнивала. До чего у них с Джорджем разные жизни! Правда, оба потеряли родителей, но на этом сходство заканчивалось. Она трудилась на фабрике по обеспечению нужд фронта, а по субботам ей разрешали работать у цветочника Стэна Форсайта. Гвен повезло найти это место, друзья завидовали ее возможности проводить день вдали от фабрики. Стэн делал венки для гробов. В том числе для гробов солдат, вернувшихся домой умирать, и для пустых гробов солдат, домой не вернувшихся, и – к сожалению, тоже нередко – для гробов родителей, умерших от горя. Последние венки были самыми печальными. (Интересно, думала Гвен, как умерла мама Джорджа, и не стало ли причиной смерти его отца горе от потери Биллом обеих ног?) Гвен вставляла в каркасы печальных венков листья камелий, сплетала проволокой георгины и камелии, которые Стэн потом крепил поверх листьев, и сбрызгивала водой готовые венки, поддерживая их свежесть.

Похоже, Джордж не служил – и не собирался. Он не упоминал ни военного лагеря, ни назначения в какую-нибудь часть, а спрашивать Гвен не хотела. Может, сирот с братьями-калеками освобождали от военной обязанности. Или работа на свекольной ферме приравнивалась к службе на нужды фронта... Сейчас, когда лицо Джорджа было совсем рядом, Гвен разглядела, что он гораздо старше ее. «Наверное, еще не стар для войны, но стар для меня», – заключила Гвен.

Она решила вежливо отказать, если Джордж пригласит ее на следующий танец, и тут крупная ладонь Джорджа переместилась по спине туда, где под тонкой тканью платья хорошо ощущался бюстгальтер. От смущения Гвен оступилась и перевела взгляд вниз, на ноги, стараясь сосредоточиться. Однако чем больше она старалась, тем больше ошибок совершала и тем сильнее пылала спина. При этом Джордж улыбался все шире и все усерднее хвалил ее умение танцевать.

В итоге ей показалось невежливым ответить «нет, спасибо» три минуты спустя.

В последующие недели он настойчиво покорял Гвен улыбками, приятными словами, и она все больше радовалась своему решению не отвечать «нет, спасибо». Да и друзьям ее нравился этот интересный, приветливый, улыбчивый мужчина.

Однажды субботним вечером, когда Джордж провожал Гвен от цветочного магазина Стэна (где теперь ждал ее всегда ровно в пять тридцать), к ним подбежал маленький мальчик, весь в слезах. Его мама была шагах в двадцати, не меньше. Она звала: «Кенни, Кенни!» – при этом одной рукой толкала коляску, а другой прижимала к груди ревущего малыша.

– Полегче, юноша! – воскликнул Джордж, опускаясь на одно колено. – Куда спешим?

Футах в пяти от Гвен и Джорджа мальчуган свернул с тропинки – и прямо на дорогу. Размытый силуэт Джорджа метнулся в том же направлении. Взвыл автомобильный гудок, Джордж поймал мальчика за щиколотку, каким-то чудом обхватил его за талию и изо всех сил дернул. Не успела Гвен ничего сообразить, а Джордж с мальчиком уже лежали на травянистой обочине. Ребенок по-прежнему плакал, на его лице была кровь. Его мама бросила малыша в коляску и помчалась к ним.

Джордж встал. Носовым платком вытер с лица невредимого мальчугана свою кровь, приложил платок к кровоточащему виску.

Когда Кенни и малыш наконец успокоились, женщина пожала Джорджу руку, растерянно забормотала благодарности. Джордж отвел Кенни в сторонку, присел перед ним и твердо, но ласково объяснил, что от мамы убежать нельзя, даже если сердиться на постоянно орущего младшего брата; что скоро Кенни станет мужчиной и должен будет защищать маму и братика. Кенни, еще не оправившийся от потрясения, кивал с несчастным видом.

Мама будущего защитника обеими руками пожала руки Гвен и заметила на ее безымянном пальце кольцо.

– О, – произнесла. – До чего же вам повезло с женихом. Такой добрый и храбрый мужчина!

– Да. – Гвен улыбнулась. – Повезло.

Ее сердце переполняла гордость.

Глава 5

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Перед глазами Джой плыл образ отца, рубящего ей руки и ноги. Ноздри заполнял запах крови... Вновь скрипнул линолеум – отец второй раз за вечер отодвинул стул. Вышел из кухни. Лишь тогда время возобновило свой ход.

Остальные домочадцы немедленно приступили к ежевечерним делам. Посуду отнесли в раковину, кетчуп спрятали в шкафчик, скатерть стряхнули и убрали в третий ящик, солонку с перечницей поставили в центре стола – для следующего завтрака; посуду вымыли, насухо вытерли и убрали по местам, пол подмели.

Мама загремела в раковине мыльным шейкером – решетчатым контейнером для обмылков: его взбалтывали в воде, в которой потом мыли посуду. Сказала, будто в ответ на вопрос детей, хотя те молчали:

– Все нормально. У папы просто мигрень. Мы должны проявлять понимание и сочувствие.

Был вечер пятницы, и Джой знала, что через несколько минут отец появится в кухне, уже переодетый в соответствующий костюм, и уйдет на собрание Церковных старейшин. По понедельникам и четвергам он посещал заседания общественного комитета, по вторникам – репетиции музыкальной группы, а по субботам либо играл на гитаре в группе, либо вел торжества по случаю помолвок и свадебных годовщин в актовом зале Блэкханга.

Посуда была почти убрана, когда отец с портфелем старейшины в руке пересек кухню и без единого слова покинул дом.

Покончив с хозяйственными хлопотами, они посещали ванную: по очереди, от младших к старшим, каждый вечер. Чистили зубы и расходились по спальням. В учебные дни Джой с Марком в течение часа перед сном полагалось делать уроки. У обоих в комнатах стояли самодельные письменные столы – чтобы дети не устраивали беспорядка в кухне. Стол Джой когда-то служил дверью в хлев; отец отшлифовал ее песком и водрузил на два деревянных ящика.

На каникулах родителей не интересовало, чем дети заняты в своих комнатах, – лишь бы вели себя тихо.

Забравшись в кровать, Джой вытащила из-под подушки словарик, открыв его наобум. Каждый вечер она выучивала новое слово, смакуя возникающие образы. Это было единственное время, когда она могла их не сдерживать, когда от нее не требовалось концентрироваться исключительно на значении и написании слова. При должной концентрации Джой читала вполне сносно, но если попадалось слово с очень уж яркой или страшной картинкой – вроде окровавленного топора на слово «резня», – такая картинка овладевала разумом Джой полностью; она не видела ничего, кроме образа, и молча застывала с тупым видом. Неудивительно, что взрослых чтение Джой выводило из себя, а дети над ней смеялись. Однако она не умела выключать образы, как не умела не видеть рук и ног Марка, когда его наказывали; не умела запрещать сказкам уносить ее подальше от реальности, в другие миры, где живут старухи с волшебными коробками.

Рут, конечно, права. Джой пора повзрослеть и покончить с этими смехотворными {голубой жираф} глупостями.

Открыв словарь, Джой решила поискать новое слово, услышанное от мамы. Вот оно. «Мигрень». Джой позволила образу разноцветной молнии, горячей и пульсирующей, заполнить голову. Сильное слово. Два слога бьют, как пули. И картинка сильная.

– Джой! – Голос Рут был шелковистым, красивым. – Убирай словарь. Ложись спать.

Джой неохотно спрятала словарь под подушку. Спорить с Рут не хотелось, потому что она всегда выигрывала. Целыми днями, наверное, придумывала, как победить в любом споре. Джой посмотрела на сестру. Та сидела в кровати, расчесывала волосы.

Волосы у Рут были невероятной красоты. Блестящие, коричневато-рыжего цвета, совсем как алмаз на белом лбу Мэйси. Именно ее молоко приносил по утрам Колин; ведь, по словам мамы, молоко Мэйси – самое вкусное. Джой наблюдала за тем, как Рут расчесывает волосы цвета Мэйси, и в тысячный раз думала, что в сестре прекрасны не только волосы. У нее нежные черты лица и ровно посаженные голубые глаза, как у отца; маленький нос с россыпью коричневых веснушек – словно мама сдула на него крупинки мускатного ореха. Рут была бы идеальна, если б не несчастье... и фиолетовое родимое пятно, покрывающее левую сторону лица. Однако, напомнила себе Джой, если смотреть на правую сторону, то Рут можно принять за ангела

{скомканный розовый целлофановый шарик, который медленно распрямляется и шуршит}. Да, Рут напоминала ангела с Небес во всем – за исключением несчастья и левой стороны лица.

– Рут, думаешь, папа болеет и потому принимает таблетки?

Сестра перестала расчесываться.

– Здоровые люди таблетки не пьют. Правда, насчет мигреней не знаю. Может, у него... помнишь, ты нашла слово пару недель назад – эта штука вырастает в животе, когда злишься?

– Язва, – подсказала Джой.

У «язвы» был эффектный образ: громадная красно-коричневая поганка, изрыгающая густую бурую жидкость. Джой заметила, что многие слова с буквой «я» рождали зловещие картинки. Очень странно. Хотя буква «я» сама по себе буква резкая. Жесткая, как пуля.

– По-твоему, папа и правда болеет из-за Марка? – спросила Джой.

– Ты хочешь сказать, из-за тебя и Марка?

Джой поморщилась. Рут права. Отец твердил – ему «больно» от мысли, что на Небесах он один будет в печали, ведь Марк и Джой попадут в Ад. Джой усвоила – она вместе с католиками, иудеями и варварами-язычниками будет вечно гореть, вопить и истекать кровью. Однако отец, похоже, забывал, что идеальной красавице Рут предназначен Рай, и одиночество ему не грозит. Но Джой понимала – если спросить «А как же Рут?», то он рассердится, и потому лишь крепче прижимала язык к нёбу.

Джой произнесла короткую молитву Господу. Хотела сказать: «Милый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы мой отец выздоровел и ему больше не нужны были таблетки», – но почему-то вышло неправильно. «Милый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы мой отец умер».

– Джой!

Шепот Рут, острый и быстрый, как свежезаточенный топор, рассек молитву надвое, отбросил на пол, не дал ей улететь сквозь потолок к Небесам.

– Оговорка. Я хотела попросить «сделай так, чтобы мой отец *не* умер».

Рут приподняла брови, буравя сестру взглядом.

– Пора спать.

Джой молча просеменила к двери, погасила свет, на ощупь добралась до кровати. Легла. Угри пульсировали в такт биению сердца.

– Спокойной ночи, Джой.

– Спокойной ночи, Рут.

Джой сунула руку под подушку, сжала словарь. Черные букочки соскользнули со страниц, заплясали по ладони. Чернила были мягкими и пушистыми, как белый бархатный воротник, который миссис Ларсен нашла на платье Джой для воскресной школы. Букочки танцевали, щекоча пальцы и тихонько позвякивая. Сердце забилося спокойнее. Слова и буквы были лучшими друзьями Джой.

Если не считать Господа, конечно. И Рут.

Откуда взялись эти жуткие мысли про отца? Джой вздрогнула, попросила Бога о прощении. Пообещала исправиться. Отец прав – она презренная грешница. Ее ждет Ад вместе с католиками и варварами.

Все в точности, как он сказал. «Придет твой час».

Глава 6

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Я сворачиваю на покрытую гравием подъездную дорогу. Удивительно, вдоль нее до сих пор растут сорок две камелии, посаженные мамой еще до моего рождения. Вид у них запущенный, полуживой. Жара и засуха их почти уничтожили, но, думаю, после хорошего ливня и порции удобрений камелии оживут. Как раз к похоронам. Впрочем, погребальные венки для отца мама делать не будет.

Убираю ногу с педали газа, машина замедляет ход по мере приближения к дому. Вот так же замедлялись мои шаги, когда я брела по этой дорожке после школы. Приглядываюсь к клумбам – почти всюду буйствуют красные маки. Я морщусь: раньше клумбы круглый год благоухали цветами, скрывая за яркими красками правду о нашей семье.

Машина останавливается неподалеку от задней двери, и я осматриваюсь, впервые видя это место глазами взрослого. Пастбища насколько хватает взгляда, берег пруда вдаль, полуразрушенные сарайчики, приусадебный участок с погибшими растениями и живучими сорняками (и маками), курятник с провисшим проволочным ограждением, коровий хлев и сам дом – деревянный, старый. Вот оно все, лежит передо мной как на ладони. Выставлено, точно в некоем дешевом бессердечном музее.

Таблетки на пассажирском сиденье стонут. Боже... Я-то думала, это в прошлом. Какое-то время просто сижу, не глуша двигатель. Можно развернуться и уехать домой. Сейчас же. Я ведь здесь исключительно по доброте душевной. Вики позвонила, и я ответила «конечно», словно в дурацкой карточной игре «Счастливая семейка». Собери папу, маму, сына и дочь, и – вуаля! – у тебя счастливая семья.

Нет уж. Я приехала не в «Счастливую семейку» играть.

Выхожу из машины, шурю сквозь жаркое марево на «пейзаж». На мой ответ о родных краях все реагируют одинаково: повезло, такая красота, зеленые холмы, идиллическая сельская жизнь и так далее и тому подобное. Интересно, как бы понравилось завистникам

ежедневно месить на пастбище грязь под дождем и жить в пятидесяти милях от ближайшего города в холодном ветхом доме, чьи полы и стены хранят жуткие тайны? От этих «чудесных зеленых холмов» разит изнурительным трудом по хозяйству, грязью и отчаянием. Да и никакие они сейчас не зеленые – просто желтые, истосковавшиеся по дождю луга, бесконечные луга, повсюду усеянные черными и белыми коровами.

Я чувствую отвратительный смрад с ближнего пастбища, от старого мусорного бака, над которым вьется дымок. Мусор горит изо дня в день, но как?! Уму непостижимо. Даже с такого расстояния пепел и дым опаляют ноздри, горло.

А противопожарная безопасность, ради всего святого?!

Стуком я себя не утруждаю.

...На заднем крыльце любой вошедший первым делом видит высокий шкаф. В нем мы хранили пальто, резиновые сапоги и кое-какой мамин садовый инструмент – за остальным она бегала в большой сарай. Распахиваю дверцы шкафа. Все на месте, даже полиэтиленовый дождевик. Я надевала его в тот день, когда прочла половину первой строчки «Гордости и предубеждения».

При виде мотыги, которой срезали кувшинки, у меня перехватывает дыхание, словно от удара в живот. Я хватаюсь за пальто, чтобы не упасть. Честное слово, если б эта ферма была парком развлечений, его следовало бы назвать «Страхомиром».

Прижимаю вторую руку к животу, сглатываю. Вскидываю голову. Я здесь по одной-единственной причине, и капелька страха – ладно, не капелька, а лавина страхов и воспоминаний – меня не остановит.

Миную прачечную, где мы ошипывали мертвых Рут и складировали на зиму вощенные яйца. Затаив дыхание, толкаю дверь в кухню. Жалюзи на южных окнах опущены, здесь темно и неожиданно свежо. Стою на месте, пока глаза привыкают к мраку.

Кого я обманываю? Я замираю, потому что сомневаюсь, можно ли. Можно ли идти дальше, через большую комнату, в спальню отца, к кровати, на которой он лежит?

Темноту разрезает хриплый голос-шелест:

– Здравствуй, Джой. Ты не спешила. Ему ведь, наверное, осталось пару недель. В лучшем случае.

Щурюсь в направлении голоса. Рут. Она ничуть не изменилась. Высокая и худая, с коричневато-рыжими волосами, разделенными посредине пробором; с длинными узкими пальцами и гладкой кожей. Моя старшая сестра. *Идеальная* старшая сестра. Если забыть о родимом пятне. И о несчастье, конечно.

Я выпаливаю, не успев подумать:

– Ты что здесь делаешь?

Уж кого-кого, а Рут я увидеть не ожидала. Увы, придется принять ее как данность. Сгружаю бланки и таблетки на столик.

– Я тоже тебе рада, – отвечает Рут. Даже в полумраке видно, как на левой стороне ее лица пульсирует в такт словам фиолетовое родимое пятно. – Я придумала план.

– Это без меня.

Дергаю вверх жалюзи. И вовсе тут, оказывается, не свежо. Распахиваю горчично-желтый холодильник, который стоит в кухне, сколько себя помню. Изнутри вырывается холодный воздух, дарит облегчение, а открытая дверца загораживает Рут.

– Зря. Тебе понравится.

Теперь ее голос льется нежно, как шелк, и звонко, как серебристый колокольчик. Рут всегда требовалось время, чтобы после долгого молчания обрести контроль над голосом. Видимо, какой-то странный побочный эффект несчастья.

– Я помогу тебе получить то единственное, чего ты всегда хотела, Джой.

Достаю из холодильника «Пассиону». Любимый напиток отца. Напиток, который нам даже трогать не разрешалось. Его мало, и я глотаю прямо из бутылки. Жидкость почти безвкусная, зато холодная и мокрая.

– Итак, мы обе вернулись за ним ухаживать, – продолжает Рут. – Хорошие дочери, правда? – Она смотрит на гору лекарств. – Его таблетки?

Игнорируя вопрос, я изучаю скудное содержимое холодильника на предмет чего-нибудь съедобного. Негусто. Злюсь, что не купила еды в Блэкханте. Между Вики с одним «к» и крикливой матерью Белинды я плохо соображала.

Рут улыбается, откладывая книгу, которую читала.

– Нам о многом надо поговорить.

– Неужели?

– Конечно. Только сперва сходи к нему, повидайся.

Я не двигаюсь с места, сжимая горлышко пустой бутылки из-под «Пассионы».

– Не хочу, – отвечаю, как капризный ребенок.

– Это не так страшно, как ты думаешь, – мягко заверяет сестра.

Кладу бутылку на рабочий стол. Руки горят и подрагивают, угри в желудке извиваются с противным шипением. Отец стар и болен, напоминаю я себе. Практически мертв, если верить Вики. Чего мне бояться?

– Он ничего не сможет тебе сделать, Джой.

Я провожу пальцами по шрамам на плечах и вновь повторяю то, что тысячу раз твердила по дороге из Мельбурна: «Никогда не забывай, никогда не прощай».

Я и не собираюсь.

Глава 7

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Гвен в одолженном подвенечном платье шествовала по церковному проходу и удивлялась тому, как промелькнули два месяца с первого танца с Джорджем. Хотя сейчас многие женились быстро, по крайней мере в Уиллшире, – из-за войн и экономического кризиса. Все было неопределенно и шатко, кроме брака, который навсегда. Особенно, думала Гвен, брак с Джорджем Хендерсоном.

Он проявил удивительную настойчивость, и ее захлестнула волна радости и гордости, когда Джордж признался, что заказал церковь раньше, чем сделал предложение.

Стэн Форсайт передал ее жениху на глазах у пятнадцати прихожан. Затем все угостились праздничными бутербродами с чаем в том самом зале, где Джордж и Гвен впервые танцевали. Еще одно свидетельство его заботливости и чуткости.

Несмотря на любовь к Джорджу, Гвен пришла в ужас от присутствия на свадьбе Билла в безобразной инвалидной коляске и с подвернутыми под культи пустыми брючинами. Гвен старалась на него не смотреть и, даже произнося «согласна», думала – насколько легче всем было бы, если б люди в инвалидных колясках сидели дома, не показывались никому на глаза и никого не нервировали.

Гвен выдавал замуж начальник, потому что отец умер от туберкулеза еще до ее рождения – и до женитьбы на маме. По неким необъяснимым причинам мама отказалась отдать Гвен на удочерение, но однажды оставила ее у своей незамужней тети, пообещав вернуться через два часа, и исчезла. Поговаривали – бросилась в реку за институтом механики, хотя тело так и не нашли. Тетя растила брошенную внучатую племянницу восемнадцать лет, но держалась с ней холодно. Часто в присутствии Гвен информировала всех и каждого: дети – как собаки, и их следует учить хорошему поведению, иначе вырастет дикий зверь. Потому Гвен несколько терялась при виде семей, громко хохочущих в магазине или по дороге в церковь, – и испытывала странное облегчение, возвращаясь в дом двоюродной бабки, в атмосферу вечно тлеющего смутного недовольства.

Ответив «да» на предложение Джорджа, она с гордостью (незнакомое чувство) поняла, что ступила на корабль, на который ее родители даже не купили билета.

Сама свадьба была небольшой и заурядной, зато букет невесты – хоть куда. Гвен собрала и соединила проволокой множество белых роз и зелени из соседских садов, придала букету форму капли с длинным изогнутым хвостом и замаскировала проволоку белой лентой, оторванной от старого платья. Все охали и ахали над роскошной композицией, а на следующей неделе уиллширская газета поместила на первой странице фото Гвен и Джорджа на пороге церкви. Заголовок гласил: «НЕЖНЕЙШАЯ КИПЕНЬ СВАДЕБНОГО БУКЕТА». Джин, которая была подружкой невесты, решила обязательно показать фото Гвен, когда та заглянет в гости, и спрятала газетную вырезку в фотоальбом. Там вырезка пролежала в ожидании, медленно желтея, не один десяток лет, до самой смерти Джин. Когда ее сын выбрасывал ненужные материнские вещи, он на миг удивился – что за люди? – и кинул выцветшую фотографию в печь.

Джордж с Биллом сумели продать отцовскую ферму, и Джордж действительно купил фургон и другую маленькую ферму, оплатив первый взнос своей половиной наследства. Однако дни сахарной свеклы миновали. Фермеры, выращивавшие сахарный тростник в солнечном Квинсленде, постепенно убивали свекольную отрасль в Виктории. Пришло время выйти из этой игры, поэтому Джордж приобрел ферму молочную – вместе с коровами.

– Людям всегда будут нужны молоко, сливки и масло, Гвен. Поверь, я знаю, о чем говорю.

После свадьбы Гвен с Джорджем сели в его подержанный фургончик и поехали в единственный отель Уиллшира. Там провели всего одну ночь, поскольку наутро им предстояло отправиться в новый дом.

– Зачем нам дорогой медовый месяц? – говорил Джордж с улыбкой, которую Гвен окрестила улыбкой Кэри Гранта^[6]. – Собственная ферма, обустройство новой жизни – это будет лучше любого медового месяца.

Гвен ничуть в этом не сомневалась.

Утром молодожены заехали к двоюродной бабке за вещами и приданным Гвен. Старушка вручила им на дорогу металлическую

коробку с едой и льдом. Гвен бормотала слова благодарности, но не смотрела бабке в глаза – сгорала от смущения. Этой ночью Джордж задрал до самой шеи белую фланелевую сорочку Гвен, снял с нее белые трусики и получил доступ к ее бесстыдно оголенному телу.

Грузовичок тронулся в путь, и Гвен почувствовала, как больно пронзает ей сердце бабкино облегчение. Вот так же сама Гвен пронзала флористической проволокой чашечку каждого цветка для своего букета – это было жестоко, но возбуждало.

Чем дальше оставался Уиллшир, тем сильнее охватывало ее предвкушение новой жизни. Не потому, что старая была ужасна, просто фраза «новая жизнь» таила в себе много обещаний. Никакой работы на фабрике, никаких упреков от бабки. Да и Джордж наверняка не станет требовать исполнения супружеского долга каждую ночь.

Шли часы, дороги становились все ухабистей и тесней, дома попадались реже. Ровно в двенадцать тридцать Джордж затормозил, и молодожены, сидя в фургоне из-за дождя, съели оставшиеся от свадебного приема бутерброды. Ровно в двенадцать сорок пять Джордж вновь завел двигатель. Около двух часов они повернули на размытую неровную грунтовку.

Еще через час Джордж съехал на гравийную дорожку и объявил – мы дома. Гвен оторопела.

Глава 8

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

В субботу, первый день школьных каникул, мама с утра пораньше отправилась за посылкой на железнодорожную станцию в Блэкхэнт – ей регулярно доставляли туда проволоку, ленты и каркасы для венков.

Джой закончила работу по дому и начала готовить обед для семьи, временами поглядывая в сторону большой комнаты, на учебники. Страницы «Гордости и предубеждения» звали к ней. «Подойди, прочти нас, подойди, прочти».

Отец был далеко, книга – в семи шагах, и Джой, несмотря на предостерегающее шипение угрей, вдруг оказалась на своей кровати с «Гордостью и предубеждением» в руках. Решила: «Прочту десять страниц. Нет, пять. Никто не узнает. Я осторожно».

Как учил мистер Пламмер, первым делом она прочла аннотацию {высокие серебристые качели}. Затем открыла книгу – не нараспашку, чтобы не погнуть корешок, – и погрузилась в короткую биографию Джейн Остин на бледно-кремовых страницах.

– Ох и попадешь же ты в беду, – сказала Рут. – В ужасную-преужасную беду.

Джой пропустила слова сестры мимо ушей.

– Зря ты это, по-моему, – не унималась та. – Опасно.

– Я только пять страниц, – возразила Джой из чистого упрямства.

На следующей странице были сведения о книге. Джой тихонько сглотнула, прочтя название издательства: «Новая мировая литературная библиотека». Перед глазами вспыхнула картинка. Величественное здание, коридоры с высокими потолками и множеством комнат, где авторы в мягкой теплой одежде, не ведающей ни грязи, ни коровьего навоза, пишут на кремовой бумаге перьевыми ручками с ярко-синими чернилами или работают на печатных машинках; пальцы и клавиши дружно стрекочут, будто человек и механизм связаны воедино, трудятся вместе, сочиняют истории, равно увлекательные и для детей, и для взрослых. (Джой улыбнулась – это описание походило на цирковую афишу.) В других комнатах – иллюстраторы; они создают затейливые рисунки, которые расцветят книжные страницы огнедышащими

драконами, чумазыми мальчишками-карманниками в охваченном эпидемией Лондоне, древними колдунами, по чьему мановению исчезают летучие мыши, и проказливыми хохотунами-эльфами. Когда иллюстрации и рукописи закончены, их бегом относят в гигантский печатный цех, где сморщенные люди методично {искореженная рука мертвого ребенка} подают рамки с металлическими буквами и гравюрами в лязгающую железную машину, которая занимает всю длину необъятного помещения. Главный печатник делает последнюю проверку, добавляет каплю масла в миниатюрное отверстие, открывает боковую дверцу и заглядывает внутрь, прежде чем начать скрупулезно регулировать какие-то ручки. Он вертит их туда-сюда, те в ответ щелкают. Главный печатник разгибает спину, оглядывает собравшихся вокруг печатников и выверенным решительным движением тянет вниз большой желтый рычаг. Станок звякает, тужится, шипит и вздыхает, а печатные рамки...

– Они скоро вернутся.

– Знаю, знаю. Я только хочу прочесть про общепризнанную истину.

Хлопнула задняя дверь дома. Джой вскочила. Если отец застанет ее за чтением книги из большой комнаты – книги Марка, да еще и без обложки... Джой вздрогнула.

– Быстрее, – шепнула Рут.

Джой повернулась. Поздно. Отец заглянул к ним.

– Ты! Марш на выход!

Она окаменела. Книга Марка так и осталась в грешных руках.

Что теперь? Пришел ее час?

Угри извивались и шипели.

Отец был в сапогах, комбинезоне и испачканном маслом дождевике; над красным лицом навис капюшон, брови сошлись над переносицей.

– Куры разбежались. Марш за мной, быстро!

Он исчез в кухне.

Джой зажмурилась, торопливо поблагодарила Господа и сунула книгу под подушку.

Кур отец терпеть не мог, хотя каждое утро с аппетитом съедал два вареных яйца. «Давно пора от них избавиться!» – выплевывал он зло при виде счета, который поставщики вручали каждый месяц вместе

с зерном. Мама, наоборот, кур любила и, к явному раздражению мужа, всем давала имя *Рут*. Джой тоже порядком раздражало, что их называют в честь сестры.

Она выбежала в кухню. Красным зазубренным копьём ударил окрик отца: «Быстрее!» Поспешила за ним на заднее крыльцо, где хранились дождевики и резиновые сапоги. Во дворе заурчал фургон – вернулась мама. Наверное, это отца обрадует?

Он открыл дверь – в дом ворвались холод и дождь. Джой перевернула сапоги, постучала голенищем об пол на случай, если внутрь заполз паук.

– Папа? Мама ведь здорово управляет с курами. Раз она вернулась, может, ты скажешь ей? Чтобы мы не мокли. Куры всегда прибегают, когда мама стучит по кормушке и зовет их.

Идея была отличная. Не пришлось бы бродить по лугам под дождем и кричать во все стороны. Отец вернулся бы к починке изгороди, а Джой наконец выяснила бы общеизвестную истину...

Но он схватил дочь за горловину свитера и прошипел в ухо:

– Я сказал «марш», а ты выполняй!

Его ладонь взлетела, ударила Джой по лицу. Она упала на колени. Вспыхнувшая огнем щека стала, наверное, такой же багровой, как у Рут.

– Не указывай мне, ясно?!

Отец вышел на улицу, Джой схватила с крючка дождевик и заторопилась следом по потрескавшейся бетонной дорожке. Натянула капюшон, но это не спасло от косых струй: лицо и шея быстро вымокли и замерзли. Угри в животе катались клубком туда-сюда – и понемногу росли.

Почему отцу не понравилось ее предложение? Девочка проводила взглядом фургон, заезжающий в сарай. Мама вполне могла бы отнести каркасы венков в мастерскую позже, а сперва созвать кур. Джой вздохнула, семена за отцом.

Марк с длинной палкой в руках уже стоял на ближнем пастбище рядом с курятником, глядя в никуда бессмысленным взглядом. Отец выдернул у сына палку. Отослал, как обычно, детей в разные концы пастбища, а сам остался у ворот загона – ровно в том месте, куда следовало направить беглянок, – и принялся выкрикивать указания да шипеть:

– Направо налево назад с-с-с вперед стой с-с-с-с гони их сюда, а не туда с-с-с-с-с-с.

Когда отец не кричал и не шипел на детей, он кричал на кур.

– Вы коров пугаете! Сюда, дурные птицы!

Пугают коров? Это вряд ли. Коровы привыкли к тому, что их собирают в стадо по утрам и вечерам, загоняют в стойло палкой по крестцу и доят; уносят телят, едва те встанут на шатающиеся влажные ножки. Коров не испугает дюжина Рут, клюющих на пастбище. Интересно, а куры с коровами дружат, как дружат утки, коровы, ягнята и жеребята в детских книжках с картинками? В странных книжках, полных лжи про ласковое солнце и добрых фермеров; их мягкие пухлые жены пекут фунтовый кекс^[7] (что это вообще такое?) и готовят лимонад для смеющихся детей, чья единственная забота – потеплее укутать кукольным одеяльцем раненого утенка в кукольной коляске.

Плохо, когда писатели вот так лгут. Они должны рассказывать правду – о грязи, дожде, работе по дому, холоде, счетах и правительстве. Неужели никто из писателей не ходит в Церковь и не знает, что лгать грешно?

Стоя посреди луга, Джой представляла, как коровы беззаботно {лежащий на диване герцог} тянут: «До чего же вкусная трава... Вот только дождь... кончится он когда-нибудь?» Рут квохчут в ответ: «Ко-ко, да, хорошая трава, отличные будут яйца. Только да, ко-ко, когда же кончится дождь? Столько грязи кругом». И разгребают желто-белыми лапками землю, тычут пестрыми клювами то там, то сям в поисках лакомой букашки...

Левое плечо обожгло болью от удара палкой.

– Ты что творишь?! Хватит мечтать, марш к загородке, пока эти дуры не забежали на выгон к быку. С-с-с-с. Быстро!

Угри заскользили друг по другу. Опять рассердила отца! Второй раз за каких-нибудь тридцать минут.

«Придет твой час».

Он с каждым днем приближается. Надо стараться. Надо быть хорошей. Не повторять ошибок Марка.

Джой потеряла плечо и потрусилась к изгороди по мокрой, грязной траве. Косые струи дождя били по щекам, стекали за шиворот.

Через пять минут размахивания палкой и шипения отец крикнул:

– Гвен, Гвен! Куры. Гвен!

Марк и Джой продолжали носиться по лугу, не пуская кур на выгон к быку, когда вышла мама и застучала по кормушке, позвав нараспев высоким голосом:

– Рууууууут-Рут-Рут-Рут-Рут.

Куры суетливой стайкой кинулись к своему загону.

Отец зашагал по грязи к дальнему пастбищу, Марк медленно побрел следом. Сквозь дождевую мглу Джой ясно различила над плечами брата густую темно-зеленую ненависть.

Глава 9

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Фургон Джорджа покатил по длинной подъездной дорожке, и взгляду Гвен предстал большой сарай из рифленого железа красно-коричневого цвета. Насквозь ржавый. Она вздохнула, уловила запах упадка и запустения.

Проехали пастбища, усеянные брошенной техникой – старым прицепом, плугом на конной тяге, металлическими колесами, еще какими-то незнакомыми предметами. Как и сарай, все было ржавым, неприглядным.

Джордж затормозил у ветхого деревянного дома в окружении нескольких кособоких деревянных сараев.

Кривая растрескавшаяся дорожка вела к скользким от дождя бетонным ступеням. Гвен поднялась на крыльцо. Джордж толкнул заднюю дверь, оказавшуюся незапертой. Внутри маленький дом был грязным, хотя выглядел довольно прочным. Хозяева («прежние хозяева», поправила себя Гвен) оставили тут всю мебель, всю домашнюю утварь. Сама Гвен об этом даже не подумала. Посмотрев на свои аккуратные кремовые туфельки, она поняла, что вообще не подумала ни о чем дальше свадьбы. Глянула на Джорджа. Тот улыбался. Успокоенная, Гвен представила зависть двоюродной бабки и Джин, когда те услышат о туалете и прачечной не на улице, а прямо в доме – в умело, хоть и грубо, сколоченной пристройке к заднему крыльцу.

Пока Джордж заносил чемоданы, Гвен изучала комнаты. Возле задней двери – спальня с ванной, идеально для мальчика. Кухня довольно просторная, с деревянным столом, шестью деревянными стульями и коричневым диванчиком перед камином. И холодильником! Надо же, не забрали... Гвен видела холодильники только в магазинах. Надо полагать, предыдущие хозяева были богачами, несмотря на внешний вид дома. Она заглянула в спальню, смежную с кухней (а значит, идеальную для девочки), и перешла в большую комнату, которая вела к парадной двери. Рядом с дверью располагалась еще одна спальня – эта, наверное, будет нашей, решила Гвен.

Чуть позже она, прихватив четыре полотенца из своего приданого, распахнула дверь рядом со спальней мальчика. Думала увидеть чулан, а обнаружила маленькую комнатку размером с ванную. Вдоль одной стены стоял верстак, как в мастерской Стэна: на таком верстаке она втыкала листья камелий в венки. Противоположную стену подпирал шкаф, в нем отлично поместятся полотенца и белье.

Или каркасы венков, нетерпеливо ожидающие чьей-нибудь смерти.

Глава 10

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой помогала маме готовить Рождественские сладости – песочные коржики и пирожки. В заднюю дверь постучали. Девочка отряхнула руки от муки и пошла открывать с улыбкой, поскольку за дверью наверняка стоял мистер Ларсен с еще большей улыбкой на лице. Мистер Ларсен приезжал каждую среду и субботу.

Он походил на огромного приветливого лесника из сказки. Громко смеялся, носил красные клетчатые рубашки под стать красным лицу и шее, имел самые большие в мире руки и часто путал слова, чем смешил Джой – хотя смеялась она только внутри. За исключением одного раза – тогда восьмилетнюю Джой отправили отнести мистеру Ларсену письмо, по ошибке попавшее в их почтовый ящик. Путь был неблизкий, она его одолела, и мистер Ларсен настоятельно пригласил ее в дом выпить лимонной воды. Джой неловко топталась посреди кухни и смущенно молчала, но помнила, что нужно быть вежливой, иначе отец рассердится. Поэтому она похвалила кухню. Мол, очень красивая. Мистер Ларсен подтвердил с широкой ухмылкой: «И верно, деточка». Добавил – у его кузена недавно дом сгорел, еще и двух месяцев не прошло, пожар начался в кухне. Джой высказала надежду, что с кухней мистера Ларсена ничего подобного не случится. Тот ухмыльнулся еще шире и заверил: «Этого бояться точно не стоит, деточка». Подошел к небольшому красному цилиндру, висевшему на стене у печки, и ласково по нему похлопал. «Вот, только что приобрел расчудесный огнеглушитель». Джой рассмеялась, затем в ужасе зажала рот, но мистер Ларсен продолжил болтать как ни в чем не бывало.

Миссис Ларсен тоже походила на персонажа сказки – на жуткую мачеху. Она была тощей и злой, с длинным крючковатым носом и прямыми пепельно-каштановыми волосами, которые собирала в низкий хвост и завязывала резинкой. Миссис Ларсен зарабатывала небольшие деньги – шила и чинила платья для соседок. Она перебивала мужа и постоянно его бранила.

– Это что, мне убирать оставили? – проворчала миссис Ларсен, войдя в кухню и увидев в раковине пустой стакан Джой, пластмассовую

ручную соковыжималку и половинки лимона.

Джой машинально ответила:

– Простите, миссис Ларсен, нет... – И направилась к раковине.

– Не ты. Я ему говорю, – рявкнула хозяйка дома. – Ну?! – Она воззрилась на мужа.

Мистер Ларсен встал, подмигнул Джой, та сглотнула и сказала, что ей пора. Не забыла поблагодарить:

– Спасибо за лимонную воду, мистер Ларсен. И вам спасибо, миссис Ларсен.

Колин был их сказочным сыном, обреченным на странную, печальную жизнь. Правда, Джой нравилось думать по-другому: в Колине таилось волшебство, о котором не знал даже он сам. По маминым словам, Колин при рождении получил мало кислорода. Как это? Джой не понимала. Тридцатилетний Колин до сих пор жил с родителями, помогал отцу Джой на ферме, а в остальное время смотрел Дьявольский ящик, купленный мистером Ларсеном в год проведения Олимпийских игр в Мельбурне. Почти не разговаривал. Мама объясняла – это потому, что Колин хороший слушатель, и, если уж он начинает говорить, то слушать надо внимательно. В его глазах Джой всегда чудились слезы, будто Колин вот-вот заплачет.

Даже дом Ларсенов принадлежал сказке. Не потому, что представлял из себя замок, а потому, что напоминал книгу сказок, которую тетя Роза прислала Джой на пятый день рождения. Стоило перевернуть последнюю страницу, и перед вами, как по волшебству, разворачивался замок, вставал над страницей. Он был выполнен очень затейливо {лабиринт в старом английском саду} и даже позволял заглянуть внутрь, но только самую малость. Именно так Джой воспринимала дом Ларсенов – он демонстрировал окружающим далеко не все. (Впрочем, если подумать, то и ее дом тоже.) Она любила эту книгу, но в прошлом году та вдруг исчезла. Мама сказала, что отец отдал книгу Церкви, для Рождественской распродажи.

Словом, открывая мистеру Ларсену дверь каждую субботу (и каждую среду на каникулах), Джой думала о той книге и о сказочном происхождении Ларсенов. Тем не менее ждала его визитов с нетерпением.

– Здравствуйте, мистер Ларсен, – приветствовала Джой. – Входите.

Она отступила, пропуская его в кухню. Отец велел обязательно пропускать других вперед, потому что Джой – девочка и грешница. «Никогда не лезь вперед. Уступай это право другим. Грешникам вроде тебя место в конце. Гордыня предшествует падению».

– Добрый день, Роберт. Как ты? – Мама широко улыбнулась.

Она тоже любила визиты мистера Ларсена.

– Я отличник, Гвен, спасибо большое.

Мама каждый раз одаривала дочь коротким взглядом, точно предостерегала не поправлять мистера Ларсена.

Сколько себя помнила Джой, после обмена приветствиями мистер Ларсен доставал плитку шоколада и клал ее на стол. Затем направлялся в большую комнату со словами:

– Сделаю быстренький межогородный звонок.

При этом позвякивал в кармане монетами – показывал, что в уплату за звонок положит деньги в банку.

И, сколько себя помнила Джой, она хихикала, услышав «межогородный» вместо «междугородный».

Дальше, чтобы «не мешать мистеру Ларсену», мама удалялась в мастерскую и отсылала Джой на улицу.

Сегодня, когда мистер Ларсен исчез в большой комнате, а Джой с мамой покинули кухню, откуда-то из темных глубин разума вдруг всплыла мысль.

– Мама, почему мистер Ларсен звонит по нашему телефону, ведь у них есть свой?

– Откуда мне знать? Советую не совать нос в чужие дела. Ступай.

Трактор мистера Ларсена, как обычно, стоял за оградой. Джой раньше думала – хорошо, значит, мистеру Ларсену не пришлось идти издалека ради срочного телефонного разговора. Однако теперь понимала, что эти звонки не были срочными, ведь мистер Ларсен всегда делал их в одно и то же время – и всегда имел наготове шоколад и монеты.

Спустя двадцать минут Джой уже сидела в кухне и улыбалась мистеру Ларсену, разворачивающему шоколадку.

– Шоколаду, Гвен? Деточка?

Он отломил ряд от плитки, протянул маме, затем отломил еще один – для Джой.

Никто, кроме мистера Ларсена, не давал ей шоколада – нежного, молочного и вкусного. Джой легонько прикусила передними зубами между вторым и третьим квадратиком, оставила шоколад на языке – пусть тает помедленнее, подольше.

Мистер Ларсен с мамой пили чай и беседовали – о дожде, о том, что «инсоляция» взвинтила цены до небес, и как теперь зарабатывать на хлеб порядочному фермеру, просто «уму недостижимо». Мистер Ларсен рассказал о корове Кевина Стоуна, которая в начале недели утонула в пруду. Видимо, захотела попить, упала и увязла в грязи. Или увязла в грязи, а затем упала. Очередность неважна. Джой знала – это не первая корова в округе, увязшая и погибшая в пруду.

Ей нравились эти дружеские разговоры, потому что мистер Ларсен был добрым и потому что во время его визитов отец работал на пастбище. Жаль только, Марк помогал отцу и не ел шоколад. Впрочем, сегодня Джой не думала о Марке – ей не давал покоя вопрос, почему мистер Ларсен пользуется их телефоном и кому звонит. Неужели занимается чем-то *грешным*? Например, делает ставки на лошадиные скачки? Или планирует ограбить банк? Джой обсудит это с Рут.

Когда шоколадка закончилась, мистер Ларсен встал, посмотрел маме в глаза и произнес:

– Спасибо, Гвен. Большое тебе спасибо.

– На здоровье, Роберт, – ответила мама с улыбкой.

Затем кивнула дочери – мол, убери со стола. Мистер Ларсен большой красной ладонью сгреб обертку и фольгу, сунул в карман брюк. Посуду Джой отнесла в раковину.

– Увидимся в среду, Гвен. – Мистер Ларсен направился к задней двери. – С тобой тоже, деточка, ты ведь на каникулах...

Джой, как обычно, проводила его и сказала у выхода:

– Спасибо за шоколад, мистер Ларсен.

Он посмотрел на нее так же, как перед тем на маму. Кивнул.

– Мне это в сладость. Рад, что тебе понравилось, деточка.

Джой наблюдала, как гость забирается в трактор и уезжает.

Она поспешила назад в кухню, помогать маме с Рождественской выпечкой. Джой радовалась тому, что липкие черные угри тонут в нежном коричневом шоколаде, и предвкушала новую порцию лакомства в среду.

Глава 11

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

В комнате стоит затхлый запах; его источают оранжевые одеяла, напитавшиеся от тела предсмертным духом. Полумрак напоминает о том дне, когда я спряталась в этой спальне и увидела на кровати змею. Я снова здесь, не один десяток лет спустя, стою на пороге и категорически отказываюсь бояться. Усталый вентилятор в углу гоняет по комнате горячий воздух; отец лежит в кровати, смотрит в никуда.

– А, это ты... Не очень-то спешила.

Голос слабый, остальное не изменилось.

– Прости, я... пришлось закончить кое-какие дела на работе. Приехала, как только смогла.

«С какой стати я оправдываюсь?!»

– Что сегодня за день?

– Вторник, папа.

– Работаешь по выходным?

– Нет. Ну, бывает. Я...

Все. Хватит. Нечего со мной так разговаривать. Я уже не ребенок. Поеду в мотель в Блэкханте, проживу там, пока отец не умрет. Заправлюсь горючим из сорокачетырехгаллонной бочки в сарае – и поеду.

– Воды. – Отец закашливается, машет рукой в сторону столика. На нем – ярко-желтая детская чашка-непроливайка с двумя большими пластмассовыми ручками и крышкой с носиком.

Пожалуй, воды я подать могу. Это не уступка.

– Хорошо, папа.

– Быстрее... – шипит он.

Вкладываю чашку ему в руки. Они напоминают куриные лапки: тонкие кости и узловатые вены под полупрозрачной кожей.

Пока отец пьет, я размышляю – унижительно ли ему чувствовать собственную слабость? Рут права, его больше нечего бояться. Однако сердце никак не может успокоиться, а в животе просыпаются угри.

– Мне нужно обезболивающее, Гвен.

Вики тоже права. Отец оторван от реальности, принимает меня за маму. Что говорила Вики? «Вовремя, иначе ему грозит невыносимая боль».

- Рано, папа. Часа через полтора.
- Ты что, доктор, Гвен? Дай таблетки.
- Я – Джой, папа.
- Давай уже таблетки!

В кухне сверяю часы с таблицами Вики. Говорю Рут:

- Еще не меньше часа. Как быть?
- Дай лекарство, – она пожимает плечами.
- Мы ведь нарушим расписание. Вики дала таблеток всего на неделю. А если начнутся боли каждые три часа? Или чаще?
- Господи, Джой, тогда дадим очередную дозу. Если ему больно, мы даем обезболивающее. Чего тут сложного?
- В расписании сказано – до двух часов новая доза не нужна.
- Предпочитаешь, чтобы он корчился от боли и вот так стонал?

Доводил нас до одурения?

Стоны из спальни звучат громче.

- Ладно, ладно...

Высыпаю из пузырька две голубые таблетки, отмечаю крестиком в расписании прием лекарства в два часа и возвращаюсь в спальню. Вкладываю таблетки в раскрытую ладонь отца, наблюдаю за тем, как он соскребает их губами и делает глоток из чашки.

Надо же, как все просто...

Он указывает на «Блэкхант газет», валяющуюся на полу. Я ее поднимаю – газета двухнедельной давности.

- Почитай мне что-нибудь.

Раскрываю страницу с некрологами и следующие пять минут читаю их вслух. Отец качает головой, если не узнаёт имени покойного, и поднимает указательный палец, когда хочет услышать объявление целиком. Временами немного печалится.

Некрологи заканчиваются, отец говорит:

- Хорошо, иди.

Я встаю и вдруг понимаю, что вновь веду себя, как двенадцатилетняя девочка. Не собираюсь я уходить по приказу! У меня к отцу вопросы. О том, что он сделал со своими детьми. Ну и, конечно, нужно разобраться с историей Венди Боскомб.

– Минутку. Я хочу спросить...

– Рут, – умоляюще перебивает отец.

Я злюсь, но, если честно, чувствую себя польщенной – ведь он перепутал меня с идеальной Рут. Отец тычет в пустую непроливайку.

– Принеси «Пассионы».

– Извини, папа, ее нет.

– Значит, купи.

– Утром я съезжу в город и заодно куплю нормальной еды.

Похоже, я все-таки остаюсь.

– Вот еще... Я хочу «Пассиону» сейчас.

На то, чтобы доехать до города, приобрести все необходимое и вернуться, уйдет три часа. Ну уж нет.

– Папа, я ведь только...

– Я умираю. Ты это понимаешь? Умираю.

Уже на полпути к двери меня настигает его рык:

– И не вздумай привезти дешевую подделку!

В большой комнате я вздыхаю. Вот мерзавец! Разбил меня в пух и прах. Ладно, «Пассиону» я привезу, но больше не потерплю никаких гадостей. И не сбегу.

– Садись и рассказывай, – спокойно предлагает Рут, похлопывая по дивану.

– Придется ехать в город за «Пассионкой» для гада. Плюс нам нужна еда. И еще один вентилятор. Я тут расплавлюсь.

На лице Рут, естественно, нет ни капли пота – только страшное родимое пятно.

– Я вот думаю, – говорит сестра. – Лекарство. Это решение. Вики обеспечила нас именно тем, что нужно.

Жара невыносимая. Я, в отличие от Рут, жутко потею, и к тому же не понимаю, о чем она.

– Ты ведь *понимаешь*, о чем я.

Господи, ненавижу, когда Рут так делает. Будто мои мысли читает.

– Послушай, я приехала только ради ответов. И его признания.

– Признания?! – изумленно восклицает она. – В чем?

– Во... во всем.

– Размечталась.

Покачивая головой, Рут говорит дальше. От ее серебристого голоса трудно оградиться. Так было всегда: Рут вкладывала идеи в мою голову,

я молча слушала.

Перед уходом захожу к Марку. Замираю в попытке обуздать разбушевавшиеся чувства, но в комнате ничего о нем не напоминает. Сюда нужно поселить Рут – по крайней мере до моего отъезда, чтобы не шептала мне на ухо всю ночь.

Заглядываю в мамину мастерскую. Всегда полная красок и цветочных запахов, теперь она пахнет пылью и одиночеством. На верстаке до сих пор стоят банки с проволокой, а на стержень нанизаны катушки с лентами – заброшенные и жалкие, как опустевшая после ярмарки площадь. В шкафу наверняка лежат каркасы венков. Все мое детство мама, если не стряпала и не работала в саду, находилась здесь. Видимо, люди умирали постоянно, и постоянно требовалось делать новые венки. Здесь же она отсиживалась, когда отец раздавал наказания.

Неудивительно, что ребенком я воспринимала маму как некое бледное пятно оттенка картонной папки, как безучастную фигуру – она не знала, что делать, и умела лишь одно: удаляться в мастерскую и создавать букеты для беременных подростков и венки для покойников. Странно, я никогда не задумывалась, люблю ли маму, любит ли она меня. Мама просто была, и все. На заднем плане, физически и эмоционально. Еще одна молчаливая слушательница – особенно наших криков.

Теперь-то я, конечно, понимаю, что сюда она сбегала. Укрывалась в мастерской даже во время единичных визитов дяди Билла и тети Розы – ненавидела его безобразную инвалидную коляску и пустые штанины. Как только все допивали чай и отец доставал фотоальбом – вероятно, чтобы избежать неловкого молчания, – мама вставала и уходила в мастерскую под предлогом недоделанных венков. Я вытягивала шею, чтобы разглядеть три младенческие фотографии (по одной на каждого из нас). Вот они мы, новорожденные, с закрытыми глазами, завернуты в больничные одеяла. Обычно я ловила себя на мысли, что мы с Рут выглядим одинаково, но не успевала рассмотреть подробнее, поскольку эту страницу отец всегда переворачивал быстро.

Теперь-то я понимаю – мама удалялась в мастерскую потому, что ненавидела тот фотоальбом не меньше инвалидных кресел.

В город за бесценной «Пассионой» я еду на очень большой скорости, и в этом виновата Рут. В ушах вновь и вновь звучат ее слова: «Он все равно через несколько дней умрет, так что мы вполне можем организовать гаду передозировку. Никто ничего не заподозрит, а мы наконец отомстим».

Глава 12

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Гвен вернулась в грязную кухню, воодушевленная открывающимися возможностями. Хорошая уборка все тут изменит. И цветы на кухонном столе. Где-нибудь в этих диких травяных зарослях должны расти цветы. Гвен посадит еще – в ближайшие недели. В ближайшие недели, месяцы и годы.

Однако отправиться на поиски цветов она не успела, так как Джордж предложил ей разобрать вещи, пока он осмотрит сарай, пастбища и сто двадцать коров, которые теперь тоже принадлежат им. Бросил взгляд на часы.

– В четыре пятнадцать выпьем чаю.

Джордж вышел, а Гвен почему-то вздохнула и расслабила плечи. Утомилась, наверное, от свадебных волнений и долгого путешествия. Она достала еду, затем восемь свадебных подарков: три скатерти из дамаста, два комплекта льняных кухонных полотенец, два набора для соли и перца и подарок от Джорджа – шесть красивых стаканов, которые его родители получили на собственную свадьбу больше тридцати лет назад. Стаканы из тончайшего стекла, украшенные золотым ободком и золотой виноградной лозой поверх матово-белой полосы. Для чего можно использовать эту удивительную красоту? Гвен так и не сумела придумать. Сильно же Джордж ее любит, раз дарит фамильные ценности... Гвен с величайшей осторожностью отнесла их в большую комнату и расставила в два ряда в серванте. Бережно закрыла дверцы.

Затем застелила кровать простыней и наволочками из своего приданого и тонкими оранжевыми одеялами, которые остались от хозяев. Повесила в старый деревянный шкаф брюки, рубашки и пиджаки Джорджа, два своих платья и три вязаных жакета. Повернулась к трюмо – сюда поместятся нижнее белье, носки и свитера. Поежилась, потерла плечи. Да, в доме холодно, свитера пригодятся.

Трюмо, как и холодильник, наверняка стоит целое состояние, подумала она. Шесть узких ящичков один под другим и два больших

отделения под огромным зеркалом с волнистой кромкой. Однако, повернув зеркало поудобнее, Гвен обнаружила, что оно все серое и в пятнах, к тому же кривое: ее отражение смутно выступало из затемненного и словно очень далекого фона. Гвен вздрогнула, отвела взгляд и решила улизнуть назад в комнатку, которую уже мысленно назвала своей мастерской.

«Улизнуть». Какие глупости. Гвен может делать в этом доме что хочет. В *своем* доме.

Да, комнатка отлично подойдет для изготовления венков и свадебных букетов. Когда в магазине у Стэна Гвен подрезала, скрепляла проволокой, обматывала лентой и составляла композиции, ее пальцы оживали, и она забывала обо всем, что творится в мире, – даже о безногих солдатах и безутешных матерях. Здесь же не придется платить аренду, и получится устанавливать цены гораздо ниже, чем городской цветочник (где тут ближайший город, интересно?). Особенно если будет сама выращивать цветы. Она представила дом в окружении гортензий, камелий, роз, ландышей, магнолий и маков. И, конечно же, хризантем, георгинов, гвоздик... список был бесконечным. Гвен протерла верстак намыленной тряпкой, которую нашла под раковиной, и уперлась руками в бока. Вот так. Джордж будет гордиться своей женой!

Она бросила взгляд на часы – почти двадцать минут пятого. Почему-то ахнула и поспешила в кухню.

Глава 13

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой закрыла двери за мистером Ларсеном и вдруг вспомнила про книгу «Гордость и предубеждение», которую спрятала под подушку при внезапном появлении отца. Угри зашевелились. Джой с трудом поборола острое желание кинуться в спальню и спасти книгу. Лишь через полчаса мама сняла фартук и ушла в мастерскую.

За пять быстрых шагов Джой одолела расстояние до своей комнаты и, не обращая внимания на Рут, подняла подушку. Угри злобно задергались, заскользили липкими телами по стенкам желудка – она в ужасе заметила, что на лицевой стороне обложки загнут уголок. Обложка захныкала, взвыла: «Смотрите, что со мной сделали!» Джой покосилась на двери (пожалуйста, Господи, пожалуйста, пусть никто не войдет!), лихорадочно разглядела обложку и сжала книгу обеими руками. Та сурово прорычала: «Подлая грешница. Испортила прекрасную книгу». Джой в отчаянии повернулась к Рут, но сестра лишь пожала плечами и покачала головой.

Отец наверняка услышит эти крики и обвинения. И для Джой все изменится. Вот он... пришел ее час.

Однако кухонная дверь оставалась закрытой. Джой прокралась в большую комнату, молча умоляя обложку замолчать. Угри не унимались. Девочка погладила место сгиба, попробовала стереть залом. Сунула рыдающую книгу под тетради, положила наверх стопки толстый учебник по математике для пятого класса. Тяжелый учебник заглушил всхлипы романа, и Джой расслабила плечи, выдохнула. Только собралась отпустить математическую книгу и проверить, не завалит ли она всю стопку, как хлопнула задняя дверь и в кухне послышались шаги отца.

Джой оказалась в ловушке. Из большой комнаты были выходы только через кухню (невозможно), через парадную дверь (всегда заперто, ключ хранится в ящичке серванта) или в родительскую спальню (запрещено).

Джой услышала, как отец толкнул двери в ее комнату.

– Джой!

Один-единственный слог – а будто дерево рухнуло. Сердце заколотилось о ребра.

– Ты где?!

Ботинки отца затопали по кухне в направлении большой комнаты.

«Прошу, Господи, прошу...»

Нужно выбираться. Джой отняла руку от книжной стопки, но учебник по математике зашатался, и стопка накренилась. Пришлось прижать ее к столу.

Ботинки остановились.

«Вот и все. Он слышит мое дыхание. Или грохот сердца». Книга опять взвизгнула – правда, приглушенно: «Она здесь! Здесь! Где быть не должна! Душит меня! Спасите!»

Джой вновь услышала шаги отца и поняла – это конец. Пришел ее час.

Она стояла возле стопки книг, удерживая в равновесии учебник по математике, и не отрывала взгляда от двери, а из каждой поры струились черные бусинки страха, бежали по рукам, по ладоням...

– Джордж? – позвал с заднего крыльца мамин голос. – Роберту нужна помощь. Трактор застрял.

Отец недовольно буркнул и вышел из кухни. Джой, всхлипывая, выровняла книжную стопку. «Гордость и предубеждение» издали короткий, едва слышный стон.

«Благодарю, Господи, благодарю, мистер Ларсен». Джой сделала два шага к кухонным дверям и тоскливо оглянулась. Не скоро ей удастся прочесть «Гордость и предубеждение»...

Еще через шаг Джой вновь остановилась – услышала в кухне маму. Та обязательно расскажет отцу о том, что Джой заходила в большую комнату два дня подряд.

– Джой, ты у себя?

Она стояла молча. Если б еще сердце билось потише...

Мама открыла дверь в комнату девочек.

– Ты где?

Рут не выдаст сестру. Опасность миновала; теперь мама отправится искать Джой во дворе.

Внезапно зазвонил телефон, и ее сердце замерло. Не пройдет и десяти секунд, как мама будет здесь. Остается только один вариант. Через два длинных шага и один толчок приоткрытой двери Джой

оказалась в спальне родителей. В единственной комнате, где никогда не бывала. Она осторожно вернула дверь в прежнее положение, оставив ее приоткрытой на дюйм-другой.

Тихонько отошла в глубь спальни. Мама подняла трубку, быстро назвала их телефонный номер:

– Три-пять-пять.

Тяжелые коричневые жалюзи были опущены, в спальне царил почти полная темнота. Тошнотворно пахло нашатырным спиртом и старой тальковой пудрой, от чего угри занервничали, сбились в ползучий клубок.

– Здравствуйте, миссис Уэдделл. Как поживаете?

Мама сейчас у столика с гладким черным телефоном. Джой всегда завораживала эта холодная гладкость. Этим он был обязан материалу, который мистер Пламмер называл бакелитом^[8] {рысь перед прыжком – натянутая как струна, мускулистая, неподвижная, выжидающая}.

Рядом с телефоном располагалась банка, куда родители – и мистер Ларсен после своих звонков – клали монеты; тут же лежали старые счета, скрепленные большим зажимом. На обратной стороне счетов мама записывала заказы на венки и букеты, каждый заказ на отдельном листке, потом забирала эти листки в мастерскую. В результате можно было не тратиться на блокноты. Еще на столике находился телефонный справочник с номерами множества людей. До Джой долетало «щелк-щелк-щелк» – это мама бездумно передвигала закладку на справочнике вверх-вниз. Она всегда так делала, когда не записывала заказ.

– Да, я тоже с сожалением прочла о его смерти. Верно, похороны завтра. Нет, вы не опоздали. Один десятидюймовый венок с кувшинками. Что написать на карточке?

Джой стояла с закрытыми глазами, не шевелясь, и слушала маму, от страха даже не смея рассматривать эту странно пахнущую комнату. Пока мама не закончит разговор, двигаться нельзя. Только что же делать, если в спальню явится отец? «Придет твой час».

Отец убьет ее.

Хотя быть мертвой не так уж и плохо. Больше никакой домашней работы, никакой грязи, никакого отца...

Джой открыла глаза, огляделась в полумраке. Перед ней у противоположной стены стояло трюмо с двумя рядами ящиков и большим зеркалом. В ящиках наверняка лежат родительские трусы.

Джой приводило в ужас то, что родители имели попы и носили трусы. В голову полезли жуткие картинки, и Джой, крепко зажмурившись, тихонько забормотала любимые слова – пусть их образы вытеснят то, другое. «Девственно-чистый, радуга, филигранный, катапульта».

– Да, записала. «С глубокими соболезнаваниями, семья Уэдделл». Очень душевно, миссис Уэдделл.

Вновь услышав мамин голос, Джой открыла глаза и уставилась в крапчатое зеркало. В комнате было темно, отражение казалось очень далеким, но Джой все равно различила унылую и жалкую тень худенькой одиннадцатилетней девочки. Она явно боялась. Всего. Джой повернулась к родительской кровати – и зажала рот ладонью, заглушая вскрик. На темном покрывале кольцом свилась черная змея! Даже в полумраке ее голова блестела, виднелся кончик острого серебристого языка.

Джой знала, что в холод и слякоть змеи с пауками часто заползают в дома в поисках сухого теплого места. Потому-то и нужно хорошенько встряхивать полотенце, вынимая его из шкафа, и нельзя совать ногу в сапог, предварительно не постучав по перевернутому голенищу.

Змея не шевелилась. Берегла энергию, но вполне могла чутить страх, который волнами расходился по телу Джой. Она попала между двух огней – между ядом змеи и гневом отца. Даже если мама сейчас же вернется в кухню, Джой не сумеет сдвинуться с места, потому что ноги приклеились к ковру, а взгляд – к змее. Та в любую секунду бросится на Джой и убьет ее. Когда Джой не придет чистить картошку к чаю, ее станут искать в комнате, в сараях и на пастбищах, но не найдут. Лишь после чая, после того как отец выпьет таблетки, а мама закончит веночек для миссис Уэдделл, лишь тогда они обнаружат Джой здесь, мертвую, холодную и на полпути к Аду.

Наверное, вздохнут с облегчением. Одним едоком меньше. Одним грешным, позорящим семью ребенком меньше.

Тем не менее она торопливо закрыла глаза и помолилась – пусть змея не захочет покидать теплую кровать, пусть... Открыла глаза. Язык змеи затрепетал, замелькал быстрее. Рептилия учуяла страх и приготовилась к нападению.

Глава 14

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Джордж, скрестив руки, уже сидел верхом на столе.

– Когда я говорю «четыре пятнадцать», дорогая, я имею в виду четыре пятнадцать.

– Прости, дорогой. Я отвлеклась. Ты знаешь, что?..

– Не могла бы ты поставить чайник? – Джордж улыбнулся. – Твоя бабушка, случайно, не дала нам с собой печенья?

– Дала, Джордж. – Гвен улыбнулась в ответ. – У нас есть ломтики лимона и овсяное печенье с кокосом.

– Я буду лимон, дорогая.

Пока она ставила воду, споласкивала фарфоровые чашки и алюминиевый заварочный чайник, Джордж исчез в спальне. Вернулся, когда чайник засвистел.

– Я вынул из шкафа одежду и разложил ее по комплектам; нужно будет развесить правильно. Брюки, рубашка, свитер или пиджак – каждый комплект на отдельной вешалке, как полагается. Тебе советую поступить так же, дорогая. Я возьму себе те ящики трюмо, которые справа. Ты можешь использовать два больших отделения. – Джордж улыбнулся, похлопал жену по руке. – Так нам обоим будет гораздо удобней.

– О... Да, хорошо.

Несмотря на его улыбку и ласковое похлопывание, Гвен почувствовала себя униженной. Впрочем, стоит ли расстраиваться? Разве важно, где будут лежать ее вещи, в одном ящике или в другом? Да и вещи Джорджа она, наверное, развесила несколько небрежно, занятая мыслями о будущей мастерской...

Гвен залила кипятком в заварочный чайник, накрыла его вязаным розовым чехлом, который нашла в третьем ящике. Положила на блюдце два ломтика лимона и поставила чайник с блюдцем на стол. Пока отошла за молоком и чашками, Джордж успел съесть лимонный ломтик. Она плеснула в обе чашки молока, вдохнула поглубже и беззаботно произнесла:

– Джордж, помнишь комнатку рядом с задним входом? – Налила заварку в чашку мужа. – Там есть рабочий верстак, и я подумала...

– Он не крепкий.

– Что?

Джордж указал на чайник.

– Слабо заварен.

– А, чай...

Учитывая строгие продовольственные нормы, Гвен бросила в чайник всего полторы щепотки чайных листьев. Наверное, надо было заваривать подольше?

Она сделала чайником несколько вращательных движений, молча досчитала до тридцати, опять повращала. Нерешительно налила заварку во вторую чашку, с улыбкой пододвинула Джорджу. Он улыбнулся в ответ, взял второй ломтик лимона.

Гвен достала себе ломтик из жестяной банки, вновь села. Откусила печенье и сказала:

– Я подумала...

Кусочек кокоса застрял в горле, дыхание перехватило. Джордж наблюдал за тем, как она семенит к раковине, кашляет, вытаскивает из шкафчика стакан, наполняет его водой, пьет.

Глотая воду, Гвен с ужасом подумала о том, что не помыла стакан, а в шкафчиках, наверное, давно бегают тараканы. Сколько дом простоял пустым? Месяцы? Годы?

С не меньшим ужасом она поняла, что не знает о ферме не только этого, но и вообще ничего, даже адреса. Не знает, почему прежние владельцы переехали, почему оставили все вещи, от трюмо со странным зеркалом до омерзительного чехла на чайник. Не знает, умеет ли Джордж доить коров.

Когда кашель отпустил, Гвен заставила себя не думать о проглоченных тараканьих яйцах и спросила:

– Ты умеешь доить коров?

– Научусь. – Джордж вскинул руку, посмотрел на часы. – Примерно через десять минут. В пять приедут соседи и научат нас.

– Нас?

– Ну, я же не справлюсь один, Гвен. – Он улыбнулся. – Мне понадобится твоя помощь.

– О...

Она постаралась изобразить беззаботную радость, но сердце словно облили черной краской.

Глава 15

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой знала – змеи быстрые и злые. Она могла надеяться лишь на то, что эта змея решит сползти на пол и только потом напасть, а не метнется прямо с кровати к горлу Джой. Она высчитала: у нее будет две секунды, если змея атакует с кровати, и три – если сползет на пол.

«Господи, прошу, помоги, обещаю – я больше никогда не сделаю ничего плохого, никогда не прочту «Гордость и предубеждение», даже не трону ее. Ибо Твое есть царство, и сила...»

Джой лихорадочно размышляла. Чтобы выбраться, надо либо быстро прыгнуть за порог спальни и захлопнуть за собой дверь, либо прокрасться к выходу очень медленно, не привлекая внимания змеи. И уже все равно, увидит ли мама; даже – увидит ли отец. Лишь бы сбежать от змеи.

Не отрывая от нее взгляда, она услышала откуда-то издалека мамины слова:

– Спасибо, миссис Уэдделл. Да, наверное, увидимся на похоронах.

На самом деле мама не собиралась ни на какие похороны. Она их ненавидела, несмотря на доход от венков.

Раздался щелчок – телефонная трубка легла на рычаг. Сейчас мама возьмет листок с записанным заказом и уйдет в мастерскую. Джой чувствовала: пока она слушала, змея решила напасть, наказать – убить Джой – за все ее грехи. Девочка сглотнула, перестала дышать. Сейчас или никогда. Не выпуская змею из виду, приготовилась. Продолжая думать о наказании, рванула к двери. Открыла ее и резко оглянулась – что змея?

Та неподвижно лежала на прежнем месте. Джой в замешательстве остановилась. На кровать упал свет из большой комнаты, и она едва не вскрикнула. Вот дурочка! Нашла чего пугаться! Это же обычный ремень – аккуратно свернутый отцовский ремень...

До чего унизительно! Джой кинулась в кухню. Молча одергивая себя «успокойся, успокойся», достала из шкафчика картошку, схватила нож. Руки дрожали, угри волнами перекачивались в желудке. Ее вырвало в раковину.

На пороге кухни выросла мама.

– Где тебя, ради бога, носило?!

Джой, которая как раз смывала с раковины желчь, попыталась придать себе обычный вид. Язык прилип к нёбу.

– Отец в курятнике. Давай к нему, бегом. Сегодня у нас запеченная курица.

Джой прошмыгнула мимо мамы, выскочила во двор. Как так можно – мама говорит, что любит кур, а сама разрешает отцу их убивать? Джой не понимала.

...Отец шагал от сарая к курятнику, серый капюшон куртки затенял лицо. На плече топор – длинная рукоять качается в такт шагам, лезвие блестит.

Он прислонил инструмент к темной деревянной колоде в пятнах крови, расположенной в нескольких футах от проволочной калитки, и вошел в загородку. От Джой требовалось придержать калитку, быстро открыть ее, выпустив отца, и тут же запереть, чтобы куры не выскочили.

При его появлении все двенадцать Рут помчались в дальний угол грязного загона, расталкивая друг друга и пытаясь взлететь. Однако их крылья подрезали еще в тот день, когда будущие куры появлялись на ферме крошечными цыплятами: они легко помещались в красной отцовской ладони и даже не подозревали о том, что у них есть крылья.

Быстрым движением отец сгреб одну Рут, растопыренными пальцами остановив хлопанье бесполезных крыльев. Так просто... Куры с недовольным кудахтаньем вновь разбрелись по загону. Отец с пойманной Рут вышел через калитку, которую Джой открыла и тут же заперла.

Дальше ей полагалось ждать под морозящим дождем.

В момент удара она зажмурилась.

Отец с окровавленным топором протопал назад в сарай, а Джой понесла мертвую Рут в прачечную. Зажала куриные лапки и ручку ведра в одной руке, чтобы кровь Рут стекала с безголовой шеи на безжизненную голову на дне. В прачечной мама лишила Рут лапок тем самым секатором, которым ей однажды подрезали крылья, бросила лапки в ведро, а тушку – в холодное цементное корыто. Мертвая Рут неуклюже распласталась в корыте, и мама принялась выщипывать перья. На ее руки и на мертвую птицу лилась холодная вода, смывая

кровь и грязь. Мокрые перья налипали на мамины ладони, на серое цементное корыто, на пол. Застревали в сливном отверстии – вместе с почками, сердцем, потрохами, кишками. Белоснежные перья на розовых внутренностях.

От запаха у Джой выворачивало желудок наизнанку.

Ощипанную Рут мама забрала в кухню, а внутренности с перьями поручила дочери: та собрала перья и отнесла их на компостную кучу. Затем выудила из сливного отверстия потроха и кишки, положила в ведро, к лапкам и голове Рут. Под неутихающим серым дождем потащилась к куриному загону и через ограду высыпала содержимое ведра в грязь. Оставшиеся одиннадцать Рут засемили к угощению. Смотреть не хотелось, но Джой опустила ведро, ухватилась пальцами за провислую проволочную ограду и стала наблюдать, как Рут клюют и дерутся, как пожирают и заглатывают кусочки своей сестры. Наконец она расцепила покрасневшие пальцы, ополоснула ведро, слила розовую воду в куриное корыто и пошла с ведром в сарай. Отец сидел там на старом табурете, полируя головку топора мягкой синей тканью, которую хранил в пластмассовом футляре. Джой перевернула ведро, прислонила его под углом к стене, чтобы сохло, и вернулась в дом.

Мертвая Рут уже была в духовке, а на рабочем столе лежала картошка, ждала, пока ее почистят и добавят к запекающейся птице.

Джой чистила и думала об одном-единственном молниеносном ударе отцовского топора с новенькой блестящей головкой. Представила себя на месте отца: вот она стоит у колоды, одной ногой прижимает дергающуюся, кудахтающую Рут. Заносит топор, как это делал отец, и опускает одним быстрым движением, в точности как он.

Вот только голову отсекает не Рут, а ему.

Глава 16

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Я просыпаюсь от его стонов, проникших в мои сны. Боже мой, только два часа ночи... До меня вдруг доходит – если отец нуждается в обезболивающих каждые четыре часа, значит, и ночью тоже.

Хорошо, что я оставила двери открытыми, а то не услышала бы его стонаний.

Хотя, как по мне, пусть бы мучился и дальше.

Интересно, долго ли я смогу выдерживать его вопли? Пока выжидаю, думаю о прерванном сне. Ничего похожего мне не снилось с тех пор, как я последний раз спала здесь. Вздрагиваю, вспоминая, – очень уж все было реально. Как обычно. Естественно, это Рут виновата; она и ее идеи мести.

А вдруг на самом деле я – убийца, которая во сне видит себя нормальным человеком, а не нормальный человек, видящий себя во сне убийцей? Ведь я слышу стоны и мольбы отца, разве такое возможно наяву?

Сон как рукой сняло. Если он продолжит в том же духе, уснуть мне не удастся.

Включаю в его комнате свет. Гора оранжевых одеял вздымается и опадает в такт дыханию и стонам. Лицо старика серое, в глазах ужас.

– Папа, – подбегаю я к кровати. – Тебе плохо?

Он хватается ртом воздух, лицо из серого делается розовым.

Вытряхиваю из бутылочки таблетки и подаю чашку-непроливайку, в которой теперь плещется «Пассиона».

– Прими лекарство. Быстрее. Скоро полегчает.

Пока отец глотает таблетки, я стараюсь успокоиться. Мать честная, я думала, он сейчас умрет. *По-настоящему* умрет. У меня на глазах. Господи, ну и испугалась же я... Очевидно, какой-то мятежный нейрон сработал.

Дыхание отца выравнивается. То ли эффект плацебо помог на удивление быстро, то ли он попросту проверял, примчусь ли я на его зов как хорошая, покорная девочка. Усаживаюсь на стул возле прикроватной тумбочки. Отец закрывает глаза и, похоже, мирно

засыпает. Через какое-то время я тоже засыпаю, но открываю глаза от очередных стонов – на часах ровно шесть. Оперативно впихиваю в него таблетки и ковыляю в свою комнату. Шея адски болит.

В кухне Рут – сидит в своем кресле, смотрит в пустой камин.

– Я все поняла, – заявляет она, пока я завариваю чай. – М-м-м, да ты же идеальная дочь! Вчера – «Пассиона», среди ночи – лекарство, сегодня с утра – чаёк... Никто ничего не заподозрит, когда ты убьешь гада.

– Не собираюсь я убивать.

Наливаю кипяток в заварочный чайник, накрываю его розовым чехлом. Руки дрожат. Старые привычки изменить трудно.

– Вики не ошиблась. Он не дружит с реальностью и явно страдает от сильной боли. Меня такая месть вполне устраивает. Я хочу лишь правды и справедливости.

Сверившись с назначениями Вики, я вытряхиваю из одной бутылочки голубые обезболивающие пилюли, из другой – белую капсулу; выдавливаю маленькую розовую таблетку из блистера. Рисую крупные крестики в трех соответствующих клетках таблицы.

– Справедливость, которой ты хочешь, называется месть. – Рут берет книгу, и я с немалым раздражением замечаю, что это «Гордость и предубеждение». – Послушай, у нас, в общем-то, два варианта. Первый – даем повышенную дозу лекарств. Скармливаем одну или две лишние таблетки, иногда три, в каждый прием, пока не наступит конец. Папаша не поймет, сколько и когда принял, потому что... – Рут копирует мои интонации, – «он не дружит с реальностью и явно страдает от сильной боли». – Она переворачивает страницу. – После чего возвращаемся каждая к своей жизни. Чем скорее, тем лучше.

– Ну конечно. По-твоему, после его смерти Вики не потребует вернуть таблетки и не заметит, что не хватает половины? Что за тридцать шесть часов он принял пятьдесят штук вместо шестнадцати? Мы будем лицезреть ее противную улыбочку до самого суда!

– Резонно. Поправка к первому варианту: мы звоним Вики и сообщаем, что у отца страшные боли. В ответ она *предписывает* давать обезболивающие чаще. Мы ведь почтительные дочери, и нами руководят исключительно любовь и беспокойство, как иначе? Вики, наверное, даже порекомендует увеличить дозу. Три таблетки вместо двух, и каждые три, а не четыре часа. Проблема решена.

– А второй вариант?

– Второй вариант... – Рут переворачивает следующую страницу. – Мы *не* даем отцу обезболивающие...

– Что?!

– Ну, Вики же сказала – ему грозит невыносимая боль, если он не получит лекарство вовремя. – Сестра театрально вздыхает. – Бедный, до чего же его будет жалко...

Она переворачивает очередную страницу и шепчет, растягивая слова:

– Тебе ведь не впервой такое делать, правда? Помнишь соду?

Я молчу, хотя обеим понятно, что я услышала ее мрачные намеки.

В комнате отца выкладываю горсть таблеток на прикроватную тумбочку. Он наблюдает, ворчит:

– Ты сказала медсестре, что мне надо больше обезболивающих?

Голос слабый.

– Вики – твой врач, папа.

– Она мне не нравится.

Смеюсь. Тут мы сходимся.

Включаю вентилятор, он обдувает нас струей холодного воздуха.

– Холодно, Гвен. Очень холодно.

– Тебе нужна прохлада, папа.

– Она хочет меня убить, представляешь?

– Кто?

– Медсестра. – Голос отца крепчает, как у Рут после долгого молчания. – Ты принесла чай?

– Сейчас налью. Сначала прими лекарства. Обезболивающие и... – Я не знаю, какие таблетки от чего; знаю только, что голубые – обезболивающие. – И от давления.

– Она хочет меня убить, говорю тебе.

– Папа, никто не хочет тебя убить.

Он неохотно глотает пилюли, которые я сыпаю ему в ладонь. Неожиданно делится:

– Твоя мама меня бросила. Как и все остальные. Она. Марк. Джой. Рут. Все меня бросили.

– Папа, ты путаешь. Мама умерла. Я здесь, и Рут тоже...

– Ты должна сходить на кладбище.

– Да, знаю. – Боже, он до сих пор мною командует, надоело! –
Навестить маму.

– Сходи с Рут.

– Да, да.

Можно подумать, Рут останется тут, пока я буду на кладбище.

Отец вдруг выгибается и воеет от боли. Надо бы его успокоить.

Погладить по спине. Предложить «Пассионы».

Я, не двигаясь, наблюдаю.

– Обезболивающие. – Голос вновь становится хриплым.

– Папа, ты только что их выпил. Скоро подействуют.

– Хотите меня убить. Ты и медсестра... – Отец хватается мою руку –
вверх, там, где шрамы. – Дай таблетки.

Он стискивает и выкручивает мне плечо. Шрамы начинают гореть.
До чего сильный, просто не верится!

– Прости, пап, прости.

И до чего же я слабая, просто не верится...

Он отпускает меня. Я, спотыкаясь, выхожу из комнаты.

В кухне рядом с пузырьком таблеток стоит сине-белая картонная
упаковка. Пищевая сода.

Рут внимательно смотрит на меня.

– Отлично, – говорит она тихо. – Справедливость и месть.

Глава 17

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Без пяти минут пять Гвен отправилась в хлев, как велел Джордж. По пути она гадала, не следовало ли заварить чай. Сколько времени уйдет на дойку ста двадцати коров? По минуте на корову? По десять минут? По полчаса? Определенно стоило поставить чайник.

При виде соседа по имени Роберт Ларсен Гвен удивилась. Такой старый! Наверное, в отцы ей годится. Высокий, крепкий, будто обгоревший на солнце, он болтал без умолку, смеялся над собственными шутками и часто путал слова. Рассказывал, что у него есть жена Барбара и сын Колин, которому пятнадцать и который готов помогать Джорджу с Гвен доить коров, потому что работы у Колина нет, но по ферме он умеет все. Интересно, подумала Гвен, почему у Колина нет работы?

– Разве он не помогает вам, Роберт?

– Доеение – это не для меня, Гвен. Я ему двадцать шесть лет отдал, хватит. Однажды проснулся, а мое самосознание, видать, работало сверхурочно, пока я спал, потому как я открыл глаза и заявил: «Дни твоей возни с молоком миновали, Роберт Ларсен!» Как раз настало время доить коров, а я взял да и продал их всех до одной, в тот же день. Вернулся с несколькими телочками. К ним я ни разу быка не подпускал и на бычий рев! Поэтому своих телят они не приносили и в дойке не нуждались. «Покупай, выращивай и продавай!» – вот как я говорю. Случилось это добрых восемь лет назад, и я ни дня не пожалел.

Джордж вел себя с Робертом приветливее некуда, улыбался и хохотал над шутками и байками. Наблюдая за мужем, Гвен решила, что в его недавней вспышке виноваты нервы, все-таки новая жизнь впереди... Он даже с улыбкой подмигнул Гвен, услышав от Роберта:

– Сейчас почистим все дезинсектором.

Да, Джордж – добрый человек, просто он переживает из-за перемен: жена, ферма, неизвестное будущее...

Однако, вернувшись в дом и обнаружив отсутствие готового чая, Джордж потемнел лицом.

– Не могу же я доить по утрам и вечерам – и приходиться к пустому столу. На нем должна ждать еда!

– Конечно, должна. Прости, дорогой.

Извинение было вознаграждено улыбкой, и Гвен облегченно вздохнула.

Глава 18

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

На следующий день в Церкви (Джой воспринимала это существование только так, с заглавной буквы) Джой была уверена – все вокруг либо высмеивают ее, либо осуждают. Причина крылась не только в уродливом лице Джой, но и в ее носках. В белых школьных гольфах, торчавших над церковными туфлями и подвернутых на манер церковных носочков.

Она мечтала о кремовых колготках, как у старших девочек. Носкигодились, пока она была маленькой, но Джой, между прочим, скоро пойдет в старшую школу! И заведет Друзей. Друзей, которые не носят в Церковь носки, и уж тем более подвернутые школьные гольфы.

Церковные туфли у Джой, конечно, имелись, но лишь потому, что школьные туфли никак не получится выдать за церковные. Эти ей подарили на прошлое Рождество, однако в нынешнем году новой пары ждать нечего, ведь ее нога только теперь доросла до прошлогодних туфель. Мама поступала грамотно: покупала детям обувь на размер больше, так что хватало на два года.

Чтобы не пачкать церковную обувь, они шли до фургона в резиновых сапогах, затем переобувались в туфли, а по возвращении домой – обратно в сапоги.

Имелось у Джой и церковное платье, с белым лифом, белым бархатным воротником, бледно-желтыми рукавами-фонариками, юбкой – тоже бледно-желтой, но из другой ткани – и фатиновым подъюбником, который жутко кусался. Мама заказала миссис Ларсен это платье, когда Джой было девять лет, и попросила сшить его из обрезков, оставшихся от платьев других детей. Потому подъюбник и кусался – очень уж много швов скрепляло между собой разрозненные лоскутки. Теперь платье было тесным, и Джой не сомневалась, что ей подарят новое на Рождество, ведь в Церковь необходимо одеваться как следует.

Она чувствовала, что Господь желал бы видеть заглавную «Ц» в названии Своих священных зданий, и удивлялась, почему Он не выражается яснее насчет разных там заглавных букв в важных словах

вроде слова «Церковь», пусть даже оно, согласно «Английскому языку для 5–6 классов», не является именем собственным. Если уж на то пошло, Он мог бы назначить «Церковь» именем собственным. Каким образом? Джой не знала, но ведь сумел же Господь заставить всех писать Его личные местоимения с заглавной буквы – значит, не так уж это и трудно. Пусть бы Он, например, издал дополнительные Десять заповедей – ведь с тех пор, как Господь вручил Моисею прежние, появилось столько нового! Скажем, Дьявольский ящик. У Хендерсонов его, конечно, не было, хотя многие купили себе эти ящики для просмотра Олимпийских игр. По словам отца, ящики забивали голову людей Дьявольской чушью. Поэтому одна из новых заповедей звучала бы так: «Не держи у себя и не смотри телевизор». Другая – «Пиши «Церковь» с заглавной “Ц”. Ну и, разумеется, «Будь пресвитерианином^[9], не поклоняйся папе римскому, не будь католиком, иудеем или язычником, не исповедуй никаких других ложных религий».

Тут, правда, кое-что не вязалось, поскольку Иисус был иудеем. Проблема в том, что иудеи не считали Его Сыном Божьим. Только зачем бы Господь посылал Его на Землю, и как бы Он творил чудеса, если бы не являлся Сыном Божьим? Отец прав – иудеи, католики и все остальные ошибаются.

Бредя под дождем ко входу в Церковь, Джой молила Господа сделать что-нибудь, доказать Свое существование. Прорваться сквозь тучи и нависнуть над всеми – или послать сюда другого сына (хотя это, конечно, трудновыполнимая просьба). Пусть сделает нечто – что угодно! – и тогда каждый убедится в Его существовании и в том, что Рай ждет только пресвитериан.

Англикане, баптисты и методисты, ведущие достойную жизнь, благодаря бесконечной милости Господа нашего, вероятно, попадут в Рай, потому что они протестанты. Хотя опять же, славят и молятся совершенно неправильно – и вполне могут не попасть.

У католиков, ясное дело, неправильно все, и им уготован Ад. На веки веков, Аминь.

Дикарям тоже. Джой жалела африканцев и аборигенов, которые даже не слышали об Иисусе или Боге, но должны были отправиться в Ад. С другой стороны, они убивали и ели друг друга, так что Господь вряд ли пустит их в Царствие Небесное.

Бедная Рут не ходила в Церковь из-за несчастья. Мама тоже не ходила – из-за Рут. Джой и Марк сидели по обе стороны от отца на передней скамье справа, перед Преподобным Брейтуэйтом, и выполняли все его указания. Вставали, садились, склоняли голову в молитве, пели псалмы, слушали хор, слушали проповедь, повторяли слова Преподобного или отвечали на них абсолютно правильно.

Сегодняшняя проповедь была посвящена греху обмана. Ложь, фальсификация, предательство, лицемерие, неблагонадежность, вероломство. Один грех – а сколько великолепных слов! Последнее Джой мысленно повторяла вновь и вновь... вероломство, ве-ро-ломство, ве... ро... лом... ство {пальцы бегают по тренькающим клавишам пианино}. Преподобный Брейтуэйт часто использовал множество слов для одного и того же понятия, и Джой это нравилось. Он был словно говорящий словарь синонимов {гудящий рой пчел}. Джой до сих пор с восторгом вспоминала тот день, когда впервые увидела на столе мистера Пламмера словарь синонимов.

Преподобный Брейтуэйт сказал, что все мы обманываем, и, даже если порой делаем это ради спасения себя или других от беды, все мы – лживые грешники, раздираемые вечной борьбой между повиновением Господу нашему и уступкой Дьявольским искушениям {пальцы в красной перчатке загибаются один за другим, подманивают ближе, ближе}.

Джой неизменно присваивала Дьяволу заглавную «Д», чтобы напоминать себе о Его величайшем Зле. Ее, конечно, удивляла заглавная буква, которую Бог даровал личным местоимениям Дьявола, зато ни капли не удивляло то, что английское слово *Devil* – Дьявол – содержало в себе слово *evil* – зло. И то, что при перестановке букв в *evil* получались слова *vile* – гнусный, и *veil* – завеса... ведь именно *завесу* пытался опустить *гнусный* Дьявол над святыми словами Господа. Не удивляло Джой и то, что при прочтении *evil* задом наперед получалось *live* – жить. Как будто зло – это изнанка той жизни, которой хочет от нас Господь.

Вот ведь интересно: одни образы удивительно подходили к значениям своих слов – например, Дьявол {чудовище с красными рогами, самолично управляющее Адом}, – а в других вообще им не соответствовали, как в случае со словом «пресный» {стена, выкрашенная поблекшей желтой краской}. Однако в основном

картинки были великолепны. Скажем, «пазл» {стадо зебр}. Или «роза» {темная бархатная подушечка}. Или «слог» {банановое пюре}, к которому прилагались запах, вкус и ощущение бананового пюре. Некоторые совсем уж невероятные слова надолго переполняли Джой эмоциями: к примеру, «бабочка» {ощущение при мысли о том, что однажды ты и в самом деле умрешь}.

Джой обожала слова. Однако не была уверена, что другие люди тоже наслаждаются чудесными образами и ощущениями. Она спросила маму – кажется, с тех пор прошло уже сто лет, – у всех ли возникают одинаковые картинки на одно и то же слово. Мама нахмурилась, ответила резко и прямо:

– Слова есть слова. Думай о картошке и чисть ее быстрее.

Когда в младшей школе Джой училась читать, образы мельтешили у нее перед глазами в полном беспорядке, и она не могла сосредоточиться на буквах. Однажды мистер Пламмер подошел к Джой, пытавшейся списывать с доски, и спросил (слава Богу!), почему у нее не получается.

– Я не вижу слов из-за картинок, мистер Пламмер. Они ведь постоянно сталкиваются друг с другом.

Несмотря на странное выражение его лица, Джой продолжала:

– А мы все видим одинаковые картинки, мистер Пламмер?

Это было очень трудно, тем более что повторять «мистер Пламмер» на занятиях приходилось без конца – и каждый раз перед ней возникал образ павлина.

– Ты, надо полагать, шутишь? – Голос мистера Пламмера звучал холодно. Так он разговаривал с близнецами Кин, когда те швырялись друг в друга палками. – Переписывай слова, пожалуйста, Джой, и не задавай глупые вопросы.

Она покраснела, растерялась. Вопрос был глупым потому, что все *действительно* видят одинаковые картинки, или потому, что все видят *разные*?

Джой знала – если уж мама с мистером Пламмером не собираются ничего объяснять, то другие и подавно. Потому о картинках в голове больше никого не спрашивала. Она давно усвоила, что существует много запретных для обсуждения тем. Например, какой на вкус перец {фейерверк}, или на ощупь цветок «львиный зев» {коровий язык}, или как важно остерегаться отцовского гнева {красный мяч, утыканый

острыми металлическими шипами}. Еще – несчастье Рут. Джой просто добавила к этому списку образы слов.

Девочка усвоила и другое: если изо всех сил сосредоточиться на значении слова, а не на его картинке, то можно проскочить за гигантский полог и отделить образ от значения. Полог был из тонкой промасленной белой ткани, и Джой видела форму, а иногда даже цвет образа, который хотел прорваться сквозь мембрану {яичный желток в стеклянной миске}. Замечательное слово «мембрана», спасибо за него словарь. Джой каждый раз старательно заталкивала непрошенный образ обратно, откуда бы он ни пришел; от усилий у нее громко стучало сердце и жгло глаза. Иногда, несмотря на все старания, она терпела поражение. Образ врывается в ее воспаленный мозг, наполнял его красками, движением, формами, а порой – звуками, запахами и текстурами. Возможно, это Дьявол прогрызал Себе путь в ее душу {светло-коричневый завиток дыма}. Джой закрыла глаза, описала головой круг – вдруг удастся ощутить, как Его красные щупальца вползают в мозг?..

...Левую руку обожгло болью. Джой открыла глаза и обнаружила, что кожу над локтем сжимают и медленно скручивают отцовские пальцы. Джой не представляла, о чем сейчас говорил Преподобный Брейтуэйт, но вот отца она точно огорчила – начала вдруг вертеть головой в Церкви, будто пьяная дурочка. Джой прикусила нижнюю губу, ведь вскрикнуть было бы непростительно, и вновь сосредоточилась на проповеди о вранье.

Последняя ложь Джой немедленно сгустилась вокруг нее, укутала, точно черные крылья гигантской летучей мыши.

– Нет, папа, честное слово, я не роняла яиц. Это, наверное, курица. Я видела скорлупу на земле.

Куры действительно иногда выталкивали яйца из гнезд, однако накануне такого не было.

Джой тут же вознесла Богу две молитвы одновременно. Первую, «настоящую», – о прощении. «Господи, прости меня, пожалуйста, за то, что я уронила яйцо и скрыла это. Ибо Твое есть царство, сила и слава во веки веков, Аминь». Вторую – «эгоистичную». «Господи, прошу Тебя, пусть мой отец не узнает. Обещаю, что буду чтить тебя во веки веков. Аминь».

– ...Ибо сказал Господь, – продолжал Преподобный, – «Я есть путь, истина и жизнь». Все грешники, да, все грешники, должны быть ввергнуты в вечные муки {терновый венец}, в место плача и скрежета зубовного, откуда нет спасения. Сегодня я взываю к вам: молитесь Господа Всемогущего о прощении грехов, дабы никогда не ведать вам геенны огненной, а познать лишь любовь Господа нашего. Встаньте, пожалуйста.

Все поднялись, склонили головы, закрыли глаза. Пока Преподобный Брейтуэйт молился, Джой размышляла над вопросом – если Бог всеведущ {идеальная бледно-голубая сфера, дрейфующая в пространстве}, всемогущ {идеальная маслянистая сфера серебристого цвета, дрейфующая в пространстве} и вездесущ {идеальная темно-синяя сфера, дрейфующая в пространстве}, то почему Он позволяет ввергать людей в вечные муки? Почему не обеспечивает каждого человека знаниями о правильном поведении, которое гарантирует попадание в Рай и уберезет от Ада?

– Во веки веков...

– Аминь, – подхватил хор голосов.

Органист заиграл гимн «Великий Бог», и дети стали протискиваться мимо взрослых в воскресную школу.

– Великий Бог! Когда на мир смотрю я,
На все, что Ты создал рукой Творца... [\[10\]](#)

* * *

Джой шла по внешнему проходу {длинная темно-бордовая лента} и представляла: вот двое творцов на Небесах – Иисус и Отец наш Всемогущий, оба в свободно развевающихся рабочих блузах поверх священных одежд, оба наносят легкие мазки на картину, установленную на золотом мольберте. Однако их великое творение наполняло Джой ужасом. На нем черные дикари, китайцы, обманщики, аферисты и католики падали в большую черную трещину в земле, а там, внизу, оранжевые языки пламени взметались к темному небу, покрытому зловещими тучами. Обреченные на Ад и вечные муки

вопили о милости, молитвенно складывали руки под подбородком, а красные демоны смеялись над грешниками, которые даже не слышали о Госпо...

Джой споткнулась о ступеньку перед актовым залом, и картина рассыпалась. Однако образ грешников, с воплями летящих в Ад, на веки вечные запечатлелся в ее воображении.

Глава 19

Джордж и Гвен

Август 1942 года

На второй день жизни на ферме в половине одиннадцатого утра в заднюю дверь постучал Роберт. С ним пришла Барбара; она вручила Гвен бумажный пакет с теплыми булочками к чаю. Благодарную Гвен охватило радостное волнение. Они с Барбарой непременно подружатся, пусть даже их дома – и возраст – разделяет большое расстояние.

Однако перед уходом Барбара попросила вернуть бумажный пакет, и выражение ее лица при этом было не менее жестким, чем булочки. К сожалению, к ним нашлось только сливочное масло, поскольку двоюродная бабка не положила в припасы варенья. Роберт с Джорджем обсуждали погоду, грязь и коров так, словно знали друг друга многие годы; Гвен же с Барбарой обменивались вежливыми вопросами и ответами. Барбара, сидевшая с поджатыми губами, наверняка быстро смекнула, что новая соседка ничего не смыслит в фермерстве.

После ухода гостей Джордж уселся что-то писать за кухонный стол, а Гвен начала мыть посуду.

– Больше никогда так не позорься. – Джордж протянул ей лист бумаги и улыбнулся. – Завтра у меня разговор с банкиром в городе. Можешь поехать со мной и купить все по этому списку. Видишь, первым пунктом идут «ингредиенты для варенья», уж не знаю, какие именно.

– О... – Гвен почувствовала себя так, будто он дал ей пощечину; с трудом выдавила ответную улыбку. – Прогуляться в город будет здорово.

Она прочла список. В животе екнуло – сахара по продуктовым карточкам никак не хватит и на варенье, и на те две ложечки, которыми Джордж любил подслащивать каждую чашку чая.

Он отправился проверять изгороди, и Гвен только тогда поняла, что так и не рассказала ему о своих планах на мастерскую.

...Поездка в город, о котором Гвен никогда раньше не слышала, заняла около часа. После знака с надписью «Добро пожаловать в Блэкхэнт. Население – 627 человек» пастбища уступили место домам из вагонки, расположенным на прямоугольных участках. Еще через

полмили показалось несколько магазинов. Гвен заметила горстку людей и воспрянула духом. В присутствии других Джордж расслабится и вновь проявит себя с доброй стороны.

Он припарковался у магазина с крупными жирными буквами на витрине. «Бакалейная лавка Арнольда». Достал бумажник, сказал:

– Вот продуктовые карточки и деньги. Купи продуктов на неделю. Список захватила?

– Да, Джордж.

До чего странно брать у него деньги...

– Я вернусь ровно через тридцать минут.

Гвен засекала время, положила карточки с деньгами в сумочку и вошла в лавку.

Арнольд был таким же старым, как Роберт, носил очки на кончике носа и, судя по улыбке, имел очень успешный бизнес. Когда на прилавке уже лежало все по списку, включая половину нужного количества сахара (пакет есть пакет), он спросил:

– Вы ведь только переехали в Блэкхэнт?

– Да. Нет. То есть не совсем. Мы с мужем купили ферму. За Блэкхэнтом.

– Правда? Это какую же? – поинтересовался хозяин лавки, пробивая стоимость каждой покупки по кассе.

– Какую? – глупо повторила Гвен. – М-м, довольно далеко от города. – Она указала направление. – Мы ехали сюда около часа.

– Неужели ту, которую Далглиши сбыли?

Что она могла ответить – «не знаю»? Гвен покраснела.

– Да, ту самую.

– Ого, работы у вас непочатый край, значит... Место страшно запущенное. С вас три фунта^[11] шесть пенсов, мадам, спасибо.

Она заглянула в кошелек. Джордж дал три фунтовые банкноты, и ни пенни больше. Гвен в ужасе подняла взгляд на Арнольда. Она – полная дура. Не знает, где живет. Не знает, где находится Блэкхэнт. И не может расплатиться за продукты. Голова кружилась. Казалось, она стоит на краю утеса и смотрит на темное море внизу.

Гвен слабо улыбнулась Арнольду.

– О боже... У меня только три фунта. Взяла с собой мало денег. Не могли бы вы... убрать две сосиски?

Она протянула хозяину три банкноты.

– Вот что... – Он улыбнулся фирменной улыбкой, очень располагавшей к нему покупателей. – Я отдам вам эти две сосиски даром, а вы пообещаете обходить стороной моего конкурента. Он чуть дальше по улице.

Гвен хотела возразить, но тут звякнул дверной колокольчик, и вошел Джордж. Сразу направился к прилавку, протянул руку и расцвел той самой улыбкой, которая в свое время покорила ее на танцах.

– Джордж Хендерсон. А вы, должно быть, мистер Арнольд?

Бакалейщик со смехом пожал руку Джорджа.

– Да, он самый, мистер Хендерсон. Только Арнольд – это имя, а не фамилия, так меня все и кличут.

Джордж тоже рассмеялся.

– А я – Джордж. С моей женой вы уже познакомились. Надеюсь, ты купила все по списку, дорогая.

Он взял ее ладонь, положил себе на сгиб локтя. Гвен улыбнулась, кивнула. Вот что такое «быть замужем» – с улыбкой стоять под ручку с мужем и болтать с приветливыми лавочниками.

– Я слышал, вы купили старую ферму Далглишей?

– Нет, – ответил Джордж. – Ферму Уэнтуортов. На Буллок-роуд.

– Уэнтуортов?

Гвен уставилась в пол, свободной рукой стиснула сумочку.

– А я-то подумал... ладно, видимо, неправильно понял. Что ж, заглянете к нам на следующей неделе, миссис Хендерсон?

Гвен не смела на него посмотреть.

– Да, конечно. Спасибо, Арнольд.

Прежде чем завести мотор, Джордж протянул руку и спросил про сдачу.

– О боже... Прости, Джордж, но сдачи не было.

Гвен открыла сумочку, показала, что там пусто, и сама удивилась, что извиняется.

– Хочешь сказать, вышло ровно три фунта?

– Да... то есть нет. – Голос Гвен вдруг стал тонким. Сумеет ли она солгать мужу? – Вышло даже немного больше трех фунтов, и я попросила Арнольда уменьшить количество говяжьего фарша.

Что с ней такое? Почему не сказать как есть: мол, Арнольд отпустил две сосиски бесплатно в обмен на обещание делать покупки

у него?

Джордж молча отъехал от лавки. Через некоторое время Гвен непринужденно спросила:

– Как прошел визит в банк?

Муж, не отрывая взгляда от дороги, вполне дружелюбно проговорил:

– Об этом не переживай. Я позабочусь о банке, а ты позаботься о доме. Вот как должно быть, дорогая.

Гвен, обрадованная его хорошим настроением, охотно согласилась и ответила с такой же любовью:

– Да, дорогой, спасибо.

– Управляющий банком поинтересовался, есть ли у тебя деньги. – Джордж по-прежнему смотрел только на дорогу. – Я сообщил, что ты была исключительно бережлива и делала накопления. Он воспринял новость с большим удовольствием и посоветовал нам обязательно пустить эти средства на закладную. Сказал, что это разумно.

– О...

Гвен не знала, правильно ли так поступать, но раз управляющий банком говорит...

– Когда поедем в город на следующей неделе, возьми с собой сберегательную книжку. Переведем твои накопления на выплату по закладной.

– Какую сумму?

– Ну... всю, дорогая. Так посоветовал банкир.

Джордж улыбнулся, снял с руля руку и похлопал ее по сцепленным ладоням.

Вечером, перед отходом ко сну, он указал на то, что Гвен неправильно сложила его носки, майки и трусы. Заставил повторить за ним «правильно». Пока она копировала действия мужа, ее лицо горело от унижения, и Гвен вновь чувствовала себя так, будто он дал ей пощечину. Второй раз за день.

Много месяцев спустя она уже не могла вспомнить, когда и за что случилась первая настоящая пощечина.

Глава 20

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

– Всем доброе утро, – слащаво пропел мистер Джонс.

Его рука покоилась на плече девочки, которую Джой видела впервые.

– Поприветствуйте, пожалуйста, в воскресной школе Фелисити и помогите ей почувствовать себя частью семьи Господа нашего. Джой, подвинься, пусть Фелисити сядет рядом со мной.

Группа состояла из учеников старше десяти лет. Все они, скрестив ноги, сидели кружком на жестком полу зала. Джой была старшей, и ей полагалось находиться рядом со стулом мистера Джонса. Освобождая место для Фелисити, Джой не могла отвести от новенькой взгляда. Та носила не только удивительнейшее имя, но еще и кремовые колготки, синюю юбку и пиджак в цвет, из-за чего выглядела семнадцатилетней девушкой. Джой натянула свое церковное платье на колени, пряча под ним гольфы.

На макушке Фелисити красовался невероятный по размеру пучок волос, обвязанный у основания тонкой белой лентой. Сзади из него свисали локоны до самого воротника, а лицо с обеих сторон обрамляли мягкие вьющиеся пряди. Джой потрогала собственные редкие и гладкие волосы каштанового цвета. Лучше б ее мама была парикмахером, а не цветочницей, делающей венки для покойных!

Фелисити, в отличие от остальных, не скрестила ноги по-турецки, а подогнула их влево, опустила левую ладонь на лодыжку и оперлась на правую руку, заняв при этом довольно много места. Ее правое запястье обхватывал золотой браслет, а левое – изящные золотые часики.

Взгляд Джой переместился с верхушки огромного, чудесного пучка Фелисити к ее туфлям, таким же синим, как юбка и пиджак.

– Хватит глазеть! – рявкнул мистер Джонс.

Джой густо покраснела – и лишь затем поняла, что он обращался ко всем. Кашлянув, мистер Джонс начал урок:

– Итак, о чем была сегодняшняя проповедь Преподобного Брейтуэйта?

Целых полчаса Джой была одновременно очарована и подавлена шикарнейшей Фелисити, сидевшей рядом в позе герцогини {гигантская стопка тончайшей оберточной бумаги}, и потому совсем не отвечала на вопросы мистера Джонса. Наконец им велели раскрашивать Христа, дарующего прощение Петру, и разрешили разговаривать. Тогда Джой начала задавать Фелисити вопросы, стараясь делать это как бы между прочим.

– Тебе уже есть двенадцать? – спросила она, раскрашивая лицо Христа розовым.

Фелисити ответила коротким кивком и принялась замазывать траву оранжевым цветом. Джой перешла к рукам Христа. После двенадцати лет почти никто из ребят не посещал воскресную школу, им это разрешали грешники-родители. Джой продолжит ходить сюда до пятнадцати лет, как делал Марк, а дальше будет оставаться в Церкви с братом и отцом до конца службы. Джой раскрасила ладони и ступни Христа розовым.

– Твои родители в Церкви?

Еще один короткий кивок.

Одеяние Христа должно быть светло-синим, за исключением полосы по краю. Джой перестала раскрашивать, посмотрела на мистера Джонса, который отошел поговорить с другим учителем, затем понизила голос и, сама себе поражаясь, выдала:

– Видишь девочку в клетчатом платье в группе с очень старым учителем? Это Марион Бекер, и ее родители не ходят в Церковь. Только привозят и забирают Марион. Так же и у Филиппа Макинтоша, рыжего мальчика из нашей группы. Его папа, ветеринар, Церковь тоже не посещает. В той группе еще обычно есть Венди Боскомб, но сейчас она отдыхает на курорте... они богатые, поэтому в Рай не попадут.

Фелисити уставилась сперва на Марион, затем на Филиппа. Джой раскрасила кант на хитоне Христа желтым – в подражание золотому на картинке в Библии. Спросила:

– Ты пойдешь в старшую школу Блэкханта в следующем году?

Фелисити покачала головой.

Джой взяла коричневый карандаш для одежд Петра. Как же это Фелисити туда не пойдет, если ей уже двенадцать? Возможно, она не очень умная, и ее оставили на второй год?

– Почему?

Ха! Теперь Фелисити не сможет ответить движением головы. Однако загадочная новенькая пожала плечами, выбрала зеленый карандаш и стала раскрашивать небо, оставив Христа с Петром бесцветными. Джой хотела подсказать, что небо должно быть синим, но тут раздался голос мистера Джонса:

– Джой! Сосредоточься, пожалуйста, на своем рисунке, а не на рисунке Фелисити.

Лицо Джой вспыхнуло от стыда. Внутри закопошились угри – и родились две беззвучные молитвы одновременно.

*прости меня за невнимательность.
Господи, прошу, Во веки веков. Аминь
пусть он не расскажет моему отцу.*

Она вновь взяла желтый карандаш, чтобы раскрасить нимб Христа. Фелисити же сделала Христу пурпурный нимб и оранжевые губы.

– Так, складываем карандаши в ведерко. – Мистер Джонс обошел ребят, голос его утратил слащавость. – Встаем на завершающую молитву.

Все поднялись. Джой взяла одной рукой сухую ладонь Полы Сандерсон, а другой – гладкую ладонь новенькой. Хоть какая-то польза от появления Модной Фелисити в воскресной школе – не придется держать за руку мистера Джонса. Тот уже затыкнул:

– Пусть благодать Господа нашего Иисуса Христа...

Джой повернула склоненную голову и чуточку {раздавленный муравей} приоткрыла правый глаз, чтобы глянуть на Фелисити. Та в упор смотрела на Джой. Наверное, удивляется уродливому лицу, решила Джой, но тут Фелисити широко улыбнулась. От потрясения Джой распахнула оба глаза, затем вспомнила, что их нужно закрыть, торопливо зажмурилась и склонила голову. Мистер Джонс закончил:

– ...Святого Духа пребудет со всеми вами.

– Аминь, – дружно откликнулись ученики.

По пути к выходу Фелисити оттащила Джой в хвост группы и прошептала:

– Ты не закрывала глаза во время молитвы.

Она выглядела довольной и, конечно же, собиралась наябедничать отцу Джой о том, что та подглядывала.

– Я просто... – пробормотала Джой и осеклась. – А ведь ты тоже.

Фелисити визгливо хохотнула.

– Ага, ты меня подловила!

– Почему ты не закрывала глаза?

– Хотела посмотреть, кто чем занят. Это гораздо интересней. И вообще, Бог не говорит, что во время молитвы обязательно закрывать глаза.

Джой немного подумала. Фелисити права.

– Почему ты не пойдешь в старшую школу?

– Пойду, конечно. Просто не в твою.

– А в какую же тогда?

– В дурацкую старую школу Святой Анны.

– Святой Анны?! Это католическая школа? – Джой открыла рот от изумления.

– Англиканская.

– Разве ты не пресвитерианка?

– Не знаю. Мама с папой говорят: не важно, в какую церковь ходить; главное – молиться от души и быть доброй ко всем.

...Джой ждала Марка у большого треугольного крыльца Церкви и наблюдала за встречей Фелисити с семьей. Родители Фелисити оказались смуглыми и потрясающими, и у нее тоже имелся старший брат. Она показала им свою раскраску, все четверо громко захохотали, и отец поцеловал Фелисити в лоб. Затем родители представили ее своим взрослым собеседникам, и она стала тоже разговаривать с ними и смеяться, как взрослая. При каждом взрыве смеха Фелисити заправляла пряди волос за ухо, в точности как ее мама. Густые, ровные черные волосы миссис Фелисити достигали плеч, кончики немного закручивались внутрь, и на ней не было шляпы. Остальные женщины в Церкви носили короткий перманент^[12] и белую широкополую шляпу, дополненную пластмассовыми цветами.

Появился Марк, и они сели в фургон ждать отца: Джой на заднем сиденье, брат впереди. Отец всегда покидал Церковь последним, если не считать Преподобного Брейтуэйта. Преподобный стоял в притворе, говорил слова благодарности и прощания каждому выходящему, а отец, который дольше всех служил в Церкви старейшиной, высился рядом,

произносил несколько слов, тряс руки, будто Преподобный сам не справился бы. Сегодня же Преподобный Брейтуэйт с отцом направились от порога Церкви напрямиком к новой семье.

– Ну и показуха, – заметил Марк.

Джой тихонько фыркнула в знак согласия.

– Посмотри на него, – продолжал брат. – Сама приветливость, ведь они новенькие и явно богатые. Спорим, он рассказывает им о том, что дольше всех служит старейшиной, состоит в восьмидесяти семи комитетах и знает всех и каждого.

– «Здравствуйте, я Джордж Хендерсон, – низким голосом произнесла Джой. – Я состою в восьмидесяти семи комитетах, дольше всех служу старейшиной в Церкви и являюсь самым набожным христианином в мире».

Марк со смехом обернулся.

– В точности как он! Когда ты научилась?

– «О чем ты? – тем же низким голосом протянула Джой. – Я Джордж Хендерсон, и я идеален. Однажды я попаду в Рай, а вот мои дети будут гореть в А...»

– Ш-ш-ш, идет!

Язык Джой мгновенно прилип к небу. Она смотрела из окна, как семья Фелисити идет к большому сверкающему автомобилю. «Они богаты, – подумала Джой и устыдилась своих слов о том, что богатые родители Венди Боскомб не попадут в Рай. – Ну и ладно, все равно эта Фелисити – зазнайка и модница».

Фелисити открыла дверцу машины, обернулась и с широкой улыбкой энергично помахала Джой. Та, смущенная, но обрадованная, не менее энергично помахала в ответ.

За обедом отец без умолку рассказывал о семействе Фелисити. Дома он никогда не был таким разговорчивым, только при гостях. Когда Джой сменила церковное платье на обычную одежду и вошла в кухню, отец уже делился новостью с мамой.

– Они приобрели две соседние фермы по другую сторону от города, на Пепперелл-энд-Бутс-роуд. – Он, без сомнения, был впечатлен.

Джой села, угри в желудки взвились – почему отец никак не выучит слово «приобрести»? «Приобрести» – это совсем другое!

– Две фермы? – переспросила мама.

Отец продолжал, словно она ничего и не говорила:

– Они городские, так что долго не продержатся. Еще прибрали по аптеке в Блэкханте и Конгарре, но он такой же аптекарь, как и фермер. Понятия не имею! – добавил он, как бы упреждая вопрос жены. – Роберт подозревает, что они инвесторы.

Дети вопросительно уставились друг на друга. Сколько же денег у этих новеньких? Что такое инвестор? Зачем они переехали *сюда*?

– Кроме того, на время каникул я записал вас обоих, – отец указал ножом сперва на Марка, потом на Джой, – в группу по изучению Библии. Вторник и четверг, по утрам. Куда лучше, чем целыми днями болтаться тут без дела.

Брат с сестрой дружно сказали: «Да, папа» – воспитанно и достаточно громко, чтобы не дать ему повода рассердиться.

Вечером, пока Рут расчесывала волосы, Джой рассказывала ей об одежде, причёске и матери Модной Фелисити.

– Видела бы ты волосы миссис Фелисити! Такие ровные и красивые...

Сестры немного помолчали.

– Жаль, что ты не ходишь в воскресную школу вместе со мной.

– Ты же знаешь, я не могу! – Голос Рут был не шелковым, а резким, как укус хорька.

Конечно, ее следовало пожалеть, но Джой чувствовала лишь знакомый белый трепет зависти. Он возникал в затылке, заползал под волосы, растекался по телу. Решив не ссориться с сестрой, девочка отвернулась, вытщила словарик и раскрыла на новом слове. Однако все это время она ощущала леденяще-синий гнев Рут, прожигавший дыру в Джой где-то на уровне лопаток.

«Что отец, что дочь», – подумала она.

Глава 21

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Надо поскорей решить некоторые вопросы, и тогда я смогу уехать, как только все закончится. Например, разобраться с кормлением кур. Куда, интересно, он девал яйца? Уж точно не бисквиты с меренгами пек. Возможно, варил и клал на тост. Неужели научился варить яйца и делать тосты? Даже это кажется невероятным.

Стою возле загородки, наблюдаю за курами под палящими лучами солнца, которое подогревает мои шрамы, – и ничуть не удивляюсь маминому появлению. Она выходит из-за курятника, зовет «цып-цып-цып». Берет на руки курицу, зажимает под мышкой, поглаживает.

– Хоро-о-шая девочка, – говорит спокойно. – Хоро-о-шая Рут.

Как мне было не завидовать сестре? Мама ни одну курицу не назвала «Джой».

Заставляю себя не обращать внимания на маму и вхожу в деревянный курятник. В гнезде борются за место разбитая скорлупа и маленькие хрупкие яички в крапинку. Разбитая скорлупа означает, что куры начали есть собственные кладки, а это, в свою очередь, означает, что птиц давным-давно не кормили и яйца не собирали.

Корыто для воды пусто, несмотря на полипропиленовые трубы, тянущиеся под землей от пруда к каждому корыту на ферме. Полипропилен. Я любила это слово не меньше, чем его образ – чечеточника в смокинге.

Пустое корыто наводит на мысль – пруд, вероятно, высох. И то, что лежало на дне, теперь выставлено на всеобщее обозрение.

Наливаю воду из ведра, наполненного в прачечной. Интересно, скоро ли опустеет емкость, из которой поступает вода в дом? Сыплю зерно в кормушку. Последний ужин. Пока обрадованные Рут суетливо толкаются, я их пересчитываю. Мама тут как тут, кивает укоризненно – ведь я трачу время на подсчеты, тогда как ей ответ известен. Мама стоит в углу, удивляется – неужели она произвела на свет столь непохожую на себя дочь? Разумеется, в курятнике двенадцать Рут. Так было всегда, пока одна не попадала в духовку.

В большой комнате передвигаю ползунок телефонного справочника на «К» – «Куры». Джинни Поллард спрашивает, сколько их. В первый миг я думаю ответить «одиннадцать» и приготовить на ужин жареную курицу. Однако перспектива взять в руки топор и обезглавить одну из Рут вызывает тошноту. Ровно дюжина, отвечаю. Джинни задает вопрос, несутся ли куры.

– Да, я сегодня утром готовила омлет.

Она соглашается взглянуть, пока без обещаний.

Приезжает вовремя, за машиной – крытый прицеп, который Джинни подгоняет поближе к курятнику.

– Значит, еще несутся? – интересуется вновь, толкая дверцу загона.

Недоверчивый тон меня задевает.

– Да-да.

– Почему тогда вам они больше не нужны? – Она берет в руки одну птицу.

– Ну, куры не мои. Принадлежали отцу.

– Я не знала, что он умер. Когда?

Гостя щурится от солнца, а я раздражаюсь – надо же, заметила прошедшее время в моем ответе.

– Нет, он еще жив. Однако... умирает. – Эта Джинни Поллард выбила меня из колеи. – Ну, то есть скоро умрет.

Она перестает гладить курицу, которую держит под мышкой.

– Что?

– Так сказала врач, – оправдываюсь я. – Я за ним ухаживаю.

«Как хорошая дочь».

– Ясно.

Джинни кладет курицу в прицеп и вновь поворачивается ко мне.

– Тогда почему вы не заберете их себе?

– Я живу в Дарвине.

Зачем я так сказала?! Что со мной тут происходит, почему я столько вру?

– Угу, – откликается Джинни.

Когда все двенадцать кур оказываются в прицепе (быстрее, чем отец ловил одну и сносил ей голову сверкающим топором), мы исправно обмениваемся деньгами, и Джинни с двенадцатью Рут исчезают в конце подъездной дорожки.

Впервые за сорок – или даже больше – лет курятник пуст. Если не считать мамы в углу, которая грустно машет последним Рут. Или мне? Не знаю.

Смотрю на часы. Нужно глянуть, высох ли пруд, а затем дать отцу очередные таблетки.

Глава 22

Джордж и Гвен

Ноябрь 1942 года

В пятницу, которая знаменовала ровно три месяца со дня приезда на ферму, Гвен мыла тарелки после завтрака и размышляла о том, что новый ритм ее жизни изумил бы двоюродную бабушку и Джин – да и прежнюю Гвен тоже. Встать в четыре сорок пять, приготовить Джорджу завтрак перед дойкой (какое счастье, что есть Колин, иначе пришлось бы помогать мужу доить коров), убрать после завтрака, выстирать вчерашнюю одежду в медном котле, подмести и вымыть пол в кухне, испечь булочки или печенье с изюмом для утреннего чаепития Джорджа, пропустить выстиранную одежду через пресс для отжима и развесить на веревке, состряпать обед и убрать после него, подмести и вымыть ванную и туалет, приготовить Джорджу дневной чай и убрать после него, занести одежду, подать чай, упасть в постель в восемь тридцать, лечь на спину и отдаться Джорджу. Повторить все на следующий день.

Во веки веков, аминь.

Разнообразие в этот распорядок вносили лишь воскресные утренние походы в церковь и закупки продуктов по понедельникам. Денег и времени на танцы или губную помаду не было, потому что постоянно требовалось чинить или покупать ограду, корыта, инструменты, насосы и технику, оплачивать бесконечные счета и закладную.

Накануне вечером Джордж, сидя на своем обычном месте во главе кухонного стола, записал какие-то цифры в синюю счетную книгу, захлопнул ее, потер лоб и застонал. Гвен спросила, может ли она чем-нибудь помочь, но Джордж проворчал, что у нее и так полно готовки и работы по дому. Затем улыбнулся широкой, искренней улыбкой, от которой Гвен всегда таяла – последнее время в основном от облегчения.

Она не знала, сколько Джордж должен за ферму и сколько у него осталось от наследства. Знала лишь одно: в первый день месяца приходил чек с маслозавода. Сумма зависела от общего количества молока, которое в предыдущем месяце Джордж с Колином по утрам и вечерам выкатывали в тележке на дорогу. И еще знала, что с каждой

неделей затраты росли. Гвен переживала. Вдруг появятся дети? Она надеялась на это и предполагала, что Джордж тоже, раз он купил дом с тремя спальнями. Однако если средств на жизнь не хватает даже сейчас, то что будет с появлением дополнительных едоков?

Джордж явно тревожился из-за денег: теперь он выдавал ей по понедельникам лишь два фунта десять шиллингов на ведение домашнего хозяйства и прочесывал заброшенные постройки в поисках веревок, старой проволоочной изгороди, гвоздей и других материалов, лишь бы не покупать ничего нового. Гвен следовало очень стараться: быть бережливой, подавать чай вовремя, содержать дом в чистоте, прилично выглядеть на церковных службах и в городе. Если она разочаровывала мужа, то чувствовала себя плохой и удваивала старания, не желая его сердить.

Однако, болтая мыльным шейкером в горячей воде, Гвен ощущала странное удовлетворение от того, что сумела покориться новому укладу, согнулась перед ним, точно ива на ветру. Она криво усмехнулась и вздрогнула от боли, прострелившей от языка до правого глаза. Язык был прикушен сегодня утром, когда голова оказалась прижатой к левому плечу: Гвен передержала на огне тосты и яйца, и тем самым рассердила мужа, который вернулся с дойки на несколько минут позже обычного.

Опустив первую тарелку в мыльную воду, Гвен подумала, что совершенно не умеет быть женой. Точнее, *хорошей* женой. Ведь главная беда заключалась в том, что сердился Джордж лишь на нее, и больше ни на кого. Он уже пользовался уважением в округе: был приветлив и отзывчив, помогал соседям чинить изгородь, вытаскивать застрявших телят, ремонтировать водные насосы, сломанные трактора и ветряные мельницы; и никто из этих людей не вызывал в нем гнев. Одна Гвен. Она, и только она. Гвен поджала губы, сделала сосательное движение, смачивая слюной ноющий язык. Она не соответствовала званию жены. Нисколько. Все потому, что никогда не жила в доме с мужем и женой, не видела нормальной семьи.

Джордж, конечно, работал тяжело, тут сомневаться не приходилось. И был ревностным христианином. За последние пару недель он вступил в два местных комитета и в музыкальную группу в качестве гитариста. Услышав об этом, Гвен удивленно приподняла брови, а Джордж похлопал ее по руке и сказал:

– Мы должны стать частью общины, дорогая. Внести вклад.

Тогда Гвен поделилась своим желанием посещать группу вязания крючком, о которой говорила одна женщина в церкви. Рука Джорджа перестала похлопывать ее руку. Он ненадолго задумался, затем поджал губы и медленно покачал головой.

– Ты действительно хочешь тратить свое бесценное время на *вязание*? – Последнее слово прозвучало презрительно. – Ты же едва успеваешь делать все по дому!

Разумеется, Джордж был прав, но Гвен так скучала по женскому обществу, по подругам... Даже по двоюродной бабке.

Выглянув в окно, она увидела мужа: тот чинил забор. Со смесью облегчения и удовольствия вспомнила – несмотря на сегодняшний инцидент с завтраком, она теперь редко сердит мужа во время еды, потому что знает его предпочтения. Картофель жареный или в виде пюре... горох с морковкой, никаких других овощей... любое мясо, но не ливер... овощной суп, только не томатный... лимонный пирог с меренгой, бланманже или тушеные фрукты, никаких других десертов.

Когда Гвен с Джорджем только поселились на ферме, они постоянно обсуждали за едой изгороди и пастбища, коров и пруд, расходы на электричество, погоду и возмутительные счета от ветеринара. Гвен нравилось столь глубокое погружение в новые фермерские обязанности, однако когда она предложила для экономии времени установить ворота между бычьим выгоном и пастбищем у пруда, Джордж возразил – не хватит денег. В ответ же на просьбу перенести вечернюю дойку и чаепитие на более раннее время, чтобы сходить в кино, муж ответил – коров доят в пять часов не просто так, пора бы ей это усвоить; к тому же в семье нет денег на глупости вроде кино.

Он был, конечно, прав. Что Гвен понимала в фермерстве? Да и в любом другом деле, если уж на то пошло... Кроме цветочного, наверное. Неудивительно, что Джордж на нее сердился, ведь она постоянно его разочаровывала. Гвен следовало изменить некоторые свои привычки, выучить желания Джорджа и позаботиться об их исполнении. С едой ведь получилось... Тогда все наладится.

Вытирая стол, Гвен подняла взгляд на небольшой настенный гобелен. Через три недели после заселения на ферму Джордж сказал, что на стену в кухне нужно что-нибудь повесить. Гвен представила себе

картину с красными розами или желтыми маргаритками. Однако Джордж подразумевал другое.

В ближайший понедельник муж велел ей купить у Арнольда меньше мяса на неделю, а взамен взять небольшой квадратный лоскут синего бархата и моток белых вышивальных ниток. Следующие дни Гвен вышивала выбранные Джорджем строки, пока варился картофель. Раньше, в цветочном магазине Стэна, ее пальцы чудесно ладили друг с другом, поэтому их нынешние ссоры за вышивкой очень раздражали. Каждый вечер, когда подходило время сливать картофель, она вздыхала над корявыми буквами. На шестой день ее обуяло желание выкинуть вышивку в помойку и начать заново, но это стало бы ужасной тратой денег.

Джордж, казалось, не заметил, какой кривой вышла работа, или не придал этому значения. Он пропустил сквозь верхний шов тонкую деревяшку с проволокой и повесил уродство на гвоздь, который вбил в стену над столом. Теперь каждый раз, когда Гвен ела или резала овощи, перед ней маячил злополучный гобелен, и не смотреть на него было невозможно. Не в этом ли состояла задумка Джорджа?

Глава 23

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

На следующий день Джой исполнилось двенадцать. Она полежала в кровати несколько минут, наслаждаясь приятным покалыванием в теле. На год старше!

– С днем рождения, Джой, – сказала Рут; ее родимое пятно сморщилось от широкой улыбки.

В кухне на столе лежал сверток в коричневой бумаге.

– С днем рождения, Джой. Открывай подарок, – произнесла мама, поцеловала дочку в лоб и коротко обняла. Добавила: – Я всегда буду помнить день, когда ты родилась. – И смахнула слезу.

Мама говорила так каждый год, и Джой не понимала, чем вызвана слеза – радостью или печалью. Или тем и другим?

Марк поддразнил:

– Двенадцать? Малышка!

Джой безмятежно улыбнулась. Завтраки она любила больше всего, потому что отец в это время был в хлеву вместе с Колином; они доили коров и убрали навоз.

Джой перевернула сверток, развязала бечевку. Марк выпалил:

– Свитер!

Джой достала толстый свитер того же горчичного оттенка, что холодильник и страх Марка. Она, правда, мечтала о новом церковном платье, в котором могла бы поразить Фелисити, но все равно обрадовалась подарку – ей не покупали свитеров уже два года, а отец предрекал очередной холодный и влажный сезон. Лило неделями, земля превращалась в сплошную грязь. До наступления декабря все жаловались на приближение лета^[13], которое принесет засуху и лесные пожары, однако дожди не прекращались, и теперь все жаловались на сырость, которая не дает заготавливать сено. А если не заготовить сена, то зимой коровам нечего будет есть... значит, они дадут меньше молока... и значит, будет меньше денег, хотя цены на все остальное поднимутся быстрее, чем вода в дождемере^[14].

Отец винил правительство. Эти льстивые законники ни дня не трудились по-настоящему. Не пробовали загонять коров в грязи по

колени, зарабатывать на жизнь собственными руками и мускулами, бороться с погодой каждый божий день.

Джой знала, что ее семья никогда не сможет позволить себе обложки для новых учебников.

Она положила подарок в третий ящик своего комода, поверх старого зеленого свитера, полученного два года назад, и приступила к домашним обязанностям.

Больше всего Джой ненавидела мусорное ведро, которое приходилось опустошать в рифленый железный бак на ближнем пастбище. В бак попадало все, что туда вмещалось: пустые консервные банки и бутылки, головы угрей, ветошь; мертвые крысы и мыши, наевшиеся рассыпанной отцом отравы; негодные батарейки; разбитые тарелки, которые уже не склеить; старая проволока, дырявые ведра, газеты и прочие сломанные, старые и бесполезные вещи. Каждый раз, когда что-нибудь выкидывали в бак, следом летела свернутая в тонкую трубочку и подоженная газета. Потому, несмотря на бесконечные дожди, в баке всегда тлел огонь, из него поднимался дым. И тошнотворная вонь.

Джой взобралась наверх вдоль стены бака по деревянной лесенке. Перил не было, поэтому одной ладонью она опиралась на волны рифленого железа, а другой сжимала ручку мусорного ведра. На последней ступеньке подняла его над собой, наклонила над краем бака и постучала, вытряхивая мусор. Она всегда очень боялась не удержать ведро, упустить в бак – или сломать, постучав слишком сильно. Бак, между прочим, стоял на трещине в земле, а трещина вела прямо в Ад, что объясняло неугасающий огонь и отвратительный запах.

Днем Джой поехала с мамой в город. Мама делала закупки по понедельникам – в день самых низких цен и выхода газеты.

Остановились у газетного киоска, и Джой побежала внутрь. Вернувшись в фургон, протянула газету маме. Та, уже с красной ручкой наготове, быстро перелистнула страницы на раздел объявлений и так же быстро произнесла:

– Будем надеяться, сегодня нас ждет удача.

Однако маму интересовали не праздничные объявления о днях рождения или годовщинах свадьбы. Нет, она внимательно читала некрологи. А «удача» означала похороны, которые привлекут много людей. Похороны человека уважаемого и любимого, вроде учителя

начальной школы, или человека влиятельного, вроде члена местного совета. Или ребенка. Чем трагичнее смерть, тем больше заказов. «Ни один фермер не готов переплачивать городскому цветочнику за венки, которые выкинут в день изготовления. Да и многие горожане не готовы». Джой помнила, как пару лет назад мама облизнулась при виде сорока с лишним некрологов о внучке управляющего маслозаводом, которая умерла через несколько часов после рождения.

Интересно, отправилась ли малышка Стефани прямо в Рай, к Христу, который сидит по правую руку Бога-Отца Всемогущего? Джой знала – люди, которые писали Библию, имели в виду «справа от Бога-Отца Всемогущего», но не понимала, как можно сидеть у кого-то *по* руку. Вот *на* руке – это куда логичнее. Она часто представляла бедную сплюсненную ладонь Господа под попой Христа. И тут же молилась о прощении. Иногда воображала, как Бог выдерживает Свою онемевшую руку из-под Христа, трясет ею, разгоняя кровь, и говорит: «Ради всех святых, Сын, хватит сидеть на моей правой руке. Я не могу издавать священные заповеди». Христос отвечает: «Прости, Папа, но я объявил всем, что не сойду с твоей правой руки во веки веков. Ты же не хочешь сделать из меня лжеца, правда?» И они катаются по Небесам со смеху в своих девственно-чистых одеждах, и Господь забывает, какую заповедь Он собирался издать. Видимо, именно тогда в мире происходит плохое.

Джой было интересно, становятся ли люди в Раю старше, ведь непонятно, чем там могут заниматься младенцы вроде Стефани целыми днями, тем более вечность?

Хотя вот католики, например, верили в Чистилище – место, где нужно ждать, пока люди на земле вознесут за тебя много усердных молитв, попросят впустить тебя в Рай. Джой представляла Чистилище чем-то вроде зала ожидания на маленькой глухой железнодорожной станции. Там стоял холод, уныло бродили толпы грешников, у них были тусклые коричневые пальто, тусклые грязные шарфы и тусклые серые глаза. Когда открывалась дверь, внутрь врвался злой ветер, с пластиковых столиков спархивали бумажные салфетки, кто-то стучал по автомату с напитками, а на улице дребезжала и лязгала ржавая жестяная вывеска. К платформе примыкала единственная железнодорожная колея, которая тянулась в обоих направлениях. Рай – направо, Ад – налево. Или, может, наоборот. Никто не знал. Временами

у платформы со скрипом тормозил ржавый поезд, на который не решались смотреть – вдруг он забирает пассажиров в Ад? Однако это не спасало. Если человека отправляли в Преисподнюю, то винить он мог только себя. И своих родственников-католиков, которые мало за него молились...

Мама убрала ручку в сумку, бросила газету на заднее сиденье.

– Ничего хорошего. Только бедная старушка за восемьдесят. Получу заказ на два венка, если повезет.

В супермаркете Джой толкала тележку, а мама сравнивала цены за унцию или жидкую унцию; записывала на обратной стороне старого счета, что куплено и сколько денег уплачено. В одном конце супермаркета находился длинный прилавок, где клиентам отмеряли нужное им количество товара: например, десять унций изюма или две чашки заварного крема в порошке. Очень удобно, потому что на полках все продавалось только упаковками. Джой нравились большие темно-бордовые жестянки, в которых хранились сыпучие продукты, и черные надписи на этих жестянках – они выглядели наследием какой-нибудь исчезнувшей цыганской цивилизации. Здесь же можно было купить «второсорт». Мама заказала полфунта^[15] ломаного печенья «Мишки», потому что их любил отец, а ломаное печенье не отличалось по вкусу от целого, зато стоило в два раза дешевле.

Джой с мамой ходили по проходам между полками, мама записывала цены и подбивала остаток средств. Во время закупок она всегда объясняла свои действия, учила Джой – ведь когда-нибудь ей предстоит вести собственное хозяйство.

– Ты получаешь на недельные расходы лишь определенную сумму, и выходить за ее пределы нельзя. Представь, как стыдно будет, если денег не хватит...

Джой знала, что каждый понедельник вечером мама должна показывать список покупок отцу. Когда они положили в тележку полфунта обычной муки («Незачем переплачивать за муку с разрыхлителем, если можно просто добавить соды»), мама подбила баланс.

– Перебор на девять пенсов. Что-то надо вернуть.

Джой предложила ломаное печенье.

– Нельзя, – хмыкнула мама. – Скажут: мало ли, что мы с ним сделали... Может, чихнули в пакет или налили туда крысиного яду. Нет,

придется отложить запечатанную пачку – либо сахар, либо рис. Идем.

По дороге к полкам с сахаром мама рассказывала, что давным-давно, до появления супермаркетов, в городе была бакалейная лавка.

– Хозяина звали Арнольд. Мы дружили. Вроде как. – Она поменяла большой пакет сахара на маленький и пересчитала баланс. – Потом построили супермаркет, и лавке Арнольда пришел конец. Я хотела и дальше покупать у него, но твой отец настаивал на супермаркете – говорил, там намного дешевле. И был прав.

Вздохнув, мама продолжила:

– Как-то я приехала в город после выполнения одного большого свадебного заказа и решила заглянуть к Арнольду – гулять так гулять. На заказе я заработала около двух фунтов, а мне тогда на хозяйство выделялось только два фунта десять шиллингов на всю неделю. Это было через четыре месяца после открытия супермаркета, я хотела купить у Арнольда продуктов на неделю и объяснить, почему больше к нему не хожу. Однако лавка стояла закрытой, а в окне висело объявление – благодарность всем клиентам. – Мама вручила Джой пакет риса, указала на меньший пакет на полке. – Не знаю, за что Арнольд нас благодарил. Уж точно не за покупки в супермаркете.

...Мясник, торговавший на той же улице, оказался с пониманием. Взвесил все товары, подсчитал сумму, сообщил маме и дождался ее распоряжений: убрать часть сосисок, заменить несколько больших отбивных маленькими, выбрать кусочек говяжьей солонины поменьше и убавить количество свиных обрезков, ведь в жаркое для объема можно добавить картошки и моркови.

Когда вышли от мясника, мама вдруг улыбнулась и повела удивленную Джой назад в супермаркет. Прямоком в отдел канцелярских товаров. Сейчас Джой купят полиэтиленовые книжные обложки! Вон они, на нижней полке...

Однако мама взяла не обложки, а рулон чего-то похожего на плотную белую вощеную бумагу. Этикетка гордо гласила: «Новинка! Самоклеящаяся пленка!» Мама положила рулон в тележку, нагнулась к ценнику обложек на нижней полке и внесла в свой список «П/э обложки для книг – 1 ш. 6 п.». Джой посмотрела на цену пленки: 3 ш. 9 п.

– Мам, ты написала...

– Пленкой, – перебила мама, кивнув на загадочный рулон в тележке, – мы обернем твои учебники. Это как обычная обложка, только прилипает к книгам, как... как кожа кролика липнет к кролику. Пленка дорогая, зато в конце года мы продадим учебники гораздо дороже, так что оно того стоит.

– Ты же записала неправильную цену.

– Вовсе нет. Я *всегда* пишу правильную цену, – ответила мама и направилась к кассе.

Когда проехали надпись «Спасибо за посещение Блэкханта. Возвращайтесь поскорее!», мама обратилась к Джой:

– Пленка... не скажем отцу, сколько она стоит, хорошо? Это секретный подарок тебе на день рождения.

Джой кивнула.

– Мы с тобой будем есть маленькие отбивные и меньше сосисок. Отцу и Марку нужно поддерживать силы для работы на ферме, а ты не жалуйся на маленькие порции. Ни словом, поняла?

Довольная Джой вновь кивнула.

Лишь в миле от дома, когда уже переехали ручей Кукабарра, Джой с темно-зеленым ужасом поняла, что мама собирается солгать отцу, что она – грешница, обреченная на муки Ада. Мама будет кричать день за днем веки вечные из-за своей лжи – и из-за того, что там, внизу, слишком жарко для выращивания цветов.

Вдруг мама умрет прямо сейчас в жуткой аварии и не успеет помолиться о прощении? Вдруг из-за угла, взвизгнув шинами, выскочит молоковоз, за рулем которого будет сидеть Сатанинский бес-ангел, которому приказано как можно скорее отыскать побольше грешников, – и врежется в грузовик, а мама не успеет ни помолиться, ни свернуть с дороги? Не успеет сказать Джой: «Я тебя люблю»...

– Разве это не грех?

– Записать не ту цену? Не рассказать *ему*?.. Это невинная ложь. Только и всего. Мы потратили чуть больше на один товар и чуть меньше – на другой, но общая сумма правильная. Просто маленькая невинная ложь, которая никому не навредит.

Вместо ответа Джой молча взмолилась: «Господи, прошу, не дай молоковозу в нас врезаться. Ибо Твое есть...»

– К тому же, если я не скажу отцу, это уже не ложь. Я и не скажу, иначе он расстроится. Я не хочу его расстраивать. А ты хочешь?

– Нет.

Значит, «не говорить», чтобы не расстраивать, можно? Интересно, согласен ли с таким подходом Преподобный Брейтуэйт? Джой поскорее выкинула последнюю мысль из головы, потому что это очень даже логично – «не говорить», чтобы не расстраивать. Особенно отцу.

Вечером, пока отец заседал в комитете, Джой с мамой обернули новые учебники пленкой. Работа была кропотливой {кроличьи усики}: на обложках вспухали пузыри и образовывались морщины, но по ее окончании Джой собирала обрезки, которые Марк отнесет в мусорный бак, и думала о том, что она еще никогда так замечательно не проводила время с родными, хотя и поглядывала на «Гордость и предубеждение» с глубокой розовой тоской и до сих пор не знала общепризнанной истины, раскрываемой на первой же странице.

Позже Джой рассказала о мамином поступке Рут. Та не удивилась.

– Все лгут, Джой. Даже мама. – Сестра помолчала, добавила: – Это общепризнанная истина, если таковая существует.

Среди ночи Джой проснулась – неожиданно, резко. Увиденный сон кружил перед глазами. Они с мамой ехали домой, везя на заднем сиденье секрет, и тут дорога впереди разверзлась, открыв внутренности Ада. Фургон дернулся, встал. На дороге вдруг вырос отец, ткнул пальцем в секрет и прорычал: «Твой час пришел!» Однако Джой не убежала и не струсила, а вылезла из машины и зашагала к отцу. Джой была ростом в пятьдесят футов; она подняла отца, вопящего «твой час пришел», за воротник и швырнула в оранжевое пламя Ада. Когда его тело превратилось в черную обугленную глыбу, трещина над ним закрылась, лишь несколько черных струек дыма взмыло в воздух. Джой вытерла руки, как Понтий Пилат, и прокричала: «Нет, *твой* час пришел!»

Разбудив сестру, она, вся дрожа, призналась – ей страшно, что отец узнает про пленку и расстроится. Бумажный шепот Рут донесся не сразу.

– Его расстройство тут ни при чем, правда?

– При чем. Так сказала мама. Мы не хотим его расстраивать.

– Ну да, верно. Ты «не говоришь», чтобы не расстраивать отца. Только защищаешь ты не его. – Теперь голос Рут стал шелковым и вкрадчивым. – Ты «не говоришь», защищая себя.

Джой молчала.

– Я рада, что мы все выяснили, – прошептала Рут.
И после паузы продолжила голосом нежнее шелка:
– Можно лгать – или «не лгать» – другим, но не себе, Джой.

Глава 24

Джордж и Гвен

Ноябрь 1942 года

– Работы невпроворот, Арнольд? – Гвен ждала уже двадцать минут. Хозяин лавки потер лысую макушку, кивнув очередному вошедшему покупателю, и широко усмехнулся.

– И не говори. Цены на молоко поднялись, да, Гвен?

Она понятия не имела, сколько им платит маслозавод за молоко, поэтому лишь улыбнулась и вручила Арнольду список, продуктовые карточки и деньги.

– Пока я собираю заказ, не могла бы ты заглянуть к цветочнику и купить мне букет? Сегодня у жены день рождения. – Арнольд протянул Гвен только что полученный от нее фунт. – Большой букет.

При слове «цветочник» Гвен вздрогнула. Она не ходила по этой улице и не подозревала о существовании цветочника поблизости. Тем более – о существовании миссис Арнольд.

– Конечно, загляну. Что она любит?

Арнольд, который уже отмерял муку, ответил, не отрывая взгляда от весов:

– Возьми на свой вкус.

...В цветочном магазине Гвен бродила между ведрами срезанных цветов, стискивая в пальцах фунтовую банкноту, нервничала из-за выбора букета для незнакомой женщины и поражалась заоблачным цифрам на маленьких ценниках-наклейках. В конце концов она выбрала две небольшие охапки – оранжевых роз и белых лилий, – а также курчавый папоротник в горшке.

– Не могли бы вы завернуть все по отдельности? Еще я возьму ленты, белую и оранжевую, по полтора ярда.

Пока цветочник отмерял и отрезал белую ленту, Гвен набралась мужества и спросила, как идут дела.

– Лучше не придумай. Все, кто могут, выходят замуж, причем невесты желают большие букеты из белых роз и ландышей. А все, кто не выходят, поминают своих парней и заказывают огромные венки с белыми лилиями.

– Вот как...

Улыбаясь, Гвен поинтересовалась стоимостью десяти– и двенадцатидюймовых венков; кивнула, словно услышала приемлемую цену. Затем, будто что-то вспомнив, спросила:

– А сколько вы берете за свадебный букет из двенадцати белых роз?

Цветочник покосился на обручальное кольцо Гвен. Подмигнул.

– Планируете убить мужа и выйти замуж за ухажера?

Гвен нервно рассмеялась.

– Нет-нет. Мы только сюда переехали.

Цветочник склонил голову набок и одним движением отрезал оранжевую ленту, коротко щелкнув ножницами.

Когда Гвен вернулась к Арнольду, тот поднял взгляд, широко открыл глаза от удивления и кивнул в ответ на ее просьбу зайти в заднюю комнату лавки. Гвен появилась оттуда через десять минут, держа в руках грандиозный букет: розы и лилии располагались в форме купола, на равном расстоянии друг от друга и под необычным углом, а потому словно парили в воздухе. Поверх цветов подрагивали изящные побеги папоротника, окутывая собой весь букет. Упаковочная бумага, которую использовал цветочник, была обернута вокруг наискось с одной стороны, а с другой Гвен добавила папиросную бумагу, которую обнаружила в подсобке Арнольда. В целом композиция создавала ощущение буйного цветения природы. В качестве финального штриха она переплела оранжевую и белую ленты в шахматном порядке, обвязала их вокруг бумаги, укрывающей стебли, и сотворила огромный многоярусный двуцветный бант, от которого отходило пять длинных узких завитков.

– Подойдет?

Арнольд замер с поднятым ножом для сыра.

– Подойдет? Да Мэрилин в такой букет просто влюбится! Сколько я тебе должен?

– Ничего не должен. Я все купила за твои деньги.

Рассмеявшись, Гвен положила рядом с кассой сдачу. Надо же, когда она в последний раз смеялась?

– Да, но... – Арнольд не мог отвести взгляда от букета. – Гвен, ты волшебница.

Женщина, которой он как раз должен быть отрезать сыра, тоже смотрела во все глаза.

– Вы работаете в цветочном магазине?

Арнольд ответил за Гвен:

– Нет, они с мужем несколько месяцев назад переехали на старую ферму Уэнтуортов.

– О... Так вы работаете флористом там?

Гвен вновь не успела и рта раскрыть, как Арнольд уже сказал, понизив голос:

– Да, работает там. Причем берет дешевле, чем здешний цветочник. – Арнольд подмигнул покупательнице. – Аренду ведь платить не надо, сами понимаете...

– Чудесно. – Женщина протянула руку в перчатке. – Я Айрис Уэдделл. В следующем месяце нам в клубе «Ротари» понадобится восемь настольных цветочных композиций для рождественского ужина. – Она посмотрела на Арнольда. – Вы ведь придете, Арнольд? Мэр будет. – Вновь повернулась к Гвен. – Сделайте точно такие же букеты. Дайте свой номер телефона; я позвоню, обговорим детали и цену.

– Простите, – пролепетала Гвен. – Я не...

Арнольд перебил:

– У них нет телефона, Айрис, так что приезжайте сюда в следующий понедельник. Ты ведь всегда здесь в половине одиннадцатого по понедельникам, верно, Гвен?

Гвен кивнула, а Айрис произнесла:

– Чудесно. Значит, увидимся через неделю.

Вот теперь точно придется рассказать Джорджу о своей задумке насчет мастерской. Эта мысль привела Гвен в ужас.

Глава 25

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой собиралась на первое занятие по изучению Библии и прокручивала в голове сон. Смыкающаяся над отцом дорога, его летящее в Ад обгорелое мертвое тело и крики... Эти крики звучали так громко и настойчиво, что она чуть не забыла положить в школьную сумку Библию.

Пока они с Марком шли по подъездной дорожке, Джой мечтала о том, чтобы уроки вел не мистер Джонс. По будням он ведь наверняка где-нибудь работает?

– Не понимаю, зачем нам дурацкое изучение Библии! – вдруг сказал Марк и сплюнул на гравий.

– Зато проведем три часа вдали от дома.

– Да уж... – Марк глянул на приближающийся автобус. – Хочется сбежать. Уехать в Дарвин. Там солнечно, можно плавать круглый год. Не надо изучать проклятую Библию. – Брат поднял с земли свою сумку, вновь сплюнул. – И не надо терпеть *его*.

Джой поднялась за ним по ступеням. Она боялась – вдруг отец узнает, что Марк ругался? Однако еще сильнее Джой боялась другого – вдруг Марк и вправду уедет в Дарвин, оставит ее, Рут и маму одних, с грязью, угрями и обезглавленными Рут... И с отцом.

В Церкви Преподобный Брейтуэйт велел ей идти в актовый зал к мистеру Джонсу, а Марку – отправляться в Церковь на собрание «Христианской молодежи», которое проведет Преподобный. Джой побрела в зал. Лучше бы остаться с Марком! Перспектива общения с мистером Джонсом вызывала ужас.

В зале стояло два стола, за одним сидела Фелисити. Она с улыбкой позвала:

– Привет, Джой, садись ко мне!

Джой с Фелисити оказались единственными учениками, и мистеру Джонсу это, естественно, не понравилось. Он приказал открыть Библию и читать Бытие. У него, мистера Джонса, «важные дела», он вернется через полчаса и задаст вопросы о прочитанном.

Сначала девочки молча работали, потом стали перешептываться о том, какой мистер Джонс вредный и ленивый, затем перешли на разговоры о школе и семье. Если Фелисити сыпала историями о веселых событиях и больших праздниках, то Джой придерживалась безопасных тем: про цветы, которые выращивает мама; про Колина и мистера Ларсена; про письмо из старшей школы, восхваляющее ум и спортивные успехи Марка. Джой никогда не рассказала бы Фелисити – или кому-нибудь другому – о несчастье Рут, характере отца и угрях в желудке.

Мистер Джонс вернулся за пять минут до окончания урока, и Фелисити, которая многое знала о Библии, отрапортовала – они прочли о том, как Господь создал землю и род человеческий по образу Своему, и о трагедии Эдемского сада.

– Хорошо, достаточно. Помолимся. – Мистер Джонс произнес быстрое благословение, слепив все слова в одно. Он всегда так делал, когда злился. – ДаблагословиттебяГосподьисохранисттебя.

– Аминь, – вместе с ним хором пропели девочки.

Отец Фелисити приехал за ней на другом автомобиле, хотя тоже большом и блестящем. Джой с Марком побежали на остановку, боясь опоздать на автобус и накликать беду.

Уже возле фермы Марк прокомментировал занятие:

– Худший час в моей жизни.

– Хуже, чем дома?

– Я имею в виду время за пределами этой чертовой дыры. Да, знаю, я не должен ругаться, но мне плевать. Жду не дожусь, когда сбегу отсюда. – Марк посмотрел на Джой. – Сначала закончу шестой класс. Потом уеду в Дарвин. В университет, если он там есть. Проклятье, да даже если нет!

Угри всполошились.

– Можно с тобой? Мне тогда будет уже четырнадцать...

Марк тихонько засмеялся.

– Конечно. Мы все уедем. И мама тоже. Пусть сам тут мыкается.

Рут ждала в комнате. На удивление, она не спросила, как прошел урок Библии, а сразу поделилась:

– Я размышляла про мистера Ларсена. По-моему, он шпион.

– Шпион? Чей?

Рут задумалась.

– Русских. Или мистера Гульельмо – итальянца, который поселился в доме мистера Твигга после его смерти. В смысле, он иностранец.

– Зачем мистеру Ларсену для него шпионить?

Рут вновь задумалась.

– Возможно, он японец. Или немец.

– Мистер Гульельмо?

– Нет, мистер Ларсен! Ладно, японец – вряд ли. Хотя может работать на японцев. Или на немцев. Или на тех и других. Вот потому-то ему необязательно доить коров, у него и так есть деньги на шоколад.

– Это не объясняет, почему мистер Ларсен звонит с нашего телефона.

Очередная задумчивая пауза.

– Потому что, – наконец ликующе объявила Рут, – миссис Ларсен об этом не знает! И если правительство заподозрит мистера Ларсена, оно будет прослушивать его домашний телефон.

Оба аргумента звучали логично. Если мистер Ларсен действительно шпион, его необходимо остановить. Это положит конец субботним шоколадкам, но шпионы опасны, их следует ловить.

– Вот только мы должны удостовериться, – сказала Рут. – У меня есть план.

Глава 26

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Я стою в широком дверном проеме сарая, подальше от палящего солнца, и борюсь с жуткими воспоминаниями. На искореженных гвоздях висят мешки из грубой ткани и соломенные бечевки; в старом корыте покоятся выцветшие аэрозольные баллончики – точно мертвые солдаты в траншее; грязный брезент наполовину прикрывает груды старых ведер и шлангов; к стене прислонены садовые инструменты – их переплетенные ручки напоминают неловких подростков на танцах; возле кроличьей клетки свалены капканы; из ржавых консервных банок за большим деревянным верстаком торчат не менее ржавые инструменты. Рядом с верстаком стоит запертый на висячий замок металлический сундук. На сундуке, как и на всем остальном, лежит мрачный, въевшийся в каждую пору налет заброшенности.

Единственная чистая вещь здесь – головка топора, поблескивающая в глубине. Я невольно вздрагиваю. Неужели отец продолжал полировать его все эти годы?

Делаю шаг внутрь раскаленного затхлого сарая, и имя, о котором я так долго не разрешала себе думать, наконец срывается с моих губ и с глухим стуком падает на землю.

Венди Боскомб. Бедная Венди. Которую так и не нашли. Ни живую, ни мертвую. Ни с куклой, ни без.

После исчезновения Венди отец больше месяца навещал ее родителей каждый день, чтобы помолиться вместе с ними. Затем он делал это раз в неделю, еще через некоторое время – раз в две недели. Да и позже не проходило и месяца, чтобы он не заехал к Боскомбам помолиться. Он всегда демонстрировал добродетельную и заботливую половину своей натуры – половину доктора Джекила. Они, наверное, испытывали к нему благодарность. Хотя их совместные молитвы были услышаны не больше, чем мои. Интересно, не хотелось ли Боскомбам, чтобы отец перестал их проводить? Чтобы дал привыкнуть к новой, опустевшей жизни. Бесконечное неведение... Как они спят по ночам?

Поворачиваюсь к сундуку. В нем, по словам отца, хранились «добротные» инструменты, принадлежавшие его собственному отцу,

плотнику. «Мастер по дереву, золотые руки», – говорил о нем отец. Причем при этих словах всегда хмурился – я думала, что сердился на нас. Однако теперь меня посещает мысль – а не было ли у нашего деда такого же ремня, пропитанного детской кровью? Возможно даже, это тот самый ремень? Разговоры о прошлом, разумеется, заканчивались нотацией.

– Вы бы не ныли, если б жили во времена депрессии и войны.

Будто мы смели ныть хоть по какому-нибудь поводу.

– Вы не воротили бы нос от хорошей еды, если б от голода вам приходилось грызть сухие кусочки сахарной свеклы.

Будто мы смели воротить нос хоть от чего-нибудь.

– Вы не понимаете, до чего вам повезло, подлые вы грешники.

Будто мы смели забыть о том, что являемся подлыми грешниками.

Хотя инструменты были «лучше не придумать, таких сейчас не купишь», отец ими не пользовался и даже не открывал сундук. Заявлял, что они «стоят целое состояние, огромную кучу денег» – и потому, мол, он их никогда не продаст. Абсолютно нелогично. Если б инструменты не стоили *ничего*, тогда это заявление имело бы смысл, но, если за них можно выручить состояние, почему же не продать, ради всех святых?! Мы бы пожили в достатке, пусть даже неделю или две.

Однажды, давным-давно, я отважилась отпереть сундук. К моему удивлению, внутри действительно лежали инструменты, и выглядели они дорогими. Так что я решительно настроена не позволить какому-нибудь ушлому перекупщику заплатить за них «скрепя сердце» жалкие двадцать долларов. Сдергиваю с гвоздя на стене связку ключей, выбираю самый маленький. Ключ тот самый, я уверена, но он не только не поворачивается в замке – даже не входит в него. Нужна смазка.

...Подхожу к корыту с аэрозольными баллончиками и морщусь – всё в паутине. Смазки не видно, и я переворачиваю корыто ногой. Вместе с баллончиками из него высыпается толстый красноспинный паук^[16], а за ним – целое море деток-паучат, которые тут же растекаются по полу. Я лихорадочно топчу их, тщательно прицеливаясь в разбухшую мамашу. Раздаются хруст и хлюпанье. Порядок. Покончив с паучьим семейством, нахожу смазку и возвращаюсь к сундуку. Усердно распыляю ее на ключ и замок, пока они полностью не покрываются белыми пузырями.

Попытка номер два. Из-за жары, воспоминаний и паучьего гнезда я страшно потею, сердце бьется учащенно. Поворачиваю ключ, он сопротивляется, я кручу его вперед-назад и пробую вновь. С приятным щелчком скоба выскакивает из замка. Провернув его, вынимаю скобу из петель сундука. Так же, как много лет назад.

Моя рука тянется к крышке – и вдруг застывает. Интересно, искала ли полиция Венди в этом сундуке? В нем точно поместилось бы тело девятилетнего ребенка, но вопрос в другом – рассматривала ли полиция всерьез версию о том, что мой отец убил Венди? Сомневаюсь. Джордж Хендерсон был старейшиной в церкви, которую посещал сержант Белл.

По-прежнему нерешительно держу ладонь на крышке. Меня затапливают воспоминания. Венди, Венди, Венди. Кошмары, которые снились мне после ее исчезновения... она машет мне в последний школьный день, едет вместе с мамой пить шоколадный молочный коктейль... последние обращенные ко мне слова Венди...

– Хочешь поиграть, Джой?

Я резко оглядываюсь на голос. На подъездной дорожке стоит Венди, держит куклу, улыбается.

– Давай поиграем в прятки.

Лицо – зернистое черно-белое фото, которое напечатали на первой странице газеты после исчезновения. Через пару недель оно переместилось на третью страницу, затем пропало вовсе и появилось на пятой лишь в годовщину исчезновения. Такова суть газеты, понятное дело. Новостью на первой полосе можно стать лишь единожды.

Прячу лицо в ладонях. Я не выдержу. Столько мертвых... Убираю руки – на подъездной дорожке уже никого.

Вновь поворачиваюсь к сундуку. Решительно и быстро откидываю крышку, она лязгает о металлический кант верстака. Инструменты на месте, аккуратно разложены – так же, как давным-давно, когда я открыла сундук в первый раз. Рубанки, дрели, спиртовые уровни, стамески, рашпили и другие инструменты, названия которых я не знаю. Чистые, красивые. Наверное, и правда стоят кучу денег. Пожалуй, я их продам, пусть только сначала все кончится.

В углу сундука лежит ситцевый мешочек. Я помню – в нем хранятся заглушки ручной работы. Из-под мешочка что-то торчит. Гладкое и белое, чего в первый раз в сундуке не было. Я нагибаюсь,

с трудом сглатываю. Сердце стучит сильнее, чем у красноспинной паучихи за миг до смерти под моим ботинком.

Медленно отодвигаю ситцевый мешочек – и смотрю в улыбающееся лицо пропавшей куклы Венди Боскомб.

Глава 27

Джордж и Гвен

Ноябрь 1942 года

Гвен во все глаза смотрела на объявление в витрине Арнольда.

*Заказывайте букеты и венки ЗДЕСЬ!
Высшее качество, отличные цены*

Он улыбался во весь рот по другую сторону стекла и жестами зазывал ее внутрь.

– У меня есть план, Гвен.

Арнольд пояснил: он будет принимать для нее заказы, а взамен оставлять себе десять процентов от выручки.

– Ох, Арнольд, я ведь бываю в городе только по понедельникам... Вдруг кому-то понадобится букет в другой день? К тому же у меня нет материалов. Никаких. Даже проволоки.

«И я до сих пор не рассказала Джорджу».

Она собиралась рассказать ему за вечерним чаем в прошлый понедельник, после знакомства с Айрис. Потом – на следующий вечер. И на следующий. Однако каждый раз что-нибудь мешало. Теленок, который умер, едва родившись; умопомрачительный счет от ветеринара, урезанный чек от маслозавода, сломанный насос, никуда не годная мельница, бесконечный дождь. И бесконечный гнев Джорджа, тлевший даже в улыбающихся глазах. Целая неделя – и ни одного подходящего момента, чтобы рассказать мужу...

– Я все продумал, – успокоил Арнольд. – Маслозавод каждый день присылает к вам машину за молоком. Водитель молоковоза, Джон, приходится Мэрилин племянником. Он будет забирать готовые венки и букеты вместе с молоком и доставлять их мне. А я буду отдавать ему новые заказы, чтобы он на следующее утро передал их Джорджу.

– Я... – Гвен нерешительно запнулась. – Я не говорила Джорджу. Вряд ли он захочет, чтобы я работала.

– Гвен, мы можем сколотить состояние. Ну ладно, не состояние, а приличные карманные деньги. Сегодня же расскажи Джорджу. Он согласится. Джордж – хороший человек.

Арнольд, конечно, прав. Джордж – хороший человек.

– Я слышал, он станет старейшиной в церкви, – добавил Арнольд с улыбкой.

Это оказалось для Гвен новостью. Похоже, секреты у них с мужем были взаимные.

Глава 28

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

До Рождества оставалось всего четыре дня, и к ночи мама хотела испечь сорок восемь сладких пирожков и двенадцать противней песочных коржиков.

Вся эта еда, разумеется, предназначалась не для семьи: каждый год в последние дни перед Рождеством и в первую неделю после него отец, куда бы он ни отправлялся, брал с собой бумажные тарелки с пирожками и коржиками. На игру в шары, на собрание старейшин, заседание общественного комитета, к Преподобному Брейтуэйту, ко всем городским торговцам и предпринимателям и к другим людям, которых Джой не знала. Тарелочку получал даже ветеринар.

Кроме того, в доме не иссякал поток гостей – они заглядывали на огонек «поздороваться перед Рождеством и вручить небольшой гостинец». Гостинцы неизменно представляли собой банки с орехами, пластмассовые коробочки с засахаренными фруктами или жестяные коробки с печеньем, посыпанным крупными кристаллами сахара. Родители в ответ вручали каждому домашние коржики и пирожки, завернутые в цветочный целлофан и перевязанные цветочной лентой, – или какой-нибудь подарок, оставшийся несъеденным с прошлого года. Отец также настаивал на том, чтобы гости выпили «Пассионы», причем из «хороших стаканов», которые хранились в серванте в большой комнате. Джой ужасно боялась разбить эти драгоценные стаканы и накрывала на стол трясущимися руками, а после тихонько сидела, вежливо слушала разговоры о ценах на молоко, о грязи и дожде, о счетах, мертвых телятах и недомоганиях гостей.

В то утро, пока они с мамой раскатывали тесто для коржиков и нарезали его треугольниками, Джой нервничала. Ей предстояло воплотить в жизнь план Рут, чтобы выяснить, шпион мистер Ларсен или нет.

– Думаешь, я его услышу? – спрашивала она у сестры.

– Не знаю, – признавалась та. – Только лучшей идеи у меня нет.

В промежутках между домашними хлопотами Джой собирала вещи, которые ей понадобятся, и прятала их в пристройке, где стоял

водонагреватель на угольных брикетах. Теперь же, вновь помогая маме готовить Рождественские коржики, с тревогой ждала стука мистера Ларсена и старалась вести себя спокойно, когда открывала ему двери.

Он только-только положил на стол шоколадку и еще не успел произнести: «Сделаю быстренький межогородный звонок», – а девочка уже двинулась к выходу на улицу, взволнованная и испуганная. Угри в животе беспокойно задержались.

– Джой! – окликнула мама.

Джой перестала дышать.

– Принеси мистеру Ларсену полдюжины яиц.

Она сбегала в прачечную, набрала в картонку шесть вощенных зимних яиц и вручила мистеру Ларсену. Тот подмигнул.

– Спасибо, деточка. Миссис Ларсен испечет отличный лиманный пирог с меренгой.

– Пожалуйста, мистер Ларсен, – улыбнулась в ответ Джой.

Ей вдруг показались сомнительными все эти его глупые оговорки. Может, они просто служат прикрытием, чтобы никто не заподозрил в мистере Ларсене умного шпиона?

В пристройке Джой извлекла из-за мешка с брикетами крошечный фонарик и палку. Быстрые пять шагов – и вот она у маленькой служебной дверцы в боковой стене дома, почти у самой земли.

Ноги тряслись – совсем как бланманже, которое мама готовила на прошлой неделе. Джой отодвинула запор, потянула дверцу на себя. Та увязла во влажной траве, но девочка дергала и дергала, постепенно открывая дверцу все шире. Наконец в нее стало можно протиснуться. Джой бросила в отверстие фонарик и палку, влезла следом.

Хотя было только три часа дня, под домом стояла темень. Хорошо, что Рут подумала про фонарик. Джой оставалось лишь проползти по земле, оказаться прямо под мистером Ларсеном и услышать его разговор с другим шпионом.

Она включила фонарик, поводила им из стороны в сторону, осматриваясь во мраке. Кругом было полно мусора, не донесенного почему-то ни до бака, ни до пруда. Все покрывала паутина, в воздухе стоял тяжелый коричневый запах. Джой подтянула ноги к животу и закрыла за собой дверцу. Стало совсем темно. Она нащупала палку и поползла, извиваясь, вперед. Ох, до чего же трудно так двигаться, удерживая одновременно палку и фонарик!

Однако бросить палку нельзя. Под домом уйма пауков. И крыс – им тут внизу тепло и сухо. И змей тоже, очень злых после зимней спячки. Вдруг Джой случайно побеспокоит клубок змей, пульсирующий яростью и ядом? Вдруг где-нибудь рядом есть детеныши? Они могут заползти по рукавам на шею и забраться под свитер! Джой знала, что сейчас змееныши повсюду и что они опаснее взрослых особей. Об этом Рут не подумала, да? Конечно, не ей ведь ползать под домом, где море пауков, крыс и гадов, не ей!

Джой прокладывала себе путь к большой комнате, огибала мусор и старалась не вдыхать пыль, которую сама же и поднимала. Наконец прямо над головой раздался голос мистера Ларсена.

Джой зажала рот рукой, чтобы не кашлянуть, и стала напряженно слушать.

– Да. Да, золотко.

Мистер Ларсен называет сообщника «золотко»? Дурь какая-то.

– Да, обязательно. Все скоро кончится. Колин ведь уже... да, понимаю. Очень скоро. Да, обещаю, золотко. В воскресенье.

Это явно шифр. Похоже, мистер Ларсен выполнил задание и собрался в воскресенье продать правительственные секреты Германии или Японии. Возможно, шпионы маскируются под христиан и встречаются в Церкви... Отличное прикрытие. Только при чем здесь Колин?

– Да, я люблю тебя. Всегда об этом помни, что бы ни случилось.

«Люблю тебя»? Опять шифр – очевидно, какое-то важное сообщение. Вроде «чертежи оружия у меня».

– Да... да, золотко.

Пауза – говорит сообщник. Затем смех. Громкий смех.

– Да. Конечно.

Вновь пауза. Новый взрыв смеха.

– Да-да-да. Совершенно верно!

Пауза.

– Да. Ладно, золотко, мне пора. Я так благодарен Гвен...

Джой оторопела. Маме известно, что мистер Ларсен – шпион?! Нет, конечно! Нет-нет, она думает, что он просто звонит... кому? Впервые в жизни воображение Джой молчало.

– До свидания, Берил, золотко мое.

Сейчас мистер Ларсен повесит трубку. Нужно выбираться во двор. Джой отняла руку ото рта, впечатала локоть в грязь и поползла, судорожно извиваясь, к свету от дверцы. Сзади долетело шипение. Крыса! С противным металлическим хвостом, злобными глазками и зубищами, которые способны сжевать что угодно, даже человеческую плоть.

Джой трясло. Она попыталась вытащить из-под себя палку и ударилась локтем о перекладину сверху. Боль пронзила руку и шею, но Джой подавила крик – не дай Бог услышат.

Она зарывалась в землю, судорожно толкала себя вперед, к полоске света из-под двери. Если крыса нападет раньше, чем Джой успеет вылезти, то скоро ли ее начнут разыскивать? Крыса будет пировать не одну неделю. Когда же останки найдут, родители сложат два плюс два и поймут, что их дочь, подлая грешница, подслушивала мистера Ларсена. Они никому не расскажут, ведь отец захочет утаить от людей, какая Джой страшная грешница. Репутация для него – самое главное. Мама, по крайней мере, сделает красивый букет на гроб...

Наконец Джой достигла двери и толкнула ее изо всех сил. Однако мокрая трава снаружи не поддавалась, а Джой очень устала. Она развернулась, начала пинать дверь ногами. Удар, еще удар, сейчас на шум сбегутся... Ну и пусть. Джой била и била ногами, пока проем не расширился. Она протиснулась наружу, под мелкий серый дождь.

Села на мокрую траву, пинками закрыла дверь. Задвинула запор.

Дома скинула обувь у заднего входа и на цыпочках прокралась в ванную. Зеркало отразило коричнево-серое от пыли лицо, комки грязи и паутину в волосах. Джой энергично вычесала волосы, вытерла лицо предназначенной для этого губкой. Стянула свитер, бросила его в душ, которым никто не пользовался, и задвинула полиэтиленовую занавеску – спрятала. Свитер придется забрать позже. Прошлась той же губкой по штанинам и отправила ее за занавеску к свитеру.

Прошмыгнула в кухню. Перед мистером Ларсеном на столе уже стоял заварочный чайник.

– Что ты делала? – Мама выглядела недовольной. – Лицо грязное, одежда тоже... Ты будто в курином загоне валялась.

Джой открыла было рот, но слова не шли.

– Приведи себя в порядок. И побыстрее!

Когда Джой вернулась, чай был разлит по чашкам, а шоколад распечатан.

– Покажи, – велела мама.

Джой протянула руки для проверки. Мистер Ларсен вступился:

– Ах, Гвен, она же еще дитя. Не беда, если чуток поиграла в грязи.

Я уверен, ничего плохого твоя дочь не хотела, верно, деточка?

Джой, не в силах на него смотреть, кивнула и села за стол.

– Угощайся, – предложил мистер Ларсен со знакомой улыбкой.

Внезапно Джой затопил стыд. Она прямо-таки ощущала, как он вонючими желтыми бусинами проступает из каждой поры. Это же мистер Ларсен, улыбчивый, добрый и щедрый... А она, Джой, его подслушивала, ползала неведомо где...

Угри вгрызлись в живот. Джой подняла взгляд на вышивку на стене. «Молчаливый слушатель, внимающий всякой беседе». Да, Джой оказалась молчаливой грешной слушательницей беседы мистера Ларсена. Подлая грешница, которая сунула нос в чужую личную жизнь.

Личная жизнь! Мистер Ларсен – не шпион. Он разговаривал с женщиной, уверял, что любит ее. Кто она? Ни отец, ни мама никогда не упоминали никакой Берил. Судя по тому, что звонки мистера Ларсена были «межогородными», она живет далеко.

Джой знала, что ему не следует любить Берил, раз он женат на миссис Ларсен. Мистер Ларсен нарушал шестую Заповедь. И десятую – если Берил замужем.

Теперь-то Джой понимала, почему он не звонит из собственного дома. Мистер Ларсен совершает ужасный грех. И знает это. Иначе почему не звонит от себя и зачем приносит шоколад?

Она посмотрела на улыбающиеся губы мистера Ларсена и на порванную обертку, фиолетовую с серебром. Шоколад. Это *плата*. Мистер Ларсен признается таинственной Берил в любви, а затем дает маме шоколадку.

Джой разглядывала его широкое красное лицо, пока он беседовал с мамой. Может, мистер Ларсен – Сатана, который обманом вовлекает их в грех?

– Держи, деточка. – Мистер Ларсен подтолкнул к ней сладкую плитку, в точности как сделал бы Сатана, искушающий душу. – Ты такой еще не пробовала, сегодня новенькая.

Он указал на обертку с надписью «Темный с клубнично-сливочной начинкой», улыбнулся и подмигнул.

Шоколад был темный-темный, почти черный, двух рядов уже не хватало. Джой подняла взгляд на мистера Ларсена... замаскированного Сатану. «Господи, прошу, не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

– Смелее, деточка. Это вкусно, поверь мне.

«Поверь мне». Именно так и сказал бы Сатана, вводя кого-нибудь в искушение и отправляя напрямик к Лукавому. А она, Джой, едва не взяла Его руку и не поскакала беззаботно с Ним по наклонной дорожке. Хотя не только она. Есть же еще мама. И Берил. Возможно, и другие.

У него, наверное, припасена еще одна шоколадка, для миссис Ларсен. Джой рисовала в воображении, как он входит в свой дом и достает из нагрудного кармана очередную плитку – волшебник, у которого бесконечный запас шоколадок вместо разноцветных платков. «Угощайся, любимая, – говорит злой волшебник Сатана и быстро ощупывает свой лоб, проверяя, не видно ли рогов. – Это вкусно, поверь мне». Миссис Ларсен откусывает кусочек, и тут вдруг изо лба мистера Ларсена начинают расти рога, а изо рта высовывается раздвоенный красный язык. Мистер Ларсен хватается за пожарный «огнеглушитель» и направляет его на миссис Ларсен. Однако вместо пены оттуда вырывается пламя, и...

– Джой! – прикрикнула мама.

Джой посмотрела на шоколадку: блестящая серебристая фольга, роскошная темно-фиолетовая обертка, лоснящиеся и гладкие квадратики шоколада.

«Господи, прошу, не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Мистер Ларсен не обманул. Шоколадка была вкусная, сверху очень-очень темная, а внутри – ярко-красная, тягучая. Пока она таяла на языке, Джой наблюдала за мистером Ларсеном и мамой. Они прихлебывали чай, жевали шоколад, разговаривали, смеялись. Джой видела маму такой расслабленной лишь с двумя Ларсенами, старшим и младшим.

Мистер Ларсен заметил, что Джой на него смотрит, и вновь подмигнул ей. Глаза у него блестели. Глаза Сатаны точно не блестели бы. Они были бы красными, ввалившимися, темными. Разве нет?

Мистер Ларсен опять рассмеялся, а мама подлила ему чаю.

Когда беседа о дождях и ветеринарах подошла к концу, а фиолетовая обертка очутилась в кармане мистера Ларсена, Джой, как всегда, проводила его к выходу, но сегодня она рассматривала гостя с куда большим интересом.

Мистер Ларсен обернулся и поймал направленный на него пристальный взгляд. Черные угри в животе взвились. Мистер Ларсен знает? Неужели сейчас превратится в Дьявола?

– Никогда не видел, чтобы кто-нибудь ел шоколад, как ты, – сказал он со смехом. – Бывай, деточка.

Джой вытерла рот – наверное, испачкалась шоколадом? Нет, рука оказалась чистой.

Внезапно ее охватило нетерпение. Пусть мистер Ларсен скорее приходит опять, пусть звонит по телефону, любит Берил, угощает всех шоколадом. И смешит маму. Если Бог считает такое грехом, тогда Джой Хендерсон ничего об этом знать не хочет!

Глава 29

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Я захлопываю крышку сундука, вновь скрывая голову куклы, решительно шагаю в комнату отца и застываю у его кровати. Настал час расплаты. Он смотрит на меня молча, но во взгляде – вина. Становится похож на курицу: нос и глаза выпирают все сильнее.

Я вспоминаю вечер, когда отец впервые выпорол мое обнаженное тело. Множество других вечеров, когда он охаживал ремнем меня или Марка. Если б отец не останавливался, досчитав до пятнадцати, а продолжал хлестать нашу плоть до розовой пены, он наверняка избил бы нас до смерти.

Уже в который раз я думаю – о том, что творил с нами отец, знали многие, но никто не пытался его остановить. Ни соседи, ни ой-какой-святоша Преподобный Брейтуэйт, ни даже семейство Фелисити.

Ни мама. Я не нахожу этому объяснения. Не знаю, чем отец ее держал и почему она не вставала на нашу защиту. Возможно, боялась, что он убьет ее и все равно нас выпорот. Возможно, несчастье с Рут всегда было свежо в ее памяти.

Однако это все в прошлом. Теперь же настал час расплаты.

– Папа...

Перевожу дыхание, иначе сейчас взорвусь словами. Перед глазами стоит голова куклы.

– Папа, ты...

Не смогу. Нет, нельзя идти на попятную. Я хотела задать этот вопрос столько лет!

Сглатываю и начинаю вновь:

– Это ты ее убил, да?

– Кого?

Кричу:

– Ты знаешь, кого!

Я в бешенстве. Надо же, строит из себя невинность!

Отец выпучивает глаза, со свистом втягивает воздух. Мышцы на шее напрягаются, усиливая сходство с курицей.

– Дай... – очередной трудный вдох, – обезболивающее.

Я трясусь пузырьком, в точности как Вики пару дней назад.

– Сначала ответь.

Пусть признается. Пусть вслух назовет себя убийцей!

Отец открывает рот, однако ничего не говорит. Медленно закрывает глаза. Слабый выдох, короткий хрип.

Нахмурившись, наклоняюсь к постели. Не дышит, лицо серое и какое-то странное, обмякшее. Что, и все? Вот так, без предупреждения, ублюдок просто взял и сдох? Тихо, спокойно... умер? Во веки веков, аминь?

Я вне себя от ярости. Как он смеет умирать, не понеся наказания? В тот самый момент, когда я наконец набралась мужества для обвинения! Я всю жизнь мечтала о смерти отца – теперь же впервые хочу видеть его живым, а он берет и умирает!

Сажусь. Чувствую, как из моего рта выплывает облачко чего-то желтого, мерзкого... Так же было после звонка Вики, сообщившей мне «печальные новости».

Значит, все по-настоящему кончено. Больше никаких таблеток. И, увы, никакой расплаты за содеянное.

Мне пуще прежнего хочется позвонить Марку, прокричать: «Он умер, умер! Приезжай домой!»

Однако позвонить я не могу, поэтому просто сижу. Измученная. Злая. Обмякшее серое лицо мертвеца смеется надо мной.

Глаза на нем распахиваются, отец судорожно вдыхает и шепчет одно-единственное слово:

– Больно.

Я встаю, нависаю над этим лицом и шепчу в ответ мраморно-белым голосом:

– *Ответь мне.* Ты убил ее, да?

Отец тарашится на меня. Дыхание у него молочно-желтое, белки глаз – тоже. Видит ли он меня вообще? Понимает ли, кто я и о чем спрашиваю?

Очередной неглубокий свистящий вдох, и глаза вновь закрываются. Однако второй раз я на эту удочку не попадусь. Поджимаю губы, жду.

Наконец раздается голос – будто скрип жесткого, потрескавшегося пергамента, пролежавшего в песках много тысяч лет.

– Да, – произносит отец.

Часть II

Глава 30

Джордж и Гвен

Декабрь 1942 года

– Джордж...

Муж только что захлопнул синюю счетную книгу и громко застонал.

Гвен прикрыла обе щеки ладонями – вдруг разозлится?

– Что?

Пока она говорила, он сидел, обхватив голову руками, – непонятно, слушал или нет.

Она сможет установить цену ниже, чем городской флорист, рассказывала Гвен, ведь ей не придется платить аренду, а если выращивать цветы самим, то доход будет еще выше.

Гвен встала приготовить мужу чай, всыпала в заварник лишнюю щепотку, положила на тарелку три печенья с изюмом.

– Я могу посадить розы, камелии, маки. Все, что понадобится. – Гвен тараторила, не могла остановиться. – Папоротник под восточной стрехой дома. Гортензии, гипсофилы, хризантемы... Стэн сведет меня с поставщиками.

Джордж сжевал одно печенье.

Гвен перевела дыхание, продолжила:

– У Арнольда я познакомилась с одной женщиной; она предложила мне изготовить настольные композиции для приема, на котором будет мэр. Я могу запросить по фунту за композицию.

– По фунту за каждую? А всего сколько?

– Восемь.

Джордж отставил чашку и сказал:

– Это не мешает тебе выполнять домашние обязанности.

Не вопрос – утверждение, но Гвен все равно покачала головой.

– Я дам тебе десять фунтов из банка и два месяца на то, чтобы наладить работу. Не сумеешь – вернешь мне десять фунтов плюс прибыль и закроешь лавочку. Будешь без покупок, пока не возместишь разницу.

Гвен не знала, без каких таких покупок она будет. Все ее покупки состояли исключительно из продуктов. Значит, если дело не выгорит, ей

придется есть еще меньше, чем сейчас. Неважно. Мысли лихорадочно метались, сердце будто горело. Собственный цветочный бизнес! У нее все получится.

Глава 31

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

– Поехали обедать ко мне, – предложила Фелисити.

Мистер Джонс отпустил их с изучения Библии на пятнадцать минут раньше, и Фелисити с Джой, чтобы не ждать под дождем, сидели в раздевалке рядом со входом в актовый зал.

Джой сердилась на мистера Джонса, которому не понравилось ее толкование прочитанного сегодня отрывка. В раздевалке она передразнила мистера Джонса:

– Нет Джой ты меня очень горчилатакимответом.

Фелисити рассмеялась.

– Точно, именно так он и разговаривает!.. Давай еще.

Все пятнадцать минут Джой развлекала Фелисити, пародируя мистера Джонса, его походку, жестикуляцию и характерную гнусность.

– У тебя даже выражение лица абсолютно такое же! – радовалась Фелисити.

Она хохотала так громко, что Джой боялась, как бы их не услышали. Хотя удовольствие перевешивало страх: ей нравилось расхаживать по маленькой комнате, то и дело облизывать левый уголок рта и копировать самый противный выкрутас {котенок, гоняющий красный резиновый мячик} мистера Джонса – привычку пропускать знаки препинания и сваливать все предложения в одну кучу.

– Прошу вашего полного безраздельного внимания [язык в уголок рта] прошу да в том числе тебя Филипп будь так любезен [язык] перестань болтать и вертеться спасибо о доброе утро мистер Стюарт я о-очень рад что вы нашли время посетить наше [язык] собрание надеюсь это *не слишком* помешало вашей светской жизни хотя похоже ваша мать не сумела встретиться сегодня утром [язык] с утюгом полагаю я должен быть благодарен за всякое деяние и возносить хвалу Господу за то что вы как раз успели [язык] дабы ответить на мой первый вопрос.

Слушая смех Фелисити, Джой понимала – вот она, ее лучшая в мире Подруга. И еще понимала, что поехать к Фелисити на обед не получится.

– Почему? – возразила та. – Сейчас поедешь с нами, а потом папа отвезет тебя домой. Все просто.

Утром Джой и Марка подвез отец – по дороге в банк. Им было велено после занятий ждать возле Церкви, даже если он надолго задержится в банке.

– Отец не разрешит. Я... еще ни разу ни к кому не ездила.

Джой думала, что Фелисити над ней посмеется, но та лишь улыбнулась и сказала:

– Я подошлю своего папу, пусть попросит твоего. Ты же знаешь, он не откажет.

Верно. Обе девочки хорошо понимали правила игры.

Джой сообщила новость вышедшему из Церкви Марку, и тот уважительно кивнул. Фелисити побежала к подъехавшим родителям и крикнула Джой:

– Согласились!

Джой оторопела: Фелисити кричит на церковной парковке, разве так можно?

Показался фургон отца, встал за машиной отца Фелисити. Мужчины вышли, обменялись рукопожатием.

– Рад встрече, Виктор.

– Джордж. И я рад. Чудесный денек, правда?

День был ужасный, серый и пасмурный. Спасибо, хоть дождь перестал лить.

– Вы наверняка спешите, но я быстро. Моя Фелисити твердо намерена пригласить вашу юную Джой к нам на обед.

Отец открыл рот, однако мистер Фелисити продолжал говорить, не переставая широко улыбаться:

– Разумеется, я привезу ее домой часа, скажем, в четыре? Девочкам хватит времени покататься на лошадях, побегать во дворе, или чем там нынче девочки занимаются? Вы окажете нам с Женевьевой большую честь, если согласитесь.

Женевьева...

Джой ощущала исходящие от отца темно-синие волны сомнений.

– Ну конечно, соглашусь. – Ответ прозвучал легко и сердечно, отец улыбнулся мистери Фелисити. – Если это не доставит вам неудобств.

– Ни малейших. Значит, до встречи в четыре... Ну что, Джой, поцелуй отца – и поедем.

У Джой упало сердце. «Поцелуй отца»? Она глянула на Марка; тот округлил глаза, едва заметно пожал плечами. Повернулась к отцу. Отяжелевшие ноги приросли к земле, угри бешено заметались.

– О, Преподобный! – окликнул отец появившегося на пороге Церкви Преподобного Брейтуэйта. Затем кивнул мистеру Фелисити. – Простите, Виктор. Мне нужно обсудить с Преподобным новые псалтыри. Увидимся в четыре.

И пошел прочь. Вряд ли даже услышал, как Джой произнесла: «Спасибо».

По дороге к дому Фелисити в машине царил сплошной хаос. Джой сидела сзади между Фелисити и ее старшим братом Барри, который вообще не посещал занятия по Библии, – он просто решил прокатиться с семьей. Разговор в машине не умолкал, причем все галдели одновременно. Едва отъехали от Церкви, Фелисити начала распускать волосы, собранные в идеальный пучок. Она вынимала шпильки и одну за другой передавала матери, а та складывала их в сумочку. Джой никогда не видела таких волос – невероятно густые, они доходили до пояса. Барри заметил потрясение Джой и прокомментировал:

– О да, волосы у нее испанские – мамина заслуга.

Фелисити дружно рассмеялись, хотя Джой не поняла, почему. Означает ли это, что миссис Фелисити испанка? Или наоборот? Миссис Фелисити обернулась с переднего сиденья и сказала:

– Не то что чудесные волосы Джой.

Джой залилась румянцем. Она знала, что была уродиной, что ее редкие спутанные прядки и волосами-то не назовешь – так, крысиные хвостики. Миссис Фелисити просто добрая и вежливая. Однако тут она добавила:

– Видишь, Фелисити? Ты могла бы сделать такую симпатичную стрижку, и ежедневное мытье волос перестало бы занимать у тебя уйму времени.

Ежедневное?!

Фелисити вновь рассмеялись.

Мистер и миссис Фелисити вместе с Барри засыпали Джой вопросами. Сама же Фелисити заплела свои испанские волосы в две длинные блестящие косы, не расплетавшиеся даже без резинок на конце, и очень громко объявила всем – по меньшей мере трижды, – что Джой девочка молчаливая, в отличие от них, что ей, наверное, не

хочется отвечать, однако они лишь рассмеялись, а мистер Фелисити возразил:

– Глупости. Не верю. Она сочиняет, да, Джой, милая?

Джой с облегчением поняла, что конкретно на этот вопрос от нее ответа не ждут (и вообще впала в ступор от того, что мистер Фелисити, практически незнакомый человек, назвал ее «милая»), однако вопросы продолжали сыпаться. Ты любишь кататься на лошади? То есть как – никогда не каталась? Ну, это мы должны исправить! Тебе ризотто нравится? Потому что на обед у нас именно оно. Джой задумалась. Возможно, «ризотто» по-испански означает «жаркое»? Она вежливо сказала – да, это мое любимое блюдо.

– Нет, не любимое! – завопила Фелисити. – Я поняла по тому, как ты сказала «да»! А какое любимое на самом деле? Мы его приготовим к твоему следующему приезду!

Новые вопросы. Тебе нравится готовить? По какому предмету в школе ты успеваешь лучше всего? А хуже всего? Что получишь на Рождество, как думаешь? А какой у тебя брат? Захочет ли он поехать с нами в следующий раз? Мы можем пригнать обе машины, и места хватит для всех.

– Девочки в одной машине, мальчики в другой, – предложила миссис Фелисити, поворачивая голову и вручая дочери маленький бумажный пакет.

Джой в очередной раз поймала себя на мысли – какие же они богатые, если у них две машины!

– Будет здорово, правда? – добавила мама Фелисити.

Джой, не подумав, ответила:

– Да, было бы замечательно, миссис Фелисити... ой... простите, простите!

– А-а! Это бесподобно! – громыхнул мистер Фелисити. – Что скажешь, *миссис* Фелисити?

– По-моему, очень мило, *мистер* Фелисити.

Все захохотали. Джой пылала от смущения, но Фелисити выглядела весьма довольной. Она воскликнула:

– Ты обязана называть их только так во веки веков!

– Аминь! – подхватили остальные Фелисити и опять рассмеялись.

Фелисити раскрыла ладонь изумленной Джой и насыпала туда черных мармеладок.

...Добрались до фермы Фелисити. Барри вышел из машины и открыл ворота. За ними виднелась длинная извилистая подъездная дорога, выложенная зацементированным светлым булыжником и обрамленная белой деревянной изгородью. Мистер Фелисити заехал в ворота и, как ни странно, подождал, пока Барри сядет назад в машину.

Дом был под стать подъездной дороге – величественный и бесконечный. В нем имелась даже библиотека. Показывая ее, Фелисити пояснила, что здесь папа работает, а еще родители читают после чая, который у них называется «ужином».

– Как работает? Что делает? – спросила Джой.

Фелисити не знала.

– Пишет.

– Книжки?

– Да. И еще что-то под названием «бумаги» – чушь какая-то!

С шестиугольного столика возле огромного белого кресла она взяла книгу в твердом переплете, протянула ее Джой.

– Вот это написал папа.

Джой бережно взяла книгу. Она называлась «Корифеи австралийской литературы 1901–1950». Автором значился Виктор Армстронг, так что теперь Джой знала настоящую фамилию семейства. Фотография на обложке изображала углубленного в чтение мужчину в роскошном мягком кресле перед внушительным зажженным камином. Мужчина сидел почти спиной к фотографу, но Джой не сомневалась, что это мистер Фелисити. Она перевернула книгу, прочла текст на задней обложке.

Наиболее всестороннее на сегодняшний день исследование постфедеративной австралийской литературы и ее авторов.

Интереснейшая комбинация биографий, литературной критики и баек наряду с отлично подобранными фотографиями писателей за работой и на литературных мероприятиях.

Щедро сдобрено рассказами о личных трудностях самого автора, которые выпали на его долю во время работы над исследованием.

Труд академический, однако читается весьма легко.

Пока Джой гадала, что за трудности выпали на долю мистера Фелисити, тот просунул голову в двери библиотеки и объявил:

– Обед готов, ваши высочества.

Обед совершенно ошеломил Джой, от начала и до конца. Во-первых, никто не подавал еду от рабочего стола к обеденному. Вместо этого каждый прихватил по большому блюду с кухни, отнес его в столовую (столовую!) и поставил в центре стола, по дороге разговаривая без умолку. На блюдах лежало то самое странное ризотто, похожее на овсяную кашу из риса, а еще горы запеченных овощей и другой, не знакомой Джой, еды. Громадный обеденный стол из толстого блестящего дерева стоял на круглых ножках – таких больших, что они напоминали ноги слона. Стулья из того же блестящего дерева имели мягкие сиденья – каждый, а не только стул мистера Фелисити. Джой не увидела ни одной треснутой тарелки или миски, и все они были одинаковыми.

Сели, мистер Фелисити произнес благодарственную молитву. Джой, не ожидавшая ничего подобного, уставилась на него во все глаза.

– Дорогой Господь, благодарим тебя за эту чудесную пищу, – тут мистер Фелисити открыл глаза и послал воздушный поцелуй миссис Фелисити, – и просим: благослови и обеспечь едой тех, у кого нет того, что есть у нас, Господи. Сегодня мы особенно благодарим тебя, Господь, за радость делить эту трапезу с Джой – та окаменела, но поздно – он посмотрел на нее прямо, без насмешки или упрека, затем подмигнул, – и надеемся, что она украсит наш стол своим присутствием еще не раз. – Мистер Фелисити закрыл глаза и склонил голову. – За это и многое другое благодарим тебя, Господи. Аминь.

Все дружно повторили «Аминь», и за столом начался тот же хаос, что царил в машине. Удивительно, думала Джой, как четыре человека умудряются производить столько шума? Ей то и дело передавали блюда, и каждый раз она брала крошечную порцию.

– Ну и ну! – смеялся Барри. – Неудивительно, что ты такая худая.

Фелисити говорили о своих любимых лошадях и смешных соседях, о буйстве роз в саду («Я дам тебе несколько штук, отвезешь маме, Джой, милая») и о том, что читает Барри. Он перешел в шестой класс, и ему предстояло изучать литературу. Сейчас Барри читал книгу под названием «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

– Чудесная книга, – сказала миссис Фелисити. – Нам очень понравилась, правда, Вик? – Она в притворном ужасе хлопнула себя по губам. – То есть, *мистер Фелисити*.

Все засмеялись. Джой улыбнулась и отправила в рот полную вилку ризотто.

Барри, легонько покачав головой, протянул:

– Ну а я пока не определился.

Мистер Фелисити удивленно ахнул; изо рта посыпались рис и тыква.

– Это классика, Баррингтон, безусловная классика. – Он затолкал вилкой еду обратно в рот. – Отлично раскрывает тему человеческой природы. – Задумался на мгновение и вонзил вилку в запеченный пастернак на блюде. – Однако мне интересно, что ты скажешь по окончании книги. Ты же знаешь, я люблю хорошие дебаты. – Пастернак исчез во рту мистера Фелисити, который тут же потянулся за следующим.

Дальше обсуждали, сколько еды Фелисити с мамой приготовят для рабочих, которые приедут в январе строить новую конюшню. Еще миссис Фелисити рассказывала о том, что одна соседка каждую неделю дает ей две дюжины прекрасных яиц. Она со смехом призналась:

– Я забыла, как ее зовут. Вот ведь ужас...

Однако семейство вновь рассмеялось, будто ничего ужасного вовсе и нет, а миссис Фелисити добавила:

– В общем, восемь яиц я пустила на сегодняшний десерт!

Джой казалось, будто каждая фраза в этом доме заканчивается восклицательным знаком.

– Десерт ведь должен быть не только вкусным, но и красивым, а потому – восемь яиц, и ни одним меньше!

Однако что это за десерт, она не выдала.

Миссис Фелисити притворно обижалась на то, что ее стряпня не понравилась Джой – а ей и правда не понравилось. Жирная и комковатая текстура ризотто напоминала рвоту, салат был полит каким-то странным маслом, отчего латук сделался слизким; на запеченных овощах пестрели непонятные зеленые листочки, а куски горячего хрустящего хлеба с растопленным маслом и белыми крошками оставляли во рту неприятный привкус. Впрочем, когда Джой спросили про угощение, она поступила так, как отец велел поступать во время

обеденного чаепития в доме у кого-нибудь из старейшин: смиренно ответила, что все было вкусно. Джой надеялась, что ее фраза тоже прозвучала с восклицательным знаком на конце.

Миссис Фелисити заверила:

– Ничего, Джой, смело говори, если тебе не понравилось.

У остальных это вызвало очередной взрыв смеха – они и мысли не допускали, будто стоящая перед ними еда может кому-то не нравиться.

Джой тоже рассмеялась, но все же испытала облегчение при виде лимонного пирога с меренгой, который миссис Фелисити вынесла из кухни. Уж его-то она способна похвалить совершенно искренне! Меренга была до смешного высокой (восемь яиц!), а от освежающего, колкого вкуса лимонного крема захватывало дух. Мама, наверное, использует другой рецепт, ведь дома пироги никогда не получаются такими лимонными – и такими меренговыми! Миссис Фелисити начала резать пирог на кусочки. До чего у нее белые и гладкие руки, как меренга... Джой торопливо спрятала ладошки под стол, внезапно устыдившись своих грязных ногтей и грубой кожи.

Наконец она справилась со второй порцией пирога, на которой настояла миссис Фелисити. Мистер Фелисити тут же объявил:

– Юные леди, с уборкой помогать не надо: посудомойка обо всем позаботится.

Посудомоечная машина?! Невероятно...

– Отлично. – Барри тоже встал.

Мистер Фелисити сгреб его за шиворот (Джой окаменела) и хмыкнул:

– Тпру, Баррингтон, ну-ка поведай Джой, какая у нас марка посудомойки?

Барри со смехом доложил:

– Это я. Во всяком случае сегодня.

Следующие два часа девочки сидели в комнате Фелисити, болтали и смеялись. Им разрешалось шуметь сколько угодно, отчего пародии Джой на мистера Джонса только выиграли: она свободно расхаживала по комнате, передразнивая его жестикуляцию, походку, голос и мимику.

Когда Фелисити вышла со словами: «Я на секундочку», – Джой задумалась об этой удивительной и чудесной жизни. Фелисити держали лошадей ради удовольствия и, надо полагать, коров тоже – ради молока. Она и ее семья нравились Джой, но та завидовала всему, что имела

Подруга: ее внешности, нарядам, волосам, беззаботному смеху и родным. То была красная, жгучая, лишающая-сна-по-ночам зависть. Много-много зависти: если распределить ее поровну на всех прихожан, как ползущую от души к душе змею, то бедные прихожане отправятся в Ад независимо от других своих поступков в жизни. Джой вздохнула. «Господи, прошу, сделай так, чтобы я перестала завидовать». Она крепко зажмурилась и вновь помолилась, еще жарче. Вот только зависть была такой же увертливой и злобной, как угри в животе, и такой же гладкой и соблазнительной, как темный шоколад с клубнично-сливочной начинкой. Да, Джой определенно уготован Ад.

А семейству Фелисити? Наверное, тоже? Ведь Джой слишком хорошо знала, что богатому труднее попасть в Царство Божие, чем верблюду пройти в игольное ушко, – и не важно, как горячо богачи молятся и сколько благодарят Господа за свою прекрасную еду.

Вернулась Фелисити с тарелкой, полной разных пирожных. У Джой округлились глаза, а Подруга пояснила:

– Я не знала, какое пирожное ты захочешь, поэтому прихватила каждого по два.

Джой затолкала свою зависть на дно желудка – пусть болтается там с угрями – и повторила эти слова голосом мистера Джонса. Девочки захохотали. Вошла миссис Фелисити со стеклянным кувшином шоколадного молока и двумя высокими стаканами. У них в доньшке были пузырьки, надо же! Джой обхватила свой обеими руками, чтобы не уронить.

– Мама, ты бы видела, что умеет Джой. Она пародирует мистера Джонса! Покажи, Джой!

В неожиданном порыве воодушевления и храбрости Джой, к собственному удивлению, отставила молоко и изобразила не мистера Джонса, а мистера Фелисити.

– «Это классика, Баррингтон, безусловная классика», – провозгласила она и сделала вид, будто ловит выпадающую изо рта еду.

Фелисити и ее мама восторженно вскрикнули, а Джой продолжила. Через некоторое время миссис Фелисити взмолилась между приступами смеха:

– Хватит. Не надо больше. У меня живот болит.

Чуть позже Джой спросила у Фелисити, кто же сегодня будет доить коров, если мистер Фелисити в четыре часа повезет ее домой. Фелисити

взяла очередное пирожное и ответила:

– У нас нет коров. Старый хлев с оборудованием есть, да, но он ужасный.

Джой удивилась – как же они зарабатывают деньги без коров? Затем вспомнила про две аптеки. Все равно непонятно: зачем тогда жить на ферме? Ради забавы? Кому такое вообще в голову придет?

Пирожные доели, и Джой забеспокоилась. Который час? Фелисити, наверное, не будут переживать о том, чтобы доставить гостью домой вовремя, а ей может за это попасть. Хотя говорить ничего нельзя; надо ждать, пока мистер Фелисити вспомнит сам.

К счастью, через несколько минут, когда она со смехом рассматривала в диаскопе старые фотографии родителей Фелисити, в комнату заглянул мистер Фелисити.

– Пора, юная Джой. Фелисити, ты останешься дома, дорогая. Тебе только новой простуды не хватало.

Перед уходом миссис Фелисити вручила Джой большой букет роз для мамы. Сунула его девочке в руки, затем обхватила ладонями ее лицо и поцеловала в лоб.

– Большое спасибо за то, что заглянула к нам, милая. Я уже жду твоего следующего приезда.

Фелисити воскликнула:

– Она может приехать на твой день рождения! – Повернулась к Джой. – Обязательно приезжай. На дни рождения мы всегда устраиваем что-нибудь интересное.

Как сказать миссис Фелисити о том, что у мамы уже и так больше пятидесяти розовых кустов? Джой, мучимая этим вопросом, пробормотала: «Хорошо». Все равно отец не разрешит.

В машине мистер Фелисити расспрашивал о школе и любимых уроках, не одергивал «хватит мямлить, говори громче, веди себя хорошо» и даже не напоминал ей о том, что она грешница.

Уже на Буллок-роуд Джой ощутила неловкость и тревогу. Сейчас мистер Фелисити увидит их грязный домик и придет в ужас. Однако, когда машина спустилась с холма и Джой сообщила: «Вот наша подъездная дорожка», – мистер Фелисити подчеркнуто глянул на часы и произнес:

– Прости, юная Джой, я потерял счет времени, поэтому не смогу зайти и выпить с вами чайку. Высажу тебя здесь, если ты не против.

Извинись, пожалуйста, за меня перед родителями и обязательно передай им, что ты очень порадовала нас своим визитом.

– Спасибо, мистер Арм...

Он в притворном ужасе покачал головой.

– Мистер Фелисити.

И, рассмеявшись, Джой помахала рукой на прощание.

Она подошла с букетом роз к задней двери. Навстречу вышел отец.

– Надеюсь, ты вела себя хорошо.

В кухне Джой протянула маме цветы, сказала, что это от мамы Фелисити.

– О... Что ж. Пушу их завтра на венок мистера Катлера.

Джой хотелось другого: чтобы мама поставила букет в сверкающую вазу в центре большого полированного стола в столовой.

Она ждала, пока мама спросит, понравилось ли дочери в гостях – или хотя бы хорошо ли она себя вела. Однако мама лишь сообщила:

– У Мэйси беда с телянком.

За чаем Джой не смела попросить ни соли, ни добавки молока; старалась не звякать ложкой о тарелку. Телянок Мэйси умер, ветеринар выставил счет на шесть фунтов, вновь пошел дождь, а баранье жаркое, состоявшее в основном из моркови, оказалось жестким и сухим.

Об обеде у Фелисити ее никто не спросил.

Глава 32

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Признался. Даже не верится. Вот так запросто. Хочется встряхнуть гада, но, боюсь, тогда он точно умрет, и немощное тело распадется на миллионы кусочков сухой кожи да костей. Нет, я не позволю ему умереть так легко. Теперь я знаю правду – знаю, что это не только мои подозрения, – и принимаю решение: он должен страдать.

Я думаю о кукольной голове в сундуке. Начинаю складывать головоломку. Медленно, но уверенно.

Отец стонет, из горла вырывается очередной хрип.

Тру рукой губы. Соображать надо быстро. Успеть до его смерти. Повернуть колесики правосудия.

Из желтых ввалившихся глаз отца на сером усохшем курином лице выкатывается по слезинке.

Он жалок. Куда более жалок, чем я в свое время.

– Это была случайность.

Я закатываю глаза. Случайность? Вроде постоянных пороков, которые устраивались нам с Марком? Этот человек ничего не делает случайно. Ради всех святых, достаточно посмотреть, как он развешивает одежду!

– Я сожалею, – шепчет отец.

– Сожалеешь?! – вскипаю я.

– Я... разозлился.

Ну, меня это не удивляет.

– Все пошло... не так. – Он тяжело втягивает воздух. – Не успел ничего сообразить... а руки сами уже... – Закрывает глаза, вновь делает вдох.

Я жду; лицо у меня каменное, как серое цементное корыто в прачечной.

– Она упала... и... – Отец отворачивается, и я, кажется, слышу: – А потом было уже поздно.

– Она умерла, верно? – Я выплевываю слова; буквы «р» звонкие и острые, как колючки на новенькой проволочной изгороди. – Никакая это не случайность. Ты убийца. Разве не так?

– Все вышло из-под контроля, Гвен. – Отец проводит двумя костлявыми пальцами по лбу.

– Я Джой, – с отвращением бросаю я. – И у тебя опять все вышло из-под контроля, потому что я заставлю тебя заплатить.

– Рут, Рут, – говорит отец, глядя на меня.

Однако я сыта по горло его галлюцинациями, сыта враньем, страхом и побоями, в которых жила шестнадцать лет. Готова плюнуть в эту сволочь. Он же добавляет самодовольно, как ветеринар, извлекая из коровы живого теленка:

– После... ее смерти... я молил Бога о прощении. И Он простил. Бог простил меня.

Вот она – последняя капля. Он правда верит в то, что Бог простил? За убийство? Я вскакиваю и отхожу от кровати – нет больше сил видеть гада. Даже если его арестуют, под суд не отдадут. Обеспечат наилучший уход, какой только можно купить за деньги, и отец угаснет мирно и безболезненно, в кондиционированном комфорте. Не так я представляю себе справедливость или месть.

Выключаю вентилятор.

– Рут! – пытается крикнуть старик, но голос не слышится. – Послушай меня! Я не... не хотел ее убивать.

Со дня моего приезда отец ни разу не назвал меня Джой. Раз уж суд не свершит правосудие, тогда это сделаю я. Возвращаюсь к кровати, вытряхиваю из пузырька несколько таблеток.

Очередной долгий трудный вдох. Старику явно больно. Он закашливается, изо рта вылетает кровавая мокрота, пачкает подбородок и простыни. Хочется оставить все как есть, пусть весь пропитается этой мерзкой жижей, но я не животное, а потому вытираю посеревшее лицо губкой, швыряю ее на пол, на газету. Кладу в руку отцу пилюли.

– Четыре? – Он округляет глаза.

– Да, четыре. Вики сказала увеличить дозу, если приступы сильной боли учащаются.

Мне надоели стоны, а двойная доза отца вряд ли убьет. Я просто хочу усыпить его на время и спокойно подумать.

Он сует в рот все четыре таблетки разом. Я подношу чашку-непроливайку к его губам, наклоняю. Отец ждет, пока желтая газировка наполнит рот, затем глотает.

Делает новый хрипящий вдох, в глазах вспыхивает страх. Хорошо.

– Дай мне все. – Голос будто изъеден колючками. – Очень больно. Хочу умереть.

– Рано, – говорю я, подбирая губку.

– Оставь пузырек.

Я выхожу. Интересно, больно ли умирать? Если, например, умираешь во сне, то больно ли в последние секунду-две-три просто потому, что все тело останавливается? Надеюсь, Венди, когда умирала, не чувствовала боли.

Итак, наконец-то я услышала желанное признание. Жаль, мне не хватило смелости бросить отцу эти обвинения в лицо много лет назад. Стоит показать полицейским кукольную голову в сундуке, и они сразу сообразят – отец убил Венди. Однако из детективных сериалов, скрашивавших мои одинокие вечера, я усвоила, что решающим доводом служат отпечатки пальцев. Сохранились ли на кукле отпечатки? Не представляю, сколько они держатся.

Возвращаюсь в сарай и откидываю крышку сундука. Голова куклы по-прежнему пристально смотрит на меня, и это, мягко говоря, нервирует. Тем не менее я должна довести дело до конца. Вынимаю голову, держу ее в ладони, будто череп Йорика. Вдруг спохватываюсь. Вот недотепа! Сначала придется стереть свои собственные отпечатки.

Оглядываюсь и вижу у стены топор и пластиковый футляр из-под него. Достая оттуда чистящую жидкость, щедро поливаю кукольную голову и яростно тру ее мягкой синей тряпкой. Волосы спутываются, но это не имеет значения. Затем, чтобы уж наверняка, повторяю процесс, тщательно поливая и оттирая каждый миллиметр фарфора.

Отношу завернутую в тряпку голову в дом и делюсь планом с Рут. Та кивает, говорит:

– И справедливость, и месть.

Отец спит; руки, куриные лапки, лежат на простыне, где еще недавно была кровавая мокрота. Таблетки сработали.

– Папа, – громко зову я.

Он не шевелится. Я вновь зову, громче, но отец лежит неподвижно.

Бережно вкладываю в его правую руку кукольную голову, сама касаясь ее только тряпкой. Смыкаю на голове отцовские пальцы, поворачиваю ее так и сяк, прижимаю пальцы в разных местах. Отпечатков должно быть много, и располагаться им следует

неаккуратно. Переворачиваю голову, повторяю весь процесс. Делаю то же самое с левой рукой. Отец даже не стонет.

Обматываю тряпкой свой мизинец, вставляю его в дырку на кукольной голове и возвращаюсь в сарай. Кладу ее назад в сундук, пачкаю грязью со дна. Надеваю на кукольную голову ситцевый мешочек, потом передумываю и чуть стягиваю его – теперь голова торчит наружу, а мешочек морщится в районе шеи. С громким лязгом захопываю крышку, словно я только что совершила это ужасное открытие, и оставляю сундук незапертым. Аккуратно сворачиваю тряпку – так всегда делал отец, – прячу ее и чистящую жидкость назад в футляр, ставлю его на место.

Сердце ухает вниз. Тут ведь повсюду мои отпечатки! На сундуке, на замке... Впрочем, не страшно. «Папа говорил, что в сундуке лежат ценные инструменты, детектив, вот я и подумала их продать. Сняла ситцевый мешочек и... До сих пор не верится. Как думаете, на кукле сохранились отпечатки?»

Колесики правосудия наконец завертелись.

Глава 33

Джордж и Гвен

Декабрь 1942 – февраль 1943 года

За два месяца трудно получить прибыль и невозможно самой вырастить цветы. Зато ферму окружали заросли папоротника, кое-где виднелись чахлые розы и запущенные растения, названия которых Гвен не знала. Яростно пропалывая сорняки в промежутке между домашними хлопотами, она обнаружила у парадной двери кусты георгин и гортензий, а у курятника – камелию. Закопала возле них овощные очистки и обрезала все кусты, чтобы они активнее пускали побеги.

С телефона Арнольда обзвонила поставщиков Стэна и заказала всего понемногу. Расстроилась, что у нее не хватает денег на оптовые заказы – те обходились дешевле. Когда она в уплату за звонки протянула один из своих драгоценных фунтов Арнольду, тот лишь покачал головой.

Цветы для ужина в клубе «Ротари» Гвен закупила у местного флориста. Тот покосился на нее с подозрением, но она улыбнулась, похвалила его магазин и два розовых букета, которым не мешало бы добавить гармонии и убавить лент.

У себя в маленькой комнате Гвен разложила на верстаке флористическую проволоку, клейкую ленту, кусачки, ленты и бумагу; убрала в шкаф каркасы для венков. Вечером перед ужином в «Ротари» Джон забрал не только бидоны с молоком, но и готовые цветочные композиции, бережно уложив их на полу в кабине грузовика. Айрис на следующий день заплатила Арнольду, тот в ближайший понедельник заплатил Гвен (за вычетом своих комиссионных и заработка Джона), а та отдала все Джорджу сразу по возвращении домой – и ни минутой позже.

После этого начали поступать заказы. Много заказов.

Джордж записывал данные по ним во вторую счетную книгу, с нацарапанным на обложке именем Гвен. Заставлял ее учитывать все до мелочей: стоимость цветов, сколько кусочков проволоки использовалось, сколько клейкой ленты и ленточек для украшения.

Через два месяца чистая прибыль составила три шиллинга. Успех, конечно, сомнительный, но Джордж сдержал слово, и на свои три шиллинга она купила рассаду: пять видов многолетников, которые цветут зимой.

Глава 34

Джой и Рут

Рождество 1960 года

Рождество отличалось от других дней лишь тем, что в углу кухни под сосной детей ждали подарки – по два каждому (один от родителей, другой от тетушки Розы). Второе отличие состояло в том, что мама шла в Церковь. Без Рут, конечно же.

В Церкви Джой чувствовала себя очень взрослой – в новом церковном платье, подаренном родителями (слава Богу, без рукавов-фонариков), и в кремовых колготках, присланных тетей Розой. Она с нетерпением ждала встречи с Фелисити. Когда они с Марком вышли из Церкви, все Фелисити стояли на крыльце.

– С Рождеством, Джой. С Рождеством, Марк, – приветствовали они с сияющими лицами.

– Прости, нам нужно ехать, – сказала Фелисити. – Мчимся в Мельбурн на большой семейный ужин.

Затем воскликнула:

– У нас одинаковые колготки! – и помахала ногой.

Джой ответила:

– И вас с Рождеством. – И проводила взглядом семейство Фелисити, со смехом бегущих под дождем к машине.

Даже дождь вызывал у них смех.

Поздно вечером Джой лежала в постели – скованная, натянутая как струна, – ждала криков из комнаты Марка (он плохо вычистил хлев от навоза) и думала. Зачем отец вообще завел детей? А зачем завел сына Бог? Он ведь знал, что однажды Ему в руки и ноги вобьют гвозди и оставят Его умирать – висеть, истекая кровью, под палящим солнцем. Это куда хуже того, что делает с Марком отец.

Вместе с первым криком Марка, разорвавшим ночную тишину, Джой вновь вспомнила отцовские слова. «Придет твой час». Она знала, что час этот совсем близко.

Глава 35

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

– Теперь-то ты его убьешь? – В голосе Рут, по-моему, многовато воодушевления. – Он ведь сознался!

Я делаю глоток «Пассионы». Злюсь, потому что дрожу.

– Я заставлю его страдать.

Подхожу к столу за таблетками. Сестра открывает рот – собирается, как обычно, дать указания. Нет уж, хватит!

– Знаешь что? – Ответа я не жду. – Надоело тебя слушать. Я вынуждена слушать тебя – и его, – пока торчу в этом богом забытом месте, но с меня хватит! Это *моя* задумка, и я буду делать все по-своему!

Под возмущенный скрип линолеума отодвигаю от стены стол, обхожу его и срываю настенный гобелен – я ненавижу его почти так же, как отца.

– Больше никогда не буду молчаливой слушательницей!

Хватаю коробок спичек со шкафа у задней двери. Вслед мне летит голос сестры:

– В каком смысле? Что ты хочешь сделать?

Я шагаю к мусорному баку и взбираюсь по деревянной лестнице. Ощущаю жар, неизменно пышущий от этого портала в Ад, – я и забыла, до чего тут горячо. И воняет жутко. Задерживаю дыхание. Зажигаю спичку, подношу ее к уголку древнего бархатного прямоугольника. Он занимается быстро, и «Христос» сразу же исчезает. Пару секунд я наблюдаю за тем, как маленькие язычки пламени с удивительной скоростью разбегаются по вышивке. Пугаюсь, что сейчас они обожгут мне пальцы и я уроню этот сгусток огня на сухую траву внизу. Торопливо швыряю горящую вышивку в бак. Вздыхаю. Кричу:

– Катитесь вы все в Ад!

В кухне, кажется, стало жарче, чем на улице. Фиолетовое родимое пятно Рут мелко подрагивает, но я не жалею о сказанном – и собираюсь добавить кое-что еще.

– Меня тошнит от тебя, Рут. Сидишь в своем кресле, никогда ничего не делаешь, только командуешь мной. – Переведя дыхание, падаю на диван. – Я вообще не понимаю, зачем ты здесь.

Она молчит, и я продолжаю. Откуда только слова берутся?

– Думаешь, я не знаю правды о твоём несчастье?

Отвернувшись, вновь шагаю во двор и делаю вид, что не слышу шепот сестры:

– Нет, Джой. Правды ты не знаешь.

По привычке топаю к курятнику, будто за яйцами, и вспоминаю, что так и не побывала у пруда. Действительно ли он пересох? Пекло на улице жуткое, вряд ли в пруду могла остаться вода, но я все равно сержусь на себя – почему не сходила, не проверила? А теперь сил нет. Сочинение планов, споры, бесконечная удушающая жара – все это меня измотало.

Чай готовлю в молчании, не глядя на Рут; она читает «Гордость и предубеждение», словно меня в кухне нет. После чая забираю все лекарства и графики, несу в комнату отца. Он шевелится, но очень вяло.

Кладу таблетки на тумбочку у кровати. В конце концов, отец сам просил оставить их ему – хотел покончить с собой. Вот они, пожалуйста, рядом с непроливашкой и бутылкой «Пассионы».

Только вне его досягаемости.

– Папа, – зову тихонько.

Он с трудом открывает глаза, я склоняюсь ниже.

– Я сообщу в полицию о том, что ты убил Венди Боскомб.

Глаза отца распахиваются шире, он из последних сил трясет головой.

– Нет, – шепчет.

– Да. Пусть все узнают, какой ты на самом деле. Даже если людям плевать на то, что ты творил с собственными детьми, то *это* никого не оставит равнодушным. Больше ни один человек не захочет иметь с тобой ничего общего.

Он в ужасе. *Наконец-то.*

– Я позвоню в полицию и расскажу о том, что нашла пропавшую куклу Венди.

Отец не верит своим ушам.

– Да, я нашла куклу в сундуке. Точнее, ее голову.

Он, разумеется, в растерянности. Думал, мне не известно местонахождение ключа.

– Но...

Скрипучий голос отца меня раздражает, я закрываю ему рот рукой. Впервые в жизни отец сам будет молчаливым слушателем.

– Полицейские заберут кукольную голову, обнаружат на ней твои отпечатки и арестуют тебя. Я еще не во всем разобралась, но разберусь обязательно, и тогда полицейские найдут, куда ты спрятал бедняжку Венди. Хоть ты и убийца, но я умнее тебя.

Отнимаю руку от его рта; он судорожно глотает воздух.

– Нет. Нет. Ты не станешь...

Закашливается, просит:

– Пить.

Подношу чашку к губам отца. Ему уже недолго осталось, так что терять время нельзя.

Я ухожу в кухню, не обращая внимания на испуганные хриплые причитания за спиной:

– Зачем, зачем? Я же сказал, это вышло случайно...

Рут уже вновь обрела голос. При моем появлении она говорит, словно продолжая прерванный разговор:

– Я здесь для того, чтобы помочь тебе.

Судя по тону, она обращается ко мне-двенадцатилетней. Я закатываю глаза, не отвечаю. Смотрю, как жуткое родимое пятно ходит вверх-вниз в такт ее словам. Голос сестры – гнилой грейпфрут.

– Ты слабая, Джой. «Больше не буду молчаливой слушательницей»? Чушь собачья! Ты ни на что другое не способна, только молча слушать. Я-то думала, ты наконец что-нибудь сделаешь, убьешь его... Нет, ты даже этого не можешь. Ты – никто, пустое место. Всю жизнь такая!

– Я? А ты? Ты лишь помыкала мной, нашептывала на ухо ядовитые идеи, вкладывала их в мою голову, надеялась ему отплатить. Я вернулась сюда, и ты опять начала командовать: «Убей его», «Помучай», «Сообщи в полицию, что он убил Венди»... Нет, говорю же, больше не буду молча слушать. Ни его, ни тебя.

– Ты сама не ведаешь, что несешь. Если б не я, ты так ни на что и не решилась бы. Осталась бы робкой, покорной крошкой Джой. Если

б не я, ты никогда не ощутила бы восхитительный вкус мести. Ты даже не понимаешь, как я тебе помогла!

– Помогла?.. Ну, тогда вот тебе новость. Я прекрасно обходилась без тебя последние годы.

– Seriously? – Рут хмыкает, по ее подбородку стекает белый сарказм. – Ты нашла постоянную работу? Завела кучу друзей? Парня, который о тебе заботится?

Она зашла слишком далеко.

– Я не виновата! – кричу в ответ. – Это все из-за отца!

Опускаюсь за стол, потная и совершенно обессиленная. Рут открывает рот, но я ее перебиваю:

– Ты мне не нужна, Рут. Понятно? Не нужна.

Встаю, собираясь уйти в свою комнату.

– О, еще как нужна, Джой, – произносит сестра серебристым голосом. – Особенно если ты его убьешь.

– Не убью, – тихо возражаю я и закрываю за собой дверь.

Впрочем, та не заглушает последнего вопля Рут.

– Если не убьешь ты, это сделаю я!

Глава 36

Джордж и Гвен

Ноябрь 1943 года

– Тебе надо урезать затраты или поднять цены, – сказал в понедельник вечером Джордж после того, как Гвен вручила ему очередные полученные от Арнольда деньги. – Лучше и то, и другое.

– Лучше давай купим телефон, Джордж.

– По-твоему, нам деньги девать некуда? – побагровел он. Отодвинул стул, взял со стола счетную книгу. – Да?

– Нет, дорогой. Я просто имела в виду, что тогда не придется платить Арн...

Синяя книжная обложка врезалась ей в щеку.

...На следующее утро Гвен, услышав стук в дверь, с трудом поднялась с кровати в спальне у заднего входа. Отодвинула в сторону ведро. Надо бы обратиться к доктору и найти причину этой ежедневной утренней тошноты.

Прикрыв ладонью левую щеку и уголок рта, открыла двери. На пороге стоял Роберт.

– Здравствуй, Гвен. Решил тебе сообщить, что... О боже, что случилось?!

– А, это... – Она убрала руку от лица. – Ничего. Я вчера на прополке не заметила ветку и...

– Ох уж эти ветки, – он закивал. – Вечно прячутся там, где их меньше всего ждешь.

Гвен не удержалась от смеха.

Вскоре на утренний чай пришел Джордж – на добрых полчаса раньше обычного – и с грохотом водрузил на рабочий стол большое ведро.

– Хочешь телефон? Вот тебе телефон.

Она заглянула в ведро. Внутри было около фута воды, в которой сердито извивались два длинных и толстых угря черного цвета.

– Угри из пруда. Наверняка хороши в тушеном виде. Две бесплатные кормежки в неделю. Доставай самый острый нож.

Гвен с трудом подавила рвотный позыв. Вынула из второго ящичка нож, повернулась к мужу.

– Где ты их убьешь?

– Ты хочешь телефон, ты и убивай, – бросил он и вышел.

Она посмотрела на нож, покачала головой и вернула его на место. Нагнувшись, достала из третьего ящичка мясницкий топорик. Держа наготове кухонное полотенце, потянулась им к одному из угрей, но тот начал бешено извиваться, ужасающе заскрипел, и Гвен, вскрикнув, выдернула руку из ведра.

Накрытые полотенцем угри бились сильнее, издавали какие-то гортанные звуки. Гвен схватила второе полотенце и на этот раз сунула в ведро обе руки. Поймала угря, бросила его на разделочную доску. Тот яростно замолотил хвостом о ведро, застонал еще громче и страшнее. Гвен крепко сжала угря левой рукой, взмахнула топориком в правой и опустила его на основание головы твари. Брызнула кровь, Гвен ахнула – безразлично, но с облегчением.

Однако голова осталась прикрепленной к телу, которое по-прежнему хлестало хвостом по ведру. Сама громко застонав, Гвен опустила топорик с удвоенной силой – и с радостью услышала стук лезвия о доску. Швырнула голову с телом в раковину и, не давая себе времени на размышления, поймала второго угря, бросила его на разделочную доску и изо всех сил взмахнула топориком. На этот раз хватило одного удара. Гвен отправила в раковину и второго угря, открыла кран. Дождалась, пока с обоих тел потечет прозрачная вода.

По очереди выложила их назад на доску, отрезала плавники, рассекла каждого угря снизу от шеи до хвоста, раскрыла. Увидела ярко-красные внутренности и длинный узкий спинной хребет. Поборов очередной рвотный позыв, отскоблила все пальцами, извлекла хребет. Кинула плавники, внутренности и кости в раковину к головам, еще раз прошла пальцами по нутру. Наконец убедилась, что вычистила все. Схватила бело-голубую упаковку, насыпала из нее соды на доску и принялась яростно оттирать ее полотенцем, в которое после завернула головы и кишки. Уже по дороге к мусорному баку пожалела о том, что использовала кухонные полотенца, полученные от Джин в подарок на свадьбу. Ничего, телефон важнее. Вместо полотенца пока что будет какая-нибудь старая тряпка, а чуть позже Гвен заработает денег и купит новые.

Она разделала угрей на дюймовые кусочки и сложила их в большую кастрюлю, вместе со сливочным маслом, луком и морковью.

Добавила соль и воду, смешанную с кукурузным крахмалом. Пока варево томилось на огне, Гвен почистила и порезала картофель. Хоть бы угри получились съедобными!

Вернулся после дойки Джордж. Гвен не без гордости подала ему серую массу с картофельным пюре.

– Один телефон за сегодняшний вечерний чай, мистер Хендерсон.

Джордж улыбнулся, похлопал жену по руке. Гвен затопила волна облегчения. Все у них будет хорошо, дела пойдут на лад.

Угри оказались жесткими, на зубах похрустывал песок. Гвен сделала вывод: в следующий раз нужно тщательнее мыть тушки и, пожалуй, стоит подержать их подольше на медленном огне. Попробовав первый кусок, Джордж попросил кетчупа и потянулся за солонкой. Однако ни словом не пожаловался.

Наоборот, он вдруг пустился в разговоры. У него есть еще идеи, как экономить деньги. Надо завести кур – в конце растрескавшейся дорожки есть курятник. В сарае нашлись капканы, он станет ловить кроликов – или охотиться на них с хорьками. Два кролика и два угря в неделю – вот уже четыре приема пищи. Яйца тоже помогут экономить. Время от времени можно резать и запекать курицу – настоящий пир.

Гвен могла бы собирать с молока сливки и делать масло. Ужасно глупо тратить продуктовые карточки на масло, оно ведь состоит из обычных сливок и соли! Еще пусть Гвен печет хлеб. Они оба начнут питаться по-королевски, купят телефон. Гвен будет изготавливать свадебные букеты и похоронные венки, ему больше не придется выпрашивать у банкиров деньги или отсрочку, и ферма скоро перейдет в его собственность!

– Скоро? Когда, Джордж?

Он подцепил вилкой кусок угря в кетчупе и улыбнулся своей фирменной обаятельной улыбкой.

– Через двадцать четыре года, дорогая.

...Гвен столько не проживет.

Глава 37

Джой и Рут

День подарков^[17], 26 декабря 1960 года

Недалеко от дома стояла старая подставка под большую емкость. Емкости давно не было, но шершавые сваи держались в земле твердо. Натянутая вокруг столбов проволочная сетка делила пространство между ними на два отсека; в семье Джой их называли камерами. В первой камере едва хватало места на то, чтобы раскинуть в стороны руки. Во второй, более просторной, прежние хозяева держали волнистых попугайчиков. Радостных птичек, которые щебечут, насвистывают и маленькими быстрыми радугами порхают вокруг. Откуда Джой знала про попугайчиков? Она сама не понимала. Может, просто выдумала?

Семья Джой держала тут четырех хорьков.

Чтобы попасть к ним, следовало открыть проволочную калитку в первую камеру, закрыть калитку за собой и только затем открыть следующую и войти во вторую камеру. Если не закрыть первую калитку перед открытием второй, хорьки могли прошмыгнуть мимо ног и ударить. Все об этом знали. Все обязательно закрывали первую калитку, прежде чем открыть вторую.

Джой ненавидела хорьков, и ей совсем не нравилось, как они на нее смотрят. У них были хищные крысиные морды, спутанная пестрая шерсть, похожая на рвоту, а изо рта торчали четыре загнутых острых клыка. Клыки, способные убивать.

Примерно раз в неделю Марк с отцом надевали резиновые сапоги, чтобы уберечь ноги от хорьковых укусов, заходили в клетку, где с криками и воплями гонялись за шипящими царапающимися зверьками и кое-как засовывали их в мешок. Отловив всех четырех, топали на бычий выгон. Отец нес крепко завязанный извивающийся мешок, а Марк – пустой.

Через пару часов они возвращались уже с двумя извивающимися мешками. Брат рассказывал, что на выгоне хорьков выпускали по очереди, каждого у кроличьей норы. Хорек чуял запах кролика, влетал в одну дыру, кролики вылетали из другой, а отец или Марк их ловили – каким образом, Джой понятия не имела. Затем как-то ловили хорьков.

В представлении Джой обо всем этом процессе имелись большие пробелы, но она радовалась тому, что ей не надо сопровождать отца и брата.

Кроликов сажали в маленькую клетку в сарае, где они питались объедками с кухни, пока не попадали в жаркое. Джой не знала, как и от чего кролики умирали. Возможно, от хорьковых укусов. Возможно, от горя.

Жаркое из кроликов было дешевым и сытным, а мясо – не таким жестким и противным, как у угрей.

На второй день Рождества, в День подарков, Джой чистила картофель, когда Марк принес в кухню ведро с двумя мертвыми кроликами. Поставил его на пол и сказал маме:

– Папа велел мне вымыть трактор, а Джой – покормить хорьков.

Мама кивнула. Джой замутило.

Пока мама занималась кроликами – отрубала головы и лапы, сдирала шкуру, потрошила, Джой чистила и резала картошку, лук, морковь и отправляла их в кастрюлю, к жиру. В животе извивались и шипели угри.

– Все, иди, – распорядилась мама, добавляя к овощам кусочки кролика.

Джой не хотела смотреть в ведро, но это было неизбежно. Кожа, мех, две головы, кишки и прочие непонятные внутренности. Кусочки, кусочки. Окровавленные белые мордочки. Белые лики, кровавые лики... Кро-лики... Джой знала: они – вредители, поедают овощи и портят пастбища. Библия учит, что у кур, кроликов и угрей нет души, поэтому не важно, как они умирают и кто их ест.

При виде Джой хорьки засуетились, полезли друг на друга по проволочной стене клетки, гибкие, неистовые {короткие вспышки красного пламени}. Они чуяли запах мертвых кроликов, жаждали крови. «Просуну все сквозь проволоку», – решила Джой. Однако, заглянув в ведро, поняла – не выйдет. Если красные и розовые кусочки протолкать еще удастся, то шкуру и головы – нет. Придется заходить внутрь, во вторую камеру.

К горлу подступила тошнота. Хорьки, конечно, омерзительны, но дело не только в них. И не в кроличьих кишках, шкурках и головах. Дело в сырой грязной ферме. В гневе отца. В отчаянии брата. В зависти к другим людям. В бесконечных убийствах и смертях: угри, куры,

пауки, змеи, кролики, нерожденные телята, тонущие коровы. Иисус, который парит над кухонным столом и шепчет отцу на ухо. Бог, который встает на сторону отца.

Значит, тошноту вызывает все? Джой крепко задумалась – что же тогда ее радует? Семейство Фелисити (в следующий раз она обязательно пригласит к ним Марка). Старшая школа, которая уже не за горами. Там она заведет новых Друзей и станет читать замечательные книги, вроде «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда».

Джой вновь заглянула в ведро. Никуда не денешься, надо идти. Она распахнула внешнюю калитку, ступила в первую камеру. Живот свело. Джой подавила рвотный позыв, сплюнула желчью. Удивилась, что та вовсе не черная и не липкая, как угри. Отдышалась немного, открыла вторую калитку и, зажмурившись, высыпала содержимое ведра на землю.

Хорьки стрелой пролетели мимо – мелькнули острые зубы, взъерошенный мех.

Джой в ужасе наблюдала, как мерзкие зверьки исчезают в кустах за клумбами между клеткой и бычьим выгоном. Она выронила ведро, кинулась следом, но через три шага замерла. Даже если получится заметить хорьков, она их ни за что не поймает...

Джой побежала к сараю, где Марк драил трактор. Увидев ее побелевшее лицо, брат воскликнул:

– Что?!

– Хорьки...

Она ткнула в сторону клетки. Марк закрыл рот рукой, затем убрал ее, посмотрел на сестру. Сказал спокойно:

– Ничего страшного. Все будет хорошо.

Однако его лицо тоже побелело.

И тут в сарай вошел отец.

Марк скрутил тряпку, которой мыл трактор.

– Папа. Хорьки...

– Что хорьки?

Джой уставилась на брата. Донесет на нее? Надо помешать! Хотя какая разница... Так или иначе отец узнает, и тогда конец. Девочка глубоко вдохнула, открыла рот, собираясь признаться. Холодный страх пополз от груди к голове.

Марк опередил ее.

– Я их выпустил. По ошибке. Случайно получилось.
– Что?.. – Голос отца звучал спокойно. *Слишком* спокойно.
– Я их...
– Нет-нет, он врет, – всхлипнула Джой. – Это я. Не Марк, а я.
Бескрайняя черная тишина накрыла вселенную.
Все трое понимали: час Джой пришел.

Глава 38

Джой и Джордж

6 февраля 1983 года

Я смотрю на таблетки в руке. Они потихоньку плавятся от жары, хотя еще только утро, и окрашивают мою ладонь в голубой цвет.

Все будет хорошо.

Встряхиваю таблетки; голубое пятно расплзается шире. На лбу, руках, под рубашкой проступают капельки пота.

Момент настал. Сегодня. Правосудие и месть.

Стою у отцовской двери. Я неизменно оставляю ее открытой, чтобы слышать стоны отца, его просьбы о помощи. Именно так и скажу полиции. Если спросят. Даже если не спросят, обязательно вставлю: «Я постоянно держу дверь открытой, чтобы слышать его стоны и просьбы о помощи». «И плевать на них» добавлять, пожалуй, не стану.

Где, черт возьми, Рут? Она всегда здесь. Не потому, что заперта в своем кресле. О нет. Я знаю о ней правду.

От дверного проема видно разбросанную по полу одежду. И оранжевый холм на кровати – тело отца под одеялами. Оно не шевелится.

Поспешно ставлю на пол стакан, тот падает. Ярко-желтый напиток разливается по ковру, пятно потом не вывести. Пять шагов – и я у кровати. Простыня натянута до самого подбородка. Отец словно молится. Глаза закрыты, размышляет о Рае. Или об Аде. Неизменно с заглавной буквы.

Вытягиваю руку, касаюсь отцовского лба.

Он – другого слова не подберешь – смертельно холодный.

Все действительно кончилось. Больше никакой «Пассионы», никаких голубых пилюль, никаких угрей.

Сжимаю тающие таблетки в испачканной ладони. «Я несла ему лекарства, детектив».

Поднимаю пустой стакан, упавший минуту назад, тру ногой пролившуюся жидкость. «Я увидела, что отец не дышит, и уронила стакан с «Пассионной». Вот здесь. Это любимый напиток отца. То есть, *был* его любимый напиток».

Нет нужды лгать.

В кухне по-прежнему никого. Где же Рут?

На заднем крыльце, которое блэкхантское агентство недвижимости вскоре назовет «уютным входом», я толкаю дверь в спальню Марка. Комната пуста, кровать аккуратно заправлена. Открываю шкаф. Тоже пусто.

Жара на улице невыносимая; мне становится дурно. Одежда липнет к телу.

– Рут?! – Раскаленный воздух поглощает мой сиплый крик. – Прости, зря я сказала, что ты мне не нужна!

Жарко, страшно жарко; даже хочется вернуть сырость и ненастье детства, когда я мечтала: вот однажды бесконечная серая пелена дождя и тумана поднимется, и перед мной предстанет другой дом. В этом доме будет семья, которая наконец-то – ведь дождь перестал и туман развеялся – увидит меня, свою давно утраченную дочь, и заберет к себе. Мы переедем в Дарвин вместе с Марком, и я заживу счастливо, в окружении яблочно-зеленой любви и солнечного света.

Все детство я упорно искала тот дом с семьей, а видела лишь бескрайние грязные холмы, коров за заборами, мусорный бак да пруд с утонувшим скотом и ржавым хламом.

Теперь же холмы запеклись и пожелтели. Они усеяны узловатыми скелетами деревьев, которые тянут к раскаленному небу иссохшие ветви. Молят Бога об облегчении страданий.

Я испускаю долгий, давно сдерживаемый вопль. Соседи далеко, они не слышат криков даже в глухой ночи – уж я-то знаю.

Хотя порой мне было любопытно. Любопытно, не просыпаются ли ночью Барбара, Роберт или Колин (наши ближайшие из далеких соседей), не думают ли, склонив голову: «Что за звук?», прежде чем вновь погрузиться в сон? Или Боскомбы в своей бессонной муке – не считают ли они, что это кричит Венди?

По растрескавшейся цементной дорожке иду к куриному загону, отведя взгляд от колоды в куриной крови. Здесь, стоя в тишине пустого двора, я понимаю – Рут ушла насовсем. Я больше никогда ее не увижу.

Прячась от безжалостного солнца, стараясь держаться тени, бреду назад в дом. От жары руки отяжелели и распухли.

Распухли.

Как мертвые губы отца.

Теперь я прибавляю шаг и не останавливаюсь до самой спальни.

Ничего не изменилось, но изменилось все. Простыня по-прежнему натянута на холодный подбородок, вентилятор по-прежнему крутится, жара по-прежнему удушает. Однако я *должна* посмотреть.

Вновь пять шагов до кровати. Делаю вдох – глубокий, медленный. Берусь за свисающий угол простыни. Угри в животе взвиваются на дыбы. Пусть все скорее закончится. Чтобы я покинула это место раз и навсегда.

Рывком откидываю простыню и одеяла. Живот сводит, рот заполняется желтой зернистой рвотой.

Отец мертв, мертвее некуда. А вокруг шеи крепко-накрепко затянут его собственный ремень.

Глава 39

Джордж и Гвен

Август 1944 года

Уже шесть месяцев он ее не бил – ни счетной книгой, ни рукой.

– Я так счастлива, – сказала Гвен Барбаре.

Та возникла на пороге, не прошло и получаса после возвращения Гвен и Джорджа из родильного дома.

С первого дня знакомства Барбара являлась на ферму Хендерсонов непрошенной, пешком одолевая полторы мили, – выпить чаю. В приходах соседки не имелось никакой закономерности, их невозможно было предугадать, и Гвен постоянно казалось, будто Барбара ее оценивает – ни дать ни взять свекровь. Испекла ли Гвен с утра печенье? Чисто ли в кухне? Сушится ли белье на веревке по понедельникам?

– У меня подарок для крохи.

Барбара протянула сверток, и Гвен ощутила укол вины – вспомнила, как рассказала ей о своей беременности.

– Когда я ждала Колина... – затянула Барбара.

– Ты радовалась? – перебила Гвен.

Правда, тут же пожалела о своем вопросе: если верить Арнольду, у Колина были «проблемы с головой» из-за кислородного голодания при рождении.

При первой встрече Колин привел Гвен в замешательство. Мальчик был красивым, сильным и с чудесным характером, но почти никогда не смотрел в глаза, а еще вертел головой так и эдак, словно слышал звуки, недоступные другим. Хотя какой же Колин мальчик, одергивала себя Гвен, – он всего на три года младше ее. Она испытывала к нему необыкновенную признательность, поскольку Колин прекрасно доил коров, убирал навоз и справлялся с другими бесконечными делами на ферме. Гвен так не сумела бы.

Еще Колин был прекрасным слушателем. В первое утро своей бесплатной работы в помощь Джорджу он принес на кухню половину ведра молока, которое они пили ежедневно. Гвен машинально предложила мальчику чаю. Колин с улыбкой кивнул и уселся во главе стола, на место Джорджа. За чаепитием Гвен вдруг разговорилась,

начала рассказывать о том, как ей нравилось работать у Стэна в Уиллшире и какой виноватой и ущербной она себя чувствовала, живя у двоюродной бабки, – незваная, нежеланная. Каждое утро Колин приносил молоко, садился пить чай, слушал и кивал, часто повторяя за ней слова. Никогда не выражал недовольства крепостью заварки и с большим воодушевлением поедал печенье с изюмом. Шли дни и недели, и Гвен начала получать настоящее удовольствие от присутствия Колина, от того, как вежливо и трогательно он вторит ее словам...

– Радовалась? – переспросила тогда Барбара. – Наверное. – Она перевела взгляд за окно. – А вот после рождения малыша... – Откусила печенья с изюмом и сурово посмотрела на Гвен. – Материнство – это тебе не сахар, знаешь ли. Сначала месяц за месяцем толстеешь и набираешь вес, нося внутри... паразита. Потом сами роды – настоящее Божье наказание для женщин. А когда возвращаешься домой, у тебя прибавляется тысяча новых дел.

Гвен собрала пустые чашки, поставила в раковину. «Божье наказание»? Конечно, рожать и растить ребенка – тяжкий труд, особенно такого, как Колин, но материнство наверняка приносит и много радости? А еще – друга на всю жизнь... Гвен коснулась чуть округлившегося живота.

– У меня остались «беременные» платья, – заявила Барбара и смерила ее взглядом с головы до ног. – Ты гораздо крупнее меня, зато не придется покупать новые.

Наверное, платья лучше не брать... Вдруг в результате у Гвен родится ребенок, как Колин, а сама она ожесточится, как Барбара? К тому же если Колина восемнадцать, то платьям уже девятнадцать лет. Зачем Барбара их хранит?

Ополаскивая чашки, Гвен репетировала отказ. «Спасибо, Барбара, но мне пообещала свои платья подруга, которая в прошлом году родила». Подруга? Какая подруга? Друзей у Гвен больше не было. За исключением улыбчивого Арнольда и, как ни иронично, Колина. От отвращения к самой себе у нее сжалось сердце. Как она смеет отказываться от предложения Барбары?..

Словом, всю беременность Гвен носила эти платья – и сейчас была в одном из них, поскольку ее потемневший и сморщившийся живот оставался большим и несуразным.

Она развернула бумажный сверток, который Барбара положила на стол. Внутри лежала детская одежда.

– Это вещи Колина, – пояснила гостья. – Староваты немного, зато не надо покупать новые.

После ухода Барбары Гвен прилегла вместе с Марком на единственную кровать в его комнате, обняла малыша и дала волю слезам.

Глава 40

Джой и Рут

День подарков, 26 декабря 1960 года

Весь день страх Джой мешался со жгучей надеждой на то, что хорьки вернутся в клетку сами по себе, ведь там их ждала еда. «Прошу, Господи, прошу, Господи...» Джой молилась, но Бог не отвечал на ее молитвы.

Она драила ванну и раковину, развешивала белье, медленно подметала и мыла заднее крыльцо, прачечную, туалет, ванную – и без устали молилась, а лоснящиеся угри в животе толстели, наливаясь слизью и злобой.

Закончив дела, Джой пошла искать Марка. Он был в сарае, возился с газонокосилкой. Взглянул на сестру и покачал головой.

Она отправилась к себе, легла. Уже почти время чая, пора помочь маме накрывать на стол. Рут ничего не говорила. Даже она знала, что час Джой пришел.

Пахло жарким из кроликов. Она не представляла, как сможет его есть, но понимала, что есть придется. Тело было пустым и находилось где-то не здесь.

Девочка с трудом встала, побрела в кухню. Мама уже разложила по тарелкам жаркое с горошком и отнесла их на стол. Марк сидел молча, отец поливал свою порцию кетчупом. Тарелка напротив места Джой стояла пустой.

– Ты. – Отец указал на ее стул. – Садись и молчи. Сегодня ты не ешь, ясно? Нам теперь покупать новых хорьков, так что, может быть, ты научишься ценить блага, если останешься без них. Сядь и будь готова произнести благодарственную молитву – это единственные слова, которые вылетят сегодня из твоего рта.

Когда мама тоже устроилась за столом, отец посмотрел на дочь, бросив строго и холодно:

– Молитву.

Голос Джой был едва слышен.

– За то, что мы...

– Громче, неблагодарная грешница!

Она сглотнула, открыла рот и постаралась говорить нормально.

– За то, что мы сейчас вкусим, пусть Господь сделает нас поистине благодарными. Аминь.

Все хором повторили: «Аминь».

Пока остальные ели, Джой сидела, опустив голову и сцепив руки на коленях. Черные угри в животе сплетались в большой извивающийся клубок; от него один за другим отплывали угри маленькие, размером с головастика, и погружались в ее вены. Джой сидела неподвижно, а угри-головастики пили ее кровь – и толстели, толстели...

После жаркого она подала пирог из ревеня, добавила в каждую миску сливок, собранных с молока в ведре. Села на место. Невидимый гость и молчаливый слушатель с настенной вышивки наблюдал за всеми, но сегодня страх Джой перед Ним не шел ни в какое сравнение со страхом перед отцом.

Мама убрала миски, и отец нарушил тишину:

– В следующий раз думай, прежде чем что-то делать, и помни, как трудно нам достается еда на наших тарелках.

Дальше раздалось знакомые слова:

– Кто ты?

Несмотря на смертельный ужас, Джой на мгновение отвлеклась и подумала – откуда Марк узнал правильные ответы? Те, которые она слышала всю жизнь.

– Подлая грешница.

– Ленивая, пропадающая грешница! Повтори.

– Ленивая, пропадающая грешница.

– Моли о прощении, подлая ты грешница.

– Молю, прости меня, папа.

– С-с-с... От тебя никакого толку.

Он стукнул кулаком, отодвинул стул, скрипнув линолеумом. Затем откуда-то из глубокой темноты произнес то, чего Джой ждала как неизбежности.

– В комнату!

Часть III

Глава 41

Джордж и Гвен

Октябрь-декабрь 1945 года

Гвен часто напоминала себе о собственном счастье. Война была позади, Гвен растила сына, крепкого и здорового, и имела все основания надеяться, что ему никогда не придется воевать; ее цветочный бизнес помогал семье оплачивать счета (и позволял покупать тональный крем, с согласия Джорджа), а ее муж стал одним из самых уважаемых людей в округе. Правда, Гвен приходилось терпеть его гнев и периодическое рукоприкладство, возобновившееся вскоре после рождения Марка, однако стоило ей вызвать улыбку Джорджа, стоило ему угодить, и Гвен понимала – она на верном пути. Ей бы только научиться как следует угождать мужу, и жизнь совсем наладится.

Гвен очень старалась не злить его. Для этого требовалось лишь думать наперед и предупреждать желания Джорджа: вовремя подавать еду и наполнять жестяные банки его любимым печеньем, держать дом в чистоте; еженедельно отдавать шиллинги, вырученные за букеты и венки; кивать и улыбаться на каждое слово. В общем, не так уж и сложно.

Когда Гвен совершала промах, она избегала людей, пока синяки не пройдут. Тем не менее Барбара по-прежнему заглядывала без приглашения, Колин по-прежнему приносил молоко по утрам, а живущие поблизости клиенты предпочитали забирать букеты и венки на ферме, а не у Арнольда. Словом, Гвен приучилась щедро накладывать на лицо тональный крем.

Единственной частью жизни, не подвластной ее контролю, оставался Марк. Он плакал от боли или огорчения, пачкался едой, был младенцем, вел себя, как младенец – и Гвен ничего не могла с этим поделать. Каждый раз, когда сын шумел или пачкался, Джордж кричал:

– Неужели нельзя его уgomонить?! Что ты за мать такая?!

– Прости, дорогой, я отнесу малыша в его комнату, – весело отвечала Гвен.

Там она сидела с Марком, тихонько укачивала и напевала колыбельные, пока тот не засыпал. В результате у нее оставалось

меньше времени на домашние дела и выполнение неуклонно растущих заказов на венки и букеты, но Гвен заставляла себя работать быстрее и усерднее. Чем больше она старалась угодить мужу, тем больше выбивалась из сил.

Гвен жила теми вечерами, когда Марк спал, а Джордж уходил (это случалось почти ежедневно) на собрание какого-нибудь комитета, – тогда никто не мешал ей хлопотать по дому или заниматься флористикой. Проводя вечера дома, Джордж в спальне упражнялся в игре на гитаре. Еще во времена ухаживаний Гвен говорила ему о своей любимой песне «Ты мой солнечный свет»^[18], и теперь Джордж всегда играл ее первой, а часто и последней тоже. Холодными вечерами он упражнялся в кухне у огня или они вместе слушали радио, и Гвен беззвучно молилась о том, чтобы Марк не проснулся и не расстроил Джорджа.

Каждый понедельник она приезжала с Марком к Арнольду еще до открытия, и они разбирались с финансами. Хотя большинство клиентов уже звонили прямо на ферму, Арнольд по-прежнему не снимал объявления и временами принимал заказы, за которые она продолжала отсчитывать десять процентов. Однажды он предложил, чтобы Гвен просто платила ему фиксированную сумму.

– Я тебе больше не нужен, Гвен, и нечестно мне брать десять процентов, я ведь только передаю сообщения. К тому же люди, приходя сюда сделать цветочный заказ, обязательно покупают что-нибудь и у меня, так что я внакладе не остаюсь.

В конце первой недели этого нового соглашения Гвен забыла рассказать о нем Джорджу, и тот записал в счетную книгу не фиксированную сумму для Арнольда, а обычные десять процентов. Когда муж потребовал заработок, который высчитал по книге, Гвен его отдала, а позже тихонько ахнула при виде лишних денег в коробке для наличности.

Удивительно, но через неделю Гвен забыла вновь. И еще через одну – тоже.

Впрочем, она не забыла купить кое-что сверх списка: некоторые мелочи, необходимые растущему малышу, и новый тюбик дорогого тонального крема, который так хорошо скрывал синяки.

Глава 42

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Наутро после побега хорьков – и после того, как отец крикнул: «В комнату!» – мама отправила Джой на пруд за двадцатью пятью кувшинками для венков. Велела ей «обернуться быстренько» и ни в коем случае не измять цветы. Марк был в хлеву, менял вентиляторный ремень в насосной, а отец чинил забор в дальней части фермы. Он прихватил с собой бутерброды и термос с чаем, собираясь вернуться лишь во второй половине дня.

Морщась от боли, Джой медленно брела к пруду и простукивала землю впереди себя мотыгой, распугивая змей. Она понимала, что никогда и никому не сможет рассказать о произошедшем вчера вечером. И всегда будет злиться на себя за глупость.

Хорошо, что из-за Рождества изучение Библии на этой неделе отменили. Джой не сумела бы высидеть в автобусе долгую поездку в город. Или взглянуть на Фелисити и не расплакаться.

Хотя идти было больно, Джой радовалась походу на пруд в одиночестве – впервые в жизни, – потому что ее рыданий никто не слышал.

Когда она доставала мотыгу из шкафа на заднем крыльце, мама предупредила:

– Не вздумай заходить на отмель. Там...

– Знаю, – кивнула Джой с несчастным видом и повторила слова отца: – Фут глубины на первый фут ширины, а дальше пятьдесят футов глубины навечно.

Вернувшись, она вытерла мотыгу, убрала ее в шкаф и занесла кувшинки маме в мастерскую. Затем выстирала в старом котле свои простыни и пижаму, испачканные кровью, пропустила их через отжимной пресс и развесила на веревке. Было стыдно и страшно.

Страшно, как никогда. Впредь она будет осторожнее. Постоянно. Намного осторожнее, чем вчера, с хорьками. А еще надо стать умной. Очень умной и очень осторожной.

Обед прошел в относительном спокойствии, ведь отец ел бутерброды где-то далеко-далеко. Джой немного расслабилась.

Помогла маме опутать листья камелии проволокой и закрепить их к каркасам венков. Похороны были «удачными», а потому им следовало подготовить сорок три каркаса и навязать сто двадцать девять белых бантов из жесткой ленты. Тогда завтра утром маме останется лишь прикрепить к каждому венку цветы и приколоть банты. Во время работы корчащиеся в животе угри и боль в теле напоминали Джой о том, что она должна быть умной и осторожной – постоянно.

Она услышала, как в дом вошел отец, бросил что-то в корыто. Отрубил голову очередной Рут, поняла Джой, ведь сегодня вечером у них запеченная курица.

Наконец каркасы и банты были сложены в стопки у стены. Мама сказала – пора готовить чай.

Пока она ошипывала в прачечной мертвую Рут, Джой чистила и резала картофель с морковью – их запекут на противне вместе с курицей. Мама вернулась в кухню, и Джой без напоминания понесла потроха курам.

Во дворе Марк оторвался от мытья фургона, помахал ей мыльной тряпкой. Джой чуть приподняла руку и нерешительно махнула в ответ – она заметила позади Марка отца: он полировал топор, которым недавно отрубил голову Рут.

Возвращаясь по растрескавшейся цементной дорожке уже с пустым ведром, Джой увидела Марка внутри фургона: брат мыл стены кузова. Отец являлся большим поборником Чистоты, которая, как известно, залог Праведности.

Чай был почти готов, и тут зазвонил телефон. Мама застонала, вытерла руки о фартук и пошла в большую комнату отвечать на звонок. Двери оставила открытыми. Мама ненавидела, когда люди заказывают венки в последнюю минуту.

– Три-пять-пять, Гвен Хендерсон... Здравствуй, Барбара. Как поживаешь?

До Джой долетело «щелк-щелк-щелк» – мама передвигала закладку на телефонном справочнике и слушала миссис Ларсен. Внезапно щелчки оборвались.

– Что?.. Нет-нет. Уверена, с ней все будет хорошо.

Тишина – вновь заговорила миссис Ларсен.

Джой прекратила помешивать соус и напряженно прислушалась. Обсуждают ее? Неужели миссис Ларсен знает, что произошло? Ноги

и спина вспыхнули болью, голову обожгло жарко-красным стыдом. «Со мной уже никогда ничего не будет хорошо», – подумала Джой.

– Конечно, Барбара, хотя я сомневаюсь, что они согласятся. Просто не верится... Спасибо, что сообщила. До свидания, Барбара.

Мама со стуком положила трубку и быстро вернулась в кухню, прижав ладонь ко рту.

– Что?! – воскликнула Джой.

Ее охватил ужас – что сейчас будет?!

– Я начну украшать венки, не то завтра утром все не успею, – нахмурившись, сказала мама. – Закончи делать чай сама и позови меня, когда он будет готов.

Однако она отправилась вовсе не в мастерскую.

За столом отец произнес благодарственную молитву, положил в рот кусок запеченной Рут, после чего коротко кивнул. Мама прочистила горло и заговорила. Джой вздрогнула. Разговоры за едой всегда начинал отец – если они вообще велись.

– Произошло страшное.

Джой стиснула нож и вилку, воткнутые в картофелину.

– Венди Боскомб... пропала.

Мама рассказала подробности. Девятилетняя Венди играла во дворе с куклами, ее мама была в кухне, а отец чинил лопнувшую трубу на дальнем пастбище. Миссис Боскомб вышла позвать дочку, но обнаружила лишь ее кукол и игрушечную коляску – в двухстах ярдах от дома, на подъездной дороге. Куклы выложены рядком, лицом в грязи, коляска перевернута.

Так вот о чем сообщила маме по телефону миссис Ларсен!

– В полиции говорят – Венди, скорее всего, ушла погулять и где-нибудь споткнулась, упала... Однако бедная миссис Боскомб твердит, что Венди такого никогда не сделала бы. Полицейские спросили, не пропали ли вещи Венди, и миссис Боскомб ответила – кажется, исчезли некоторые куклы, но какие именно, она не уверена.

Джой тут же подумала – сколько же у Венди кукол? Так много, что миссис Боскомб даже не знает их количество? Воображение нарисовало в грязи ряд красивых кукол, в светлых кружевных платьях и сверкающих черных туфлях.

– Разве Боскомбы не уехали? – спросил отец.

– Виола с Венди действительно уезжали – помочь Виолиной сестре. Бедняжка Виола говорила, что они с трудом наскребли денег на бензин для поездки, но ведь сестра очень больна... Ну а вчера Виола с Венди вернулись, потому что сестру положили в больницу.

С трудом наскребли денег на бензин? Разве Боскомбы не богаты? У них же молочные коктейли, куклы, отпуска... Получается, Венди не была ни на каком океане? Не успела Джой в этом разобраться, как мама продолжила:

– Полицейские обыскали всю ферму. Теперь они хотят опросить соседей. Поговорить с каждым. Вдруг кто-то что-то видел. Или слышал.

Мама замолчала, подождала, пока кто-нибудь откликнется: «Да, я слышал», – но за столом стояла тишина.

Отец, проглотив картошку, произнес:

– Ради бога, тут такие расстояния, даже грузовик на дороге не услышишь! Сейчас кто-нибудь может рыскать в нашем хлеву или тонуть в пруду и звать на помощь – а до нас ни звука не долетит.

Вновь тишина. Отец взял куриную ножку, принялся выковыривать мясо из зубов.

– По словам Барбары, Виола боится, что кто-то подъехал к ферме и... похитил Венди.

Джой словно вживую увидела Венди Боскомб, играющую под дождем с куклами на подъездной дороге. По ней медленно и бесшумно катит зловещая машина, останавливается позади девочки. На водителе черные перчатки, у него черное лицо. Не такое, как у аборигенов, а совершенно черное, без глаз, носа и рта – лишь плоский черный овал. Не-человек. Он молча выходит, бьет ногой игрушечную коляску, хватает Венди и быстро связывает ее черной веревкой. Венди кричит, но ее родители далеко, они не слышат.

Человек с черным лицом швыряет Венди на заднее сиденье – как отец швыряет телят в машину для скота – и точно так же медленно и бесшумно сдает назад по подъездной дороге.

Сердце Джой забило сильнее, она вспомнила Венди: та помахала ей из материнской машины и крикнула: «Я буду скучать по тебе в следующем году!» Словно они были Друзьями.

– Но... люди ведь не воруют детей, – проговорила Джой.

В конце концов, черный человек без лица существовал только в ее воображении. Никто не ответил, и она добавила:

– Правда?

Родители переглянулись. Мама собиралась что-то сказать, и тут в заднюю дверь постучали. Все вздрогнули, даже отец. Он кивком головы велел жене открыть дверь.

Мама с испуганным видом встала, остальные обратились в слух. Вскоре она вернулась с двумя полицейскими.

Отец тут же вскочил: на лице широкая улыбка, рука протянута навстречу гостям. Сержант Рональд Белл из полицейского участка Блэкханта сначала представился сам – хотя он посещал их Церковь, – затем представил партнера, констебля Алекса Шепарда, «новенького». Несмотря на гулко стучащее сердце, Джой поймала себя на мысли: интересно, у всех полицейских говорящие фамилии? Ведь «белл» – это колокол, а «шепард» – пастух.

Отец легонько кивнул маме, и та пошла ставить чайник, однако сержант Белл с приветливой улыбкой покачал головой и от чая отказался.

Отец пригласил полицейских на коричневый диван перед камином, но сержант Белл снова отказался и пояснил – у них всего пара-тройка вопросов, это ненадолго. Отец тоже не стал садиться, лишь оперся руками на спинку стула. Мама не вышла из-за рабочего стола даже после того, как чайник вскипел. Дети сидели в полном потрясении, запеченная Рут и картофель остывали, а мясной соус превращался в клейкую массу.

Хотя сержант Белл пытался быть официальным и неподвзятым {гладкий белый лист бумаги}, они с отцом знали друг друга уже не первый год, и их беседа скорее напоминала встречу добрых знакомых на улице. Шепард же, наоборот, говорил мало, но внимательно наблюдал, периодически оглядывал комнату и записывал что-то в маленький блокнот.

Отец отвечал на вопросы от имени всех домочадцев. Да, они вот только-только узнали жуткую новость. Нет, они не видели сегодня ничего необычного и ничего не слышали.

– Боже, Рон, даже если кто-нибудь начнет кричать в нашем хлеву или тонуть в пруду, мы отсюда не услышим ни звука. (Так странно, что отец повторил сержанту Беллу свои недавние слова...)

Нет, они не знают никого, кто не любил бы Боскомбов.

Джой заметила, что Шепард читает гобелен над Марком и морщится. Может, этот констебль не христианин? У него самое обыкновенное лицо, далеко не такое интересное, зрелое и приветливое, как у сержанта Белла. Непримечательное {комочек картофельного пюре} лицо, вот какое, решила Джой, довольная тем, что употребила недавно выученное слово.

Ее мысли прервал сержант Белл, который вдруг оживился и спросил:

– Хорошо. Где вы все были сегодня днем?

Отец быстро ответил:

– Мы были здесь.

Его ладони на верхней перекладине стула провернулись вперед-назад.

– Хотя ты ведь... – раздался от рабочего стола голос мамы.

Отец посмотрел на нее, нахмурился.

– Я имею в виду, – мама улыбнулась, – ты мог что-нибудь заметить...

Под пристальным взглядом мужа ее голос стал тише.

– Или услышать.

Еще тише.

– Или...

Отец с улыбкой повернулся к полицейскому.

– Все мы были на ферме. Я был на ферме. Целый день. Мы все находились тут.

Белл ответил ободряющей улыбкой, Шепард опять что-то записал.

Вокруг запульсировала белая тишина. Неужели отца считают причастным к исчезновению Венди?

– Ну да, – прервал он молчание. – Я целый день был здесь, и еще... эмм... в общем, ездил в конец фермы, по тракторной колее к дальней изгороди.

– А, отлично, – сказал Белл.

Он пояснил новенькому, что между границами соседних ферм есть Т-образные тракторные колеи, по ним фермерам легко добираться до своих дальних пастбищ. Юго-западный угол фермы Хендерсонов примыкает к северо-восточному углу Боскомбов, а между фермами

Боскомбов и Уоллесов тянется тракторная колея, которая отходит от Уишарт-роуд.

– Скажи, Джордж, – продолжал Белл, – были на Уишарт-роуд машины? Машины, грузовики, что угодно?

Значит, Белл думает, что похититель мог проехать мимо отца. Вместе с Венди, кричащей в багажнике.

– Ты ведь был на тракторе, Джордж?

Этот вопрос Белл задал потому, что он, конечно же, не считает Джорджа Хендерсона похитителем Венди. Помимо всего прочего, никто не повез бы девятилетнюю украденную девочку на тракторе. В нем не спрячешь ничего, тем более девятилетнюю девочку, и тракторы движутся не быстрее сороконожки.

– Совершенно верно, Рон. Сержант.

– Я думала, ты брал фургон, дорогой...

Улыбка отца не изменилась. Ни на йоту.

– Может, я и сказал, что возьму фургон, но поехал все-таки на тракторе. Фургон хлипковат для такой старой колеи.

Отец знает слово «хлипкий»?

– Когда это было, мистер Хендерсон? – Вопрос прозвучал от Шепарда.

– М-м-м... примерно в десять тридцать.

– А когда вы вернулись?

– Около трех тридцати. – Отец вопросительно посмотрел на маму. – После...

Она перебила с преувеличенной живостью:

– Да, верно. Задолго до вечерней дойки. После того, как убил... – мама прикрыла рот рукой, затем нервно рассмеялась, – курицу для чая.

Она махнула в сторону стола, где сидели дети перед запеченной Рут.

– Ясно. – Сержант Белл глянул на напарника, удостоверился, что тот все записал. – Ты не видел ничего подозрительного? Кого-нибудь незнакомого? Нездешнюю машину? Что угодно...

– Совершенно верно. В смысле, нет, не видел. – Отец нахмурил брови, посмотрел на синий гобелен и поспешно перевел взгляд на сержанта Белла. – Погоди-ка. Видел. Я видел синюю машину. Ну, темную машину, которая ехала от Боскомбов к городу. Только я не знаю, откуда она появилась – с подъездной дороги Боскомбов или нет.

Ничего конкретного об этой машине отец сообщить не смог. Он не знал, находился ли кто-нибудь рядом с водителем, и не заметил регистрационного номера.

– Даже первой буквы, Джордж?

– Прости, Рон. – Отец покачал головой. – Я не думал, что меня будут об этом спрашивать.

– Ладненько, тогда давай посмотрим на твой трактор. Чисто для отсева. И перебросимся парой слов. На улице, с глазу на глаз.

– Конечно, конечно.

Отец с улыбкой задвинул стул, громко взвизгнул линолеум. Все домочадцы, в том числе и мама, вздрогнули.

Угри в животе у Джой задергались. Сержант Белл ведь не думает, что отец похитил Венди? Может, по мнению Белла, отец все же что-то видел, но не хотел говорить об этом перед семьей? Не исключено. Хотя, если б и вправду видел, то уже давно метал бы громы и молнии и звонил в полицию...

Неужели Белл ищет в сарае улики? Джой вспомнила, как отец полировал сегодня топор. «Вижу, топор недавно вычищен, Джордж... С чего бы это?» А еще фургон! Марк вымыл его и внутри, и снаружи... Хотя нет, фургон тут совсем ни при чем, ведь отец ездил на тракторе.

Джой мысленно увидела, как Белл с Шепардом обыскивают сарай в поисках улик. Останавливаются перед сундуком, где отец держит инструменты своего отца, – довольно большим сундуком, вдруг с ужасом осознала Джой, в котором легко поместится тело девятилетней девочки.

Джой никак не могла отделаться от этой мысли: сержант Белл подозревает отца в похищении Венди. Вот сейчас он обвинит отца в том, что тот поехал в свежевывытом фургоне (а вовсе не на тракторе) по подъездной дороге Боскомбов (а вовсе не по тракторной колее) и застал Венди за каким-нибудь греховным занятием, вышел из себя и отрубил ей голову сверкающим топором (и отчистил его после убийства Рут, которую они ели на ужин). Или связал Венди и бросил в хлеву, где, как сам подчеркнул – дважды за пять минут, – она может сколько угодно кричать без всякого толка.

Глупости! Белл знает, что отец ничего подобного не сделал бы; что если бы он поехал навестить Боскомбов и увидел Венди, играющую с морем кукол, то остановился бы, конечно, да, – но лишь для того,

чтобы улыбнуться и сказать ей что-нибудь смешное. Именно такого человека знает Белл.

Джой нервно спрятала ладони под бедра – бедра, которые до вчерашнего вечера были мягкими и гладкими. Вспыхнула от стыда. Интересно, это как же отец должен разозлиться, чтобы убить ребенка?..

– Джой! – окликнула мама. – Детектив Шепард задал тебе вопрос.

Язык Джой прилип к небу.

– Вообще-то, миссис Хендерсон, я не детек... Впрочем, неважно. – Он посмотрел на Джой, улыбнулся. – По школе ты наверняка знаешь Венди Боскомб. Расскажи о ней, пожалуйста.

– Она живет недалеко отсюда. Эм-м... У нее была двоюродная сестра, а у сестры есть малыш.

Ну и зачем Джой это сказала? Сестра Венди тут ни при чем!

Шепард кивнул.

– Да? Ясно. – Помолчал. – «Была», говоришь?

– Что, простите?

– Ты сказала, что у Венди *была* сестра. Почему прошедшее время?

– Я... я не знаю.

Шепард перестал записывать в полицейском блокнотике, посмотрел на Джой. Она вновь увидела, как пульсирует тишина, только теперь ярко-розовая.

– Наверное, потому что та школа для меня в прошлом.

О чем беседуют отец с сержантом Беллом? И почему все-таки Джой употребила прошедшее время? Она не в состоянии нормально соображать, пока Белл с отцом на улице.

– Вы с Венди играли в школе?

– Немножко. В школе было всего пять девочек... Вы не арестуете отца?

Джой понятия не имела, как арестовывают, – ее знания ограничивались приключенческими книгами, а там на последних страницах вдруг появлялись десятки полицейских и забирали контрабандистов или воров, которых обхитрили дети. Преступников заталкивали в полицейский фургон, а детей хвалили и угощали горой булочек с клубничным вареньем и взбитыми сливками.

– Нет-нет. Не переживай, – ответил Шепард, не переставая писать.

Он, конечно, принял Джой за дурочку. Больше ни о чем не спросил; вместо этого прошел в большую комнату. Затем его шаги

долетели из родительской спальни. Вернувшись, сунул голову в комнату Джой и Рут, отправился к задней двери. Мама начала яростно натирать столешницу. Будто капли крови Венди смывает, подумала Джой. Дети наблюдали, испуганно переглядывались. Слушали, как Шепард бродит по комнате Марка, маминой мастерской, ванной, прачечной, даже по туалету. В ванной полицейский отдернул полиэтиленовую душевую занавеску, в мастерской открыл шкаф с каркасами венков, а в прачечной – шкаф, где хранились пересыпанные овсом ряды воощенных яиц.

Шепард глупец, если думает, что отец спрятал Венди в одном из этих мест. Кроме того, отец не похищал и не убивал Венди. Он широко известен как праведный столп общества и бессменный старейшина Церкви.

Наконец распахнулась дверь, и все трое мужчин вошли в кухню. Джой быстро глянула на них. Да, отца в тюрьму не забрали.

– Хорошо, спасибо, Джордж, – улыбнулся Белл. – До встречи в Церкви в воскресенье.

– До встречи. Я сейчас доем и навещу Нила с Ви, помолюсь вместе с ними.

Белл кивком попрощался с мамой.

– Миссис Хендерсон. Не волнуйтесь. Уверен, мы найдем Венди целой и невредимой. – Повернулся к столу. – А вы, дети, будьте осторожны.

Отец проводил полицейских к машине. Вернулся за стол, сказал:

– Мы должны помолиться за Венди и ее родителей.

Джой кивнула. Она уже помолилась за Венди раз двадцать, не меньше.

Никто не произнес ни слова; еду, в том числе и холодный застывший соус, дожевывали в молчании.

Джой внимательно наблюдала за отцом, отправлявшимся к Боскомбам с Библией в руках. Он выглядел расстроенным, встревоженным.

Когда Джой и Рут обсуждали это происшествие в ночной темноте, Рут прошептала:

– Хочешь знать мое мнение? Я думаю, он виновен в том, что произошло с Венди.

Джой помолчала и медленно, горько кивнула в знак согласия.

Среди ночи она проснулась от страшного кошмара. Куклы Венди лежали на подъездной дороге, их затылки заливал лунный свет. Вдруг куклы дружно, как одна, перевернулись в грязи, уставились лицами в небо, затем, так же дружно, открыли глаза, сели и выбросили вперед руки. Из глаз потекли пластмассовые слезы, одна кукла запела: «Венди-и-и, Венди-и-и-и, где же ты? Вернись». Остальные подхватили, каждая следующая кукла вступала в хор после того, как предыдущая допевала «Венди-и-и-и»; пластмассовые голоса растворялись в сером дожде.

Только Венди не отвечала. Не бежала по дороге, не подхватывала кукол на руки, не вытирала пластмассовые слезы, не цокала языком при виде испачканных красивых платьев и фарфоровых лиц. Последняя кукла пропела «Вернись», все закрыли глаза, легли на спину и вновь перевернулись лицом в холодный грязный гравий – такими их и нашла мама Венди.

Джой колотило. Она просунула руку под подушку – пусть черные бархатные слова из словаря пощекочут пальцы. Однако со страниц соскальзывали лишь слова «смерть», «грязь» и «убийство». Они кололи пальцы, точно иголки. Джой поспешно выдернула руку, сжала ее в кулак, вдавила в щеку.

– Бедная Венди, – раздался у самого уха шепот Рут. – Надо помолиться за нее.

Зажмурившись, Джой молилась – горячо, как еще не молилась никогда. Однако страх и отчаяние не отпускали.

Глава 43

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Возлюбленный брат Билла (покойного), деверь Розы, любящий дядя Сары и Джеймса. Мы будем всегда помнить твой смех, песни, которые ты нам пел, и радость, которую с нами делил. «Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни»^[19].

Я вытираю влажный лоб. В кухне стоит удушающая жара, угри не унимаются. Надо взять себя в руки и сосредоточиться. Сосредоточиться.

Констебль Шепард (или кто он теперь?) уже посетил спальню и посмотрел на тело. Теперь он записывает мои объяснения.

– Я несла ему обезболивающее, детектив, – удрученно предьявляю ладонь в голубых пятнах.

– Я старший констебль.

Можно подумать, меня это интересует. Можно подумать, я обязательно запомню и впредь стану обращаться к нему по званию.

– Увидела, что он не дышит, и, кажется, выронила стакан с «Пассиной». Отец любит «Пассиону», детектив. – Я судорожно заглатываю воздух. – Простите. *Любил...*

Сообщать о том, что я рванула на поиски Рут, нет необходимости, поэтому я рассказываю, как заметила распухшие губы, отдернула одеяла и... Вновь всхлипываю.

– Выбежала из спальни; меня едва не стошнило.

Он лихорадочно пишет.

– А после того, как выбежали из спальни?

– Позвонила Вики. Нет, позвонила в больницу, а затем – Вики.

Мы сидим за кухонным столом. Шепард – во главе, на месте отца; мы с Вики – рядом друг с другом, напротив стены, где раньше висел гобелен. Большая потная рука Вики сжимает на столе мои ладони.

Ощущение такое, будто они погребены под горячей массой из тушеных угрей.

Во всяком случае Вики кивает, подтверждая мои слова.

– Да, так все и было.

– В полицию не звонили? Обнаружив... ремень.

Голос нарочито бесстрастный, как картонная папка. Все внимание сосредоточено на записях, и я приглядываюсь к нему внимательнее. Лет сорока с хвостиком. Непримечательный. Волосы редковаты, рубашка тесновата в животе.

Вслух он этого, конечно, не произносит, но я уверена – меня взяли на прицел.

– Следовало, наверное, только я... не знаю. Отец был мертв, и я подумала, что надо звонить врачу. Глупо, да?

– Нет-нет, милочка. Совсем не глупо. – Вики улыбается, похлопывает свободной рукой по нашим потным сплетенным ладоням на столе.

К горлу подступает тошнота; я бросаю на Вики благодарный взгляд и, высвободив одну руку, смахиваю слезу.

– Да, – изрекает полицейский. – В подобных обстоятельствах трудно сообразить, что делать.

Хочет усыпить мою бдительность? Отнимаю ладонь от лица, Вики хватает ее и кладет назад на стол. Опять в ловушке.

– Я постоянно держу дверь открытой, чтобы слышать его стоны и просьбы о помощи.

Пожалуй, не лучшее время для этой фразы, но что уж теперь. По крайней мере Шепард поймет, что я человек заботливый и ответственный. Ну и растерянный – по вполне понятным причинам.

– А еще сестра пропала, – обеспокоенно вставляет Вики.

– Что? – оживляется полицейский.

О боже. Теперь придется объяснять про Рут. Зря я сказала о ней Вики.

– Бедняжка Джой пожаловалась, что сегодня не видела свою сестру. – Вики очень кстати забывает о том, что расспрашивают вообще-то меня. – Рут исчезла, пропала.

– Ваша сестра тоже здесь, но вы ее сегодня не видели?

Я решаю просто кивнуть. Ситуация слишком сложная, запутанная и странная. Отец сознался в убийстве и умер, голова куклы Венди

с нетерпением ждет в сундуке, Рут пропала. Вряд ли я сумею что-то объяснить Вики с Шепардом. Тем более в такую жару. Мне надо подумать. Надо сделать все с умом, если я хочу добиться справедливости.

– Не переживайте, милочка. – Таким тоном Вики, наверное, сообщает пациентам неутешительный диагноз. – Я уверена, Рут в порядке.

Шепард пропускает слова доктора мимо ушей. Говорит мягко, чтобы я расслабилась:

– Расскажите об отношениях вашей сестры с отцом.

Обдумываю ответ. Тема щекотливая.

– Знаете, я много лет здесь не была. Жила за границей.

– Да-да, за границей. – Вики кивает, словно преданный ирландский сеттер.

Шепард округляет глаза в ее сторону, жестом велит замолчать. Вики ослепительно улыбается. Шепард вновь смотрит на меня, ждет. Мне знакома такая стратегия. Только я не собираюсь играть в его игры. У меня свои есть.

Молчание затягивается на несколько секунд.

– Ну а в детстве? – спрашивает он.

Первый раунд – за мной.

– В детстве? Отец... любил Рут.

Пока этого хватит. Когда-нибудь придется рассказать им всю историю.

Однако еще не время.

Глава 44

Джордж и Гвен

Июнь 1948 года

Марку было уже почти четыре года, когда Гвен забеременела вновь. Мэрилин, жена Арнольда, поинтересовалась, ходит ли она к доктору Мерриуэзеру. Новый врач, просто замечательный. Гвен ответила, что не ходит ни к каким докторам, а Мэрилин ласково возразила – мол, некоторые люди в современном мире считают подобное поведение безответственным. Доктора теперь многое знают и в случае осложнений умеют сохранять жизнь матери с младенцем. Арнольд добавил:

– Уверен, у тебя там прехорошенькая девочка. Так что осложнения ни к чему, правда?

– Никаких осложнений не будет, Арнольд.

Она улыбалась, но думала лишь об одном – сколько стоит доктор? Ветеринар, к примеру, обходился недешево. Еще Гвен переживала, что Джордж узнает правду о покупке маковых семян. До выращивания маков у Гвен долго не доходили руки. Недавно она наконец приобрела в оптовом питомнике семена, якобы очень живучий сорт, высадила их в каждую клумбу и стала наблюдать, какую почву они любят, какой режим освещения и тени. Маки должны расцвести примерно за месяц до рождения малыша. Один пакетик семян стоил десять шиллингов, а Гвен купила целых пятьдесят штук и значительно превысила свои ежемесячные затраты на цветы и растения, при этом в счетную книгу внесла покупку двадцати пакетиков по цене всего лишь пять шиллингов.

Теперь Джордж разрешал ей самой вести учет финансов, поскольку больше не интересовался подробностями заказов и ценами на каркасы, проволоку, ленты и прочие материалы, необходимые современному флористу. В конце каждого месяца Гвен должна была показывать мужу счетную книгу и отдавать ему половину прибыли. Она уже придумала, как замаскировать свой – другого слова и не подберешь – обман насчет маковых семян. Джордж в жизни не догадается, даже если проверит все записи.

Подправляя в счетной книге кое-какие суммы по другим покупкам, Гвен нахмурилась при виде своей дрожащей руки. Даже если Джордж обнаружит обман (что маловероятно), она переживет и его пощечины, и пинки с тычками – и даже удары головой о холодильник. Так почему же она дрожит? Яркие *papaver rhoeas*^[20] (с некоторых пор Гвен применяла ботанические названия, напечатанные в бланках заказа) оживят любые цветочные композиции, и можно будет брать с покупателей чуть больше. Правда, сначала маки должны расцвести. Ну а до тех пор они с Джорджем не могут позволить себе никакого доктора.

Вечером за чаем Гвен сообщила о беременности мужу. Тот перестал жевать тушеных угрей.

– Еще один ребенок нам не по карману.

Она хотела объяснить: маки (Гвен никогда не употребляла ботанических названий с Джорджем) расцветут, и она начнет брать за заказы дороже, а поскольку маки размножаются самосевом, ей больше не придется покупать семена. Однако слова почему-то не шли с языка.

Гвен повернулась к сидящему рядом сыну и сказала ему:

– У тебя скоро появится братик или сестричка.

Марк заплакал. В последнее время он плакал постоянно.

– Заткнись! Сил моих нет! – рявкнул Джордж.

Голова Марка дернулась назад, и он зашелся в плаче еще сильнее.

– Я. Сказал. Заткнись.

– Мама-а!

Джордж закричал на Гвен:

– Заткни его, ради бога!

– Не могу! – огрызнулась она.

Сердце у нее словно остановилось.

Джордж резко отодвинул стул, скрипнув по полу. Схватил жену за запястья, рывком поставил на ноги. Звякнули вилки, рассыпались по линолеуму.

– Джордж, пожалуйста, прости... Я устала, мы все устали. Марк не умеет...

Муж отвесил ей пощечину.

– Мама-а, мамочка-а!

Он оттолкнул Гвен; та упала, машинально прикрыв рукой увеличившийся живот.

– Не смей со мной так разговаривать!

Повернулся к Марку, занес руку.

Гвен поймала мужа за лодыжку, взвизгнула:

– Нет, не тронь!

Джордж, не глядя, вывернул ногу, пнул ею назад и впечатал каблук в шею Гвен. Она рухнула на пол, хватаясь за горло, силясь вдохнуть.

Джордж посмотрел на нее сверху, задрав подбородок, и Гвен вдруг с ужасом поняла: муж контролирует ее при помощи насилия. И делает это осознанно.

Глава 45

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

На следующий день полицейские вернулись с набором для снятия отпечатков пальцев.

Сержант Белл официальным тоном известил семью о том, что Венди не нашлась и что теперь «ее безопасность вызывает серьезные опасения».

– Это ужасно, – сказал отец. – Только зачем ты пришел сюда, Рон?

В его голосе отчетливо прозвучало: «Ведь я – бессменный старейшина нашей Церкви».

– Чисто для отсева, Джордж. Обычная формальность, уверяю тебя.

Белл улыбнулся отцу, но, как и вчера, отказался от предложения выпить чаю.

– На куклах есть отпечатки? А на коляске? – спросил Марк.

– Боюсь, я не вправе выдавать подобную информацию, сынок.

– Неужели у вас нет никаких предположений о том, кто это сделал, Рон? – поинтересовался отец.

Утром он вновь ходил к родителям Венди помолиться, а в обед рассказывал семье, что полиция снимала отпечатки пальцев с дверей и окон Боскомбов, с их почтового ящика, со всех вещей в комнате Венди – и, конечно же, с найденных на подъездной дороге кукол и коляски. Отец явно наслаждался этой трагедией, в особенности своей ролью духовного наставника Боскомбов, который молится с ними и тем самым помогает обрести силу и мужество.

– Будь у нас предположения, подозреваемый уже сидел бы за решеткой.

Сержант Белл произнес это настолько монотонно {серый забор из рифленого железа}, что отец лишь бросил: «Понятно», – и сглотнул.

– Будьте добры начать с правой руки. – Шепард указал на подушечку с чернилами, которую поставил на стол. – Прошу вас, сэр.

Один за другим, от старшего к младшему, Хендерсоны прижимали каждый палец к чернильной подушке, прокатывали его в соответствующей клеточке на бумаге и называли «правильные

и полные имя и дату рождения», которыми Шепард подписывал лист с отпечатками.

Подошла очередь Джой; руки у нее задрожали. Шепард крепко взял ее ладонь, прокатал туда-сюда положенное количество раз, и все отпечатки перенеслись на бумагу.

Пока он складывал листки в папку, сержант Белл поблагодарил всех за сотрудничество и заверил: хотя безопасность Венди вызывает опасения, полиция по-прежнему уверена, что девочку найдут целой и невредимой.

– Чего не скажешь об этом... – добавил он, поджав губы и глянув на детей, – об этом негодяе, если я только до него доберусь.

Негодяй. Какое чудесное слово! В голове Джой возник образ мотка новенькой колючей проволоки.

В ответ на слова Белла отец рьяно закивал.

Как-то очень уж рьяно, подумала Джой.

Глава 46

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Нашему уважаемому старейшине, который много лет являлся рекордсменом по пребыванию на данном посту и все эти годы своими твердыми убеждениями и самоотверженностью служил примером истинного христианина. Нам будет не хватать вашего проникновенного голоса по воскресеньям, вашей преданности делам церкви и Господу нашему. Ваши коллеги, старейшины пресвитерианской церкви Блэкханта

Старший констебль Алекс Шепард анализировал ситуацию. Шестеренки в голове так и крутились. Один мертвый отец, задушенный, похоже, собственным клятым ремнем; одна дочь пропавшая; и одна вроде как безутешная – чуть выделившая слово «Рут» во фразе «отец любил Рут».

Пройдемся по наиболее вероятным гипотезам.

Гипотеза первая: Рут задушила отца и сбежала, бросив Джой разбираться с последствиями.

Гипотеза вторая: Джой задушила отца, затем убила Рут и избавилась от ее тела, чтобы все выглядело гипотезой номер один.

Гипотеза третья (которая не желала оставаться без внимания): некий человек – возможно, не один – приехал глубокой ночью на эту захудалую ферму, похитил одну дочь, оставив другую безмятежно спать, и убил мужчину, который, по утверждению Вики, умер бы на днях от целого букета смертельных заболеваний.

Невероятно, но третья гипотеза вызывала тревогу. В 1960 году неподалеку отсюда пропала Венди Боскомб, и во время ее поисков они с Роном посетили немало здешних ферм. Все они походили друг на друга: уединенные, ветхие, утопающие в грязи и населенные бедняками. Тогда, в шестидесятом, самонадеянный

двадцатиднолетний Алекс был уверен, что Венди отыщется живой-здоровой буквально за пару часов. Когда стустилась ночь, он перенес свою уверенность на следующее утро. Затем – на следующий день. Еще на один, и еще – пока самонадеянность не уступила место отчаянию. Прошло больше двадцати лет, а Венди так и не нашли, ни живую, ни мертвую, и никого так и не арестовали.

Алекс до сих пор цеплялся за тонкую ниточку надежды все-таки разгадать однажды тайну исчезновения девочки; возможно даже, отыскать ее тело (надежды обнаружить Венди живой уже не было). Однако стоило потянуть за эту ниточку, и она оказывалась очень короткой и непрочной. Временами он думал, что тайна Венди Боскомб станет ему смертным приговором – если только он, Алекс Шепард, не выберется из этой богом забытой дыры. Именно тайна Венди, он не сомневался, восемнадцать лет назад убила Рона – шефа, а позже наставника и друга. В те жалкие несколько дней, пока аппараты еще поддерживали в нем жизнь между инсультами, Шепард дал ему обещание. Обещание найти убийцу Венди Боскомб. Обещание, до сих пор не выполненное.

Без Рона участок опустел. Хотя прошло много лет, Алекс по-прежнему скучал по широкой улыбке, с которой Рон распахивал двери в восемь сорок утра, по его телефонным звонкам в восемь десять с очередным дурацким объяснением опозданию.

После смерти Рона Блэкхэнт стал городом одного полицейского, а власти предержавшие в далеком Мельбурне решили так все и оставить. Письмо, полученное в ответ на запрос об усилении личного состава, ссылалось на ограниченный бюджет и низкий уровень блэкхэнтской преступности – «что свидетельствует о вашей превосходной работе с населением, которой вы с покойным сержантом Беллом по праву гордились, но которая, к сожалению, на данный момент не позволяет обосновать...» И так далее, и тому подобное. Ни единого звонка, а уж тем более визита, из главного управления.

И вот теперь здесь, неподалеку от дома Венди, умер насильственной смертью Джордж Хендерсон, а Шепард столкнулся с этим в одиночку. Нет уж, он не допустит, чтобы на его счету оказалось два нераскрытых убийства.

Предварительный осмотр фермы выявил два примечательных факта. Во-первых, разбросанную по полу одежду в спальне Джорджа.

Убийца искал нечто важное? По крайней мере, для него? Во-вторых, Рут – или похитившая ее личность – приложила массу усилий для того, чтобы убрать все принадлежавшие Рут вещи. Черт возьми, исчезла даже зубная щетка! Загадочный преступник: в комнате одной жертвы он устраивает бардак, а в комнате другой наводит порядок... Зачем? Разве что для запутывания следов. Или злоумышленников было больше, минимум двое?

Согласно статистике, Джорджа Хендерсона с высокой вероятностью убил кто-то из семьи. Чутье упрямо указывало Алексу на Джой. Или Рут. Или на обеих.

Тем не менее отбрасывать гипотезу номер три нельзя. Хендерсоны, как и все в округе, никогда не запирали заднюю дверь, а значит, ночью кто угодно мог зайти в дом, убить Джорджа, убить или похитить Рут и улизнуть.

Только зачем?! Шестеренки увязали в густой черной грязи.

Поездка в эти края напомнила о визите к Боскомбам в день исчезновения Венди, о том, как трудно было наблюдать за происходящим: Рон задавал вопросы, которые, хоть и преследовали цель исключить Боскомбов из числа подозреваемых, усугубляли страдания бедных родителей.

...Шепард смотрел на Джой и понимал – сейчас ему предстоит то же самое. Он начнет с вопросов о месте преступления, а дальше разовьет тему. Первым делом спросит о разбросанной одежде в спальне Джорджа.

– Вы искали что-нибудь в комнате отца? До – или после – того, как обнаружили его мертвым? Какие-нибудь ценности, которые объяснили бы погром в спальне? Ее будто перевернули вверх дном.

Джой покачала головой.

– Мы бедны. У отца не было ничего ценного, насколько я знаю.

– Возможно, в комнате хранилось нечто важное? Документ, например? Письмо или... завещание?

Джой посмотрела ему прямо в глаза – типичный прием лжеца – и вновь покачала головой.

– Могло ли что-нибудь из вещей отца интересовать Рут? Она никогда ничего не искала в его комнате?

– Знаю одно: вчера вечером я легла как обычно. Я приехала ухаживать за отцом и приспособилась к определенному режиму. Перед

сном дала отцу лекарства, и он сказал...

Тут Джой выдернула руку из-под ладони Вики и хлопнула себя по рту.

– Что сказал?

Нервы Шепарда были на пределе. У Джой явно что-то важное!

– Сказал, что хочет умереть.

Она высвободила вторую руку, встала. Сделав несколько шагов к раковине, наклонилась над ней и проронила:

– Искать Рут не нужно.

– Почему?

– Рут постоянно твердила: «После его смерти я уйду». Просто я не понимала, что она имела в виду «сразу же после его смерти».

– Вы хотите сказать, – Шепард тщательно подбирал слова, – что перед отъездом она уже знала о смерти отца?

Джой повернулась, закрыла глаза и едва заметно покачала головой. Он расшифровал это как «не знаю».

– Вчера вечером Рут злилась? Была расстроена?

Джой достала из шкафа стакан, налила воды. Заговорила осторожно. Чертовски осторожно, на вкус Алекса.

– Наш отец очень болен. Он умирает. Естественно, Рут расстроена. Мы обе расстроены. – Джой сделала глоток, помолчала, глядя в окно. – То есть, он *был* болен. И умер.

Шепард наблюдал с легким беспокойством. Она как будто смакует прошедшее время...

Он записал в блокноте: «ДХ рада смерти отца?»

– Вы бы назвали ее злой?

– Что? – Джой отвернулась от окна, глянула на него. – О нет, Рут точно не злая.

Алекс хранил молчание, ждал. Эту хитрость он перенял у Рона.

Через несколько секунд она выдавила:

– Вы думаете, Рут убила отца, затем упаковала чемодан и уехала среди ночи? – Энергично помотала головой и вдруг заплакала.

Вики вскочила, обняла ее за плечи, а Шепард записал: «Горе ДХ неубедительно. Опытная лгунья?»

Оторвался от записей и обнаружил, что Джой смотрит на него в упор. Их взгляды на мгновение скрестились, и рука Шепарда вывела в блокноте: «ДХ затянула ремень на шее отца?»

Глава 47

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Перед тем как Джой с Марком отправились в четверг на урок Библии, мама дала Марку шиллинг и велела купить свежий выпуск «Блэкхант газетт». Из-за двух выходных – Рождества и Дня подарков – газета вышла в среду вместо понедельника, а мама не хотела лишний раз ехать в город.

Ребята вышли из автобуса, и Джой вызвалась сходить в газетный киоск. С громко бьющимся сердцем прочла кричащий заголовок: «ПРОПАВШИЙ РЕБЕНОК СТАВИТ ПОЛИЦИЮ В ТУПИК». Хотя Джой переполняли горе и страх, она все равно отметила, что заголовок неверен. Полицию ставит в тупик не Венди, а то, что с ней произошло. И почему, скажите пожалуйста, не написали ее имя?

Под заголовком напечатали размытое черно-белое фото – улыбающееся лицо Венди. Его вырезали из ежегодного школьного снимка и увеличили. В ней с трудом можно было узнать девятилетнюю девочку, которую Джой видела лишь несколько дней назад.

Венди найдут, Джой в этом не сомневалась – ведь так говорили все, даже Рут. «Венди найдут со дня на день», – заверила она в ту ночь.

Джой лежала в кровати, не в силах уснуть, не в силах выбросить из головы лицо Венди.

Вчера вечером, когда полицейские собрали в папку отпечатки пальцев и ушли, мама посоветовала детям не волноваться – уже завтра сержант Белл принесет хорошие новости, потому что Венди, наверное, просто заблудилась и упала в какой-нибудь овраг. Отец повторил – нам всем следует молиться за нее. Однако Джой не нуждалась в отцовских напоминаниях, она и без того молилась за пропавшую непрерывно.

Несмотря на всеобщие молитвы, газетная передовица четко давала понять: полиция пока не может найти Венди – ни с куклой, которая, как выяснилось, тоже пропала, ни без куклы. Девочка просто исчезла. Полицейским звонили из разных городов и городков, сообщали о замеченной там Венди, но сержант Белл, по утверждению газеты, «был уверен, что ни одно из этих заявлений не требует дальнейшей проверки». Он добавлял: «Лично я не оставляю поисков Венди, пока она

не будет найдена». В Блэкхэнт из Мельбурна приехали детективы и полицейские в форме, обыскали дом и ферму Боскомбов; протопали колонной по четыре по Уишарт-роуд, прилегающим улицам и дорожке, ведущей к начальной школе Кингфишера. Опросили всех, кто в тот день выходил из дому; каждого работника в магазинах и на заправках – но, вторя заголовку статьи, очутились в тупике. К поискам присоединились сотни местных жителей. Правда, отца Джой среди них не было: он молился с Боскомбами.

Из глаз Джой текли слезы, когда она читала: «Полиция подозревает, что девятилетнюю школьницу похитили». Полиция и Боскомбы умоляют похитителя освободить Венди и позволить ей вернуться домой, целой и невредимой, к безутешным родителям.

Джой не хотела читать дальше, однако в конце первой полосы заметила приписку «Продолжение на странице 4»; не удержалась, открыла четвертую страницу и с ужасом увидела большое фото: валяющиеся в грязи куклы Венди. Джой торопливо закрыла газету и сунула ее Марку.

Тот по дороге к Церкви прочел первую страницу, на четвертую заглядывать не стал. Бросил:

– Похитили. Вот так, запросто. Не знаю, какие мысли у тебя, но я думаю, это кто-то из Милдьюры^[21]; они...

Пока Марк развивал теорию о том, кто, как и зачем, Джой шла рядом и дрожала от страха, вспоминая шепот Рут: «Отец виновен в том, что произошло с Венди». Через пару фраз Марк заметил состояние сестры и пробормотал:

– Я, наверное, совершенно не прав. Венди объявится сегодня-завтра.

Дальше шли в молчании. Джой знала – брат больше не заговорит с ней о Венди.

Перед началом урока мистер Джонс провел молитву, попросил Господа во всей Его милости вернуть Венди домой живой и здоровой, или, если «несчастье постигло дитя Твое», то «да возьмут ее ангелы и да перенесут в сад Твой вечный».

Джой тихо заплакала, Фелисити ее обняла.

Мистер Джонс выдал им список отрывков из Библии для прочтения и остался с группой. Во всех трех отрывках говорилось о доброте, любви, прощении и детях. Мистер Джонс явно потратил

немало времени на подготовку к занятию. Джой читала, орошая слезами тонкие, с розовой каймой страницы Библии. Мистер Джонс не стал обсуждать прочитанное, а примерно через полчаса предложил закрыть книги и помолиться.

Джой молилась от всего сердца. «Прошу, прошу, Господи, сбереги Венди. Прошу, Господи, пожалуйста!»

Наконец мистер Джонс сказал – пора заканчивать, время благословения.

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа да направит и защитит детей Его, особенно возлюбленное дитя Его Венди...

Джой с Фелисити расплакались. Мистер Джонс неловко похлопал их по плечу.

– Не переживайте, девочки; я уверен, что полиция скоро найдет Венди. Господь хранит ее, где бы она ни была, как хранит Он и вас тоже.

Джой кивнула, постаралась унять слезы. Хорошо мистеру Джонсу – он уверен, что Господь бережет Венди. Но кто бережет Джой Хендерсон?

Глава 48

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Добрый и любящий отец семейства и христианин. Всегда с улыбкой и шуткой наготове. Один из тайных ангелов Господних. Соболезнования семье. Конрад и Айрис Уэдделл

Шепард царапает что-то в своей полицейской записной книжке, а я думаю – придется рассказать ему про Рут, иначе мало ли что он сделает. Ну и, конечно, сообщить о кукле в сундуке, но это позже. Полиция может заявить – кукла сама по себе ничего не доказывает, даже если на ней есть отпечатки отца. Шепарду нужно *тело* Венди.

Первая проблема с рассказом про Рут состоит в том, что мы не говорим о несчастье сестры. Собственно, я никогда не обсуждала ни Рут, ни ее несчастье, за исключением одного раза – с мамой. Мне тогда было одиннадцать лет. Она кормила кур – суетливых Рут, – а я стояла за калиткой, как мне велели. Внезапно я выпалила вопрос, который мама наверняка ожидала рано или поздно услышать. Она ответила. Короткими скупыми фразами, запомнившимися мне на всю жизнь.

«Это» случилось до моего рождения. «Это» было ужасной случайностью, несчастьем, и помочь никто ничем не мог, ни тогда, ни сейчас. Лучшая помощь, единственная помощь – вести себя так, будто «этого» не происходило вовсе. То есть больше об «этом» маму не спрашивать и нигде не упоминать, ни в кругу семьи, ни за ее пределами.

Затем мама удалилась, толкая перед собой тачку. Побрела прочь по бычьему пастбищу, по пути выкапывая мотыгой чертополох. Перед самым чаем она превратилась в дрожащее пятно, синее с темно-зеленым. Недосягаемое. Временами даже невидимое – когда серый дождь падал под определенным углом.

В общем, я вела себя в соответствии с указаниями: притворялась, что несчастья не было вовсе. Больше о нем не спрашивала, нигде не

упоминала. Как и все остальные. Делала вид, будто Рут – обычная сестра, хотя не переставала гадать, почему Господь допустил с ней такое.

И вот я стою здесь, утопаю в большом могучем теле Вики, а Шепард ждет от меня признания в убийстве отца. Он на грани отчаяния, я чувствую. Хотя это не имеет значения, ведь скоро все кончится.

Поворачиваю голову – за мной наблюдают. Отвечаю ему прямым взглядом, как сделал бы на моем месте любой невинный человек. Шепард записывает что-то еще.

– Вы думаете, Рут убила отца, – я стараюсь сохранять спокойствие, – затем упаковала чемодан и уехала среди ночи?

Угри дергаются, я мотаю головой. И тут подступают слезы. Добрая старая Вики сразу меня обнимает, Шепард смотрит во все глаза.

Я исхожу потом. Выворачиваюсь из объятий Вики и включаю вентилятор.

– Отца тут все любят.

Полагаю, ему известно о том, что мой отец является – являлся – выдающимся столпом местного общества, поэтому подробности можно опустить. Вновь поворачиваюсь к полицейскому, позволяю упасть еще несколькими слезинкам.

Вики нависает над ним и просит тихонько – я, разумеется, слышу каждое слово:

– Может, не сто́ит? То есть я понимаю, вам надо выяснить, что произошло, только она ведь сейчас сама не своя от горя...

Шепарда Вики явно бесит; между ними не наблюдается ни малейшей любви. Хорошо.

Он говорит, ни к кому конкретно не обращаясь, – следовательно, обращается к нам обеим:

– Первые двенадцать часов – самые важные, хотя и самые мучительные.

Следующие слова, несомненно, адресованы мне:

– Итак... Рут? Думаете, она способна причинить кому-нибудь вред – в частности, вашему отцу?

Я возвращаюсь к столу. Хочу быть поближе к этому мужчине. Хочу вдыхать запах его отчаяния, так мне будет легче держать себя в руках. Я не могу рассказать о кукольной голове – еще рано. Не все сразу. Вики

топает следом, мы садимся. Шепард подается ко мне, приподнимает бровь, ждет ответа.

– Поверьте, детектив... – Мне уже легко дается дрожь в голосе. – Рут не способна причинить вред никому, в том числе и отцу.

Я, естественно, не рассказываю о ссоре с Рут. О том, что она была очень взвинчена перед сном. О том, что я услышала напоследок: угрозу Рут убить нашего отца, ныне покойного.

Глава 49

Гвен и Джордж

Декабрь 1948 года

Перед самым падением со ступеней и ударом о растрескавшуюся дорожку Гвен заметила первые ярко-красные искры: сотни маковых головок, которые вот-вот превратятся в цветы. Каждый цветок в букете или венке – дополнительные полшиллинга.

Когда она ударилась о дорожку, сотни ярко-красных искр боли обожгли тело.

...Прежде чем открыть глаза, Гвен уловила больничный запах и встревожилась. Руки взлетели к животу, изо рта вырвался вздох облегчения – по-прежнему тугой, огромный.

– Миссис Хендерсон?

Гвен не открывала глаз. Она будет притворяться спящей, пока время не повернет назад – туда, где еще не было падения. Туда, где Гвен еще не беременна этим ребенком. Туда, где еще не беременна Марком. Туда, где она еще не прошла в одолженном подвенечном платье по церковному проходу. Туда, где первый танец еще не закончился. И вот там, именно там, Гвен чуть-чуть подтолкнет время влево. «Нет, спасибо», – ответит она и вернется к Джин, к хихикающим в сторонке подругам...

– Миссис Хендерсон, вы очнулись?

Гвен сглотнула, приоткрыла глаза. Белая женщина, немолодая, грудастая и суровая на вид. Гвен сделала вдох, ребенок в животе пнулся, и ее пронзила острая боль. От неожиданности она поморщилась и распахнула глаза.

Медсестра с улыбкой села рядом на стул, взяла ее за руку.

– Вы в больнице, миссис Хендерсон. Вы упали. Помните? Упали с заднего крыльца у себя дома. Вас нашел муж и позвонил доктору.

Интересно, подумала Гвен, почему с ней разговаривают, как с глухим ребенком?

– Вы поправитесь, – добавила медсестра.

Неожиданно Гвен вспомнила.

– Марк! Что с Марком?

– С Марком все хорошо. Беспокоиться следует не о нем. – Голос сестры изменился. – Миссис Хендерсон, у меня хорошие новости и, к сожалению... очень печальные новости тоже.

– Что?.. Малыш ведь жив, он толкается...

Голос Гвен дрожал не хуже *gypsophila paniculate*^[22], который она с недавних пор использовала в свадебных букетах. Он рос вольготно, легко размножался самосевом, как и ее будущие маки; давал нежнейшие белые облака из мелких цветков, и облака эти невесомыми колибри парили в воздухе. Неудивительно, что теперь каждая невеста просила букет из качима метельчатого.

Медсестра была добра, но ее слова ранили сильнее розовых шипов. Гвен не понимала медицинских терминов, однако фразы «бедная крошечная душа» и «предстоят трудные роды» звучали яснее некуда.

К тому времени как медсестра вышла из палаты, Гвен начисто забыла «хорошие» новости.

Глава 50

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Марк протянул газету маме, та прочла первую страницу и вздохнула.

– Бедняжка Венди... Уверена, ее скоро найдут. Найдут живой и здоровой.

Джой с несчастным видом кивнула. Мама открыла некрологи, сказала негромко:

– Будем надеяться, сегодня нас ждет удача.

Днем, когда Джой отскребала корыто в прачечной, на подъездной дороге послышался шум машины. Девочка открыла задние двери и увидела на пороге мисс Бойл.

Она жила со своим дядей-холостяком много-много лет (Джой понятия не имела, сколько, но, судя по возрасту мисс Бойл, лет сто, не меньше), а потом он трагически погиб (тоже, как подозревала Джой, давным-давно). Хотя это была трагедия, мисс Бойл с радостью пересказывала историю его смерти при каждом удобном случае и всегда заканчивала словами: «Однако дражайший дядя застраховал свою жизнь на прекрасную сумму, так что мои финансовые затруднения в прошлом».

Мисс Бойл была славной. Правда, Джой, о чьем молчаливом присутствии взрослые быстро забывали, наслушалась немало гадких сплетен о мисс Бойл и дяде. Будто бы родители отослали ее к нему, потому что она отказывала всем подходящим женихам; будто бы мисс Бойл – дочь своего дяди от какой-то грешницы, которая умерла; будто бы мисс Бойл (тут собеседник оглядывался по сторонам и переходил на шепот) «просто-напросто шлюха». Каждая новая сплетня звучала гаже предыдущей. Ни Рут, ни Джой не знали значения слова «шлюха» и не могли найти его в зеленом словарике, но это явно было нечто *ужасное*.

Был ли хоть один из этих слухов правдивым, неизвестно, однако дядя действительно завещал ферму и страховку мисс Бойл. Вместо того чтобы все продать и вернуться в родной город, она продала лишь коров, которых дядя доил каждый божий день (в том числе и в последний день своей жизни) и снесла проржавевший хлев. Заплатила людям, чтобы те

разбили ее луга на множество небольших пастбищ, обнесли каждое изгородью, оставив между ними узкие полоски ничейной земли, и установили новые распашные ворота. По утверждению отца Джой, «последним издевательством» стала шикарная медная табличка, которую мисс Бойл прикрутила к забору перед фермой. Табличка извещала посетителей о том, что они прибыли в «Луга обетованные». На следующей неделе в «Блэкхэнт газетт» появилось объявление, предлагавшее каждому желающему за «весьма разумную цену» держать своего быка на одном из маленьких пастбищ «Лугов обетованных».

Джой легко могла представить, с каким раздражением отец читал объявление маме. Однако, несмотря на свое негодование, многие фермеры, включая и отца, платили ту самую «разумную цену» и держали быков в «Лугах обетованных», поскольку это высвобождало бычьи пастбища для коров. Очень удачная идея, считала Джой: мисс Бойл оставалось только собирать плату да поддерживать в хорошем состоянии заборы и ворота, а фермеры платили лишь шестую часть от арендной стоимости целого пастбища – и получали в распоряжение целое пастбище на собственной ферме.

Впрочем, по словам отца, мисс Бойл жила «пышногато»; ей следовало вернуться в город, пусть бы там покупала себе всякие модные шляпки-одежки и не размахивала ежедневно перед фермерскими носами своими случайными деньжищами, будто заработала их собственными мозгами, а не получила в результате тяжкого труда и неуместной щедрости своего дяди! По мнению отца, все эти деньги следовало отдать миссионерам для обращения язычников, а «Луга обетованные» кто-нибудь (видимо, мужчина) должен был вновь превратить в настоящую ферму, потому что нехорошо старой деве «неделями напролет принимать у себя мужчин».

Джой ждала нерегулярных визитов мисс Бойл с нетерпением. Та приезжала к родителям за арендной платой без предупреждения, всегда в разные дни и в разное время – и обязательно привозила с собой историю о ком-нибудь. Мисс Бойл, похоже, забывала о Божьих правилах насчет ругательств, богохульства, спиртного и женской скромности {белый носовой платок, сложенный аккуратным квадратиком} – даже при отце. Ну и конечно, когда мисс Бойл ругалась,

богохульствовала или говорила что-нибудь неподобающее, отец лишь улыбался, шутил и был милым, как лимонный пирог с меренгой.

Если мисс Бойл не приносила полбутылки красного вина («Приговорим вместе, да, Гвенни?»), то довольствовалась чашкой чая и кусочком печенья с изюмом. Усаживалась на мягкий отцовский стул за ламинированным столом и начинала рассказывать очередную байку: о некой женщине, чьи волосы приобрели «чертовски зеленый оттенок», хотя та просила парикмахера сделать из нее блондинку; или о том, как такой-то потерял бумажник с кучей денег, предназначенных для подарка сыну на совершеннолетие («ну, так он сам утверждает, но мы-то знаем, правда, Джордж, где этот скользкий ублюдок провел день?»); или о том, как чей-то там внук попал в аварию – въехал, понимаешь ли, в дерево на Риппл-крик-роуд, даже вину свалить не на кого, а вонючие страховщики отказались платить бедолаге – мол, он был без очков. «Мне вот что интересно, откуда страховщикам знать, надел он свои треклятые очки или нет? Ниоткуда, правильно? Ну ладно, будем честны, вряд ли надел, – мисс Бойл фыркала от смеха, – потому как он считает, что в таких телескопах ему ни одной девчонки не подцепить. Не очки, а молочные бутылки, ей-богу! Но страховщикам-то откуда знать, а? Кстати, о бутылках: кто поможет мне прикончить вот эту?» И мисс Бойл весело махала винной бутылкой.

Мамины брови с началом рассказа взлетали на лоб, да там и приклеивались; на лице застывала улыбка, а в конце каждой сплетни она роняла «А-а-ха», что мисс Бойл, видимо, должна была принять за смех. Джой все истории мисс Бойл казались смешными, пусть даже рассказчица беспрестанно ругалась и богохульствовала.

Родители, конечно, вежливо отказывались от вина, ведь оно было дьявольским искушением. «Ой, сегодня нет, спасибо, мисс Бойл, – они называли ее только так, никогда по имени; наверное, для напоминания о том, что ей следовало выйти замуж, следовало стать нормальной, как все, следовало вернуться на родину и кануть в забвение, – мы только недавно съели большой десерт»; «Ой, у меня что-то нехорошо в животе после жаркого»; «Мы сейчас поедem в город, но вы пейте, мисс Бойл».

Мисс Бойл улыбалась и протягивала бутылку маме. Той ничего не оставалось, кроме как вежливо подливать вина землевладелице, дающей приют их быку. Отец, тоже вежливо улыбаясь, громко размешивал чай в чашке.

Почему мисс Бойл вела себя так с родителями? Потому что не знала, как это их задевает? Или как раз потому, что знала? Джой понятия не имела, но получала невероятное удовольствие и от историй гостыи, и от ее открытости и беззаботности. С появлением мисс Бойл дом оживал.

Однако сегодня она говорила лишь об исчезновении Венди.

– Гвенни, у меня дар речи пропал... Ты тоже онемела от страха и боли за бедную девочку? А ее родители – каково им? Я не решилась поехать к ним за арендной платой. Нет, я бы не смогла. Разрыдалась бы прямо у них на пороге, и им пришлось бы меня утешать. До чего печально, правда? Сегодня просто чашечку чая, Гвенни, спасибо. Рон Белл сам не свой, а этот новенький, которого он с собой таскает... Самонадеянный мальчишка, на него только глянешь – и жить не хочется. Между нами говоря, я вот думаю – а не причастен ли он к исчезновению бедной девочки? Сама подумай, до его появления ничего подобного не случилось, верно? Тебе не кажется, что лицо у него – как у трехрогого быка, который корову найти не может? Оказывается, этот молокосос зациклен на каком-то странном пазле. Пару недель назад Грэм Уиттакер водил сына в участок за ученическими правами и видел, как новенький нависает над головоломкой и ругается на чем свет стоит! То одно прокликает, то другое... Очень подозрительно, по-моему. И не наш он какой-то, согласна? Да и вообще, ему положено ловить убийцу Венди, а не в пазлы играть! Как думаешь, с ним что-то нечисто? Ей-богу, я от всего этого просто онемела, Гвенни.

Несмотря на тошнотворную тревогу из-за Венди, Джой улыбнулась. «Онемела»? Да мисс Бойл не умолкала! К тому же она, хоть и засыпала «Гвенни» вопросами, явно не ждала на них ответа.

Однако сильнее всего на свете Джой сейчас мечтала, чтобы вокруг перестали обсуждать Венди Боскомб, потому что от этих разговоров хотелось свернуться калачиком и зарыдать.

Мама поставила перед мисс Бойл чашку с чаем и покачала головой.

– Вчера вечером он был у нас и произвел хорошее впечатление.

– Серьезно?

Мисс Бойл сделала глоток чая и поморщилась, будто лимон откусила. Глянула на Джой, сидевшую в другом конце стола, и махнула

чайной ложкой в сторону сахарницы, до которой не смогла дотянуться.

– Что ж, это лишь доказывает мою правоту, да, Гвенни? Любой, кому есть что скрывать, может при желании произвести хорошее впечатление, а?

Неся гостье сахарницу, Джой думала – что же мог скрывать Шепард? И мисс Бойл тоже, если уж на то пошло.

Глава 51

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. «Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...»^[23] Соболезнования семье. Преподобный Алистер Брейтуэйт

– Расскажите, пожалуйста, у кого могло возникнуть желание убить вашего отца?

Джой качает головой.

– Говорю же, я не жила здесь много лет. Его любили все, каждый человек в округе.

– Да, любили, – встряла Вики. – Похороны будут большими и очень печальными.

Алекс пропустил это замечание мимо ушей. Он с удовольствием отослал бы ее обратно в город, но, как только он подкатил к ферме, Вики вышла навстречу – для «конфиденциальной беседы». До того они встречались лишь раз, когда Айан Дункан, напарник Шепарда по сквошу, тоже умер в своей постели. Жена обнаружила Айана мертвым и позвонила констеблю. Он пообещал приехать, хотя никаких подозрительных обстоятельств не было, и посоветовал Вере связаться с врачом Айана. Вики, в комплекте с ухмылкой и фамильярностью, явилась буквально через две минуты после него.

Вики была безобидной, но чертовски назойливой. Она вызвалась сделать вскрытие тела Хендерсона, поэтому оставить ее тут показалось правильным решением. Но теперь Алекс в этом сомневался.

Зато он ничуть не сомневался в другом: Джой скорбит о смерти отца не больше, чем коровы на лугу. Ее слезы не выдерживали никакой критики. Он был убежден в том, что Джой – искусная лгунья, хотя ее заявление насчет неспособности Рут причинить кому-нибудь вред до жути походило на правду. Учитывая идеальный порядок в опустевшей

спальне, Шепард склонялся к мысли, что Рут действительно сбежала, причем по собственной воле. Тем не менее, Рут надо найти и выслушать ее версию.

Еще необходимо поговорить с соседями. А значит, увы, и с Боскомбами. Лучше оттягивать этот момент до последнего.

Однако всему свое время. Если разыграть карты правильно, Джой сознается. Тогда не придется опрашивать соседей. И разыскивать Рут – как только та услышит об аресте сестры, сама постучит в двери участка.

Давным-давно они с Роном частенько рассуждали о том, как раскрывать настоящее преступление. Рон говорил: «Это все равно что складывать хитроумный пазл». Оба мечтали о настоящем преступлении, но каждый раз, когда дверь участка открывалась, за ней стоял очередной скучающий родитель, приведший очередного прыщавого подростка на экзамен для получения ученических прав.

Однажды, спустя три месяца совместной работы, Рон приехал утром поздно, как обычно, и высыпал на свободный стол что-то из белой прямоугольной коробки. Алекс поднял ее и прочел: «Пазл из тысячи деталей, для гениев. Содержимое: 1100 двусторонних деталей».

– Потренируемся решать сложные задачи, – заявил Рон, воодушевленно распределяя тысячу сто деталей по столу. – Мы обязаны сообразить, какие кусочки нужны, а какие можно выбросить, потому что они – фальшивка. На каждом кусочке рисунок с двух сторон, а на крышке нет картинки, то есть подсказки. Вперед!

Они трудились над этим чертовым пазлом не одну неделю – в промежутках между экзаменами на водительские права, редкими дорожно-транспортными происшествиями и субботними разборками. Шепард очень быстро разочаровался в успехе, но Рон не позволял ему сдаваться.

– Ты же не бросишь уголовное расследование на полпути, сынок. Вот столкнемся с настоящим преступлением – а у нас мозги затвердели, как глина в пересохшем пруду, и в них только мусор остался!

Утром 30 декабря 1960 года, через три дня после исчезновения Венди, Алекс застал Рона в участке с самого утра, в первый и последний раз. На свободном столе ничего не было. Больше они про пазл не говорили.

Теперь же ему предстояло разобраться с деталями другого пазла. Деталими Джорджа. Деталими Джой. Рут. С Джорджем Шепард встречался лишь считанные разы (церковь, шары и старомодные танцы были не в его вкусе). Они, конечно же, допрашивали Джорджа после исчезновения Венди; все – и тогда, и сейчас – считали Джорджа Хендерсона образцовым гражданином. Когда Шепард последний раз общался с Нилом Боскомбом, Джордж по-прежнему регулярно навещал Нила и Ви, молился с ними за Венди. Шепард радовался тому, что почти не знал Джорджа и мог оставаться беспристрастным, расследуя его смерть. Джой и Рут покинули дом давным-давно, а значит, нужно собрать и проверить относящиеся к ним детали. Он не сомневался: здесь, как и в том давнем пазле, каждый проклятый кусочек окажется как минимум двусторонним. Шепард уже выяснил, что Джой завидовала сестре и вовсе не горевала по умершему отцу. Возможно, в ее детстве произошло некое значительное событие, которое проливало бы свет на события последних двенадцати часов? Исчезновение Венди Боскомб наверняка сказалось и на ней, ведь девочки жили рядом и были почти одного возраста. Алекс вновь вспомнил об упорных молитвах ее отца с Боскомбами.

Или дело в какой-нибудь недавней ссоре с отцом? С сестрой?

Необходимо лишь выбрать правильные детали пазла и установить их на место.

Выпустившись из академии двадцать четыре года назад, он ухватился за возможность поехать в Блэкхэнт. Бескрайние просторы, зеленые холмы и беззаботные сельские жители, которые держат кур, свиней, лошадей, коров, уток и овец, никогда не сидят без дела, живут в гармонии с собой и природой. Воображение рисовало большой прекрасный отпуск, где все знают и любят друг друга, в том числе и его, Алекса Шепарда.

Однако люди оказались не такими уж беззаботными: боялись потерять даже то небольшое, что имели, – и фермеры, и владельцы дюжины лавок, уныло теснившихся посреди городка. Все надеялись на хорошую погоду (дожди зимой, солнце летом) и приличные цены на молоко, но с каждым годом погода и цены ухудшались, фермерам платили за молоко все меньше и меньше, а стоимость остальных товаров росла.

Шепард вскоре понял, что узнать всех ему не удастся. Официальное население города составляло лишь восемьсот девяносто семь человек, зато население района – десять тысяч семьсот девяносто два человека, разбросанных по четырем тысячам миль. Разве можно познакомиться с десятью тысячами? Некоторые, безусловно, выделялись. Лавочники, продававшие товары. Парни, которые не могли сдать экзамен на ученические права, как бы ни старались. Известные личности: периодически сменяющиеся мэры и напористые муниципальные советники, а также люди вроде Джорджа Хендерсона, которого Алекс знал понаслышке, – люди, вступавшие во все комитеты и любившие читать свое имя в местной газете.

Однако большинство фермеров с домочадцами держали свои личные трудности при себе и якобы не замечали трудностей других. Каждый пенни, не пошедший на уплату счетов, бережно откладывали: готовились к следующей катастрофе. Катастроф хватало: починка бесконечных изгородей на каждой ферме, счета от ветеринара, цены на продукты, протекающие крыши, очередной ребенок, постоянный дождь, многое-многое другое. Шепард быстро отучился спрашивать: «Как дела?»

Хотя ни одна из слышанных им историй о загородной жизни не была применима к Блэкханту, первое время он не мог нарадоваться на легкую полицейскую службу, безоговорочное уважение окружающих и на своего сержанта, который требовал называть его наедине просто Роном, без всяких формальностей.

Затем пропала Венди Боскомб, и легкая жизнь кончилась.

Прошло больше двадцати лет, а Венди так и числилась в пропавших без вести, предположительно – убитых. Доверие местных к ним с Роном сильно пошатнулось, и хотя оба не оставляли поисков, им не удалось отыскать ни одной ниточки, ни одной подсказки к тому, что произошло с девочкой. Несмотря на внешнее спокойствие, Алекс с годами все острее ощущал собственную бесполезность. Пару месяцев назад, вновь рассеянно пролистывая папку с делом Венди, он вдруг с ужасом понял, что тоже увяз в паутине тоски и безысходности – как и весь город с окружающими его фермами...

И вот пожалуйста: на ферме рядом с Боскомбами произошло еще одно серьезное преступление. Кровь в его венах закипала. Джой Хендерсон определенно что-то скрывает. Но что? Она явно напугана

и насторожена. Очень подозрительно. Однако он пока не станет добиваться признаний. Сперва нужно разобраться, выпросить побольше, сложить вместе еще кое-какие детали головоломки...

– Хорошо, мисс Хендерсон, на этом пока все.

Алекс захлопнул блокнот и одарил Джой улыбкой, которой в совершенстве владел Рон. Ободряющей, но властной. Мол, тебе ничего не грозит, если будешь со мной сотрудничать.

– Я загляну к соседям, поспрашиваю. Вдруг они что-нибудь видели или слышали... Затем вернусь к вам.

Посмотрел на Вики – нечего ей оставаться с Джой.

– Ну, доктор, вы сделали все, что в ваших силах. Вас, наверное, полная больница пациентов ждет.

Вики намек поняла, вскочила.

Джой вновь залилась крокодиловыми слезами, начала благодарить, и тут он заметил, что лоб у нее потный, а руки дрожат.

«Хорошо. Именно этого я и добивался».

Глава 52

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой боялась. За Венди. За отца. За себя. Скорее бы длинные каникулы кончились, скорее бы в старшую школу, подальше от отцовского гнева, вечных разговоров про Венди Боскомб и всего этого кошмара.

– Ты беспокоишься о Венди, – сказала Рут. – Только все будет хорошо, вот увидишь.

– Думаешь, ее найдут?

– Кто знает... – Рут нахмурилась, затем посмотрела на сестру с улыбкой и добавила уже гораздо беспечней: – Помни, даже когда человек мертв на Земле, он жив в Раю. Как Иисус. Значит, смерть – лучшее, что может произойти с христианином. Тебе так не кажется?

– Я не знаю... Я...

– Зато я знаю – нельзя постоянно хандрить и думать только про Венди, Венди, Венди! Давай поговорим о приятном. Угадай, что в Раю самое чудесное? – Рут даже не дала Джой возможности подумать. – Бесконечная библиотека!

Лицо Джой разгладилось.

– Бесконечная библиотека?

От широкой улыбки родимое пятно Рут растянулось и стало походить на лиловый воздушный шар, который сейчас лопнет.

– Это самое потрясающее место на земле – в смысле, на Небесах, – ведь там хранятся все книги, которые уже написаны в мире, пишутся сейчас и еще будут когда-нибудь написаны. Стен не видно за книжными полками, они растут в длину и высоту каждый день, и Богу приходится постоянно добавлять новые комнаты.

Плечи Джой расслабились, она вдыхала слова сестры. Представляла Бесконечную библиотеку: длинные полки из красного дерева, коридоры, ответвления, ярусы – и истории.

Все книги, которые уже написаны в мире? Значит, и первая книга тоже. Интересно, как она называлась? Как выглядела, из чего была сделана? На каком языке написана? Если не на английском, то как Джой ее прочтет? Господь наверняка делает так, чтобы в Раю каждый мог

понимать любой язык – и читать любую книгу, в том числе и первую. Ее держат в отдельном закрытом шкафчике, рядом стоят стражники и горделиво стерегут первую книгу веки вечные. Ой, нет, никаких *горделивых* стражников – на Небесах нет гордыни, это один из семи смертных грехов. Да и стражники там вовсе не нужны, ведь в Раю никто не ворует! Там тянется длинная очередь вежливых людей, желающих увидеть самую первую книгу в мире; брать себе ее нельзя, даже на время и даже в Раю, где все совершенно. Сотни, тысячи, миллионы людей выстраиваются в очередь, чтобы взглянуть на такую важную книгу. Другая многомиллионная очередь ждет возможности прочесть первую Библию. И первую энциклопедию. И – при этой упоительной мысли Джой вздохнула – первый словарь.

– Да, – продолжала Рут. – Причем любую книгу можно в любую минуту найти, потому что перед входом в Бесконечную библиотеку находится Бесконечный каталог!

Джой вновь вздохнула. Из-за своего несчастья Рут не могла ездить в магазины и покупать подарки на день рождения и Рождество, но в этом году сестра подарила Джой самый лучший подарок в мире – знание о том, что однажды, после смерти, она сможет посетить Бесконечную библиотеку. Если попадет в Рай.

Значит, сейчас, в эту самую секунду, Венди Боскомб, вполне вероятно, сидит в Бесконечной библиотеке и читает все что душе угодно.

Глава 53

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Душевный и трудолюбивый человек. Глубокие соболезнования родным. Грэм Пламмер с семьей

Шепард сидел в ситцевом кресле, прихлебывал чай, приготовленный Барбарой Ларсен, и мысленно возмущался – в здешних краях в любом доме заставляют пить треклятый чай, причем в любую жару! Духота в маленькой темной гостиной стояла страшная, хуже, чем у Хендерсонов в кухне. Алекс не сомневался, что они с Роном допрашивали Ларсенов после исчезновения Венди, но встречу с ними не помнил – впрочем, не только с ними. Надо будет потом глянуть в деле.

Колин Ларсен сидел на обеденном стуле лицом к гостю, дергал правой ногой и блуждал взглядом по темному полосатому коту, спящему на груди тряпья у камина. Шепард уже успел вызвать недовольство Барбары вопросом, существует ли мистер Ларсен. Услышал суровое «уже нет» и решил не гневить хозяйку, а узнать про состояние здоровья Колина у Вики (похоже, в каждом доме этого чертова района имелся собственный загадочный пазл).

Пока же он надеялся получить от Ларсенов новую деталь головоломки Хендерсонов. Джой явно утаивала часть деталей (интересно, сколько?), а Ларсены могли дать одну-две подсказки. В частности, о пропавшей Рут. Алекс, конечно, подозревал, что ремень – теперь лежавший в пакете для вещдоков на пассажирском сиденье его машины – на шею отцу накинула именно Джой, но подозрение ничего не доказывает. «Всегда расставляй точки над “i”», – несмешно шутил Рон, заглядывая через плечо и контролируя, правильно ли напарник заполняет сотый бланк водительского удостоверения. Поэтому в участке Алекс обязательно проверит ремень на отпечатки пальцев; хотя человек, перекрывший кислород Джорджу Хендерсону, наверняка позаботился о том, чтобы не оставить

отпечатков. И лекарственные пузырьки проверит, они тоже лежат на пассажирском сиденье в пакете. Дактилоскописты^[24] из Мельбурна провозятся несколько дней, а он тем временем постарается найти недостающие детали пазла и арестовать виновного.

– Значит, он все-таки умер? – Барбара вздохнула; пожалуй, чуточку театрально. – Бедный Джордж. Не стоит так говорить, но Джой, думаю, вздохнет с облегчением. У них были... трудные отношения.

– Неужели?

Шепард поставил чашку на полированный столик возле ситцевого кресла, достал блокнот и сделал быструю пометку.

Миссис Ларсен продолжала:

– Теперь-то уж, наверное, не важно... Джой ведь в конце концов сумела убежать, спаслась... Честно говоря, я не понимаю, зачем она вернулась.

Барбара покосилась на Колина. Он по-прежнему дергал ногой вверх-вниз и не отводил взгляда от кота. Тот дышал с присвистом.

Алекс подчеркнул в блокноте «спаслась» и посмотрел на Барбару с непроницаемым видом, мысленно услышав совет Рона. «Ничего пока не говори, сынок. Пусть рассказывает дальше. Хороший коп – хороший слушатель. Молчаливый слушатель».

Молчаливый слушатель... Почему при эт“ их словах в голове прозвенел звоночек? И почему именно сейчас?

– Он был милейшим человеком. Со всеми. Уверена, вам это известно.

«Тем не менее, кто-то его убил».

– От чего же Джой пришлось... – Он сверился с записями. – Вы, кажется, употребили слово «спасаться»?

– Ой... – Барбара немного смутилась. – Я не уверена... не знаю.

«А я уверен, что знаешь». Алекс улыбался, ждал.

– Не хочу говорить плохо о покойном.

– Разумеется.

– Да и сама я никогда ничего не слышала и не видела. Это скорее впечатление. Дети Джорджа были такими тихими, такими... послушными. Причем и в подростковом возрасте тоже.

Она глотнула чаю. Шепард ждал.

– Это выглядело странно, даже тогда.

Колин встал со стула, присел возле кота, медленно погладил его по голове.

– Дети часто стеснительны. – Пришло время активизироваться. – Так вы говорите... Джордж был милейшим человеком... со всеми.

Он отхлебнул из чашки. Эх, в нее бы сейчас лимонного ликера со льдом...

– О да, был.

– Был, – повторил Колин. – Только не со своими детьми.

Кот приподнял голову, подставляя шею для почесывания. Шепард вспомнил ремень на шее Джорджа. Интересно, всегда ли Колин так нежен?

– О чем вы, Колин?

Тот огляделся по сторонам, будто убедился, что никто не подслушивает, погладил кота по старой спине.

– Джордж был плохим.

– Колин! – воскликнула Барбара. – Ты этого не знаешь.

– Плохо относился к своим детям.

Значит, у Рут тоже имелись причины не любить отца. Джой солгала.

Барбара затараторила:

– Не пойму, при чем тут полиция. Джордж долго болел. Неудивительно, что он умер.

Она протянула тарелку засохших коржиков. Шепард неохотно угостился. Он был сыт по горло безвкусной нищенской едой, которую терпел уже двадцать лет.

– Дело в том... все куда печальнее. – Алекс повертел в руках треугольный коржик. – Видите ли, мистера Хендерсона обнаружили – собственно, Джой и обнаружила – с затянутым на шее ремнем.

Он внимательно наблюдал за обоими Ларсенами.

– Что?! – выкрикнула Барбара.

«Переигрывает?»

– Ужас... Какой ужас! – Она упала в кресло, побелев как мел, но так и не выпустила из рук тарелку с коржиками.

Такое сыграть трудно.

Колин крепко зажмурился, точно не желая верить услышанному.

– Согласен.

Кивнув, Шепард стиснул зубами коржик, с трудом отгрыз кусочек. Запил чаем в надежде размягчить.

В прихожей зазвонил телефон, Барбара бросила взгляд на часы.

– Простите, надо ответить. Важный звонок.

По дороге в прихожую она поцеловала сына в лоб.

Колин придвинулся поближе к коту, посмотрел на полицейского.

– Его зовут Кроха. Он родился самым маленьким и слабым в помете. Нам говорили «не жилец», советовали усыпить, но мама не разрешила. – Колин улыбнулся Крохе, Алексу. – Он каждую ночь спал в моей кровати. Четырнадцать лет.

Кот открыл желтые глаза, вытянул лапу, коснулся колена хозяина.

– Кроха – мой друг. Только он скоро умрет. – Колин вытер нос рукавом, сначала одну ноздрю, затем вторую. – Дышит плохо. Да и не ходит почти.

Шепард изобразил на лице сочувствие и вернулся к Хендерсонам. Спросил негромко, спокойно:

– Мистер Хендерсон обижал Рут?

– Нет, не Рут. – Колин покачал головой.

Бережно взял на руки Кроху, и тот громко замурлыкал, хотя дыхание все равно оставалось свистящим. Кот явно был очень болен.

– Колин? – мягко окликнул Шепард. – Мы не знаем, где Рут. Очень волнуемся за нее.

– Не знаете, где Рут? – удивился Колин.

– Нет.

Выражение лица Колина побудило Алекса задать следующий вопрос, осторожно и твердо:

– А вы знаете, где она, Колин?

Тот кивнул, не прекращая гладить Кроху.

«Это уже кое-что. Может, насчет Джой я ошибся...»

Внезапно из коридора долетел громкий – слишком громкий – разговор Барбары по телефону.

– Мне все равно, что вы думаете! – Очевидно, ей было все равно и то, что Шепард слышит. Или даже хотелось, чтобы он слышал. – Он останется со мной. И он, и кот!

Шепард оглянулся на Колина, зарывшегося лицом в шерсть на кошачьей спине.

– Колин, – произнес он приветливо, но все так же твердо. – Рут жива?

Колин поднял взгляд, помотал головой. Быстро.

– Рут... умерла.

Алекс вдруг встревожился не на шутку. Что за чертовщина тут творится?

– Вы уверены?

Колин закрыл глаза руками, начал всхлипывать.

– Такое несчастье... случайно... но теперь она на Небесах.

Мозг Шепарда лихорадочно работал. Вот оно, именно этого он и хотел! Быстрое признание и завершение дела по горячим следам. Да, насчет Джой он, похоже, и правда ошибся. Ничего страшного. Он сегодня же сведет концы с концами, а ночью славно выпится. Ни один судья не отправит Колина в тюрьму. Его, скорее всего, поместят в специальную лечебницу, но не в тюрьму, нет. Барбара сможет свободно навещать сына.

– Говорю же, мне все равно! – В голосе Барбары звенела сталь. – Вы не заберете его из этого дома, и кота тоже, слышите? Я буду ухаживать за ним, пока меня не похоронят.

«Маловероятно».

– Ужасное несчастье, – повторил Колин, по-прежнему пряча лицо в ладонях.

Шепард отгрыз очередной кусок твердого коржика; в висках застучало. Ловко переместив коржик за щеку, он мягко попросил, едва сдерживая нетерпение:

– Отведете меня к Рут?

Тот кивнул, поднял заплаканное лицо. Погладил кота – медленно, мучительно медленно, будто боялся причинить боль. Или знал, что больше уже не вернется, никогда не сможет погладить друга.

– Сходим сейчас? – осторожно предложил Алекс.

Если преступник действовал поспешно или нападение и правда произошло случайно, то жертва может быть еще жива. Сейчас дорога каждая секунда. Алекс с облегчением положил недоеденный коржик на столик и встал.

– Да. – Колин тоже поднялся. – Я отведу к Рут.

– Тогда пойдете.

Колин опять повторил:

– Несчастный случай...

Вышли в прихожую, где Барбара продолжала плевать словами, точно печь – искрами.

– Я заботилась о нем столько лет, и никто и слова не говорил. Где вы все были двадцать лет назад, когда я действительно нуждалась в помощи?!

– Простите, миссис Ларсен...

Она резко обернулась, рывкнула:

– Что?!

– Колин поедет со мной. – Алекс вновь напустил на себя непроницаемый вид. – Поможет... в расследовании.

Очень удобная фраза.

Шепарда не удивило указание Колина повернуть с дороги налево, к ферме Хендерсонов. Однако когда он притормозил у подножия холма перед их подъездной дорожкой, Колин сказал:

– Нет, не сюда. Еще далеко.

Проехали десять минут в молчании. Любопытство – и беспокойство – нарастало. Куда же Колин спрятал Рут? От неожиданной мысли он чуть не ударил по тормозам. Не мог ли Колин убить и Венди Боскомб?

– Колин, – с нарочитым спокойствием произнес Алекс и пожалел, что не задал этого вопроса раньше. – Может, вы скажете мне, где Рут? Тогда я доведу вас без подсказок, а вы отдохнете.

– Конечно. Знаете Блэкхантское кладбище?

Глава 54

Джордж и Гвен

Январь 1949 года

Когда Гвен с младенцем приехали домой, в саду буйно цвели маки. Однако смотреть на них она не могла. Вяло спросила, как Джордж тут справлялся. Он рассказал – по утрам приходила Барбара с едой, целый день присматривала за Марком, пока Джордж с Колином доили коров и работали на ферме.

Гвен кивнула, не осмысливая эту незнакомую сторону Барбары, не осмысливая ничего.

Днем, когда она отупело сидела на диване и покачивала ногой люльку, в заднюю дверь постучали. Гвен с тяжелым вздохом поднялась.

– Здравствуй, Гвен. – Колин посмотрел ей в глаза.

– Здравствуй, Колин. – Она попыталась улыбнуться.

Он проследовал за ней в кухню, сел рядом на диван. Зачем? До дойки еще полчаса, и Колин всегда шел напрямиком в хлев.

Никто не говорил ни слова. Колин просто ждал.

Наконец Гвен указала на люльку.

– Это Джой.

– Да. – Он склонился над спящей малышкой, погладил ее по щеке. – Привет, Джой. – Глянул на Гвен. – Как ты?

Такой простой вопрос. Вопрос, которого ей никто не задавал. Редкие посетители, навещавшие ее в больнице, избегали той единственной темы, о которой ей хотелось говорить, и держались либо чересчур сдержанно, либо чересчур бодро.

– Лучше думать о хорошем, милочка. – Женщина на соседней кровати.

– Она красавица, Гвен. – Арнольд.

– Настоящая красавица. – Мэрилин.

– Пути Господни неисповедимы. – Преподобный Брейтуэйт.

– Мы должны жить дальше, будто ничего не было. – Джордж.

А вот Колин посмотрел на Гвен и задал простой вопрос.

Внутри нее что-то умерло, но плакать она не могла. Смотрела на Колина и понимала – он выслушает. И Колин слушал. Повторял фразы, если Гвен запинаясь. Когда она закончила, он плакал, а Гвен утешала.

– Это был несчастный случай, Колин. Просто ужасная случайность. Несчастье.

Он повторил сквозь слезы:

– Ужасная случайность. Несчастье.

– И Рут теперь на Небесах.

– Рут на Небесах, – пробормотал Колин с такой печалью, что ей захотелось его обнять.

Так они и сидели. В молчании. Даже малышка в люльке у их ног вела себя тихо.

Без пяти минут четыре Колин встал.

– Мне пора помогать Джорджу доить коров.

– Да, – Гвен кивнула. – Спасибо, Колин.

Глава 55

Джой и Рут

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Сердечный и благородный человек, любивший Бога, свою церковь и общину. Глубокие соболезнования семье. Кеннет Джонс

Теперь, когда Шепард с Вики уехали, в голове проясняется. Я наконец могу разложить мысли по полочкам, но непрерывно думаю о Рут. Похоже, она действительно ушла. Насовсем. Из моих глаз катятся настоящие слезы – в памяти всплывает дождливый субботний день много лет назад, в середине моего последнего года в начальной школе...

Я придерживала калитку куриного загона, увязая резиновыми сапогами в грязи, а мама вкатывала в загон тачку с чертополохом. Вокруг суетились двенадцать Рут.

– Сюда, Рути, сюда, девочки, – кудахтала мама.

– Мама... – Вопрос сорвался с языка сам по себе. – Почему ты их всех зовешь Рут?

Я одиннадцать лет слушала, как она это делает, и только теперь впервые сочла это странным. Так уж устроены дети. Принимают все на веру. До тех пор, пока не вырастают.

Я подумала, что мама меня не расслышала, – она прошла в конец загона и стала раскидывать чертополох голыми руками. Ее рукам ничто не причиняло боли: ни чертополох, ни колючие концы проволоки, втыкаемой в цветы; ни даже жгучий мороз.

Она отправилась в небольшую пристройку, где мы держали сорокачетырехгаллонную бочку с зерном. Я завела вновь:

– Мама, почему ты...

– Я слышала.

Она зачерпнула зерна – многовато; стряхнула лишнее назад. Мы молча наблюдали, как зернышки барабанят по стенкам бочки. Мама

вернулась в загон и насыпала зерно на чертополох длинной широкой дугой.

Ответит или нет? Непонятно. Оставалось только ждать.

Повесив черпак, мама уперлась руками в бедра и спросила:

– Ты хочешь знать, почему я всех кур зову Рут?

– Да, скажи, пожалуйста.

Я вдруг почему-то пожалела о своем вопросе.

Она устремила взгляд через бычье пастбище, за пруд, куда-то в серую даль, затем шмыгнула носом.

– Давным-давно у меня... был еще один ребенок.

Мама посмотрела вниз, на пустую тачку, опять шмыгнула носом. Помню, я подумала – хоть бы не простудилась. Мама никогда не болела. Кто будет о нас заботиться, если она заболит? Или умрет?

– Малышка по имени Рут.

– Еще один ребенок?

Мама облизнула губы.

– Да. Только она умерла.

– Что значит «умерла»?! Как?

Она взялась за ручки тачки.

– Это случилось... до твоего рождения. Несчастный случай. Помочь никто ничем не мог. Ужасная случайность. Несчастье. Рут умерла... – Мама сглотнула. – Еще до рождения. Мертворожденный младенец.

Мне было всего одиннадцать лет, а слова «мертворожденный младенец» звучали как страшный грех. Слова, которые шепнет длинноногая старуха со вздутыми венами на ногах и убогой душой; слова, которые подхватят другие люди и разнесут по сельским дорогам быстрее, чем крысы разносили чуму, – и тогда об ужасном грехе узнают все.

Мамины слова звучат в моей голове по сей день, особенно «до твоего рождения». У меня могла бы быть старшая сестра.

– Я упала, понимаешь. Со ступеней у задних дверей.

По ее щекам стекал дождь, но я ждала, слушала молча. Это я умела.

– Я была беременна, на последних сроках. А если на последних сроках... поскользнуться... невозможно удержаться от падения.

Она посмотрела на меня, я не издала ни звука.

– Об этом всем известно. – Ее голос был не бежевым, как обычно, а светло-голубым. – К счастью, рядом находился твой отец. Прямо за спиной. Иначе умерла бы не только Рут.

Больше ничего говорить не требовалось. Я понимала.

– Он тебя толкнул, да? Потому малышка Рут и умерла?

Маме следовало бы возразить сразу, но она этого не сделала. Затянула с ответом на долгие полсекунды.

– Нет! Нет-нет. Он позвонил доктору, спас мне жизнь. Однако, когда я очнулась в больнице, малышка Рут, ну, она...

– Уже умерла, – закончила я.

В шее, где-то пониже затылка, вспух и лопнул густо-лиловый пузырь ненависти, растекся по телу.

Мама подхватила тачку.

– Это был несчастный случай, Джой. Я поскользнулась, вот и все. Мы должны жить дальше, будто ничего не произошло. – Мама нахмурилась. – Никогда об этом не упоминай. Особенно с отцом. Он очень расстроится. И ни с кем посторонним. Ни с кем.

Я стояла неподвижно, мои холодные пальцы крепко цеплялись за проволочную изгородь, удерживающую в плену всех живых Рут, а мама удалялась, толкая перед собой тачку. Брела прочь по бычьему пастбищу, взмахивала мотыгой, вновь наполняла тачку чертополохом. Перед самым чаем она превратилась в дрожащее пятно, синее с темно-зеленым. Недостигаемое. Временами даже невидимое – когда серый дождь падал под определенным углом.

Я заперла куриный загон и посмотрела на Рут, клюющих чертополох с зерном. Вспомнила десятки Рут, обезглавленных, запеченных и съеденных. Теперь я знала, что была еще одна Рут, первая. Моя сестра. Я ни капли не поверила в «ужасную случайность», в то, что мама поскользнулась и что отец оказался с ней рядом «к счастью».

Однако дурочкой я не была, понимала – надо делать, как сказала мама, и не упоминать о «несчастье».

А как же ненависть, расползающаяся по моим венам?.. Что ж, она никогда не исчезнет, и однажды я заставлю отца страдать за то, что он сделал с Рут.

Я вошла в дом. Убийца моей сестры сидел за столом в ожидании обеденного чая, который предстояло готовить мне, ведь мама копала

чертополох. Наполняя чайник, я украдкой глянула на убийцу Рут, и лиловая ненависть расплзлась шире.

Я положила два ломтика лимона на тарелку, отнесла ее на стол. Залила кипятком заварочный чайник. Руки дрожали, я уговаривала себя: «Осторожно, осторожно». Отец наблюдал, как всегда. Ждал, чтобы я совершила ошибку.

Даже сосредоточившись на приготовлении чая, я думала о малышке Рут. Какой красивой она была бы, как дарила бы мне подарки на день рождения: книжные закладки или даже книги...

Бедная малышка Рут. У нее не было ни первого дня рождения, ни тем более одиннадцатого, как у меня.

Я долила в чашку молока. Умерший еще до рождения младенец наверняка молочно-белый, мягкий и нежный. Не то что липкие мертвые телята, которых ветеринар вытаскивает из коров веревкой. Они окостенелые, холодные и угловатые. Малышка Рут выглядела прелестной и мягкой, хотя я видела, как тяжело она борется за жизнь внутри нашей мамы: отчаянно пытается добыть еду из пуповины, вдохнуть, спастись от криков и ударов, проникающих в мамин живот. Отчаянно пытается вырастить ручки и ножки, пальчики и ногти, душу. И в конце концов отказывается от борьбы. В том самом месте, где росла и боролась я, откуда я все-таки вырвалась – к дыханию, к жизни, к грязи и курам, к коровам и дождю, к страху. К книгам. И образам слов, расцветающим в моей голове... Кто же из двоих младенцев в утробе выбрал правильное решение, Рут или Джой? Я никак не могла определиться.

– Ну?! – прорычал отец. – Мне что, весь день ждать?

Я поболтала чайником, начала наливать заварку. Слабая...

– От тебя никакого толку!

Помню, я вращала чайник и рассуждала – как, интересно, поняли, что малышка Рут умерла? Кажется, теперь заварка получилась слишком крепкой. Я плеснула ее в чистую чашку, понесла к столу. «Осторожно, осторожно».

– Быстрее!

Я вздрогнула, чай хлопнул на блюдце. Отец наблюдал за тем, как я достаю другое блюдце. «Господи, прошу, помоги мне вести себя осторожней. Ибо Твое есть царство, и сила и слава...»

– Вот, папа.

«Во веки веков. Аминь».

– М-м-м...

Я стояла возле раковины, ждала, пока он допьет чай с печеньем, и постоянно думала о Рут, Рут, Рут.

Наконец скрипнул по линолеуму отодвигаемый стул, отец ушел, и я за ним убрала.

Вот если б Рут не умерла внутри мамы, думала я, у меня была бы старшая сестра, на которую я равнялась бы, которая помогала бы мне с уроками, за которой я скакала бы в курятник за яйцами и засыпала ее вопросами. Рут с притворным недовольством оглядывалась бы и восклицала: «Джой, еще один вопрос про луну, и я, честное слово, просто закричу!» И мы дружно хохотали бы.

Старшая сестра, которая решала бы все мои проблемы... за которую я могла бы цепляться, когда отец впадает в ярость.

Однако позже, покрывая яйца воском на зиму, я осознала собственную глупость. Я никогда не хохотала бы с Рут и не цеплялась за нее, ведь, будь малышка Рут жива, родители ни за что не сделали бы меня. Это *Рут* покрывала бы воском яйца, *Рут* готовила бы отцу дневной чай, *Рут* делала бы все. И, в отличие от меня, делала бы идеально.

На самом деле я – всего лишь замена Рут. Причем замена плохая, уродливая. Неудивительно, что отец меня ненавидит.

Ночью, свернувшись калачиком в постели, я мысленно видела, как врачи достают из мамы мертвую малышку Рут и выбрасывают ее в мусорный бак наподобие нашего, куда они отправляют разные больные, гниющие и уже ненужные части тела: ампутированные ноги, лопнувшие аппендиксы, инфицированные миндалины, отмороженные ногти и пальцы. Иногда врачам приходится поправлять какую-нибудь ногу или руку, укладывать под другим углом – и лишь тогда поджигать свернутую бумажку и закидывать ее в бак следом за ненужными частями тела и мертвыми младенцами.

Даже в разгар этих диких фантазий я заставляла себя представлять малышку Рут в Раю, где она становилась сильнее и здоровее с каждым днем.

Я дрожала под одеялами. В доме всегда стоял холод. Я не раз думала – наверное, в Аду будет приятнее, там-то жарко и дожди не льют. Думала – и тут же молилась о прощении.

Если б Рут была здесь! Если б только сильная, здоровая, красивая Рут была здесь! Если б Господь послал ее меня спасти, как послал Своего сына спасти человечество...

Я шепнула в холодную ночь:

– Рут, вот бы ты не умирала... Оставалась бы со мной...

Рут. Красивое имя, блестящее и гладкое, а образ у него – длинный, сверкающий серебром спуск. Не то что мое собственное рубленное имя, звучащее как презрительный плевок и выглядящее как ржавая терка. Я ненавидела этот образ.

– Рут, – вновь шепотом позвала я. – Ты на Небесах?

Открыла глаза – и в темноте увидела Рут. Она стояла передо мной: мягкие черты лица, голубые отцовские глаза, маленький носик в коричневых веснушках, словно мама присыпала его мускатным орехом. Длинные элегантные пальцы, белое хлопковое платье с пояском, удобно охватывающим тонкую талию. Я даже поняла, что Рут носит бюстгальтер. И никогда не мерзнет. Она была так аккуратна, изящна и серьезна, что могла бы рекламировать пылесосы...

Если б не фиолетовое родимое пятно, тянущееся от левого уголка рта через левую щеку на глаз и исчезающее под волосами. Однако я знала: если смотреть только на правую сторону лица, то родимого пятна не видно, и Рут можно принять за ангела с Небес.

– Рут? Что ты здесь делаешь?

– Я пришла тебя спасти. – Она улыбнулась, родимое пятно вспучилось.

Голос звучал, точно шелест папиросной бумаги, а родимое пятно шевелилось в такт губам. Рут говорила спокойно, уверенно, и липкие черные угри в моем бедном сердитом испуганном животе задрожали и съезжились. Чутьочку. Однако этого хватило.

Рут поведала мне о Рае, где всегда солнечно и люди смеются день напролет. Еды там вдоволь на каждого, в спальнях не гуляют холодные сквозняки, а линолеум не скрипит. Бог с Иисусом сидят на тронах, а Святой Дух находится повсюду, источая любовь и счастье. Бить детей не позволено никому, ни кулаком, ни ремнем. Тех же, кто бьет, отправляют в Ад, где царят тьма, жара и вечные муки, как и говорил Преподобный Брейтуэйт.

– А книги на Небесах есть?

Рут раздраженно отмахнулась.

– Ну конечно, есть, но я пришла не про книги разговаривать. Я пришла из-за отца... Отца нашего, которого на Небесах *нет*.

Помню, я подумала – до чего остроумная игра слов!

– Из-за отца, убившего меня, – продолжала Рут, и теперь ее голос звучал шелковисто {взбитые сливки}. – Понадобится немало времени, но я тебе обещаю: мы отомстим.

Мне хотелось обнять Рут, мою чудесную нерожденную сестру из Рая, хотя сделать этого я, конечно, не могла. Зато я напомнила ей: «Говори тихо, чтобы родители нас не услышали». Ей-то наказание не грозило. Ей можно было не бояться ни отца, ни его ремня. Ни даже Ада. Она ведь уже умерла и попала в Рай.

Впервые в жизни я уснула, чувствуя себя любимой и не такой напуганной.

* * *

Вытираю глаза. Не время раскисать и лить слезы, даже по Рут. О многом надо позаботиться, многое проконтролировать. При следующей встрече с Шепардом я сумею убедительно изобразить горе по умершему отцу – просто вспомню о том, что он сделал с мамой и сестрой.

Задумываюсь. Правильно ли я тогда поступила, впустив в свою жизнь Рут? Хотя, конечно, в одиннадцать лет я, маленькая и перепуганная, не подозревала, *что* она заставит меня делать.

Глава 56

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Через четыре дня после исчезновения Венди Джой несла в кухню яйца и вдруг услышала тихий разговор родителей. Замерла – наверняка обсуждают Венди.

– Это ужасно. Никогда не думала, что в наших краях может произойти подобное, – сказала мама. – Придется сообщить детям.

– Ясное дело, – ответил отец. – Об этом будут судачить все. Мы не смогли бы скрыть от детей даже при всем желании.

Венди нашли?

– Они очень расстроятся... – мама вздохнула. – Особенно Джой.

– Переживут.

Скрипнул линолеум. Значит, отец сейчас выйдет. Джой открыла двери и увидела, как он берет пакетик засахаренного ананаса из корзины, полученной в подарок на Рождество от мисс Бойл. Она всегда дарила огромную корзину любимых маминых лакомств.

После ухода отца Джой с мамой вымыли посуду. Девочка знала, что мама сейчас сообщит новости про Венди – и что новости эти нехорошие. Однако мама хранила молчание. Возможно, ждала обеда, когда Марк вернется от Уоллесов, разводящих хорьков. Отец заставил Марка сходить туда и заплатить за новых хорьков, которых доставят на следующей неделе. Это было наказанием за то, что он признался в чужом проступке.

Когда Джой вытерла и убрала последнюю чашку, мама принялась с особым рвением скрести подставку для сушки. Обронила:

– Хочу тебе кое-что сказать.

– Про Венди? – слабым испуганным голосом спросила Джой, угри в животе насторожились. – Ее нашли?

– О, нет. Не нашли, но найдут обязательно – и с ней наверняка все будет хорошо.

Джой горестно кивнула.

– Нет, я хотела сообщить тебе... в общем, мистер Ларсен... мистер и миссис Ларсен... уезжают.

– Что?!

Этого Джой никак не ожидала. «Им нельзя уезжать. Мистер Ларсен должен приносить шоколадки, звонить Берил и смешить тебя!»

– Не переспрашивай «что?». Ты же знаешь, это раздражает отца. – Мама начала тереть раковину. – Они переезжают. В большой город.

Наверняка из-за Берил, только мама не скажет. Джой молча ждала.

– Не знаю, как тебе объяснить, да ты и не поймешь, наверное. Однако все будут обсуждать... ситуацию, поэтому мы не смогли бы скрыть ее от тебя, даже если б захотели... Словом... Мистер и миссис Ларсен... разводятся. И мистер Ларсен... женится на другой.

Разводятся? Это ужасный грех. Разве нет?

Джой подозревала, что на этом мама остановится, но хотела выяснить про Берил. А потому спросила, рискуя получить отповедь:

– Почему?

Мама села за стол и, к удивлению Джой, жестом велела ей сесть тоже. Распечатала пакетик засахаренных фруктов.

– Мистер Ларсен гораздо старше меня – и твоего отца. Давным-давно, когда я еще только родилась, мистер Ларсен ухаживал за одной девушкой. В те времена это означало, что он навещал ее дома, днем, по воскресеньям, в присутствии семьи.

Мама вздохнула, откусила ананас.

– Тогда все было по-другому. Мистер Ларсен ухаживал за Берил – («Я так и знала!» – подумала Джой) – около года. Иногда угощал ее мать шоколадом. – («Ну конечно!»). – Еще встречался с Берил по субботам в парке. В конце концов мистер Ларсен захотел на ней жениться.

Мама взяла засахаренный инжир и протянула пакетик Джой. Та выбрала вишенку, сунула в рот.

– Почему же не женился?

– Он отправился за разрешением к отцу Берил. Она в тот день уехала в гости к каким-то родственникам. Мистер Ларсен объяснил, что у него хорошая работа в банке, и добавил: «И я пришел просить руки вашей дочери». Ее отец ответил: «Что ж, желаю удачи», – и пожал мистеру Ларсену руку. Тот поблагодарил и уехал. – Мама отправила в рот оставшийся кусочек инжира. – Тогда все делалось именно так.

– Так он женился на Берил?

– Через два дня от ее отца пришла записка о том, что он собирается объявить о помолвке в «Аргусе» на следующей неделе.

Мама посильнее надорвала целлофан на корзине мисс Бойл, открыла жестяную баночку глазированной арахиса, высыпала немного себе в ладонь.

– И что дальше?

– В день публикации объявления начальник мистера Ларсена сходил купил газету, собрал всех сотрудников и прочел им: «С огромным удовольствием... тра-ла-ла... счастливы объявить о помолвке своей дочери Барбары Элизы с мистером Робертом Ларсеном».

– Что?!

– Да. Барбары.

– А как же Берил?

– Мистер Ларсен вспомнил, что в день встречи с ее отцом тот поторапливал гостя закончить разговор, и никто из них не называл Берил по имени.

– Мистер Ларсен, конечно же, сказал отцу Берил про ошибку?

– Нет. Это было бы очень унижительно для Барбары. И для Берил. Не говоря уж об унижении и тех, и других родителей в случае, если бы мистер Ларсен после всего взял да и женился на Берил. Вышел бы скандал, а бедный старый Роб – мистер Ларсен – слишком славный человек для того, чтобы устраивать скандалы.

– Так он женился на Барбаре?

– Да, он женился на миссис Ларсен.

– Но... почему? Это несправедливо.

Мама склонила голову набок, легонько пожала плечами.

– Несправедливо, однако ничего не поделаешь. Берил же... Она так и не вышла замуж. – Мама отправила в рот новую порцию арахиса. – Полагаю, Барбара надеялась, что рано или поздно мистер Ларсен ее полюбит. – Мама вновь пожала плечами. – Возможно, они и сумели полюбить друг друга. Что бы там ни писали в твоих книгах, брак не всегда держится на любви. Так было раньше, так есть сейчас и будет всегда. Никому не известно, что творится в чужой семье.

– Почему же они уезжают? – спросила Джой.

– Потому что, – мама тяжело вздохнула, – у мистера Ларсена рак. Ему недолго осталось жить. Они с Берил отправятся в Мельбурн, где лечат лучше.

– А миссис Ларсен? И Колин?

– Ну, *по легенде*, они переезжают в Мельбурн все вместе. Однако это не так. Я не сомневаюсь, что Колин захочет видеться с отцом и... быть с ним рядом в последние минуты, но... – Мама помолчала. – Я лишь знаю, что общественный комитет устраивает для них прощание. – Она хмыкнула. – Ничего глупее не слышала.

Глава 57

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. После долгой болезни Джордж отправился в концертный зал Господа нашего. Пусть пианино больше никогда не заглушает твою гитару. Твои собратья-оркестранты Морис (Джонни Би Бэд), Алан, Джон и Берт

– Доброе утро, Шеп.

Алекс как раз отпирал участок. Оглянулся, увидел сияющую Вики.

– В чем дело?

– Хочу кое-что показать.

Она пролетела мимо Шепарда и, шмыгнув за конторку, устремилась к его кабинету. Села перед письменным столом, обмахиваясь картонной папкой.

Раздраженный хозяйскими манерами Вики и ее фамильярным обращением, он опустил в кресло по другую сторону стола и вопросительно поднял брови.

– Итак?..

Она извлекла из папки два листа бумаги, хлопнула ими по столу и продолжила обмахиваться.

– Я решила провести собственное небольшое расследование.

Верхний листок представлял собой медицинскую карточку за 1963 год, подписанную «ХЕНДЕРСОН, Джой». Кто-то (Вики?) обвел красной ручкой запись, сделанную доктором Мерриуэзером: «Шрамы на спине, плечах, бедрах. Вероятная причина: ожог кипятком в результате несчастного случая».

Шепард отодвинул в сторону первый лист, глянул на второй. Еще одна медицинская карточка, на этот раз датированная июлем 1960 года. «ХЕНДЕРСОН, Марк». Здесь тоже имелась обведенная красным запись за авторством доктора Нейбора: «Признаки обширных телесных наказаний. Со слов отца – многолетнее антиобщественное поведение».

– Откуда у вас это?

Вики, безусловно, нарушила требование о конфиденциальности, причем дважды: не только просмотрела карточки сама, но еще и показала их постороннему.

– Сделаю вид, что вы меня об этом не спрашивали, Шеп. Так мне не придется вам лгать. – Вики на мгновение перестала обмахиваться и подмигнула. – Или хуже того, рассказывать правду.

Алекс сверкнул на нее глазами, покачал головой.

– Неплохо, а? – продолжала Вики. – То есть, плохо, конечно, что отец избивал несчастных детей до полусмерти, зато хорошо, что я... наткнулась на эти записи. Вот ведь какая штука: поскольку детей осматривали разные доктора, никто не удосужился сложить один плюс один и получить в результате пять.

– Что?

– А то, что оба ребенка – жертвы шокирующего насилия. Обоих нещадно избивали, до ран и шрамов, которые были замечены и даже описаны врачами! Дело происходило в начале шестидесятых, Шеп, задолго до закона, обязывающего сообщать о жестоком обращении с детьми. Тогда все считали периодическую порку нормой. Черт, да некоторые до сих пор так считают! Однако то, что творил со своими детьми этот человек, выходило далеко за рамки эпизодических шлепков.

– Погодите, погодите... Кто вообще такой Марк Хендерсон?

– Брат Джой.

– Брат? Мне не известно ни о каких треклятых братьях!

– Так я и думала... – Вики улыбнулась, словно не замечая негодования Шепарда. – И вот почему.

Она эффектным жестом извлекла из папки еще один листок, швырнула его на стол и прихлопнула пятерней.

Раздраженному Алексу пришлось вытаскивать листок из-под ладони Вики. Это оказалась очередная запись из медицинской карточки Марка. Шепард, не веря собственным глазам, прочел: «24.01.1961 – пропал».

– Пропал?! Что с ним случилось?

Не семья, а черт-те что! Отцы, сестры, братья – пропавшие, убитые, еще какие-то...

– Похоже, он просто сбежал. – Вики выглядела разочарованной. – Собрал кое-какие вещички, снял деньги со своего банковского счета

и исчез. Больше Марка никто не видел. Предполагали, что он отправился в Хобарт, и тамошняя полиция потратила на поиски целых пять минут, но Марку уже исполнилось шестнадцать. В его уходе из дома не усмотрели ничего криминального или подозрительного. Тем более, – она многозначительно посмотрела на Алекса, – все были в курсе, что отец избивает детей до полусмерти.

– Откуда у вас сведения, которых нет у меня? Вы тогда здесь даже не жили.

– Видите ли... – Вики отвернулась к окну. – Я слушаю. Мужчин, женщин... Одна из них могла бы, например, носить имя Элисон Белл и быть, например, вдовой знакомого вам полицейского...

Шепард вновь покачал головой, посмотрел на дату на листке, поморщился.

– М-м... Вот почему я не помню.

Вики сочувственно кивнула.

– Элисон...

– Догадываюсь. Она вам сообщила. Я был в отпуске по семейным обстоятельствам.

– Элисон говорила, что у вас умер отец.

– Почему же Рон не рассказал мне, когда я вернулся?

Вики пожалала плечами.

– Что? – язвительно бросил Шепард. – Неужели вам известно не все?

– Ну, Элисон не знает... – виновато ответила Вики.

– Ничего страшного. – Он поморщился. – Я тогда... несколько зациклился на поисках Венди Боскомб. Вернулся из отпуска примерно через месяц, и Рон передал мне распоряжение управления: мол, нам обоим следует «переключиться». Детективы из Мельбурна считали, что Венди к тому времени либо уже мертва, либо находится далеко от Блэкханта. Нам не за что было ухватиться. Ни улики, ни записки о выкупе, ни свидетелей – одни звонки от психов. Венди просто испарилась.

Шепард потер лоб. История, облеченная в слова, звучала жалко, хотя на самом деле ни он сам, ни Рон не сдались. Просто поняли, что нет смысла ходить кругами без доказательств, – как нет смысла собирать дурацкий пазл для гениев.

Проклятье, теперь еще искать Марка Хендерсона! Шепард ломал голову, пытаясь оживить в памяти опрос Хендерсонов после исчезновения Венди. Бесполезно. Разве упомнишь каждого члена каждой семьи на каждой унылой ферме? К тому же тогда Джордж был для него просто очередным фермером из очередной дыры. Эх, нужно было поднять материалы дела, подготовиться, а не доказывать вину Джой! Так бы и треснул себя – и чертову семейку Хендерсон.

Он повернулся к Вики.

– Ладно, я откопаю отпечатки пальцев Марка и свяжусь с управлением в Мельбурне, вдруг у них на него что-нибудь есть. Однако сперва поговорю с Джой Хендерсон. Что бы там ни показывали в сериалах про убийство, большинство преступлений весьма незатейливы. Найди того, у кого имелись мотив и возможность, кто находился рядом в момент совершения преступления, – и вот он, виновный. Джой Хендерсон подходит по всем параметрам. Особенно на фоне вранья, которое она нагородила про Рут. Если я добьюсь признания от Джой, то Марка даже разыскивать не придется. Что-то она не слишком убивается по отцу.

– Шеп, он был жесток со своими детьми. Сын даже сбежал от этих зверств. А дочь... Вы сами говорили, что Барбара употребила в отношении Джой слово «спаслась». *Спаслась*, Шеп! Будто из плена.

– Употребила, да... Ну а репутация Джорджа Хендерсона, его положение в обществе? Всегда был в церкви, всегда помогал другим, разве не так? – Шепард выудил листок с карточкой Джой. – Тут сказано, что шрамы – результат несчастного случая...

– Тут сказано «вероятная причина», Шеп, «вероятная причина». Я абсолютно уверена – трус Мерриуэзер, царствие ему небесное, написал так, чтобы прикрыть свою ленивую задницу. Он, скорее всего, ходил с Джорджем Хендерсоном в одну церковь. Кроме того, как можно вылить себе кипяток... – Вики выхватила у Шепарда листок и зачитала: – «на спину, плечи и бедра» *случайно*?!

Шепард вскинул руку.

– Согласен. Хотя вы лишь подтвердили мотив Джой – месть. Так что спасибо за ворованные сведения, Вики, я сохраню их в качестве доказательств.

– Вы серьезно, Шеп? Этот человек был чудовищем! – Вики ткнула в листки, которые Алекс аккуратно складывал друг на друга. –

Посмотрите, что он с ней сделал. С ними обоими.

– Я же согласился, Вики. Да, то, что он сделал с ней когда-то, ужасно. Только я должен разобраться с тем, что *она* сделала с *ним* сейчас.

Шепард вновь мысленно пнул себя: почему до сих пор не заглянул в распухшее дело Венди Боскомб, не посмотрел записи о семье Хендерсон? Однако виновна Джой, а не Шепард. Во-первых, она не рассказала ему о брате, да еще о пропавшем. Во-вторых, солгала про Рут. Про что еще? Джой скользкая, как рассерженный угорь. Это она задушила отца ремнем.

– Хотите знать мое мнение? – Громкий голос Вики раздражал.

– Нет, но я догадываюсь. Вы считаете, что я должен спустить Джой с рук убийство отца, поскольку он ее бил. Так вот, это не по закону, Вики. И кстати, когда вы уже закончите чертово вскрытие и подтвердите официально, что Хендерсона задушили во сне собственным ремнем? Прошло три дня, а вы до сих пор...

– Все сделано, Шеп. – Вики шлепнула картонную папку на стол, открыла ее и продемонстрировала обложку отчета о вскрытии. – Только заключение вам не понравится. Хендерсон умер от передозировки.

– Что? А как же ремень?

– Его затянули на шее уже после смерти.

– Проклятье... – Алекс поскреб бровь пальцем. – Ладно, значит, Джой убила не ремнем, а лекарствами, так?

Вики с сомнением поджала губы.

– Вы считаете, она дала отцу смертельную дозу лекарств, а потом затянула у него на шее ремень? Очнитесь, Шеп! Зачем это Джой? Чтобы навести на себя подозрения?

– Или...

Однако мысль, промелькнувшая на задворках сознания, уже испарилась. Шепард вздохнул.

– Ну хорошо, давайте свою теорию. Вы все равно ее выложите, хочу я того или нет.

– Я думаю, Хендерсон убил себя сам. – Вики подняла с пола докторскую сумку, посмотрела на часы. – Простите, мне пора, и...

– Что?! – Шепард нахмурился. – То есть как «убил себя сам»?

– Вы не поверите, но такое случается довольно часто. Счет жизни идет на дни, а то и часы; лекарства лежат рядом на тумбочке;

бесконечная изматывающая боль; жить незачем. Мы никогда не узнаем, намеренно это или случайно.

– Случайно?.. – Алекс ослабил галстук.

Невыносимая женщина!

Вики вздохнула, опустилась назад на стул.

– А вы представьте. Просыпаешься от боли, глотаешь лекарство, засыпаешь, вновь просыпаешься и глотаешь таблетки, хотя понятия не имеешь, сколько прошло времени. Сделай так два, три, четыре раза – в зависимости от препарата, – и ты больше не проснешься. – Вики пожалала плечами. – Зато умрешь без боли. Мучительной смерти ведь никто не хочет. Словом, Джордж Хендерсон точно умер от того, что выпил слишком много лекарств, хотя я не могу сказать, о чем он в тот момент думал.

– И не можете сказать, сам он их принял или его заставили...

– Вы имеете в виду Джой?

– Разумеется, я имею в виду Джой.

– Мы никак не проверим, согласны?

– А история с Рут? Джой старалась убедить нас в том, что это сделала ее сестра. Чуть ли не прямо заявляла – отца убила Рут.

– По-моему, нет, Шеп.

– Ну как же! Сперва выгораживала Рут – мол, та не убивала, – а потом... – Шепард вновь потер лоб, потряс головой. – Слушайте, Джой пытается мною манипулировать. *Нами* манипулировать. Не думайте, она и вас в свои игры втянула.

– Шеп, Джой ведь понимала – вы выясните правду о Рут, как только начнете ее искать, поговорите с соседями, с кем угодно... Понимала, что это лишь вопрос времени.

– М-да... В чем же тогда смысл?

– Смысл есть, если Джой... например, психически больна. – Вики явно обрадовалась подобная перспектива. – Или... травмирована.

– Она не сумасшедшая, уж поверьте. И ей не прикрыться самозащитой. Джордж был при смерти, лежал в кровати и никакой угрозы не представлял. Да у него даже не хватало сил чашку к губам поднести! – Шепард в упор посмотрел на Вики. – По вашим словам, во всяком случае. Следовательно, едва ли он мог устроить себе передозировку.

– Хм-м... Вы не представляете, на какие подвиги способны умирающие, когда им что-то втемяшится в голову. Особенно, если это «что-то» – их собственная смерть. Да-да, я слышу вас, Шеп. И так, сослаться на самозащиту у Джой не выйдет. Однако подумайте, что она пережила в детстве!

Алекс вновь хотел возразить – мол, прошлое не имеет отношения к теперешним поступкам Джой, – но Вики продолжала:

– Мне довелось познакомиться с мужчиной за пятьдесят, который с детства боялся отца. Отец этот лежал в больнице, прикованный к кровати, практически без сознания, и ходил под себя. Я говорила вам, какое счастье – взрослые памперсы, Шеп? Обязательно купите, когда придет время... В общем, старика следовало отправить домой, но все считали, что он умрет со дня на день, не дождавшись разрешения от бюрократов. Старик, конечно, прогнозы опровергал и умирать не спешил. Однажды рулю я, значит, в больницу, и вдруг какой-то идиот перебегает дорогу прямо перед моей машиной. Я еле успела затормозить. Выскочила обругать недоумка – и обомлела. Перед мной стоял тот самый старик, только на тридцать лет моложе. Я предложила подвезти его в больницу. Ох и красавчик он был, скажу я вам...

– К чему вы клоните?

– По дороге этот мужчина начал дрожать. Больница стояла на вершине холма, к ней вела извилистая дорога, по которой...

– Вики! – Шепард постучал по циферблату часов.

– Да, он, значит, дрожит – заметно. Я спрашиваю, в чем дело, а мужчина отвечает: «Ни в коем случае не оставляйте меня с ним наедине». Так и говорит, Шеп. Слово в слово. Я объясняю: отец его безобиден, и все, что он сделал сыну в прошлом, осталось там, в прошлом.

– Вот и я о том же. Все, что Джордж сделал или не сделал Джой двадцать лет назад...

– *Послушайте*, Шеп. – Вики встала, нависла над столом, упершись в него пухлыми ладонями. – Этот мужчина по-прежнему испытывал ужас перед отцом. Смотрел на меня и твердил: «Не. Оставляйте. Меня. Наедине. С ним». Мне больше нечего добавить. – Она села, скрестив руки.

– Черт, Вики... Он, наверное, просто боялся совершить то, что совершила Джой: отомстить папаше, убить его...

– Шеп-Шеп-Шеп... Вы не понимаете? Разум бедняги был *заражен* тем, что с ним сделал отец. Речь не о сумасшествии, а о психологической травме. Мужчина на шестом десятке до дрожи боялся отца, которого не видел тридцать лет! А Джой всего тридцать с хвостиком.

– Это не меняет тот факт, что...

Шепард раздраженно мотнул головой в ответ на звонок телефона, поднял трубку. Вики наблюдала за тем, как лицо Алекса постепенно багровеет. Наконец он выдал:

– Я перезвоню, мисс Хендерсон.

Бросил трубку и взорвался:

– Господи! Джой просит вернуть ремень! Зачем ей чертов ремень, Вики? Объясните мне, ради бога, что происходит в ее «травмированных» мозгах? Отсутствием наглости она точно не страдает! О том, что ремень не является орудием убийства, вы сообщили только мне. С чего тогда Джой решила, будто у меня нет оснований оставить ремень у себя?

– Я не психолог, Шеп. На ремне были ее отпечатки?

Шепард покачал головой.

– Он очень старый, в трещинах, ни одного приличного отпечатка. Я отправил в Мельбурн отпечатки с лекарственных пузырьков, но даже если они принадлежат Джой, это ничего не докажет. – Он вздохнул. – Только не говорите, будто Джордж сам затянул ремень на своей шее.

– Нет. Хотя ситуация интригующая, правда? Наводит на мысли. Похоже, мы еще не все знаем о Хендерсонах. Надо бы покопаться. Тем временем вы вполне можете вернуть ремень Джой, раз он не орудие убийства. Понаблюдаете, что будет.

– Наверное... Но, хоть он и не орудие убийства, я по-прежнему уверен – Джой убила отца.

– Тогда почему вы ее не арестуете?

– У меня нет доказательств. Вы ведь утверждаете, что она не душила его этим чертовым ремнем! – Алекс раздраженно уставился на жизнерадостную Вики.

– Мне больше нечего добавить. Опять.

– М-м... А если на лекарственных пузырьках не найдут отпечатки Джорджа? С моей точки зрения, это докажет, что именно Джой скормила ему таблетки в ту ночь!

– Готова поспорить, все пузырьки окажутся в его отпечатках...
Все, мне пора к пациентам.

Шепард проводил взглядом Вики, отодвинул картонную папку и достал пакет со злополучным ремнем. Пожалуй, стоит его вернуть – лишь затем, чтобы добиться от Джой рассказа о последней ночи в жизни ее отца.

Глава 58

Джой и Рут

Новый год, 1 января 1961 года

Радостная миссис Фелисити отрезала пять гигантских кусков от огромного шоколадного торта по случаю дня своего рождения.

Неужели они и правда будут есть торт перед обедом? Маленькими вилками? «Смеха ради», – заявил Барри, который относился со смехом ко всему. Надо только дождаться возвращения Барри и мистера Фелисити с подарками для миссис Фелисити.

– Джой, милая, Фелисити говорила, что у твоей мамы цветочный бизнес, но это ведь не тот магазин, который в городе?

Джой, никогда не думавшая о маминой работе как о бизнесе, покачала головой.

– Мама делает все дома, в одной из комнат. – Ей хотелось создать впечатление, будто она тоже живет в большом доме. – И цветы в основном выращивает сама.

– О боже, а я передала ей розы!.. Боюсь, твоя мама сочла меня ужасно невоспитанной.

Однако испуганной миссис Фелисити не выглядела и продолжала расспрашивать:

– Что она выращивает?

– Да все. Розы, камелии, маки, гипсофилы...

– Гип-кого? – удивилась Фелисити.

– Это такие растения... у них облака крошечных белых цветочков на очень тонких стеблях, будто снежинки, и...

– Жди здесь! – крикнула Подруга и выскочила во двор.

Вернулась она с маленьким белым котенком, который упирался передними лапками ей в подбородок.

– Джой, познакомься со Снежинкой. Снежинка, это Джой, моя лучшая подруга.

Джой не успела насладиться словами «лучшая подруга», поскольку вмешалась миссис Фелисити:

– О, Джой, ты только послушай, умрешь со смеху...

Оказывается, вчера в школу верховой езды одна девочка принесла коробку с котятами и стала всех умолять: пожалуйста-пожалуйста,

возьмите себе котенка. Фелисити выбрала Снежинку – за белый окрас без единого пятнышка. Дома спрятала ее под свитер, пошла в кухню и по дороге стала думать, как бы сообщить о котенке маме. Только Фелисити не знала, что хвостик Снежинки торчит из-под свитера на всеобщее обозрение. Миссис Фелисити спросила у дочери, не было ли у них сегодня на занятии слонов. Когда озадаченная Фелисити ответила «Нет», миссис Фелисити поинтересовалась: «А жирафов?» Фелисити опять сказала: «Нет». Миссис Фелисити, с трудом сдерживая смех, продолжала: «Львов? Тигров?» Фелисити качала головой, а Снежинка качала хвостиком. В конечном итоге миссис Фелисити указала на живот дочери, та посмотрела вниз и увидела гуляющий туда-сюда белый хвост. Обе прыснули. Фелисити достала Снежинку и налила ей теплого молока в белое блюдце.

Пока мать с дочерью рассказывали эту историю, хохоча и перебивая друг друга, Джой лишь таращила на них глаза. Наконец миссис Фелисити перестала смеяться и спросила:

– Что случилось, милая?

Джой выдавила:

– А что сделал мистер Фелисити?

– Рассмеялся, конечно! – ответила Фелисити.

Джой отчетливо услышала в конце предложения большой розовый восклицательный знак.

Фелисити отнесла котенка в кухню. Джой гладила Снежинку, пока та ела холодного запеченного цыпленка из блюдца на полу, – оно теперь все время там стояло. За обедом Фелисити скормливала Снежинке кусочки со своей тарелки, хотя мистер и миссис Фелисити то и дело повторяли:

– Сегодня она ест в столовой в последний раз, Фелисити.

Джой наблюдала за жующими, болтающими и смеющимися домочадцами и думала о том, что сделал бы отец, принеси она домой котенка.

Он сунул бы котенка в мешок, завязал его узлом и понес на пруд, рассекая резиновыми сапогами высокую траву, которая на будущий год станет сеном, и колотя мотыгой по земле, отпугивая змей. Он велел бы Джой пойти с ним, чтобы та прочувствовала последствия своего эгоизма. На высоком берегу сунул бы мешок ей в руки и заставил швырнуть в пруд как можно дальше. Не разрешил бы уйти, пока мешок

не потонет. Приказал бы смотреть, безучастный к ее слезам и бранящийся из-за потерянного времени.

На следующий день в школе Джой рассказывала бы Дениз Поллард о том, как хорошо живется у них Тигру, сколько внимания и любви он получает. Две недели сочиняла бы для Дениз истории: мол, по вечерам Джой гоняет с Тигром клубок шерсти; когда она возвращается домой, Тигр с мурлыканьем бежит ей навстречу; он спит на ее кровати, растет с каждым днем, и ветеринар даже делал Тигру уколы, когда приходил доставать из Веснушки застрявшего теленка. Через две недели пожаловалась бы, что Тигр исчез – то ли попал в лапы лисе, то ли съел крысиного яду. Притворялась бы огорченной, причем без труда: просто вспоминала бы свои чувства, когда отец заставил ее швырнуть мяукающий мешок в пруд. Дениз предложила бы взять котенка из следующего помета, но Джой ответила бы: «Спасибо, ты очень добра, только я еще в печали и не готова к новому котенку». И это было бы правдой.

Вот как поступил бы отец Джой.

* * *

После обеда играли в шарады. В ответ на признание Джой, что она никогда не слышала о такой игре, миссис Фелисити ахнула.

– Тебе понравится, милая. Игра как раз для тебя.

Через три раунда, выигранных девочками, Барри притворно надул губы.

– Нечестно! Двое против троих. В следующий раз бери с собой брата, Джой; вот тогда посмотрим, кто победит.

Джой сидела в гостиной семейства Фелисити, разглядывала мебель из массивного дерева, ковер в пестрых узорах, полки с книгами и понимала – вот она, семья, которая скрывалась за пеленой тумана. Наконец-то обретенная семья. Единственное отличие от фантазий состояло в том, что ей всегда приходилось возвращаться в свой настоящий дом.

В ту ночь Джой приснилось, как она сует мяукающего отца в мешок, завязывает его узлом и швыряет в пруд, после чего потирает руки, словно Понтий Пилат.

Джой проснулась от невыносимого чувства вины и услышала шепот Рут:

– Ничего страшного, не переживай. Однажды мы его убьем, обещаю. Не сейчас, но убьем обязательно.

Глава 59

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Грустное прощание с многоуважаемым членом нашего комитета, большим любителем и знатоком садоводства, неустанно делившимся своими знаниями. Нам будет его очень не хватать. Глубокие соболезнования семье. Совет округа Блэкхант

Шепард положил на стол бумажный пакет для вещдоков, недовольно покосившись на опущенные жалюзи, из-за которых в кухне царил полумрак. Джой заваривала чай. Он ощущал ее нервозность, ее тоску.

Или то была его собственная тоска?

– Итак... Вики уверяет, что вашего отца убили не ремнем. Однако вы об этом уже знаете.

Он наблюдал, как Джой наполняет чайник водой, включает его. Высматривал какой-нибудь уличающий знак – дрогнувший уголок губ, бегающий взгляд, едва заметное глотательное движение... Хоть что-нибудь, что угодно.

– Мне очень интересно, *когда* же вы узнали про ремень? Сегодня, после разговора с Вики? В то утро, когда обнаружили отца мертвым? Или раньше, когда набросили ему ремень на шею?

– Хотите коржиков?

Алекс проигнорировал вопрос.

– Хочу сообщить вам два факта. Первое: я знаю, что вы убили отца. Если не чертовым ремнем, то обезболивающими. Второе: я пока не смог этого доказать, но докажу обязательно.

Джой поставила на стол тарелку с коржиками и ответила:

– Никогда не докажете, детектив, потому что я отца не убивала.

Шепард потянулся к коржикам и подумал – хоть бы их пекла не миссис Ларсен.

– Ну, не Рут же его убила, правда? – буркнул он.

Проклятье. Само вырвалось. Хотя зачем сдерживаться?
Джой достала две чашки и блюдца, открыла холодильник.

– Молоко? Сахар?

– Арестовать *ее* я точно не могу.

– Вы вернете ремень? Раз уж он не является орудием *убийства*?

Шепард решил поддержать игру и не отвечать на последний вопрос.

– Молоко и один сахар, пожалуйста.

Джой разлила молоко по чашкам, Шепард заметил, что она дрожит. Боится его. Или еще чего-то. Вспомнился рассказ Вики о пятидесятилетнем мужчине, боявшемся умирающего отца. Отец Джой уже умер – значит, дело не в нем. Дрожит, потому что виновна?

Она накрыла заварник жутким розовым чехлом, отключила от питания электрический чайник. Убрала молоко в холодильник и принялась сосредоточенно взбалтывать заварку, возя чайником по рабочему столу. Руки ее дрожали не переставая. Плеснула в чашку немного чая, взгляделась в льющуюся из носика коричневую струю, затем продолжила возить чайником по столу. Шепард ждал, смотрел. Он будет терпелив. Спокоен. Безмолвен.

Потому что Джой вот-вот расколется.

Она вновь плеснула немного чая, изучила его и, удовлетворившись крепостью заварки, наполнила обе чашки. Одну поставила перед ним. Затем по очереди перенесла с рабочего стола на обеденный сахарницу, свою чашку с чаем и ложечку для Алекса. Он явно был свидетелем некоего строгого ритуала.

Когда Джой села, Шепард сделал глоток и решил, что пора брать быка за рога.

– Послушайте, Джой, давайте вы просто расскажете, что произошло?

Она тоже сделала глоток, словно дождавшись своей очереди.

– Чай советуют пить для охлаждения. Странно, да? Никакой логики.

Теперь Шепард злился на себя. Он проделал немалый путь – якобы просто привез ремень, на самом же деле решил добиться от Джой правды, – а они тут распивают чай, словно пара старых коров, жующих травку на лугу...

– Правду, Джой.

Она опустила чашку.

– Думаю, он покончил с собой.

– Хм-м...

Шепард поджал губы, будто всерьез размышляя над этим предположением; будто Вики его еще не озвучивала.

Сидели в тишине, прихлебывали чай. Ничего, подождем. Терпение и молчание – два самых надежных инструмента следователя.

Алекс даже откусил коржик. Точно, миссис Ларсен пекла. Джой сидела напротив, пила, но не ела, не разговаривала. Испытывала его терпение.

Ничего у нее не выйдет. Если он правильно разыграет карты, изучит и верно расположит кусочки пазла, то услышит признание.

Однако чаепитие в тишине продолжалось, и Алекс злился все сильнее. Звяканье чашек, опускаемых на блюдце после каждого глотка, выводило из себя и становилось все громче. Духота и жара в кухне усиливались. У камина стоял вентилятор, но выключенный. Казалось, Джой спланировала всю эту сцену, словно небольшую причудливую диораму, чтобы выбить полицейского из колеи. Он снова откусил коржик, их взгляды на мгновение встретились, и Джой хватило наглости слегка улыбнуться.

Шепард глотал чай и рассматривал кухню, будто ему удобно, прохладно и спокойно. Джой же очень занимали невидимые крошки на столе.

Наконец она собрала пустые чашки с блюдцами. Больше не дрожит, отметил Шепард. Уверена, что перехитрила его? Неужели искренне считает, будто можно совершить убийство, бросить: «Думаю, он покончил с собой», – и умолкнуть?

Черт возьми. Надоело ходить вокруг да около. Надо выяснить с ней отношения – причем по-настоящему. Его уже тошнит от продуманной лжи и вежливых отвлекающих маневров в виде чая с коржиками. Пора менять курс.

Он стукнул ладонью по столу и гаркнул:

– Хватит, Джой! Сидите тут, понимаешь, и спокойно заявляете: «Он покончил с собой», – а ведь его убили вы, пока он лежал беспомощный вон там, в своей... – Шепард резко встал, отодвинув стул, линолеум под ним взвизгнул, – ...комнате!

Джой дернулась на полпути к раковине, выронила посуду. Громко втянула воздух, глаза стали огромными, испуганными.

– Что вы делаете?! – вскрикнула она и, упав на колени, начала собирать осколки голыми руками.

Долго сдерживаемые мучительные переживания, вызванные исчезновением Венди Боскомб, смертью Рона, безразличием управления, ничтожностью городка, бедностью региона, распухшими губами Джорджа Хендерсона и жесткими безвкусными коржиками, вдруг вырвались из легких Алекса в горячий темный воздух. На этот раз крик был не наигранным.

– *Правду*, Джой! Я хочу знать, как и зачем вы убили отца!

Она глянула на него с ненавистью.

– Почему вы мне не верите?! – В глазах стояли слезы.

Ее слова, хлесткие, горячие, жгли его, стегали, темный дом нависал, стены смыкались вокруг.

– Чего еще вам надо?! Оставьте меня в покое!!! Ничего вы не понимаете!

Алекс думал быстро. Он о таком читал. Истерика, заканчивающаяся признанием. Иногда преступник сознаётся в меньшем преступлении, чтобы ввести в заблуждение полицию – или даже себя самого, – но правда в конце концов всплывает.

Он опустился на колени возле нее, их лица оказались совсем рядом.

– Так расскажите мне, Джой Хендерсон. – Он больше не кричал, хотя голос звучал строго. – Чего именно я не понимаю?

– Вечерами... – шепнула она и умолкла. Перевела дыхание, зажмурилась и продолжила едва слышно. Шепарду пришлось придвинуться еще ближе. – Вечерами он сидел на том стуле, где сидели вы, и если мы нарушали какое-нибудь из тысячи правил, да еще если ветеринар присылал слишком большой счет, а маслозавод – слишком маленький чек, или жаркое из угрей было не по душе... он злился на нас, как только что вы. Стучал по столу, со скрипом отодвигал стул и кричал: «В комнату!» – как вы только что. И этот звук... этот звук...

Джой дважды всхлипнула.

Алекс ждал.

Она вновь перевела дыхание, посмотрела ему в глаза.

– Вы понятия не имеете, что он с нами сделал. Хотя... Я могу показать следы. По крайней мере физические.

Джой с треском рванула воротник рубашки с длинным рукавом, обнажила плечо и верхнюю часть руки. Алекс сохранил бесстрастное выражение лица, но пришел в ужас от толстых красных рубцов. Они сползали с плеча под свободную бретельку бюстгальтера, опутывали руку вверху, будто щупальца красного осьминога. Джой нагнула голову до колен, задрала рубашку на талии, открывая нижнюю часть спины. Шепард заставил себя взглянуть на красную, бугрящуюся плоть.

Джой выпрямилась, подпернула на место воротник порванной рубашки, придерживая его левой рукой. Шепард не находил слов и чувствовал, что она его за это презирает.

– Иногда, – заговорила Джой, глядя ему в глаза, – он заставлял нас ждать больше часа. Естественно, заниматься во время ожидания ничем не разрешалось – оно было частью наказания, долгое жуткое ожидание, – но однажды я начала читать «Ребекку». Больше я подобной ошибки не повторяла.

Шепард не хотел знать, что отец сделал с Джой за нарушение запрета.

– Однажды я, корчась от страха, крикнула отцу, что это Дьявол заставляет его творить такое. Слова вылетели сами собой, я не успела затолкать их обратно. О чем сразу пожалела, но было поздно. – Она вздохнула. – Еще я всегда молилась. «Прошу-прошу-прошу, Господи, не позволяй меня мучить. Останови его. Прошу, пожалуйста, прошу, прошу...» Всегда – эгоистичная молитва. Всегда грешница...

Алекса мутило.

Джой продолжала, словно замороженная:

– Тяжелее всего я переносила незнание: куда попадет первый удар – на плечи, поясницу, ягодицы, бедра? Как только... напряжение... прорывалось, нужно было просто выдержать следующие четырнадцать. После этого он без единого слова уходил. Я благодарила Бога – в буквальном смысле – за то, что все кончилось, и промокала кровь старым полотенцем. Чертовски больно. Когда ложилась в постель, – Джой чуть вздернула подбородок, – Рут шептала мне слова утешения.

Она смела пальцами осколки посуды к блюдцу.

– Однако это было не самое худшее.

Алекс сглотнул. Куда уж хуже?

– Дальше я слышала – в нескольких футах от себя, за стеной, – как он играет на гитаре. Первой всегда шла одна и та же песня. Я лежала в кровати, униженная, напуганная, окровавленная, а он пел, знаете что?

Шепард смог лишь покачать головой.

– «Ты мой солнечный свет».

Он вдруг явственно услышал знакомую мелодию, просачивающуюся сквозь стены дома, – зловещую, пугающую.

– Вот что он с нами сделал. Физически.

Шепард откуда-то сообразил, что следующие слова Джой запомнятся ему навсегда.

– Только вы никогда не поймете, что он сотворил с нами *вот здесь*. – Она постучала указательным пальцем по виску. Трижды. Медленно. – Хотите знать, почему он покончил с собой? Почему мой ой-какой-святой и всеми обожаемый отец лишил себя жизни?

Несмотря на ужас, Шепарда посетила дикая мысль – Джой это репетировала.

Она подалась вперед, почти соприкоснувшись с ним головой, обдала пульсирующим жаром. Алекс не шелохнулся, не вздрогнул, не отпрянул. Пусть говорит дальше. До самого признания.

– Вам скажут – потому что не выдержал физической боли... а она и правда была сильной. Только убил он себя потому, что этого не сделала бы я.

– Не понял.

– Отец попросил дать ему все таблетки, а я отказала. Я больше в жизни не стала бы потакать его желаниям. «Налей еще «Пассионы», завари чай покрепче, брось котенка в пруд, сядь смиренно, веди себя тихо, проси прощения». Боже, вы не представляете, как живется при этом ребенку. Да еще если сверху приправить ремнем... Я никогда не забуду того, что отец сделал с нами, своими детьми, и никогда его не прощу. Не забывай и не прощай, вот мой девиз.

Сколько жгучей злобы! Ему будто лицо опалило.

– В одном вы правы – я хотела убить ублюдка...

Вот оно, признание!

– ...Но только если б он не мечтал умереть сам. Я ему больше не молчаливая слушательница!

Хорошо сыграно, в этом ей не откажешь.

Джой неожиданно пересела с колен на корточки и впила пальцами в лоб.

– До меня дошло... Ублюдок убил себя так, чтобы вы подумали на меня! Чтобы я села в тюрьму. Последняя кара непослушной дочери, отказавшейся его убить. Просто слов нет...

Шепард нахмурился. Джордж Хендерсон определенно чудовище. Не исключено, что Джой права. Или врет? Как же определиться? Она вполне могла устроить грандиозный спектакль, призванный убедить в ее невиновности...

– А ремень? Как вы объясните ремень? – Алекс повысил голос, хотя намеревался хранить спокойствие.

Джой склонила голову набок, вроде как задумалась.

Алекс понимал – кричать больше нельзя, но разочарование и неопределенность сводили с ума. Он-то был уверен, что своим появлением с ремнем – орудием не-убийства – задобрит Джой и добьется от нее правды. Теперь же его уверенность улетучилась.

Шепард уставился на голую стену над столом, за которым они недавно пили чай. На голую стену с небольшим чистым прямоугольником.

И вспомнил.

Прошло очень много времени, он был тогда новичком. Они с Роном по несколько раз заезжали на каждую ферму в радиусе пятидесяти миль от разложенных кукол Венди Боскомб. Рон задавал вопросы, Алекс записывал ответы и любые подмеченные странности: кто из домочадцев украдкой переглядывается, кто избегает смотреть полицейским в глаза, кто слишком приветлив и предупредителен.

Исполнительному констеблю Шепарду показался очень странным один гобелен. Он висел как раз тут, на месте светлого прямоугольника. Воспоминание о той картинке постепенно разблокировало и другие воспоминания. Девочка, настолько тихая, что это даже нервировало. Мальчик постарше, тоже тихий. Услужливая и растерянная мать. Отец – слишком приветливый и предупредительный.

Глядя на пустой прямоугольник, Шепард вспомнил и другое – он переписывал коряво вышитые слова с гобелена в блокнот. Они, наверное, должны были ободрять и утешать, но даже тогда Алекс содрогнулся при мысли о том, что ему пришлось бы расти под этим зловещим посланием, буквально нависающим над головой.

*Христос – глава этого дома
Невидимый гость за столом
Молчаливый слушатель, внимающий всякой беседе*

Как сказала Джой? «Я ему больше не молчаливая
слушательница...»

Глава 60

Джордж и Гвен

Январь 1949 года

С каждым днем напряжение Гвен росло, делалось невыносимым. Шея, плечи, грудь постоянно сжимались в ожидании нового взрыва мужниной ярости. Взрыва, за которым последует удар, пинок или пощечина – сигнал о том, что все вернулось на круги своя.

Примерно через шесть недель после похорон Рут она начала понимать – что-то изменилось. Однако ослаблять бдительность было бы опрометчиво. Вроде следовало радоваться переменам, но страх не отпускал, давил, и скоро Гвен стало казаться, что ее измученный мозг покрыт толстым слоем влажного, медленно застывающего бетона. Или не мозг, а сердце? Она уже не знала.

Джордж, конечно, прав. Марк действительно трудный ребенок, и если ему не привить дисциплину по примеру самого Джорджа, если не принять меры, то мальчик отобьется от рук, вырастет хулиганом, преступником. Джордж, как и двоюродная бабка, твердил: «Детей надо учить правильному поведению», – а он точно понимал в этом больше Гвен. Когда Джордж кричал на Марка, слой влажного бетона в ее голове твердел, лишая доступа к словам. Она не могла ни возражать, ни возмущаться, лишь бормотала невразумительные мольбы.

К тому времени, как Джордж впервые ударил Марка, бетон застыл окончательно, превратившись в непрístupную стену, через которую не проникали даже мольбы. К тому же речь шла о простом шлепке, и, если уж на то пошло, Марк его заслужил – непослушанием. Это для его же пользы. Несомненно.

Когда Джордж впервые взял в руки ремень, Гвен убедила себя в том, что она не догадывается о намерениях мужа, и ушла в мастерскую. Погрузилась в работу: связать проволокой розы, закрутить ленты, внести аккуратные записи в счетную книгу. Ночью она лежала в постели, думала о давнем танце в Уиллшире, о своем неуклонно сужающемся с тех пор пути – и от страха и оцепенения была не в силах признать правду: Гвен испытывала облегчение от того, что на другом конце ремня находилась не она.

* * *

Джой тем временем лежала в колыбели, смотрела и слушала, что за семья ей досталась. Горчично-желтый страх и красные крики Марка проникали в крошечный мозг малышки, ее правая рука взлетала к лицу, пальчики щупали бугорки на фиолетовом родимом пятне, покрывавшем правую сторону лица. Бугорки сойдут раньше, чем Джой исполнится годик, родимое пятно же останется с ней до смерти.

Левая рука Джой тянулась к ее второй половинке. К сестре-близнецу, которая восемь с половиной месяцев находилась рядом.

Однако рука хватала пустоту. Джой была одна.

Глава 61

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. С огромной благодарностью и искренними соболезнованиями семье. Кларис Джонсон

Колени у Алекса болели, но он боялся шевельнуться и все испортить.

– Вы правы. Он не мог сам себя задушить ремнем, – обронила Джой. – Наверное, пора рассказать вам...

Да! Вот оно!

– Каждую ночь, сколько себя помню, мне снилось, что я убиваю отца. За эти годы я изобрела во сне тысячи способов убийства. Отрубить гаду голову, затолкать таблетки против мигрени ему в глотку, запереть с коровами, пусть затопчут его насмерть... – Джой посмотрела ему в глаза. – Ведь, как отец однажды заявил вам и вашему шефу, отчаянных криков из хлева никто не услышит. Из спальни, кстати, тоже.

Шепард одновременно испытывал ужас и ликовал. Сейчас признается! Наконец-то! Вот если б еще колени не выкручивало...

– Проснувшись, я часто не понимала, то ли это был сон, то ли я и вправду умудрилась убить отца, – но он, конечно, неизменно оказывался жив. Обстановка в доме все ухудшалась, и однажды – за день до исчезновения Венди – я подумала, что отец меня убьет. Потом пропала Венди. Кругом только и твердили: надо беречь детей, защищать их от «чудовища». Однако никого не волновало то, что чудовище по имени Джордж Хендерсон творит с собственными детьми. И не говорите мне, будто люди не знали. Знали прекрасно.

Джой словно обвиняла Алекса в умышленном бездействии. Он подумал о записях в ее медицинской карточке, о шрамах, и ему стало не по себе. Разве полицейским не положено защищать людей, особенно детей? Разумеется, до того как Вики показала ему записи, он не подозревал о том, что происходило на этой ферме. А Рон? По утверждению Вики, причину бегства Марка знали все; значит, в их

число предположительно входил и Рон. Знали – и ничего не предпринимали, потому что Джордж являлся старейшиной в проклятой церкви.

– Я часто спрашивала себя, – продолжала Джой, – способен ли отец...

Она не закончила предложение, но Шепард догадался – «убить Венди».

Неужели Джордж причастен к исчезновению Венди? Или Джой намеренно его запутывает?

– После каждого сновидения Рут оказывалась рядом. Она шептала, что однажды это случится наяву. Что рано или поздно мы с ней... – Джой вздохнула. – В шестнадцать лет я уехала. И сны прекратились. Раз – и все. В первую же ночь, проведенную вне дома. Во вторую ночь, в Дарвине, вместо убийства отца мне приснилось, что я нашла Марка.

Она посмотрела на полицейского, поморщилась.

– Я принялась обзванивать каждого Хендерсона из каждой телефонной книги Австралии, у которого имелся инициал «М». Марка среди них не было. Тогда я решила, что он покинул страну. Переехала в Англию и продолжила поиски. Где бы я ни жила, обязательно подключала телефон и вносила номер в телефонную книгу... в надежде, что Марк тоже меня ищет. Ежедневно надеялась – вот сегодня он позвонит, или я случайно столкнусь с ним, нас обоих одновременно притянет в одно и то же место... Глупо, да?

Она вновь начала всхлипывать.

– Годы шли, один за другим, а Марка все не было. В конце концов я опустила руки и вернулась в Австралию. Не успела тут и месяца прожить, как Вики сделала то, чего я ждала от Марка: нашла через справочную мой телефонный номер и позвонила. Спросила, не приеду ли я ухаживать за больным отцом. Что я могла ответить? А вдруг Вики каким-то чудом нашла и Марка, и он тоже приедет? Вдруг я услышу извинения отца, раз он умирает? Или даже прощу его, как знать...

«Или убьешь, – мысленно возразил Алекс. – Ты сама говорила: «Не забывай и не прощай».

– Едва войдя в кухню, я увидела Рут. Очень удивилась. Я не видела ее со времени отъезда, и это, по-моему, логично. Если б не Рут, я умерла бы от страха или безумия, пока жила здесь. Она единственная меня понимала. В ночь после звонка Вики сны про убийство отца

вернулись. Очень яркие сны, что настораживало. После моего возвращения стало плохо, как никогда. Как-то я даже заметила маму – в курятнике. И Венди на подъездной дорожке. В общем, у меня были... трудности.

Джой опустила взгляд на руки: ей под ноготь впился крошечный осколок блюда, выступила кровь. Джой прижала палец к рукаву порванной рубашки.

– В ночь после звонка Вики мне приснилось, как я нахожу тот самый ремень, накидываю на шею отцу и затягиваю, затягиваю... выдавливаю из его легких весь воздух, а из крови – всю злобу, до последней капли. Отец в сознании, но парализован и не может мне помешать. Я видела этот сон в той или иной вариации каждую ночь, и в конечном итоге...

Колени Шепарда болели нещадно, того и гляди развалятся на кусочки. Он заметил, что Джой удобно сидит на полу. Ему бы тоже сменить позу, но он боялся разрушить чары. Хотя и не понимал, кто эти чары плетет, а кто в них вязнет.

– Я решила – хватит смотреть такие сны, пора и в самом деле убить.

«Да-да-да!»

– В пятницу ночью, когда отец спал, я отправилась к нему в комнату и стала искать ремень – потому-то вещи и разбросаны по полу. – Джой перевела дыхание. – Ремень я нашла. Склонилась над гадом, чтобы его задушить... но повесила ремень назад на гвоздь и вернулась в постель.

«Опять в игры играть надумала?»

Джой встала и, перешагнув через осколки, села на диван. Алекс последовал за ней, колени скрипнули от облегчения. Теперь он был убежден, что Джой говорит правду.

Или лжет.

Шепард едва не рассмеялся: представил, как он поведает Вики о том, что встреча с Джой привела к двум столь очевидным и взаимоисключающим выводам.

По словам Вики, похороны Джорджа Хендерсона станут самыми масштабными в округе со времен смерти дочери какого-то мэра много лет назад. Шепард, как опытный детектив, прочитывал все некрологи, на случай если там всплывет необычное имя или зашифрованное

послание. Однако некрологи лишь подтверждали то, что покойный был столпом общества – великодушным, религиозным, трудолюбивым и уважаемым.

Еще имелись шрамы Джой. И врачебные записи, на которые «наткнулась» Вики. И тихое утверждение Колина о том, что Джордж был плохим. И слово «спаслась» из уст Барбары. Алекс вновь подумал о пазле, который они с Роном начали собирать перед исчезновением Венди. Каждая деталь имела две стороны, и даже если б чертову головоломку удалось сложить, то получилось бы две законченных картины, одну из которых увидеть невозможно – ведь она снизу, скрыта от глаз.

Вдруг Джордж тоже имел две стороны, и Вики права насчет обстоятельств его смерти? Самоубийство. Или несчастный случай.

– На следующее утро Рут исчезла. Я испытала облегчение, но была подавлена и опустошена. Ведь она высказывала то, чего не смела говорить я, даже самой себе. Только Рут еще и не затыкалась. Доставала меня ужасно, я *мечтала*, чтобы она ушла; и как только отец умер, я перестала в ней нуждаться.

Шепард кивнул. Рут была другой стороной Джой.

– Так вот, – продолжала та. – Думаю, вы уже осознали два факта. Первый: день смерти отца стал самым счастливым днем в моей жизни. Второй: поскольку отец *желал* смерти, я хотела, чтобы он жил. Однако все-таки встала среди ночи, прокралась к нему в комнату и...

Шепард смотрел ей в глаза. «Ну давай. Сознайся. Тебе станет легче».

– Хватит лжи. – Джой опустила взгляд, сглотнула.

«Я так и знал!»

– Я прокралась к нему в комнату, – повторила Джой, – и взяла ремень, но не повесила его назад на гвоздь. Надумала исхлестать гада, изорвать его в клочья, до крови, как он поступал с нами много-много раз... и не смогла себя заставить, не решилась на такую жестокость, такую ярость – к тому же отец очнулся бы, и никакие таблетки не помогли бы. Тогда я просунула ему под шею конец ремня, вытащила его наверх с другой стороны и продела в пряжку, а потом затянула изо всех сил. Мне надо было сделать хоть *что-нибудь*. Физическое действие, которое избавило бы меня от огромного ноющего узла внутри – от жажды мести. Поступок, конечно, глупый, но... – она

вздернула подбородок и повысила голос, – приятный. Я рада, что совершила его.

Шепард выдохнул. Как он и предполагал, Джой призналась в меньшем из двух зол, причиненных в ту ночь Джорджу Хендерсону.

Она продолжила, на этот раз тихо:

– Только я не знала, что отец уже мертв.

Шепард ей не поверил. А в следующий миг – поверил.

– Получается, я виновна в... чем? В покушении на убийство?

Алекс покачал головой. Насколько он понимал, ее выходка даже не являлась преступлением... по крайней мере, она не стоила того, чтобы тащить Джой в суд.

Как и несколько дней назад, в голове у него выстроились две гипотезы.

Гипотеза первая: Джой говорит правду, и Джордж действительно случайно или намеренно устроил себе передозировку, после чего она попыталась его задушить. В таком случае делу конец. Тайна раскрыта. Точнее – нет никакой тайны, которую надо раскрывать.

Гипотеза вторая: Джой все-таки убила отца при помощи обезболивающих, затем накинула ему на шею ремень, изначально планируя признаться в покушении на убийство уже мертвого отца и тем самым убедить всех, что она не убивала его таблетками. Ведь, как это ни досадно, Вики права – зачем душить ремнем отца, который уже мертв?

Вторая гипотеза доводила до бешенства, поскольку являлась образцом круговой логики, в которой Алекс никак не мог разобраться, – тем более что колени до сих пор горели, а воспоминания о шрамах Джой вызывали ужас. Однако если он опровергнет – или докажет – вторую гипотезу, то лишь благодаря установленным фактам, а не пляскам под дудку Джой.

– Когда вы затянули ремень на шее отца, вас не удивило то, что он продолжает спать и не сопротивляется?

– Я думала, это из-за таблеток. Он принимал много лекарств, а я даже не знала, от чего. – Она пожала плечами. – После каждого приема таблеток отец спал. Несколько часов. Я все делала по инструкциям Вики.

Джой встала и, вынув из шкафа щетку с совком, подмела осколки.

– Странно, я всегда думала – если уж убивать, то так, чтобы отец *знал* о том, что я его убиваю. Я собиралась шептать ему на ухо: «Это моя месть. За все твои издевательства надо мной, Марком, Рут, мамой». Когда же гад заявил о своем *желании* умереть, я решила – нет уж, он не узнает о моей готовности выполнить его требование. Тем не менее, затягивая ремень, я мечтала: пусть проснется, запросит пощады, пусть поймет – я не только мщу, но и вершу правосудие! Оказалось, ни один из нас не получил желаемое. Отцу пришлось убить себя самому, поскольку я, по его мнению, не убила бы; а я не отомстила, поскольку ублюдок был уже мертв!

Шепард, окаменев, слушал. Боже, тут все ненормально: и проклятый дом, и раскаленная темная кухня, и эта женщина с глубокими красными шрамами и холодными мрачными секретами...

– В общем, нет, он не хватал ртом воздух и не боролся, – подытожила Джой, ссыпая осколки в мусорное ведро.

Алекс был одновременно раздражен и растерян. Не понимал, верить ли рассказу. Ни свидетелей, ни орудия убийства, ни других улик. Даже Вики выразилась ясно: ей придется засвидетельствовать, что Джордж Хендерсон мог случайно или намеренно принять смертельную дозу лекарств.

Джой Хендерсон переиграла его. Убийство сойдет ей с рук.

Глава 62

Джой и Рут

Январь 1961 года

– Миссис Фелисити, можно спросить?

– Конечно, милая.

Они вдвоем мыли посуду, пока Фелисити находилась в конюшне с мистером Фелисити, и Джой понимала – сейчас или никогда.

– Когда разные люди смотрят на одно и то же слово, у них в голове возникают одинаковые картинки или разные?

– М-м-м... Ты имеешь в виду, все ли видят слона, когда читают слово «слон»?

– Не-ет. – Джой замялась. – Когда я читаю слово «слон», то вижу толстую потрепанную коричневую книгу со скрученными страницами.

Миссис Фелисити, явно заинтригованная, подняла взгляд от кастрюли, и Джой продолжила:

– Хотя иногда это не картинка, а ощущение. Например, я читаю «бабочка», и появляется ощущение... знаете, какое бывает при мысли о том, что однажды ты и в самом деле умрешь.

Миссис Фелисити подняла брови.

– Со мной что-то не так?

– Ну, Джой, я при чтении слова картинок не наблюдаю, хотя, бывает, представляю слона – или кого там еще. Ощущений тоже не испытываю. Даже при виде такого красивого слова, как «бабочка». Думаю, у тебя просто совершенно особое... понимание слов.

– Как это?

– Одни сочиняют в голове музыку, как Бетховен; другие представляют удивительные места и несуществующих героев, а потом пишут истории вроде «Доктора Джекила и мистера Хайда». Я читала о людях, у которых так называемый «разноцветный слух». Они видят цвета, когда слышат музыку, определенные слова или числа. У тебя, наверное, нечто подобное. Только ты видишь не цвета, а целые картины.

Джой слушала; угри потихоньку съеживались.

– У тебя есть еще слова с образами?

– Сотни! Одно из моих любимых – «аннотация». Это качели на детской площадке, высотой не меньше пятидесяти футов. Они заканчиваются там же, где начинаются, но уносят туда, где ты никогда раньше не бывал.

Миссис Фелисити, склонив голову набок, проговорила:

– Да, я тоже вижу...

– Видите?! Потрясающе, правда?

– Что еще?

– Другое любимое слово – «осколок», переливающиеся капельки крови. И «беззаботный» – герцог, который лежит на диване. Похоже?

– О, вот это мне нравится!.. Давай дальше.

– Хорошо. «Нектар» – арка из шелка, а «совершенство» – кругляш мягкой глазури от Рождественского пирога, медленно тающий за щекой. «Напыщенный» – грязная губка; «топиар» – комната, где вся мебель вверх ногами; «заточка» – которая про инструмент – меч, со свистом рассекающий воздух. «Экзоскелет» – цепь сердитых гор...

Слова сыпались быстро, сумбурно. Миссис Фелисити не смеялась над Джой, и та продолжала:

– Есть слова вроде «волны», в них можно переставить буквы и сделать новое слово, потом соединить старое и новое, и... например «волна – волан», получается волна воланов, у нее образ – белоснежная пена. Или слова, которые отличаются некоторыми буквами: «латентный талант», это голубой воздушный шар, плывущий в небе точно такого же голубого цвета, и потому можно заметить лишь движение шарика, да и то – если знать, куда смотреть. А еще...

Джой смущенно замолчала. Нет, она должна выговориться хоть кому-нибудь!

– Существуют слова вроде «Дьявола»; из них можно сложить много других слов, которые означают примерно одинаковое: зло, завеса, ложь, смерть. Потом еще слова, которые звучат неправильно. «Катапульта»...

– Катапульта звучит неправильно?

– Да, она неуклюжая и какая-то грубая, а должна быть изящной, изогнутой, как дуга. Такой... воздушной, летящей, правда?

Миссис Фелисити кивнула, и Джой затараторила дальше:

– Не все слова мне нравятся. Некоторые вызывают злость, страх или грусть, у этих слов картинки ужасные. Я однажды спросила

у мистера Пламмера в школе, все ли мы видим одинаковые образы, а он надо мной посмеялся.

– Возможно, мистер Пламмер просто не понимает того, что твой мозг работает чуть по-другому. Представь, если бы все люди имели одинаковые мозги. Нам не о чем было бы говорить, и не было бы никаких Бетховенов и Моне, никаких Марий Кюри или Вирджиний Вульф.

Она отставила вымытую кастрюлю. Джой взяла ее и стала вытирать.

– Джой, скажи, ты записываешь эти образы куда-нибудь?

– Нет. А что?

– По-моему, стоит записывать... Подожди здесь. – Миссис Фелисити вышла из кухни.

Вернувшись, протянула Джой блокнот. Он совсем не походил на блокнот, в котором ее родители писали письма в банк. У этого была темно-коричневая твердая обложка с чудными тисненными буквами, напомнившими Джой о жестянках в супермаркете. Толстые кремовые страницы покрывали линии из мельчайших точек.

– Записывай все сюда. Слова, которые ты любишь, и слова уродливые, вызывающие у тебя злость или страх. И образы слов тоже записывай.

Джой посмотрела на блокнот, крепко сжала его в руках и с тревогой подумала – вдруг она оставит грязные отметины на такой красивой вещи?

– Записывать – и что дальше?

– Дальше? – воодушевленно воскликнула миссис Фелисити. – Дальше ты станешь другим человеком, Джой. И кто знает, что произойдет потом...

Глава 63

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Трудолюбивый член нашего общества. Нам будет вас очень не хватать. Глубокие соболезнования семье. Начальная школа Кингфишера

Наконец Шепард от меня отстал. Уверена, я все-таки убедила его в том, что не убивала отца. К тому же ремень теперь у меня.

Больше особо делать нечего, разве только убрать в доме и сходить к пруду. Проверить, действительно ли он высох.

Заказываю два мусорных контейнера. Их обещают прислать завтра в шесть утра; остаток вечера и ночи прикидываю, как все лучше устроить.

Утром встаю рано, чтобы выгрести мусор до сильной жары. Методично опустошаю заднее крыльцо, ванную, прачечную. Вещей там не много, и я легко выношу или вытаскиваю все на улицу и швыряю в один из двух контейнеров – они стоят рядышком на подъездной дорожке. Мотыга из шкафа на заднем крыльце громко возмущается.

Пока ношу и бросаю, думаю. Скоро я расскажу Шепарду про куклу в сундуке и признание отца. Кажется, я все спланировала, но если ошибусь, то смогу предъявить лишь куклу. Если же я права, то он получит еще и тело Венди.

В маминой мастерской замираю: может, что-нибудь оставить? Впрочем, для нефлориста тут нет ничего полезного. Две ходки – и комната пуста.

Открыв комнату Марка, вновь медлю. Ему необходимо узнать о смерти отца. Завтра же возобновлю поиски. Найму детектива, подам объявления в газеты. Не успокоюсь, пока не разыщу брата и не расскажу ему обо всем.

Решено – больше никаких промедлений, хватит торчать на пороге каждой комнаты и предаваться воспоминаниям. Отныне я лишена жалости.

Лишена жалости, лишена отца, лишена матери. Однако у меня есть брат!

Удивительно, до чего легко поднимать, толкать, вытаскивать коробки с хламом и разобрannую мебель – теперь, когда все кончилось и я решила найти Марка.

Через два часа вычищаю его и свою комнаты, кухню, большую комнату. Не выкидываю лишь пакет для вещественных доказательств. Он лежит на кухонном рабочем столе, внутри покоится свернутый ремень.

Осталась только *его* комната. Стараясь не заглядывать в темное зеркало трюмо, я распахиваю шкаф и выдергиваю из задней стенки гвоздь – тот самый, на котором висели багровые крики. Кладу его рядом с пакетом для вещдоков, возвращаюсь в спальню и открываю первый широкий ящик под зеркалом.

Пусто. Видимо, эти два ящика принадлежали маме, и старый ублюдок просто выкинул ее вещи в мусор.

Однако второй ящик не совсем пуст – от моего рывка к передней стенке что-то выкатывается. Квадратная деревянная коробочка, которую учитель столярного дела вручил мне в первый день в старшей школе Блэкханга. Я тогда подумала, что это подарок от школы, но учитель объяснил: под конец учебного года Марк хотел смастерить что-нибудь для мамы. Коробочку он не закончил («ее осталось покрыть лаком»), и на время каникул учитель благополучно запер ее в кладовке. Только Марк не вернулся.

Опускаюсь на кровать. Вот Марк обрадуется! Я ведь отдала подарок маме, а та, оказывается, хранила его до самой смерти. Марк удивится не меньше меня – отец не выкинул коробочку? Надо же... Возможно, просто не заметил ее. Хотя он мог и не знать, что коробочку смастерил Марк.

Глядя на пустые мамины ящики, думаю – как же одиноко и пусто ей, наверное, было после нашего с братом ухода... От жгучего чувства вины у меня перехватывает дыхание. Я ни разу не позвонила маме, она так и не узнала, жива ли я. В поезде, в день побега, я твердила себе: мама ничем не лучше отца, она не защищала нас, не пробовала спасти. Таким образом я просто пыталась избежать чувства вины. Без семьи, денег и возможностей мама была такой же пленницей, как и мы, дети.

Решено. Когда мусорные контейнеры заберут, я съезжу на кладбище, попрошу прощения.

Встряхиваю коробочку. Внутри что-то есть, легкое. Снимаю латунную защелку с крючка и поднимаю крышку. Множество маленьких бумажных прямоугольников – газетные вырезки. Высыпаю на ладонь несколько штук, беру одну. Это некролог дяде Биллу от тети Розы. Сзади к бумажному лоскутку прикреплено что-то пожелтевшим скотчем. Переворачиваю, читаю еще один некролог.

ХЕНДЕРСОН, Уильям. Брат Джорджа, деверь Гвен, дядя Марка, Рут и Джой. Ты храбро сражался, защищая нашу нацию. Да благословит тебя Господь!

Три строчки. Никаких тебе «возлюбленный» брат или «любимый» дядя. Даже мне известно, что следует писать «Да благословит тебя Господь *и сохранит тебя*», но это означало бы оплату лишней строчки. Беру наугад еще четыре вырезки, бегло просматриваю. Два некролога каким-то незнакомцам, затем – третий, от которого к глазам подступают слезы.

ЛАРСЕН, Роберт. Добрый сосед-христианин, чью улыбку будут помнить всегда. Джордж и Гвен Хендерсон

Я злюсь – почему родители не добавили к подписи мое имя? И почему тут нет даты? Я не знаю, когда умер мистер Ларсен. Хотя какая теперь разница...

Четвертая вырезка. Не скажу, будто они мне интересны; я просто отдыхаю перед откручиванием зеркала и разбором другой крупной мебели в комнате.

Это не некролог, но заметка тоже короткая и по существу.

ХЕНДЕРСОН, Джордж и Гвен объявляют о благополучном рождении Марка Джорджа 31 июля. Спасибо доктору Мерриуэзеру.

Перечитываю эти строки и уже не понимаю, на кого злюсь сильнее: на мертвого отца или на сбежавшего брата. Рву короткую

заметку надвое, еще надвое, кусочки планируют на серый ковер.

Все эти люди из коробки – в прошлом, в том числе и Марк. Я захлопываю крышку, возвращаю на место защелку, отшвыриваю коробку. Она отскакивает от матраса на пол и исчезает из виду.

Выношу на улицу содержимое первого отцовского ящика, обливаюсь потом и сыплю проклятиями: я-то думала, что самостоятельное опустошение дома станет чем-то вроде катарсиса... Лучше бы заплатила кому-нибудь!

С ящиками покончено. Нет, не могу притворяться, будто мне все равно. Достаяю коробку, вываливаю бумажки на голую кровать, где умер отец. Отыскать вырезку не составляет труда.

ХЕНДЕРСОН, Гвен. Любящая жена Джорджа, любящая мать Марка, Рут и Джой. Ты всегда была моим солнечным светом.

Как он смел?! Как смел упоминать треклятую песню, словно наша семья и их брак были полны любви и солнечного тепла? Господи, ненавижу эту песню!

Мои пальцы без усталости разгребают объявления, отбрасывают ненужные, ищут то, которое интересовало меня давно.

Вот оно. ХЕНДЕРСОН, Рут Поппи.

Торопливо читаю.

Минуточку, тут ошибка. Грубая ошибка.

Слова на крошечном бумажном прямоугольнике расплываются, я зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать слезы и осмыслить прочитанное. Года нет. Почему на некрологах не ставят дату, хотя бы год?!

Мысли лихорадочно скачут, вязнут в грязи. Что сказала мама, когда я спросила: «Почему ты их всех зовешь Рут?»

От жары, пота и запаха отцовской смерти меня мутит, но я заставляю себя перечитать невероятные слова.

ХЕНДЕРСОН, Рут Поппи. Возлюбленная дочь Джорджа и Гвен, младшая сестра Марка, сестра-близнец Джой. В наших руках – на мгновение, в руках Божьих – навеки.

Сестра-близнец? Нет-нет-нет. Несчастье – ее *убийство* – случилось до моего рождения. Меня зачали и родили лишь потому, что Рут умерла. Какого черта тут происходит?!

Глава 64

Джой и Рут

Январь 1961 года

– Что это? – спросила мама, указывая на коричневый бумажный пакет под мышкой Джой.

– Домашнее задание по Библии.

До чего же легко с ее языка начала слетать ложь...

В спальне Джой достала из бумажного пакета блокнот, полученный от миссис Фелисити, и Рут пришла в восторг.

– Обязательно спрячь. Нельзя, чтобы блокнот нашел отец. Да и мама тоже.

Они оглядели скромную комнату, и Джой предложила:

– Во второй ящик, под мой старый свитер?

Рут кивнула. Теперь, когда Джой подарили новый горчичный свитер, старый послужит блокноту надежным укрытием.

Вечером после чая девочка вытащила блокнот и положила на письменный стол. Страницы нетерпеливо ждали, просили заполнить их удивительными словами и образами.

Джой открыла блокнот, взяла синюю ручку. Она уже знала, какое слово напишет первым. Однако, занеся ручку над бумагой, остановилась. Надо бы поупражняться, чтобы не испортить красивый блокнот. Джой нашла старую тетрадь по математике и начала писать на внутренней стороне задней обложки слово «аннотация» – раз за разом. Наконец буквы стали хоть немного походить на алфавит мистера Пламмера вверху школьной доски. Правда, они все равно были неряшливыми и кривыми. Отец покачал бы головой, он всегда так делал из-за почерка дочери. Иногда недовольно шикал.

Рут шепнула с кровати:

– Да что он понимает в словах и образах? К тому же ему этого никто никогда не покажет!

Джой подтянула к себе блокнот и вывела «аннотация». Отдышалась. Чуть отступив, добавила описание слова. Оценила результат, вздохнула.

– Почерк не имеет значения, Джой. Давай дальше.

Джой кивнула и через строчку написала «напыщенный». Вновь набрала побольше воздуха, готовая сделать описание, и тут Рут сказала:

– Ты как будто составляешь собственный словарь.

Джой заполнила целую страницу. Получилось пятнадцать слов с объяснениями. Она отложила ручку, прошла по комнате.

– Здорово, – прокомментировала Рут. – Очень здорово.

Джой вернулась к столу, прочла написанное и почувствовала... что это?

– Темный шоколад с клубнично-сливочной начинкой, – раздался над ухом шепот Рут.

По спине побежали странные мурашки – то же самое Джой ощущала, поедая угощение мистера Ларсена и считая его Дьяволом.

Она перевернула страницу, начав писать слово «нектар»...

Дверь внезапно распахнулась. Джой вздрогнула, черкнула полоску от буквы «к».

Отец, побагровев, гаркнул:

– Ты что делаешь?! Марш в постель! Быстро!!!

Угри шипели. Вдруг он увидел блокнот? Джой сунула его под Библию, но та закрывала блокнот не полностью.

– Прости, папа. Я занималась изучением Биб...

– Мне плевать, даже если ты писала королеве. Быстро в кровать. Думаешь, у нас горы денег? Или планируешь платить за электричество сама? Подлая, эгоистичная грешница! Кто ты?

– Подлая, эгоистичная грешница.

– Ложись.

Слава Богу, она успела переодеться в пижаму. У кровати отец отвесил ей пощечину.

Погас свет, хлопнула дверь. Джой вздохнула с облегчением. Забралась в постель, прижала к горячей щеке ладонь и закрыла глаза. Сейчас блокнот не спрятать, придется ждать утра. Если отец услышит, как она тут бродит, ей несдобровать. Еще ей хотелось стереть заблудшую полоску чернил. «Заблудший» {каменные ступени в буйно заросшем саду} станет следующим словом, которое она внесет в свой словарь.

Там будут и другие: «частность» {свежезаточенный карандаш}, «хирург» {идеально ровный утес}, «лоснящийся» {золотая лента},

«вероятно» {резиновый мячик, скачущий вниз по деревянной лестнице}. Слова у Джой не кончатся никогда в жизни.

Удивительно: в другое время она сгорала бы от стыда за жгучий удар по щеке, за бешеный стук сердца. Но сейчас сердце почти успокоилось, а угри в животе притихли. В непроглядной темноте Джой осознала – она до сих пор чувствует себя темным шоколадом с клубнично-сливочной начинкой.

Другим человеком, как и обещала миссис Фелисити.

Глава 65

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Общественный деятель с большим и добрым сердцем. Искренние соболезнования родным. Элисон Белл

«До твоего рождения». Это точные мамины слова, я помню.

Внезапно до меня доходит. Ошибка – не в некрологе Рут, а в моем восприятии. Я думала, мама имеет в виду *годы* до моего рождения, а не минуты и секунды.

Доходит и еще кое-что... Вместо Рут могла погибнуть я. Тогда *она* жила бы и носила имя Джой, а убитая я носила бы имя Рут. Ну и кто скажет, что я не Рут? Рут и Джой.

Вновь вспыхивает злость. Почему родители мне не сказали? На кой черт все эти тайны?

Заталкиваю маленькие прямоугольники назад в коробку, им самое место в мусорном контейнере. Но что это? Дно коробки выстлано толстой кремовой бумагой. Еще тайны? Подцепляю листы ногтем и, усевшись на кровать, разворачиваю три документа.

Первый – письмо отцу, датированное 17 марта 1940 года, на официальном бланке «Федерального управления рекрутинга и мобилизации, объединенного командования наземных сил». Письмо содержит кучу бюрократических экивоков, хотя смысл очевиден даже мне, которая ничего не знает о наборе личного состава во время Второй мировой войны. Отец, будучи «молодым австралийским мужчиной», проходил обязательную военную подготовку, но еще до окончания трехмесячного срока был уволен с военной службы. Согласно письму, управление *«принимает соответствующие меры для отстранения от службы в армии непригодных кандидатов, включая лиц с проявлениями маниакально-депрессивных и бредовых расстройств, спутанного сознания и других психических отклонений»*.

Дальше следуют очередные казенные банальности, а под ними – подпись с именем и должностью: Ксавье П. Тейлор, врач-консультант,

психологический отдел, Австралийские имперские силы.

Ну и новости, приятными их не назовешь... Читаю второй листок.

Еще одно письмо из того же управления, от 22 февраля 1942 года.

«...Поскольку досточтимый Джон Кёртин, член парламента и премьер-министр Австралии, воззвал к Оборонному акту 1903 года во имя защиты прав и свобод всех австралийцев, каждый австралийский мужчина в возрасте 18–35 лет и каждый холостяк в возрасте 36–45 лет обязан вступить в гражданские вооруженные силы. В соответствии с вышеизложенным, мистеру Джорджу Джошуа Хендерсону (дата рождения 18 апреля 1906 года) надлежит явиться на военную базу Пакапунял в понедельник 31 августа 1942 года, ровно в 08:30». В последнем параграфе сказано: «Данное письмо отменяет действие любых предыдущих приказов, полученных адресатом касательно его активного участия в обязательной военной службе для защиты Австралийского Союза».

В груди вспыхивает сочувствие – резкое, как толчок. Не к отцу, а к его брату, чьи культы пугали меня в детстве.

Третий документ – свидетельство о браке моих родителей. Раньше я его не видела, но дату знала всегда: суббота, 22 августа 1942 года. Тетя Роза однажды рассказала мне об их «бурном романе» и о том, что отец был «совершенно без ума» от мамы; он даже заказал свадебную церемонию в церкви еще до того, как сделал предложение. Теперь понятно, почему...

Собираю некролог Рут, письма и свидетельство о браке, отношу их на кухонный рабочий стол и прижимаю сверху пакетом для вещдоков. По крайней мере, я смогу рассказать Марку всю историю.

Выношу очередную кипу отцовской одежды в контейнер, и тут в десяти шагах от него тормозит машина Шепарда. Какого дьявола ему опять нужно? В дом гостя не приглашаю. Не хочу больше его терпеть, да к тому же в кухне ничего не осталось, даже тошнотворного розового чехольчика – вон он в мусоре, торчит из-под вчерашней битой посуды.

Шепард облакачивается на открытую водительскую дверцу. Боже... Возомнил себя копом из сериала?

– Джой, – скучно произносит он.

– Детектив, – так же скучно отвечаю я, прижимая к себе гору белых отцовских трусов, маек и носков.

– Я тут размышлял...

Шепард щурится от солнца, выглядит каким-то... уязвимым. Мое сердце начинает биться ровнее.

– Неужели?

– Да. О вас и смерти вашего отца, которую я по-прежнему считаю убийством. Смотрите-ка. – Он обходит дверцу машины и направляется ко мне. – У вас был мотив, галочка номер один. Возможность, галочка два. Вы находились на месте преступления в момент совершения преступления, галочка и галочка. – Шепард один за другим поднимает три пальца. – Господи, да вы даже признали, что зашли в комнату отца убить его. Чертовски жирная галочка, Джой Хендерсон!

Покачав головой, он со вздохом продолжает:

– Однако отец ваш, судя по всему, был уже мертв, поэтому вы его не убили, хоть и попытались. Вики даст показания о том, что он хотел умереть, не желая терпеть боль, и вообще просил ее скормить ему целый пузырек таблеток или сделать быстрый укол. Она отказала – профессиональная этика, а как же, – и тогда ваш отец стал умолять Вики найти его детей, чтобы он смог покончить с собой дома, и никакая надоедливая медичка-самаритянка не помешала бы и не спасла. – Шепард вздыхает. – Вам, конечно, все это известно.

Я стараюсь не реагировать. На самом деле ничего подобного мне не известно. Да, Вики вручила мне целую кучу лекарств для отца, но кто я такая, чтобы о них расспрашивать? Черт, я-то как раз переживала, что это Вики начнет расспрашивать *меня* – мол, какую дозировку он получает?

Гора одежды начинает оттягивать руки. Поторопился бы Шепард, что ли... Хочу разобрать оставшуюся мебель, сунуть ее в мусорные контейнеры и покинуть дом. Во веки веков, аминь.

Сказать ему про признание отца, показать куклу? Хватит ли этого? Сомневаюсь. Возможно, в результате Шепард тщательно обыщет ферму и, если моя теория верна, найдет Венди. Тогда у него будут и признание, и кукла, и тело. Этого ведь хватит? Он ведь сумеет прийти к неизбежному выводу о том, что отец убил Венди?

Я уже открываю рот для рассказа о кукле, но тут полицейский заговаривает вновь.

– Значит, в свидетельстве о смерти напишут «непреднамеренная смерть от собственной руки, вызванная чрезмерным употреблением рецептурных препаратов». И все. Официально – Джордж Хендерсон

убил сам себя по неосторожности. Никто и не заподозрит суицид. Тем более убийство.

Я киваю.

– Отец дважды требовал его убить. Вот только я не думала, что он сделает это сам после моего отказа.

Шепард продолжает, будто я ничего и не говорила:

– Тем не менее вы накинули ремень на шею отца, якобы не зная о его смерти, и даже не полюбопытствовались, почему он не сопротивлялся.

Я смотрю на Шепарда во все глаза.

– Мы это уже проходили. Вчера.

Ну конечно, он не может так просто отступить. Моя победа для него невыносима.

– Меня беспокоит кое-что еще, Джой Хендерсон.

Я картинно вздыхаю.

– Почему вы не сняли ремень с шеи? Это несколько напускает туману, как думаете?

Пожимаю плечами. Шепард прав. Напускает.

– Ну, затянув ремень, я осознала собственную глупость, но если б я его убрала, на шее отца все равно остались бы следы... В любом случае мне было не избежать ваших трудных вопросов.

– И вы, наверное, догадались, что со старого, растрескавшегося ремня не удастся снять приличных отпечатков...

Зашвыриваю отцовское исподнее в контейнер, поверх содержимого серванта. Пять разбитых матовых стаканов блестят на солнце. Надо было оставить две штуки: один для себя, другой для Марка.

– Не понимаю, чего вы от меня ждете. Я никогда не признаюсь в убийстве отца. – Заглядываю в контейнер в надежде увидеть хотя бы один целый стакан. – Потому что я его не убивала.

Нет, все разбиты. Поворачиваюсь к Шепарду, а тот никак не угомонится, провоцирует.

– Ну, вы будете утверждать так в любом случае. Хоть убивали, хоть нет.

Мы стоим под солнцем лицом друг к другу – вооруженные ковбои в поединке на Диком Западе. Каждый ждет, когда противник расслабится и допустит роковую ошибку.

– Знаете, я спросил Ларсенов про Рут, и Колин сквозь слезы сказал: «Она умерла». Сначала я решил: он убил ее – а может, и вашего отца тоже. Особенно когда Колин ответил, что знает, где Рут. Даже согласился отвезти меня к ней и погладил своего старого больного кота – как мне показалось, на прощание. Мы сели в машину, и я поехал, следуя указаниям Колина. Я уговаривал себя сохранять спокойствие, надеялся, что ваша бедная пропавшая сестра жива и я успею ее спасти. А вдруг, думал я, Колин убил и Венди Боскомб много лет назад, и там, куда он меня везет, я найду два тела... Потом Колин заявил, что мы едем на кладбище, и я ужаснулся: «О боже, он зарыл ее в свежей могиле», – но нет. Каким же я был идиотом, гоняясь за пресловутым журавлем в небе, а вы просто кормили меня сказками...

– Почему не рассказали, что все знаете?

– Вы удивитесь, Джой Хендерсон, но я не обязан ничего вам рассказывать. Это вы у нас под следствием. – Шепард вытирает пот с лица. – Колин сказал, что смерть Рут была несчастным случаем – ваша мать поскользнулась и...

– Да, верно, – быстро перебиваю я.

Незачем ему знать больше, иначе непонятно, куда заведут его мысли. Меня радовало, что он перестал спрашивать про Рут, а теперь я знаю, почему перестал, и могу не тревожиться хотя бы об этом. Я до сих пор перевариваю тот факт, что Рут – моя близняшка; что я могла умереть, а Рут – жить; или, может, Рут как раз и выжила – и я на самом деле Рут... Мозгу и без того несладко, поэтому не надо мне тут полицейского психоанализа на пятидесятиградусной жаре.

– Как видите, Джой, у меня есть основания считать, что вы лгали про Рут с целью спровадить меня в погоню за журавлем, увести прочь от правды.

– Я не лгала. Я сказала вам с Вики, что по приезду на ферму увидела Рут впервые за много лет, и это правда. Еще я говорила, что не видела Рут в то утро, – тоже правда. Это Вики сообщила вам, что Рут «исчезла, пропала». Я даже ответила, что Рут не злая, помните? Грань, наверное, тонка, но я ее не перешла, ни разу вам не соврала. Просто не сказала всего.

Как когда-то мама «не сказала» отцу про цену пленки для школьных учебников. Я криво улыбаюсь – ну да, мое «не соврала» можно трактовать по-разному, согласна.

– Мне вот совсем не смешно, ни капельки.

Я мечтаю прекратить этот разговор. Наверное, пора перевести его на кукольную голову, лежащую в сундуке в двадцати шагах от нас. Вообще-то показать ее следовало еще вчера, во время нашего маленького тет-а-тет, но разве могла я перебить Шепарда и заявить: «Кстати, совсем забыла – я знаю, где кукла Венди Боскомб»?

Я в нерешительности: прежде чем предъявлять куклу, хорошо бы проверить мою теорию. Хочу прояснить все вопросы. Больше всего хочу, чтобы Боскомбы обрели хоть какой-то покой. Конечно, известие о том, что отец убил Венди, разобьет им сердце, но в то же время принесет облегчение, ведь их мучительному незнанию придет конец – миссис Боскомб сама говорила об этом Вики.

От невероятной жары ни на что нет сил. Может, ну ее, эту куклу? Суда все равно не будет... Я вдруг слышу шепот Рут: «Правосудие и месть, Джой. Никогда не забывай, никогда не прощай. Это могла быть ты... это была ты... ты умерла, когда мама поскользнулась. Я – Джой, а ты – Рут». Очередное своевременное и запоздалое напоминание не расслабляется.

Шепард заговаривает вновь. Да что ж ему все нейдет!

– Вы хотели – хотите – убедить меня в своем безумии? Разговоры с умершей сестрой? Сны об убийстве отца, которые вы видите с двенадцатилетнего возраста? Мол, даже если я *умею* доказать, что вы его убили, то присяжные не признают вас виновной?

– Что есть безумие, детектив?

Подбородок Шепарда дергается вверх. Казалось бы – все, теперь он должен прыгнуть в машину и оставить меня в покое, но нет. Он бросает:

– Ну, и что дальше?

– Дальше? Избавлюсь от всего этого... – Я машу в сторону контейнеров. – И...

Пауза, мы оба вытираем пот со лба. Самое время добавить: «Я нашла кое-что любопытное вон в том сарае», – однако Шепард опять меня опережает.

– Зачем вы вообще вернулись? Отец умирал, он больше не представлял для вас угрозы. Держались бы подальше, и не было бы никаких вопросов – зачем, как, кто...

– Говорю же, я надеялась, что Вики нашла Марка. К тому же я обещала ей позаботиться об отце.

– И сдержали обещание, – хмыкает Шепард. – Позаботились. Хотя не так, как имела в виду Вики...

– Да, я действительно заботилась.

Ужасно глупый разговор для такой дикой жары. Натянутая кожа на шрамах преет и саднит, а мне еще пруд проверять.

– Ну да. – Шепард кивает и окидывает взглядом контейнеры, будто впервые их видит. – Подозреваю, тут есть от чего избавляться.

– Угу. – Я вновь отираю лоб и выдаю реплику, явно намекающую ему, что пора уйти. – Избавляться всегда есть от чего.

Глава 66

Джой и Рут

Январь 1961 года

– Легонечко, – шепнула Рут.

Джой взяла ластик, зафиксировала бумагу возле буквы «к» двумя пальцами. Осторожно потеряла лишнюю полоску. Когда та заметно побледнела, решила – сойдет, иначе бумага порвется. Рут, нависшая над плечом сестры, заметила:

– Думаю, сойдет. Иначе бумага порвется. – Она улыбнулась, ее родимое пятно вспухло. – Закончи «нектар», а потом еще два слова, и хватит. Не надо нам повторения вчерашнего.

Весь день Джой боролась с бурным потоком желания и удовольствия. При каждой мысли о словаре угри в животе тонули в воображаемом океане темного шоколада с клубнично-сливочной начинкой. Интересно, можно ли рассказать о словаре Марку, не высмеет ли? И видит ли Марк картинки? Если уж кто и способен на такое, то наверняка он...

Джой дописала «нектар», задумалась о следующих двух словах. В голове закружили образы Венди, вместе с ними пришли слова «зависть» {красный чертенок, танцующий на Библии} и «страх» {холодный металлический нож}. Джой полностью отдалась этим словам и картинкам.

– Отец вернется с собрания старейшин только через полчаса, – сказала она. – Успею сделать еще кое-что.

Раскрыла блокнот на форзаце, украшенном мраморными завитками различных оттенков коричневого и кремового. В верхней трети белел небольшой прямоугольник в тонкой темной рамке.

– Заглавие. – Рут кивнула.

– Да. – Джой занесла ручку над белым прямоугольником, нерешительно остановилась. – Прямо девственная чистота. Боюсь испортить. Как будто... новорожденный младенец.

Рут фыркнула.

– Знаешь, что иногда случается с новорожденными, Джой? Они умирают, их даже «испортить» нельзя. Ну, а везунчики, которые не умирают, быстро усваивают, что в жизни нет никакой чистоты, – в ней

только рвота, рак, мигрени, шрамы, бородавки, нищета, угри, войны, голод, корь, прыщи, запоры, гнилые зубы, синяки, ветряная оспа... – Рут перевела дыхание. – И давай не забывать про ненависть, ложь, страх, тайны, зависть, злость... и порку.

– Вот видишь? Лучше остаться чистой и умереть, чем пройти через все это.

– Тебе легко говорить. Как бы я хотела...

– Нет! Нет, не хотела бы, – зашипела Джой, бросая ручку. – Ты не представляешь, что такое получать оплеухи, слушать крики в свой адрес, бояться каждый день, каждую секунду, терпеть порку – до крови, до мяса! Лучше б я умерла... И попала в Рай с Венди Боскомб – или даже в Ад. Куда угодно, лишь бы там не было *его*.

Рут молчала, а Джой гнала от себя воспоминания о семействе Фелисити, об улыбке Венди Боскомб, о старшей школе совсем скоро, о том, как Марк пытался защитить ее после побега хорьков, и о книгах... тысячах книг, которые она прочтет за долгие годы предстоящей жизни.

– Ладно, ладно, – пробормотала Джой. – Я впишу заглавие в прямоугольник. – Она погрузилась в размышления, взяла ручку. – Ничего лучше не придумывается.

Прижала обложку к столу и старательно вывела:

Мои прекрасные образы
Джой Хендерсон

– Может, со временем придумаем что-нибудь получше, – заметила Рут.

– Заглавие ведь нормальное?

Рут, кивнув, подбодрила:

– Лучше не быть идеальным, чем не быть вовсе.

Глава 67

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Добрый сосед, который очень о нас заботился. Барбара и Колин Ларсен

На полпути к машине Алекс оглянулся. Джой стояла возле мусорных контейнеров, забитых вещами ее покойного отца, и наблюдала за ним. Он помедлил.

– Живее, детектив. – Похоже, долгий разговор на жаре отнял у нее все силы. – Я хочу закончить уборку, да и вам самому наверняка уже надоели наши беседы.

– Надоели. – Алекс вздохнул. – Я должен сделать кое-что еще. *Не хочу*, но должен.

– О боже... Все-таки решили меня арестовать?

Он достал из машины конверт формата А4.

Джой подняла брови.

– Так вот как происходят аресты в реальной жизни? Ордер вручают в конверте?

Алекс едва заметно покачал головой.

– Сейчас покажу, – сказал он, проклиная чертово солнце, проклиная правду. – Дело в отпечатках пальцев. Я так и не уверился бы до конца, если б много лет назад мы не сняли его отпечатки.

При слове «отпечатки» Джой нахмурилась.

– А, вы обнаружили отпечатки отца на пузырьке с обезболивающими и решили согласиться, что он покончил с собой? Или нашли на пузырьке еще и мои отпечатки – и решили по-прежнему считать меня убийцей?

– Не окажись на пузырьке ваших отпечатков, это только усилило бы мои подозрения. Если б их было куда усиливать. Однако я о другом. Я о Марке.

– По-вашему, это Марк убил отца? Полный бред.

– Можете вы хоть раз выслушать?! Говорю вам, я решил найти Марка.

Шепард выставил перед собой конверт. Оливковая ветвь мира – в некотором роде.

– Что?..

– Меня посетила мысль – ненадолго! – о том, что он *мог* вернуться и убить вашего отца. Марк ведь имел не меньше причин, чем... чем вы. Помните, после исчезновения Венди Боскомб мы приезжали к вам на ферму и снимали отпечатки у всех членов семьи?

– Конечно, помню.

– Когда Вики рассказала мне о вашем пропавшем брате, я решил поискать о нем сведения. Однако нигде в Австралии его не обнаружил – а в нашем распоряжении куда больше источников информации, чем телефонные справочники. Марк, конечно, мог уехать в другую страну, но записей о пересечении им границы тоже не было. Тогда я связался со своими новыми друзьями из дактилоскопического бюро. И они нашли совпадение.

– Что? Вы надо мной издеваетесь, да? Это какая-то извращенная психологическая игра? – В резком голосе Джой звенело отчаяние.

Алекс покачал головой. До чего ж паршиво на душе... Хотя обвинение, между прочим, возмутительное. В психологические игры тут играет одна Джой.

– Где он? В Мельбурне? Вы с ним говорили?

– Джой...

– Я не сомневалась, что отыщу его. Он знает про смерть отца? Я должна рассказать Марку про то, что отец мертв и похоронен. Точнее, мертв и сожжен. Ну, или скоро будет сожжен.

Джой шагнула вперед, вытянув руки. Расстояние между ними сократилось, конверт перекочевал в ее ладонь. «Будто обмен шпионами на Глиникском мосту^[25]», – подумал Шепард. Хотя он-то как раз в обмен ничего не получил.

Надо сказать Джой до того, как она откроет конверт.

Шепард схватил ее за запястье.

– Погодите.

– Что вы делаете? – Джой выдернула руку, начала разрывать конверт.

– Джой, он умер.

Она фыркнула.

– Не говорите ерунды. Марк не умер. Он сбежал. Умер мой отец. И мама с Рут умерли, но Марк – нет.

Шепард торопился ответить, а слова сочились изо рта медленно, как густая грязь.

– Погиб в автомобильной аварии.

– Нет, не погиб. Сбежал. – Ее голос надломился.

Алекс уставился на гравий. Промолчал.

– Я вам не верю, – сказала Джой. – Это какая-то хитрость. Вы хотите меня перехитрить, чтобы я сказала какую-нибудь... и вы... – Она осеклась.

Он покачал головой.

Джой с трудом сглотнула. Прошептала:

– Когда?

– Очень давно – в тысяча девятьсот шестьдесят шестом. В Дарвине.

– Нет-нет-нет! Тогда Марка в Дарвине не было. Я была, а Марка не было. Я проверяла. Я там была... – Она говорила страстно, громко. – А Марк – нет.

– Он сменил имя. На Марка Харрисона.

– Нет, Марк не стал бы менять имя. Иначе как бы я его нашла?

Шепард вновь уставился на гравий под ногами.

– Что внутри? – тихо спросила Джой.

Он поднял голову – Джой протягивала конверт назад.

– Копия... – Алекс перевел дыхание. – Копия свидетельства о смерти. И газетная статья про аварию. Мне жаль. Искренне жаль.

Джой стукнула кулаком по мусорному контейнеру.

– Это все вы виноваты! Зачем сказали?! Думали, в результате я признаюсь в убийстве отца? Решу, что мне больше незачем жить? Вы просчитались!

Почему любой разговор с этой женщиной заканчивается криком?

– Я собиралась и дальше искать Марка! Не хочу знать, что он мертв. Не хочу, слышите?!

Она швырнула в него конверт, но тот перевернулся в воздухе и неуклюже спланировал на гравий у ее ног.

Алекс не находил слов.

– Убирайтесь! – бушевала Джой. – Катите отсюда на своей долбаной полицейской машине, оставьте меня в покое!

– Нет, – тихо возразил он. – Вы поедете со мной.

Глава 68

Джой и Рут

Январь 1961 года

Комната, где Фелисити с Джой сидели после уроков Библии, сегодня была забита куртками, шапками, шарфами и зонтиками. Просунув голову в кухню в конце зала, Джой увидела не меньше двадцати женщин из Ассоциации: они хлопотали над тарелками с бутербродами и нарезкой, начиняли булочки джемом и взбитыми сливками, лили воду в два гигантских электрических чайника, сутились и кудахтали над разогреваемыми пирогами и громко, но притворно возмущались при появлении в кухне очередной тарелки с едой. Похоже, проводить мистера и миссис Ларсен съехалась вся округа в радиусе ста миль. Джой предполагала, что многие здесь не знали Ларсенов, а просто жаждали поглазеть на разводящуюся пару, которая якобы не разводится.

Это было первое мероприятие в актовом зале после исчезновения Венди, поскольку отец настоял на отмене Новогодних танцев из уважения к Боскомбам.

Музыкальная группа под названием «Веселился Джонни не ахти» настраивала на сцене инструменты, но отец сегодня с ними не играл, поскольку был ведущим. Сейчас он встречал всех в дверях и раздавал указания: женщинам – нести тарелку с едой на кухню; мужчинам – класть в жестянку два шиллинга на оплату музыкальной группы и прощального подарка Ларсенам.

Джой посещала танцы в актовом зале Блэкханта всю свою жизнь. Когда кто-нибудь обручался, праздновал совершеннолетие, переезжал в другой город или отмечал двадцать пятую годовщину свадьбы, Ассоциация сельских женщин и Общественный комитет развивали бурную деятельность и устраивали танцы.

Каждые новые танцы в точности повторяли предыдущие. Все было одинаковым – люди, музыка, ведущий, подарок, речи, угощение. Всё. За исключением почетных гостей.

Официально мероприятие начиналось в половине восьмого вечера, но люди стекались в зал за полчаса – ради лучшего места на парковке, лучшего стула за ужином или лучшего обзора входных дверей

с прибывающими гостями. Ровно в семь тридцать отец Джой поднимался на сцену, приветствовал собравшихся в микрофон и отпускал шутку. Все смеялись и хлопали, руководитель музыкальной группы Джонни Би Бэд (которого на самом деле звали Морис Парсонс) объявлял первый танец, неизменно вальс – «чтобы народ размялся». В течение часа группа играла знакомые мелодии, затем наступал перерыв, женщины из Ассоциации выносили музыкантам чай и тарелку с печеньем. Остальные тем временем обсуждали погоду и слякоть, пока группа не заводила следующую песню.

Почетные гости обычно пробирались в зал под конец перерыва, якобы тайком, но отец обязательно это видел и провозглашал их появление в микрофон под общие аплодисменты. Дальше опять шутил: «Что так поздно, Фред? Не читал сообщение в “Газетт”?» Все смеялись, упомянутый Фред в притворной растерянности качал головой, а его жена закатывала глаза и скидывала руки – мол, мужчинам ничего поручить нельзя, – чем вызывала новый приступ смеха. Отец говорил: «Ладно, мы-то знаем, кто в вашем семействе штаны носит», – и люди вновь смеялись, хотя слышали эту шутку сотню раз. Джонни забирал у отца микрофон и объявлял следующий танец.

Каждый раз одно и то же. За исключением сегодняшнего вечера. Когда мистер и миссис Ларсен вошли, никаких фанфар не прозвучало, и «счастливая пара» сразу разделилась: мистер Ларсен отправился в конец зала приветствовать знакомых, а миссис Ларсен прошмыгнула в кухню. Джонни объявил следующий танец, гости поспешно встали и начали танцевать – во избежание дальнейших неловкостей.

Джой шепнула:

– Мама, а где Колин?

Нехорошо, если он остался один в странном сказочном домике Ларсенов.

– За Колином присматривают мистер и миссис Боскомб, – на ходу ответила мама, спеша за мужем на танцпол.

В девять тридцать наступало время ужина. Женщины из Ассоциации руководили процессом в кухне не хуже авиационных диспетчеров; по их указаниям девочки-подростки сновали туда-сюда с тарелками бутербродов и тортов, а мальчики-подростки, среди них и Марк, – с гигантскими плетеными корзинами, полными чашек, блюдца и тарелок. Члены общественного комитета несли большущие

алюминиевые чайники с заваркой, еще какие-то мальчишки – кувшины с молоком и супницы с сахаром, утыканные ложечками, как ехидна иголками.

После ужина отец принес два стула в переднюю часть зала и забрал из раздевалки прощальный подарок. Стулья разместил рядышком, спиной к сцене, и взял у Джонни микрофон. Поправил галстук, громко кашлянул, требуя внимания.

– Добрый вечер. Хочу пригласить наших почетных гостей подойти и занять свои места. Роберт, Барбара!

Под дружные аплодисменты отец расцвел фирменной улыбкой, которую все так любили, а Роберт с Барбарой сели на стулья. Роберт по привычке улыбался, его глаза поблескивали. Лицо Барбары напомнило Джой гладкую серую сталь молочного бидона.

Отец начал речь. Эту часть Джой терпеть не могла – он говорил очень долго и отпускал ужасные шутки, обычно в адрес маслозавода, правительства и своей жены.

– Ну что ж, пора. Роберт и Барбара, наши добрые друзья и соседи, покидают нас ради новой жизни в Мельбурне. Нам остается лишь попрощаться. Женщины выглядят чудесно, согласны? Знаете, я считал косметику излишеством, пока у Гвен однажды не кончился весь запас. В ту неделю я сам увеличил расходы на домашнее хозяйство, уж поверьте. – Отец обвел взглядом зал, приоткрыв рот в беззвучном хохоте; прислушался к смешкам зрителей. – Барбара – весьма уважаемый член нашей общины, и мы никогда не забудем ее замечательные костюмы для Рождественских концертов в начальной школе Кингфишера. А Роберт неутомимо трудился в составе общественного комитета и родительского комитета Кингфишера, и...

Отец не унимался, превозносил добродетели Роберта, подробно излагал, как много и охотно тот помогает людям, рассказывал забавные истории о запутанных отношениях Роберта с новомодными штучками вроде телевизора и «огнеглушителя».

Речь была длинной, но теплой и душевной – даже Джой это признала. Хотя Барбару отец больше не упоминал.

Пришел черед подарка, упакованного в оберточную бумагу и обвязанного бечевкой. Подарок всегда был одним и тем же, независимо от гостей и повода для торжества.

– Роберт и Барбара, желаем вам всего наилучшего! Пусть ваши судьбы, – (Джой отметила множественное число), – сложатся хорошо. Берегите, пожалуйста, себя и своих любимых – (Джой отметила, что такого отец раньше не говорил) – и примите этот подарок в знак нашей признательности за вашу работу на благо сообщества.

Кто-то из мужчин крикнул:

– Речь, речь!

Роберт встал. Он походил на теленка, который лишь наполовину выбрался из матери и еще не решил, хочется ли ему наружу.

– Ох, не привык я к такому учету...

Джой глянула на Барбару, сидевшую со строгим видом, и решила, что мистер Ларсен употребил «учет» вместо «почета» намеренно.

– Спасибо за теплые слова, Джордж, и за разные байки про меня – я от души посмеялся над этими антидотами. Спасибо за прекрасный подарок, нам очень приятно. Я тронут тем, сколько вас здесь, и... грустно прощаться со столькими хорошими людьми. Однако времена меняются, даже если ты...

Роберт остановился, повисла тишина.

Такого прежде не бывало. Обычно Джонни кричал: «Да открывай уже подарок!» – чтобы оборвать затянувшуюся речь почетного гостя. Прошло три бесконечных черных секунды. Даже отец застыл, словно вмерзшая в заледенелую лужу стрекоза. Наконец Джонни вспомнил о своих обязанностях. Его крик прозвучал не так громко, как всегда, но зрители послушно рассмеялись. За исключением Барбары.

Роберт посмотрел на подарок и кивнул.

– Я, конечно, не знаю, что там внутри...

Зрители опять рассмеялись. За исключением Барбары. Роберт дернул за конец бечевки, содрал упаковочную бумагу и воскликнул с притворным удивлением:

– Эффективный торшер! – (Интересно, подумала Джой, что мистер Ларсен имел в виду, эффектный или дефективный?) – Какая неожиданность! Спасибо всем, спасибо...

Это послужило сигналом группе заиграть *For They Are Jolly Good Fellows*^[26], а остальным – запеть. Потом отец прокричал: «Гип-гип!» – и зрители дружно ответили: «Ура!» После третьего «ура!» отец похлопал мистера Ларсена по плечу, и они обменялись рукопожатием.

Барбара встала рядом с Робертом, но тут, вместо традиционного круга по залу с благодарностями гостям, Ларсены направились к выходу. Роберт нес торшер параллельно полу. Отец, подобрав оберточную бумагу и бечевку, проводил взглядом «счастливую пару». Когда та достигла дверей, он бросил группе через плечо:

– Танец.

Джонни объявил, что последним танцем, как всегда, будет народный барн-данс. Роберт опустил торшер на пол и повернул назад. Барбара пошла дальше.

Джой ненавидела барн-данс, потому что каждые четыре такта мужчина, закружив женщину, «передавал» ее следующему партнеру. Так все дамы и кавалеры могли перетанцевать друг с другом. То есть Джой должна была танцевать и со стариками, и с прыщавыми подростками. И с отцом. Она встала с намерением прошмыгнуть в кухню, но увидела перед собой протянутую руку мистера Джонса. Внутренне содрогнувшись, Джой приняла приглашение и присоединилась к двум кругам танцоров.

Через несколько минут она уже кружила в руках Марка. Брат с сестрой смущенно переглянулись, соприкоснувшись ладонями, и Марк сказал:

– Не верится, что мистер Ларсен уезжает.

– Ему ничего другого не остается, – ответила Джой. – Чтобы стать счастливым, он должен отсюда уехать.

– Да уж. Не сомневаюсь.

Следующие два такта прошли в молчании.

Спустя три кавалера партнером Джой оказался мистер Ларсен. Она взяла его за руку. Какая костлявая! Да и лицо исхудало, хотя он всегда был мужчиной крепко сбитым, крупным, как добродушный лесник в сказках. Неужели Джой заметила это лишь сейчас потому, что узнала о его скорой смерти?

– Так-так, деточка, сегодня определено мой вечер. Не только из-за прекрасной дефектной лампы, полученной так неожиданно-негодно, – он подмигнул, – но еще из-за возможности потанцевать с тобой.

– Мистер Ларсен, пожалуйста, не уезжайте! Лучше и дальше звоните Бер... – Джой хлопнула себя свободной рукой по рту.

– Ничего, деточка. Прости, но я должен уехать; ведь, как я начал и не закончил говорить в своей ужасной речи, иногда мы вынуждены

меняться. Даже если это причиняет боль другим. Даже если приходится прощаться с людьми, по которым мы будем скучать. С тобой, например. Твое поступление в университет, твой переезд в город тоже станут однажды большой переменной, причем далеко не все ее одобряют, но ты должна будешь это совершить. Обязательно навести там меня... – мистер Ларсен по-шпионски улыбнулся, – и Берил. Для разнообразия я приготовлю чай тебе, но только при условии, что ты принесешь шоколад.

На глаза навернулись слезы, и Джой сумела лишь кивнуть. Когда она дорастет до поступления в университет, мистер Ларсен, который так в ней уверен, уже умрет. Кроме того, по какому адресу их с Берил искать? Спросить Джой не успела – мистер Ларсен передал ее следующему партнеру, прыщавому Локлану Стюарту. Пока они сконфуженно отводили глаза друг от друга, Джой представляла: вот ей восемнадцать лет, и она, спокойная и уверенная не хуже миссис Фелисити, идет в гости к мистеру Ларсену. Стучит в двери коттеджа и видит на пороге кругленькую улыбчивую Берил в яркой разноцветной одежде. «Входи, милая. Как хорошо, что ты опять к нам заглянула». Домик у них яркий и разноцветный, в кухне на подоконнике растут герань и помидоры в горшках, которые Берил украсила мозаикой. Горшки похожи на Берил – большие, дерзкие и красочные.

Следом за ней Джой входит в спальню, где под белоснежным одеялом лежит мистер Ларсен. Вокруг светло, чисто и радостно. Джой опускается на стул рядом с торшером.

– Здравствуй, деточка. Принесла шоколад?

Мистер Ларсен широко улыбается, будто сегодня суббота и он сейчас зазвонит монетками в кармане.

– Темный с клубнично-сливочной начинкой. – Кивая, Джой достает шоколадку из сумки. – Как в те времена, когда я считала вас Дьяволом.

Хотя глаза мистера Ларсена подернуты тонкой серой пеленой, они по-прежнему сверкают.

– Дьяволом?

– Да. Я думала, вы вводите нас в искушение шоколадом.

– Меня, может, и ждет Ад, но вряд ли я Дьявол. Для столь задающей роли мне явно не хватает талантов.

Они смеются, мистер Ларсен грустнеет.

– Надеюсь, меня ждет не Ад.

– Нет. Не Ад, я знаю! – плачет Джой.

– Ну, похоже, скоро выясним... Одно точно: если я попаду в Рай, то в конце концов мы с тобой сможем проводить вместе куда больше времени. Интересно, что там за шоколад наверху, с какими начинками?

– Я отправлюсь в Ад, по словам папы. Он говорит, ему будет больно в Раю без меня и Марка.

– Это удивляет еще меньше, чем торшер. Впрочем, ты все утрясешь, я уверен... Так, хватит с нас грусти-тоски. Как университет? Кем ты хочешь стать по окончании?

– Хочу писать словари.

– Ты просто создана для такой работы.

Входит Берил, берет мистера Ларсена за руку.

– Прости, что перебиваю, Джой, но, Роберт, тебе пора умирать.

– Да, знаю, любимая. Ну вот и все, деточка. Это мой последний день на земле, и я хочу провести оставшиеся минуты с Берил. Положи шоколадку на стол, я попробую ее чуть позже, а в минуту смерти взгляну на шоколадку и подумаю о тебе.

Джой встает; по ее щекам бегут слезы.

– Прощайте, мистер Ларсен. Прощайте, Берил.

– Ты вполне можешь звать меня Робертом, деточка. И напоследок: обязательно повесь у себя в кухне хороший огнеглушитель. Прощай, Джой.

...Музыка смолкла, и Джой поняла, что после Локлана Стюарта она успела перетанцевать еще с пятью-шестью партнерами.

Гости начали прощаться, забирать свои пустые тарелки из кухни и одежду из раздевалки, а мужчины из общественного комитета принялись складывать стулья один на один и относить их в кладовую.

Джой больше никогда не увидит мистера Ларсена.

Она стояла возле своего стула, пыталась разобраться в истории Ларсенов и своей печали.

Улыбающийся отец подошел забрать стул, опустил руку на ей плечо. Сказал тихо:

– Чего застыла? Ишь, королева нашлась! Найди себе дело в кухне.

В дверях кухни Джой услышала, как убравшая со стола миссис Джонсон обращается к другим женщинам из Ассоциации:

– Лично я считаю, что он заслуживает наконец счастья.

– Уж не знаю, – отозвалась миссис Дрейк, которая мыла чашки с блюдами в глубокой раковине. – Он ведь *женат* на Барбаре. Правда, я бы их с Берил в жизни сестрами не назвала. Честно, меня будто пыльным мешком по голове стукнули!

– Больше всего мне жаль Барбару, – сказала миссис Уоллес; она вытирала чашки и блюда по мере их появления из мыльной воды. – Не понимаю, зачем Барбара вообще пришла сегодня. Вы в курсе, что она решила остаться на ферме? В Мельбурн уезжают только Роберт и Берил. Как Барбара справится? Особенно с Колином? Как будет о нем заботиться, когда ее муж и сестра... – Миссис Уоллес вздохнула.

Барбара с Колином остаются! Джой обрадовалась, хоть Барбара и была ужасно вредной. Джой представила их сказочный домик из книжки-раскладушки: крошечные окна и двери закрыты плотно-плотно, как кроличий капкан, чтобы никто не смог заглянуть внутрь. Барбара и Колин сидят в кухне одни-одинешеньки и дрожат от страха, ведь мистер Ларсен забрал огнетушитель. Джой пообещала себе быть вдвойне приветливой с Колином, когда тот придет помогать на ферме.

– Барбара – настоящий боец, ей-богу, – вставила миссис Дрейк. – Вы представьте, как ей жилось все эти годы! Замужем за мужчиной, который хотел жениться на ее сестре... Верно, Сьюзен, жалеть надо именно Барбару.

Жалеть миссис Ларсен? Джой подобное никогда в голову не приходило. Собственно, она вообще не задумывалась о чувствах миссис Ларсен. Однако миссис Дрейк права – легко ли было миссис Ларсен жить с мужем, который любил ее сестру? Даже если этот муж – мистер Ларсен?

– Да уж, – кивнула миссис Уоллес, разгружая поднос на подставку для суши. – Впрочем, они умудрялись хранить все в тайне, согласны? Роберт рассказывал моему Кевину, что они с Берил много лет старались поступать правильно. Однако любовь, как говорится, победила. По словам Роберта, он в основном общался с Берил по телефону, хотя бог его знает, где во время этих бесед была Барбара... Да и вряд ли между ними происходило что-то предосудительное, иначе все заметили бы.

– Ручаюсь, хоть что-нибудь предосудительное было! – возразила миссис Джонсон. – Берил наверняка получала не только деньги за

бычьей пастбища от всех нас, но и кое-что другое от Роберта, у которого и быка-то нет!

Миссис Дрейк с отвращением произнесла «Фу!», некоторые захихикали, а Джой невольно выдохнула:

– Что?!

Женщины дружно повернулись к ней, словно внушительная корова со множеством голов.

Джой, видимо, ослышалась. Мисс Бойл – не Берил! Барбара худая, набожная и немногословная, а мисс Бойл пухлая, нечестивая и шумная. К тому же мистер Ларсен делал «межогородные» звонки – значит, таинственная Берил жила далеко. Или он говорил «межогородные» специально, чтобы запутать Джой и маму? Знала ли мама? Не потому ли мисс Бойл дарила им на Рождество такую огромную корзину? Джой никак не могла понять. Почему мистер Ларсен не ездил к Берил в гости, раз она жила рядом? Зачем звонил ей? И как можно было назвать ребенка Берил Бойл?!

Джой никто не ответил. Все вернулись к прерванным делам, а миссис Дрейк указала на гору кухонных полотенец на длинном рабочем столе. Джой начала вытирать тарелки. Сперва в кухне висело неловкое молчание, но вскоре женщины принялись обсуждать чьи-то лимонные пироги и сосиски в тесте. Продолжать сплетничать в присутствии Джой никто, конечно, не собирался. Беря очередную тарелку, она подумала – несмотря на все их правила, молитвы и наказания, взрослые хранят гораздо больше секретов, чем она сама.

Глава 69

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Уважаемый старейшина церкви и великодушный член общества, который щедро одаривал всех, наконец-то в саду Божьем. Мы глубоко сожалеем и надеемся, что ты нас простишь. Виктор, Женевьева, Барри и Фелисити Армстронг

Когда Джой наконец прочла содержимое конверта, время для Алекса словно остановилось. А каково ей? Он даже представить не мог.

Стоя на подъездной дорожке Хендерсонов, Алекс понял – нельзя бросать Джой здесь одну, с этими мусорными контейнерами, с конвертом и домом, где не осталось ничего, кроме запаха страха. Полицейский участок был слишком официальным и равнодушным, а единственное кафе в городе – слишком унылым и совершенно неподходящим. И вот теперь они сидели у него в кухне, а между ними стоял очередной чайник проклятого чая.

– Я находилась в Дарвине, искала Марка, когда он умер. – Джой трижды ткнула в дату на газетной вырезке. – Какого черта он сменил имя?!

Алекс покачал головой, хотя оба знали ответ.

– Пытаюсь вспомнить... вдруг я даже читала тогда эту статью?

Горе Джой было неподдельным. Совсем другая Джой Хендерсон, не та, которая несколько дней назад сидела рядом с Вики в двух комнатах от умершего отца.

– Да нет, не могла я ее читать. Имя бросилось бы мне в глаза. Правда? – Джой посмотрела на него.

– Наверняка.

– Почему такие истории прячут на последних страницах? – Она стукнула по столу кулаком. – Пишут, что о его родственниках ничего не известно, а ведь я была там. *Я была там.*

Алекс разлил чай. Джой читала.

– Ненавижу фразу «машина съехала с дороги». С дороги съезжает не машина! Значит, Марк?..

– В свидетельстве о смерти говорится про несчастный случай. – Алекс не удержался и добавил: – Хотя в свидетельстве вашего отца – тоже. – Он достал из холодильника молоко. – Насколько можно судить, Марк вильнул, объезжая какое-то животное.

– Здесь написано, что все произошло ночью за городом. – Джой устала в свой чай. – Выходит, криков Марка никто не слышал...

Шепард промолчал. Оба сделали по глотку. Джой опустила чашку на стол и сказала:

– Вики – интересная личность, не находите?

– Вы имеете в виду «назойливая»? – Алекс хохотнул. – Да уж, зато сердце у нее доброе.

– Наверное.

– Что значит «наверное»?

– Мало иметь доброе сердце.

– Да?

– Взять, к примеру, отца. Все вам скажут, что сердце у него было доброе. Только хорошим он от этого не станет.

– Послушайте, я ни в коем случае не оправдываю его поведение с вами, но... он действительно делал много хорошего для города.

Джой хмыкнула.

– И?..

Алекс подошел к небольшому письменному столу, на котором высились шаткие стопки папок, взял верхнюю. Дернул кнопку-застежку на клапане и высыпал перед Джой страницы из местной газеты. Сотни некрологов, все начинаются «ХЕНДЕРСОН, Джордж».

– Вы читали?

– Нет. И читать не хочу. Мне известно, что в них говорится: каким замечательным он был, каким благочестивым и добрым. Однако я знаю правду. И вы теперь тоже.

Посидели в тишине.

– Я не пойду на похороны.

– Не пойдете?

– Нет. Все будут скорбеть и сочувствовать, а мне что делать? Притворяться, будто он был лучшим в мире отцом? Рыдать, когда меня

обнимают? Не собираюсь. Только и правду сказать им я тоже не могу. – Джой помолчала. – В общем, лучше не ходить.

– Согласен.

Разговоры о похоронах вечно напоминали Алексу про то, как он обнимал плачущую маму у гроба отца и думал о Венди Боскомб.

– Хотите, скажу, как мы с Рут его называли? – Джой не стала дожидаться ответа. – Мистер Хайд.

Шепард нахмурил брови в немом вопросе: «Почему?»

– Доктор Джекил и мистер Хайд, – продолжала она. – Всеми любимый образцовый гражданин и внушающее ужас чудовище – оба живут в одном человеке. Параллель очевидна, не находите? Словом, нет, я не желаю читать то, что говорят о нем другие.

– Справедливо... Ну а я, естественно, читал все. Обращал особое внимание на те некрологи, где скорби вроде как многовато. Или, наоборот, маловато. Убийцы иногда так себя выдают. – Шепард помедлил. – Да, читал, хотя был совершенно уверен, что знаю убийцу.

Он разгреб страницы, и Джой увидела несколько обведенных красным некрологов.

– Вот, например... Мне он показался уж больно виноватым. «Уважаемый старейшина церкви»... тра-та-та в том же духе, а дальше: «Мы глубоко сожалеем и надеемся, что ты нас простишь». Разве пишут такое в некрологе, если совесть чиста?

Джой пожала плечами.

– Вы их знаете? Виктор, Женестьева, Барри и Фелисити Армстронг? Она выхватила газету из рук Шепарда.

– Я так понимаю, ответ утвердительный?

– Не может быть! Они в Бельгии. Им неоткуда узнать о его смерти.

– Кто эти люди?

– Фелисити была моей Подругой, с заглавной «П». – Джой помолчала. – Единственной подругой, собственно. Ее родители тепло ко мне относились. Я называла их «мистер и миссис Фелисити»... долгая история. От городского аптекаря я узнала, что отец – Виктор – умер, а остальные переехали в Бельгию. Не понимаю, как его имя попало в некролог и откуда они узнали.

– Аптекарь?

– Да. Фелисити, то есть мистер и миссис Армстронг, владели аптекой. Новая хозяйка сказала, что прежний владелец умер, а его

семья перебралась в Бельгию.

Шепард нахмурился.

– Все не так. Прежних владельцев звали Айан и Вера Дункан. Айан умер во сне. Вики сказала – от сердечной недостаточности. Отличный был парень. Я с ним в сквош играл. Вера переехала не в Бельгию, а в Антверпен^[27], городок в Уиммере. У нее там родственники.

– Однако хозяйка аптеки говорила «Бельгия»... Или я перепутала? Может, аптекарша назвала Антверпен, а я подумала про Бельгию? Я была расстроена, там какая-то ужасная женщина кричала и била свою дочь, та уронила куклу... и мне это напомнило...

Алекс отвернулся к телефону за спиной, набрал номер.

– Что вы делаете?

Он поднял указательный палец.

– Приветствую, Дерек. Шепард, полиция Блэкханта. Дай-ка мне, пожалуйста, имя и адрес того, кто вчера разместил в газете некролог. О Джордже Хендерсоне. Мы надеемся, что этот человек... поможет в расследовании. – Шепард прикрыл рукой микрофон и бросил Джой: – Очень полезная фраза. – Затем вновь в трубку: – Да, подожду.

Молчание было неловким. Джой встала, наполнила чайник. Отвернувшись, стала ждать, пока вода закипит.

– Виктор и Женестьева Армстронг. Отлично. Адрес есть? И номер телефона, пожалуйста. Спасибо, Дерек. Премного благодарен.

Джой повернулась, и он заметил, что она дрожит всем телом.

– Ну вот, мистер Армстронг жив. И явно не в Бельгии. – Алекс оторвал верхнюю страницу блокнота, вручил Джой. – Южная Австралия. Вероятнее всего, пригород Аделаиды, судя по телефонному номеру. Не похоже, что они примчали сюда посреди ночи и убили вашего отца.

– Можно?.. – Джой указала на телефон.

Шепард кивнул. Пока она набирала номер, он ушел в гостиную и закрыл дверь. Он больше не понимал, виновна ли Джой в убийстве-суициде-случайной-смерти Джорджа. Понимал одно: Джой, чье детство было пропитано ежедневным страхом побоев и унижений, выработала тайный механизм психологической защиты, который проявлялся в виде бравады.

Вполне возможно, Вики права: Джордж Хендерсон покончил с собой, случайно или намеренно, а Джой невиновна. Даже если виновна, ее никогда не осудят. Стоит присяжным хоть чуточку вникнуть в дело, и они неминуемо вынесут оправдательный приговор. Это не то же самое, что вердикт «невиновна»... Оправдание, по мнению Алекса, скорее, означает «полиция не представила убедительных доказательств вины».

Дело закрыто, понял Шепард. Окончательно. Отпустив Джой, он сэкономит всем время и деньги, убережет себя от многодневного судебного разбирательства, а Джой – от новой психологической травмы. «Похоже, в обозримом будущем я ни одного убийства не раскрою. Ни Джорджа, ни Венди... Прости, Рон. Простите, Нил и Ви».

В гостиную вошла Джой, и Алекс вздрогнул. Господи, это ведь она должна бояться его, а не наоборот...

– Поверить не могу! Они зовут меня в Аделаиду. Фелисити тоже там. – Джой разрыдалась.

Шепард придвинул ей салфетки, она высморкалась.

– Я рассказала про Марка, и миссис Фелисити начала плакать. Мистер Фелисити отобрал у нее трубку и велел немедленно приезжать. Мол, они позаботятся обо мне, пока я вновь не встану на ноги.

Шепард дернул подбородком – кивнул.

Джой огляделась.

– Мне пора.

– Да, пора.

Она встала, и он не сразу сообразил, что придется отвезти ее обратно на ферму.

В машине Джой рассказала, как она восхищалась семейством Фелисити и до чего счастливыми те были.

– Подозреваю, у них тоже случались ссоры и трудности, – заметил Алекс. – В каждой семье такое бывает, правда?

– Наверное, – Джой кивнула. – Хотя я не видела ни одной их ссоры. Мне кажется, Армстронги знали о происходящем у нас дома – однажды я даже поделилась с Фелисити, и та пообещала рассказать родителям, но они ни разу не попытались меня спасти. Я сообразила, что должна сделать это сама.

На подъездной дорожке Шепард остановил машину.

– Здесь я попрощаюсь. Похоже, вы выиграли.

Он протянул ладонь, Джой ее приняла. Ответила, чуть затянув рукопожатие:

– Мы не соревновались, детектив. Я лишь делала то, что должна была. И поверьте, я уж точно не выиграла. В доказательство у меня есть шрамы. Физические и душевные.

Моральные ориентиры Алекса смещались с дикой скоростью, и все из-за проклятого семейства Хендерсон. Он по-прежнему питал слабую надежду на признание Джой, хотя уже не знал, что станет с ним делать. Вики с Джой правы – Джордж Хендерсон был чудовищем, он заслуживал смерти и страданий.

– До свидания, Джой Хендерсон.

– До свидания, старший констебль Шепард.

Глава 70

Джой и Рут

Январь 1961 года

Джой доедала тушеные яблоки, и тут под отодвигаемым стулом отца скрипнул линолеум. Ее голова дернулась одновременно с головой Марка.

– Кто готов сознаться?

Угри встали на дыбы. В чем сознаться? Джой мысленно пробежалась по сегодняшнему дню и не вспомнила за собой ни одного проступка. Видимо, дело в Марке. Ее сочувствие было острым, но облегчение – еще острее.

Мама убрала в шкаф кетчуп и вышла из кухни в мастерскую, предугадав дальнейшее.

– Слово «среда» вам ни о чем не говорит?

Среда. Джой думала, что все обошлось, и Марк наверняка думал так же. Давно ли отец узнал?.. Неужели специально выждал время, чтобы они почувствовали себя в безопасности?

В среду днем Марк занес в мамину мастерскую коробку с камелиями, а на обратном пути остановился возле Джой, которая отдраивала от крови корыто в прачечной. Остановился и спросил:

– Приветик. Чем занимаешься?

Вот так просто. Словно у них обычный дом. Словно они обычные брат и сестра. Наверное, подумала Джой, это оттого, что мы теперь оба в одной лодке, оба ужасно боимся услышать скрип стула по линолеуму и крик: «В комнату!»

– Обычными делами, – ответила она, выпрямляясь. – Эм-м... хочешь завтра после урока Библии поехать вместе со мной домой к Фелисити?

Марк быстро кивнул, его лицо оживилось. Затем поморщился.

– Нет, не могу. Завтра я помогаю ему ремонтировать насос. Зато в следующий раз поеду. Если не укачу в Дарвин.

Оба рассмеялись. Словно обычная семья.

Марк стоял, прислонясь к стене, а Джой ополаскивала корыто и рассказывала, как она пародировала мистера Джонса и мистера Фелисити и как все семейство дружно над этим смеялось, даже громче

обычного. Джой знала, что Марк очень хочет поехать к ним и тоже посмеяться над ее пародиями.

– Покажи мне, – попросил он.

Она отложила тряпку, наставила на брата палец и голосом, удивительно похожим на голос отца, пробасила:

– Кто ты? Я тебе скажу кто. Подлый, мерзкий грешник, которому суждено гнить в Аду. Вот ты кто!

– Здорово получается, – со смехом заявил Марк. – Тебе надо стать актрисой. Обязательно надо.

Джой вспыхнула от смущения, а Марк позвал:

– Пойдем-ка со мной.

Он пересек кухню и шагнул напрямик в большую комнату, без малейших колебаний. Джой проследовала за ним.

– Смотри. – Брат открыл дверцу серванта.

– С ума сошел?! – прошептала Джой.

– Не бойся. Папа на дальнем пастбище с больной коровой. Ждет ветеринара.

– Зато мама у себя.

– Нет. Она на пруду, собирает кувшинки. Вернется не скоро, а если вдруг вернется, я что-нибудь придумаю.

Сердце екнуло. После исчезновения Венди отец не разрешал никуда ходить в одиночку. Джой знала, что опасность кроется не только в таинственном похитителе. Сейчас кругом полно змей. Вдруг змея укусит маму, та упадет и умрет? Увязнет в грязи, как корова? Криков никто не услышит... Почему мама не взяла Джой? Та смотрела бы за змеями, пока мама склоняется у пруда, заносит над цветком мотыгу, погружает ее в воду, рубит стебель и нежно подтягивает кувшинку к себе. Мама постарается как можно скорее нарезать тридцать-сорок цветов и подогнать их к берегу – ловко и осторожно, чтобы не помялись. Она не станет следить за змеями, а те могут подкрасться и укусить ни о чем не подозревающего человека. Будь рядом Джой, она бы крикнула: «Змея, змея!» и спасла маме жизнь.

Броситься за мамой? Нет, глупо. К тому же сейчас Джой было хорошо здесь, с Марком. Он полез в недра серванта. Что там интересного? Она присела рядом с братом, который достал непрозрачную бутылку с золотистым горлышком и помахал перед носом Джой. Та схватила бутылку, чтобы прочесть этикетку.

«Олд Эбби»
Крепкий абрикосовый ликер

– Смотри, – сказал Марк. – Кто, по-твоему, это пьет? Мама или папа?

– Что?..

Джой не верила собственным глазам: у родителей есть ликер!

– Думаю, папа, – продолжал брат. – Потому он такой... потому он и делает то, что делает.

– Может, ликер подарила мисс Бойл?

Марк поднял брови – до этого он не додумался.

– Возможно, но бутылка распечатана и не полная. Кто-то ее опустошает.

Джой уставилась на бутылку. Родители и спиртное? Немыслимо. Они употребляли только чай и «Пассиону»: отец внушал детям, что алкоголь – напиток Дьявола. Если же ликер пьет отец, тогда это и вправду объясняет, почему он впадает в бешенство и не может себя контролировать.

Хотя нет, отец прекрасно себя контролирует. Он наказывает их с Марком спокойно, обстоятельно.

– Как ты нашел бутылку?

– Просто нашел, ясно? – Брат нахмурился.

Она кивнула. Все стены и полы в доме заражены тайнами, и если Марк обнаружил еще одну, то Джой не станет приставать, как да почему.

– Что будем делать?

– Попробуем. – Он отвинтил крышку.

– Нет. Нельзя!

– Можно, – возразил Марк и поднял открытую бутылку.

В ноздри ударил странный запах, напомнивший ей о чем-то, но вот о чем? Что-то далекое, щемящее и приятное...

– Раз можно ему, то нам и подавно. Что он скажет? Мол, это грех? Ха!

Марк запрокинул голову и влил ликер в рот. Как только едкая жидкость достигла горла, он начал кашлять и плевать.

– Фу, гадость ужасная!

Джой машинально отпрянула от ликерной слюны и ударилась плечом о сервант. Тот, хоть и сделанный из крепкой толстой древесины,

угрожающе качнулся, звякнули стаканы, затем что-то хрустнуло. Джой открыла дверцу, и они устались внутрь. На свадебный подарок от родителей отца. Нежные матовые стаканы с золотым ободком. Стаканы, которые отец приносил из большой комнаты только на Рождество, причем делал это с большой помпой. «Придите, все верующие!»

Один из стаканов на верхней полке лежал разбитый. Джой осторожно достала крупный осколок с нарисованными золотыми виноградинами, посмотрела на остальные осколки, мелкие и острые.

Опять хорьки.

– Господи Боже... – Марк побелел. – Ладно. Без паники. Уберем тут. Мигом.

Джой не знала, что хуже: темные, как кровь, ликерные капли, быстро впитывающиеся в ковер; очередное богохульство Марка, или стакан, который они – нет, она – разбили.

Дрожа, Джой начала вынимать один осколок за другим правой рукой и складывать в левую. До чего острые и тонкие кусочки, как страшно об них порезаться! Еще страшнее, что сюда могут войти родители. Марк пытался промокнуть рукавом свитера ликер на ковре, но лишь сильнее растирал пятна.

Девочка разглядывала осколки в ладони. Эти стаканы всегда напоминали о «Пассионе» и корзинах мисс Бойл (не будет больше корзинок), о песочных коржиках и пирожках, Рождественском пироге...

Рождественский пирог.

– Марк, это не он. Он не пьет ликер.

– Что? Думаешь, его пьет *мама*?!

Джой потянулась за маленьким осколком, а тот вдруг вонзился под ноготь указательного пальца. Она ахнула, из пальца закапала кровь.

– Беги за полотенцем, – скомандовал Марк. – И щетку с совком прихвати. Быстрее. Пока родители не вернулись.

В своей комнате Джой обернула кровоточащий палец уголком старого полотенца, которым обычно вытирала кровь после порки, а в кухне достала из-под раковины щетку и совок. Марк смёл осколки и высыпал их в расстеленное на ковре полотенце. Она без подсказок свернула его и побежала к мусорному баку. Забралась на верхнюю ступеньку и швырнула полотенце с осколками в Адский портал.

Повернулась. На дальнем пастбище, в овраге, разглядела крошечные фигурки – ветеринар и отец. Он вернется не скоро. Джой

посмотрела в сторону пруда – над высокой береговой линией как раз показалась голова мамы. Она будет дома минут через пятнадцать, а то и меньше, в зависимости от того, сколько кувшинок несет. Джой припустила назад.

Марк оттирал ковер водой и содой. Он испуганно дернулся, но понял, что это Джой.

– Так. Я передвинул остальные стаканы вперед. К нам никогда не приходит больше двух или трех гостей одновременно, а значит, если повезет, отец ничего не заметит. До тех пор, пока мы оба не уедем отсюда далеко-далеко. В Дарвин.

Марк ободряюще улыбнулся, но Джой не сумела выдавить ответной улыбки. Предупредила:

– Мама возвращается.

Брат закрыл дверцу серванта, оценил ковер. Пятна почти не были видны, однако в воздухе витал ликерный аромат.

– Хорошо. Мне надо переодеться и почистить зубы, избавиться от запаха. Не впускай ее пока в эту комнату.

Джой кивнула. Что делать, если зазвонит телефон или мама захочет пройти к себе в спальню?

Они торопливо вышли, закрыли дверь. Марк бросил на ходу:

– Никому не рассказываем. Никогда. Договорились?

– Конечно! – торопливо заверила Джой.

Никому, кроме Рут, понятное дело. Ей Джой рассказывала все.

Она побежала к задней двери, а Марк нырнул в ванную. Оставалось лишь надеяться на то, что запах и влажные пятна исчезнут раньше, чем кто-нибудь из родителей зайдет в большую комнату. Иначе – конец.

Джой услышала, как Марк вышел из ванной, крикнул: «Порядок!» – и заскочил к себе. Что он сделает со свитером, который пропах ликером? «Прошу, Господи, прошу...»

Она юркнула в свою комнату, раскрыла лежащую на столе Библию и бессмысленно уставилась на слова. И тут дверь распахнулась. Джой вздрогнула.

– Откуда ты знаешь, что ликер пьет не отец? – спросил Марк. – Нет, я понимаю, маме живется несладко, но вряд ли она употребляет спиртное. А если б употребляла, то не оставляла бы в шкафу на виду.

Джой почти не обратила внимания на слова о маминой жизни.

– Рождественские пироги.

– Что?

– Мама добавляет ликер в Рождественские пироги. Так положено по рецепту. Она зачеркнула ликер в книге рецептов, но теперь я понюхала бутылку и поняла, что это. Каждый год мы готовим пироги, и перед тем как положить в тесто сушеные фрукты, мама отсылает меня проверить, нет ли в курятнике свежих яиц. Когда я возвращаюсь, в кухне стоит странный запах, но я не успеваю про него спросить; мама сразу говорит – она, мол, добавила в тесто побольше корицы и мускатного ореха. Я подозревала, что дело не в них, но не знала, на какие другие приправы думать. Это точно ликер.

– Ладно. Тогда почему...

В кухне послышались шаги, и Марк произнес совсем другим тоном:

– Обсудим другие деяния двенадцати апостолов завтра, по дороге на урок Библии.

Вошел отец, глянул с подозрением. Ткнул пальцем в Марка:

– Ты. Марш в хлев, помогать Колину. Коровы не будут ждать твою светлость.

Марк кивнул. Когда он шел к двери, отец хлестко ударил его по уху. Джой уткнулась взглядом в Библию.

– А ты чем занимаешься?

Язык Джой прилип к небу.

– Ты в курсе, который час?

На этот вопрос не существовало верного ответа.

– Ты должна чистить картошку.

Джой встала и отправилась в кухню. «Лучше б ты и правда был пьяницей, который выходит из себя, напившись ликера. По крайней мере, я понимала бы причину».

* * *

Вот что случилось в среду, и теперь отец ждал признания от нее или брата.

– То есть среда никому из вас ни о чем не говорит?

Джой знала, что будет дальше. Она вполне может сказать: «Эта я разбила стакан», – и спасти от наказания Марка, который пытался спасти ее после побега хорьков. Только как объяснить, зачем она зашла в большую комнату и полезла в сервант? Никак.

Отец отодвинул стул дальше от стола. Скрип резанул по ушам, она тихонько задрожала, предчувствуя неизбежное.

Воздух взорвался раскаленным: «В комнату!» Надежды рухнули, по телу пробежала волна ужаса.

В спальне Джой разделась и села на кровать: колени стиснуты, руки скрещены на груди, ладони обнимают плечи, где уже начали образовываться шрамы. Джой знала – отец вновь сидит за столом, спокойно выдерживает паузу, чтобы дети ждали в страхе.

Через минуту-другую линолеум скрипнул опять.

«Прошу, Господи, прошу, не позволяй...» Она оборвала себя. Бог не собирается отвечать на ее молитвы. Ему просто все равно. Мама тоже не кинется на спасение. Будет сидеть в мастерской, окруженная лентами, цветами и венками для мертвых.

Отец зашел к себе, затем – в комнату Марка. Джой легла на кровать, накрыла голову подушкой. Это не заглушило ни криков, ни рыданий, но по крайней мере избавило от ощущения подслушивания. Когда грузные шаги протопали через кухню к ее комнате, она быстро села, поправила подушку.

При появлении отца опустила взгляд в пол. Как было велено. Как всегда.

Рут закрыла глаза и отвернулась.

Джой выла, словно дикий зверь, когда ремень опускался на голую кожу. Не пыталась сдерживать крик – пусть мучитель знает, как это больно. Воздух звенел от жара, несмотря на холод за окном, и хотя Джой лежала лицом вниз, она мысленно видела отца: как он тяжело дышит, шипит и монотонно считает, поднимая и опуская ремень вновь и вновь. Видела, как на его лбу проклевываются красные рожки, как хлещет из стороны в сторону красный остrokонечный хвост, вторя движениям ремня. Видела желтые клыки и черную пещеру рта. Она открывается шире, шире, оттуда выползает толстая серебристая змея, оборачивается вокруг отцовской шеи и груди, мурлычет, лижет его красную кожу...

После восьмого взмаха ремня Джой резко вскинула подбородок и извергла на покрывало тушенных угрей.

– Прекрати! – взревел отец, толкнув ее обратно, лицом в вонючее месиво.

Ее вновь вырвало. Тогда он остановился.

– Смотреть противно! – И вышел.

Джой подняла голову, услышала, как он зовет:

– Гвен, иди сюда, сделай что-нибудь! Ее тошнит.

Джой вместе с мамой молча свернули покрывало, затем Джой вытерла рот полотенцем и сделала пару глотков воды, которую принесла мама. Та положила руку ей на плечо и сказала:

– Будьте осторожней. Оба. Не расстраивайте его. Пожалуйста. Ведите себя хорошо. *Пожалуйста.*

За стеной тренькнула гитара, зазвучала песня «Ты мой солнечный свет».

Позже Рут шепнула:

– Все будет хорошо. Вот увидишь.

В ту ночь все действительно было хорошо – во сне. Джой прокралась в кухню, высыпала все таблетки от мигрени себе в ладонь и спряталась за диваном посмотреть, что будет. Появился отец, с налитыми кровью, выпученными глазами, с рогами на лбу, с дикой головной болью. Схватил пузырек, перевернул – пусто! Поднес его ко рту, запрокинул голову, будто собрался пить. Ни одной таблетки не выпало. Отец громко застонал, яростно затряс пузырек. Затем рухнул на пол, пуская пену изо рта, и умер. Джой выбралась из-за дивана, вернула таблетки в пузырек, а пузырек – на место в шкаф, за упаковки с корицей и содой. Легла в постель. Утром отца найдут в кухне, и все решат, что он не успел вовремя принять лекарство.

Глава 71

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Добрый и великодушный сосед моего дорогого Роберта. Покойся с миром на бескрайних пастбищах Божьих. Берил Бойл

Наблюдаю, как Шепард в три приема разворачивает автомобиль и уезжает назад в город, затем плетусь к дому. Улавливаю запах дыма из бака. Ненавижу это вечно тлеющее напоминание о вони и муках Ада.

Пытаюсь разобраться с кашей в голове. Рут была моим близнецом, а Марк умер, зато я нашла семью Фелисити. Точнее, Шепард их нашел. И еще – он меня отпустил.

Наверное, за это следует благодарить Вики. Хотя я не понимаю почему.

Иду мимо сорока двух маминых кустов камелии вдоль подъездной дорожки. В пробелах между ними буйно цветут сотни ярко-красных маков. Цветы... Сколько же их посадила, вырастила, собрала и составила в букеты мама! Ее утешение.

Срываю маковый стебель, на нем несколько стебельков поменьше и шесть-семь раскрывшихся бутонов. Нам не позволялось делать это в детстве – обломанное растение больше не давало цветов. Меня вдруг охватывает щемящая жалость к маме, которая очень старалась заработать для нас хоть чуточку денег, выращивала море цветов и тяжело трудилась. Маме, которую я почти не знала из-за окружавшей нас злой, страшной атмосферы. «Прости, мама. Прости за все, что он с тобой сделал; прости за то, что я бросила тебя; прости за то, что рядом с тобой не было ни одной родной души».

У меня, по крайней мере, была Рут.

Хотя как знать... Возможно, у мамы Рут тоже была. Она ведь называла всех кур Рут, что наверняка до чертиков раздражало отца. Небольшой акт возмездия? Ежедневное напоминание о содеянном? Особенно когда он рубил голову очередной Рут. Вдруг мама совершала

и другие акты возмездия? Например, добавляла в таблетки от мигрени соду... Хорошо бы.

Рут Поппи Хендерсон. Поппи – Мак... Надеюсь, мама похоронена с ней рядом. Когда я наконец выберусь на кладбище (может, даже завтра), высажу вокруг их могил маки, сотни маков.

Мусорные контейнеры по-прежнему стоят на подъездной дорожке. Все уже выброшено, кроме хлама из сарая. И кукольной головы.

Глядя на сундук, я хвалю себя за то, что до сих пор не рассказала Шепарду о кукле. Теперь мое объяснение прозвучит куда убедительнее: я выкинула все из дома и решила убраться в сарае. Начала с сундука, а там... «Вы не поверите, что я нашла!»

Затем – вскоре – Шепард объявит Боскомбам и целой округе, что мой отец убил Венди, и все услышат правду: он был чудовищем и убийцей. Жаль, его не осудят и не отправят в тюрьму, но репутация гада рухнет, а главное – он *знал*, что так произойдет. Вот это и называется утешительной мыслью.

Впервые за долгое-долгое время мне хочется поверить в Ад и в то, что отец там, вопит о пощаде, которой никогда не дождется.

Я перебираю детские воспоминания, ищу счастливые. Кое-что есть: вечер, когда мы оборачивали учебники пленкой; время с Фелисити и ее семьей; запись любимых слов и образов; смех Марка над моими пародиями. Однако самые сильные воспоминания – о ремне. Ремне, который до сих пор ждет в пакете на рабочем столе, придавливая собой документы для Марка: письма, свидетельство о браке, некролог о Рут. Рядом лежит гвоздь из шкафа.

Пора придать жерновам правосудия хорошенькое ускорение.

Пустой дом и правда внушает страх. Хорошо, что я не верю в привидения – здесь их было бы чертовски много.

Гвоздь с документами отношу на переднее сиденье машины, а с пакетом для вещдоков иду в сарай за вечно сверкающим топором – единственным предметом в Страхомире, который не тускнеет и не портится. Топаю к окровавленной колоде возле пустого курятника. Вытряхиваю из пакета ремень. Он пытается ускользнуть, но я быстро прижимаю его ногой и, подобрав с земли, сворачиваю змеей вокруг пряжки. С величайшей осторожностью кладу на колоду.

Вид у ремня невинный, однако внешность обманчива, поверьте.

Око за око. Благодаря изучению Библии я знаю, что это записано и в Исходе, и в Левите. Значит, Бог был твердо уверен в данном принципе, верно?

Высоко заносу топор и опускаю – резко, быстро, пока ремень не успел сбежать. Из кожи сразу начинает струиться застарелая кровь. Детская кровь. Она густая, тускло-коричневая и пахнет страхом.

Отец убивал Рут одним движением, но я еще не закончила. Вновь опускаю топор, и на этот раз слышу крики Марка. Крики – красные вспышки молнии. Марк. Марк. Марк. Машу топором вновь и вновь, ловлю ртом воздух, задыхаюсь... Куски ремня отскакивают от колоды во все стороны, крики один за другим летят в раскаленное яркое небо. В моем понимании отец убил и Марка тоже.

Собираю куски ремня, кладу их назад на колоду и рублю дальше. Кровь уже не струится, а брызжет, крики сливаются в долгий незатихающий вой. Руки болят, но я рублю. Голову ломит, но я рублю. Ноги отекают, но я рублю.

Кровь из ремня пульсирует в такт моим ударам, переливается через край и падает на землю, как водопад с утеса. Опясывает основание колоды, подбирается к моим туфлям. На поверхность всплывают белые перья мертвых Рут. Давняя кровь растекается шире и шире; вот она уже затапливает всю ферму, а красные крики закрывают небо, и люди гадают, уж не конец ли света настал.

Наконец от ремня не остается ничего, кроме окровавленных ошметков, и мой разум успокаивается. Я опускаюсь на землю и отталкиваю от себя топор.

Только тут замечаю на колоде треугольную пряжку; она блестит на солнце, невозмутимая и неподвижная, дразнит меня, уверенная в собственном бессмертии. Я вновь встаю, размещаю пряжку в центре колоды, подбираю топор. Перехватываю его обеими руками под самой головкой. Склоняюсь над пряжкой. Лезвие топора указывает четко на крики, испарившиеся в раскаленном небе.

Коротким резким взмахом опускаю обух и слышу приятный лязг металла о металл, как вдруг подбородок сбоку пронзает жгучая боль. Бросаю топор и зажимаю руками нижнюю часть лица.

По запястьям и шее течет кровь, мешается с потом. Мне страшно открыть рот – вдруг срикошетивший топор сломал челюсть? Осторожно прохожусь пальцами по подбородку, постепенно увеличивая

давление. Кость цела. Открываю-закрываю рот, вздыхаю с облегчением – и злостью на собственную глупость.

Опять подбираю топор и нацеливаю его острием в небо. Новая кровь с моего лица капает на старую кровь на колоде, а я наношу удар по пряжке. На этот раз я готова и успеваю отпрянуть от отскочившего топора. Колочу по пряжке еще и еще, уворачиваясь от злого рикошета. При каждом ударе она издает пронзительный писк – как котенок, пробывший моим целых два часа.

Швыряю топор на землю и смотрю на кусок металла на колоде. Он все еще цельный, но распознать в нем пряжку уже нельзя.

Сойдет.

В сарае снимаю с ржавого гвоздя мешок, встряхиваю его, затем методично топчу слева направо и сверху вниз, чтобы убить притаившихся внутри пауков. Перепроверяю, вывернув наизнанку. Вернувшись к колоде, скидываю в мешок кусочки ремня и искореженную пряжку. Крепко завязываю мешок узлом, чтобы ничего не сбежало.

По дороге к гробовщику я репетирую диалог, который представляла много раз. Смакую свою любимую фразу: «Это последний гвоздь в крышку гроба».

Глава 72

Джой и Рут

Январь 1961 года

– Больше никогда не стану есть Рождественский пирог.

Слова прозвучали безразлично, но Джой заметила у рта Марка красные пузырьки гнева. Он стоял рядом с ней в конце подъездной дорожки, ждал автобуса на урок Библии.

– Я тоже.

Джой хотела спросить, откуда взялась незнакомая сумка вместо привычного школьного рюкзака, но спина после вчерашней порки болела невыносимо, Джой едва соображала, и на разговоры сил не было. Может, это Преподобный раздал «Христианской молодежи» такие сумки специально для уроков. Сейчас Джой ненавидела отца еще сильнее: тот без всяких оснований приказал ей сразу после изучения Библии возвращаться домой, а не ехать к Фелисити.

В Блэкханте при выходе из автобуса Марк врезался в нее сзади. Джой хмуро обернулась – он явно сделал это специально. Однако Марк посмотрел на нее и сказал:

– Прости, Джой. Прости меня, пожалуйста.

Она недовольно поморщилась, но почти простила брата, когда тот с улыбкой помахал ей, провожая к актовому залу.

После урока Фелисити с Джой спрятались в раздевалке, и Джой сказала, что сегодня ей не хочется никого пародировать, а еще отец велел возвращаться прямиком домой. Фелисити попыталась развеселить подругу рассказами о проделках Снежинки, но та не улыбалась. Сидела, уставившись под ноги, и представляла, как следы ударов на спине пульсируют, растут и уплотняются в новые шрамы.

– Ну же, не унывай, Джой... Он обязательно отпустит тебя к нам в четверг.

Джой глянула на Фелисити. Вот бы рассердиться на нее, на эту девчонку, которая ничего не знает о боли, криках и скрипе линолеума! Только Фелисити не виновата, она хотя бы приглашает Джой к себе и дарит ей минуты радости. К тому же Фелисити – единственная Подруга Джой.

Вот там-то, в маленькой комнатке актового зала, где они обычно вместе смеялись, Джой, измученная болью в исполосованной спине, рассказала Фелисити об отце.

Возмущенные восклицания Подруги ложились на душу Джой успокаивающим кремом. Затем прозвучало то, чего она ждала, ради чего вообще откровенничала.

– Я расскажу родителям. Они его остановят.

После отъезда Фелисити Джой встала на Церковном крыльце, чтобы подождать Марка. Вскоре начали выходить старшие ученики, но его с ними не было.

Следом появился Преподобный Брейтуэйт, и Джой спросила у него про брата. Преподобный покачал головой.

– Я хотел задать тебе тот же вопрос. Мы подумали, что Марк заболел.

Джой испугалась – если Преподобный позвонит отцу, то Марку несдобровать. Она со смехом ответила:

– Ой, точно, он остался помочь папе. Я привыкла возвращаться с ним вместе и совсем про это забыла.

Преподобный настоял на том, чтобы проводить ее до автобусной остановки. Причину Джой понимала – Венди Боскомб до сих пор не нашли, и все опасались, как бы похититель не похитил еще одного ребенка. Она боялась встретить на остановке брата – ведь тогда Преподобный поймает ее на лжи, – но его не было. Зато были другие взрослые, Преподобный оставил Джой с ними и попрощался. Она беспокойно изучала улицу. Похоже, Марк прогулял занятие. Значит, он должен появиться тут с минуты на минуту, чтобы успеть на автобус.

Марк так и не пришел.

По дороге домой Джой смотрела в окно на серый дождь, а угри в животе злобно шипели. Она пробовала вернуть чувство, которое испытывала при записывании любимых слов и образов, утопить угрей в темном шоколаде с клубнично-сливочной начинкой, – но слишком переживала за брата.

Может, отец приехал в Церковь, как только она отправилась в зал изучать Библию, и забрал Марка на ферму, чинить изгородь? Маловероятно, конечно, но какое еще есть объяснение?!

А вдруг в Блэкханте и правда живет убийца, вдруг он похитил и убил Марка? В голову закралась мысль еще страшнее: вдруг отец

узнал о том, что Марк прогуливает изучение Библии, и сейчас тот лежит на своей кровати, голый и дрожащий, и его бьют ремнем не пятнадцать раз, а пятьдесят? Или сто? Бьют в буквальном смысле до смерти?

К тому времени как Джой очутилась на подъездной дорожке, угри из живота доползли до горла. Стало трудно глотать. Дважды ей слышался позади голос Марка, она быстро оборачивалась, но видела лишь грязь да моросящий дождь. Пустая дорога навела на мысль о куклах Венди Боскомб и ее исчезновении. Она растворилась не в воздухе, мрачно подумала Джой, а в густой грязи.

Только Марк – не глупенькая девятилетняя девочка. Он не мог раствориться в густой грязи, как Венди. К тому же Марк умный; он не попался бы, если бы решил прогулять урок. Может, притворился больным и нашел, как добраться домой, а теперь валяется в кровати, ждет сестру и посмеивается – мол, вот как я хитро сбежал с ненавистной Библии... Или, может, от вчерашних тушеных угрей ему стало плохо по-настоящему, как Джой...

Кровать Марка оказалась пуста. Джой застыла посреди комнаты в надежде на то, что он выскочит из старого одежного шкафа и напугает ее. Однажды такое уже было, давным-давно. Прошло несколько секунд. Она распахнула дверцу шкафа, ожидая услышать: «Ага!» – и смех брата. Просунула голову внутрь, но увидела лишь пустые вешалки. Что-то тяжелое, темное и сизое сдавило горло, мешая дышать. Джой доковыляла до комода, открыла ящик для носков, где Марку разрешали хранить сберегательную книжку. Отец следил за тем, чтобы дети копили каждый полученный пенни: тетья Роза присылала им на день рождения фунтовую банкноту, а от маминой двоюродной бабки, умершей вскоре после рождения Джой, они унаследовали по сто фунтов. В прошлом году Джой, вручив очередной фунт отцу для помещения на ее банковский счет, спросила Рут, почему им оставляют деньги. Та вскинула брови, ответила: «Если он возьмет их, это будет кража, так? А наш святой отец никогда не нарушает Десяти заповедей, правда?»

Джой лихорадочно перерыла носки Марка. Сберегательной книжки не было. Не было также увеличительного стекла, подаренного тетей Розой на Рождество, и карманного справочника по мировым столицам, присланного ею же годом раньше.

Джой резко обернулась. Все выглядело по-прежнему, однако все изменилось.

Сизая тьма заполнила тело, проникла в голову, ее будто сдавили клещами с верстака из сарая.

Джой побежала к себе.

– Марк уехал, – тихо сказала Рут.

– Нет, он не уехал бы. Ни за что бы не уехал.

Рут покачала головой.

– Пришлось.

– Почему ты его не остановила?!

– Ты же знаешь, я не могу.

Теперь понятно, почему на выходе из автобуса Марк попросил прощения, почему он взял с собой другую сумку, и почему его не было ни на уроке Библии, ни на автобусной остановке...

Надо рассказать родителям, тогда они быстро найдут его. Джой закричала на Рут:

– Мне придется им рассказать! Придется рассказать!

– Подожди, – негромко ответила сестра.

– Чего ждать?! – взвизгнула Джой.

– Дай ему как можно больше времени. Марку нужно вырваться.

Джой не знала, как быть. Она уставилась на хладнокровную, спокойную Рут. Села за письменный стол, испуганно застыла.

– Просто подожди еще немного, – посоветовала Рут.

Джой отчаянно помотала головой.

– Вдали отсюда Марку будет лучше, – настаивала сестра.

– Неправда.

– Отпусти его, Джой. Марку надо уйти. Так же, как мистеру Ларсену.

Джой уронила голову на стол и горько заплакала. Почувствовала, как ее обнимают руки Рут, но они казались невесомыми, как осенняя паутинка {крылья мертвого ангела}.

– Убирайтесь! – крикнула Джой образам, ледящим мозг.

Когда рыдания наконец стихли, она встала, вытерла покрасневшее лицо, глаза, щеки. Чем скорее она кому-нибудь сообщит, тем скорее Марка найдут, доставят обратно, и все опять будет нормально. Его, конечно, накажут. Накажут страшно. Марк, наверное, несколько дней не сможет ходить. Джой содрогнулась. Поделом ему, раз он ее бросил!

Сможет ли она так поступить?

– Он устроится где-нибудь в безопасном месте, – зашептала Рут. – Однажды, когда отец умрет, Марк вернется.

Джой повернулась к своей идеальной сестре и прошипела:

– Не вернется! Я больше никогда его не увижу. Тебе хорошо! Тебя ведь не лупили вчера до полусмерти!

Рут проигнорировала обвинения.

– Если ты не потянешь время, Марка найдут, и он никогда тебя не простит. Его жизнь станет еще хуже.

– А как же я?!

Мысли метались. Марк, видимо, доехал на поезде до города, затем – в аэропорт. Сейчас он уже на пути к Дарвину. По прилете его может перехватить полиция.

Он обещал взять Джой с собой. Должен был ее взять!

Джой встала. Она последует за братом в Дарвин. Сядет на поезд до Мельбурна, а дальше – самолет до Дарвина. Неважно, что Рут останется здесь. Отец на нее даже не накричит. Все из-за несчастья, о котором запрещено упоминать.

– Джой, – мягко проговорила Рут, – ты не сможешь одна сесть в самолет и улететь в Дарвин. Марку шестнадцать, а тебе только двенадцать. Тебя приволокут обратно. Придется еще немного подождать.

Рут вечно знает все ее мысли, надоело!

– Тогда я должна сказать родителям, что Марк ушел.

– Рано. Дай ему больше времени.

Что отец сделает с Марком, если вернет его домой? А что он сделает с Джой, если узнает о ее промедлении?

Она хотела лишь одного – нормальной, счастливой семьи. Неужели это такое несбыточное желание? Нормальная семья, откуда дети не сбегают? Джой представила мистера Фелисити, как тот одновременно разговаривает, смеется и запикивает вилок еду назад в рот; представила Снежинку, которая ест запеченную курицу и мурлычет на коленях Фелисити; Баррингтона, рассуждающего о книгах; и огромный лимонный пирог с меренгой, испеченный миссис Фелисити.

Рут в кои-то веки ошиблась. Марк может вернуться, и отец не избьет его до смерти. Потому что Фелисити расскажет своим родителям, и порки прекратятся.

Не обращая внимания на крик Рут: «Рано, рано!» – Джой
выскочила на задний двор и завопила:
– Мама, мама! Ты где? Марк сбежал!

Глава 73

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Человек, который жил интересами общества и все свои силы вкладывал в заботу о ближних. Блэкхэнт будет скорбеть об этой утрате. Соболезнования семье. Пожарная команда Блэкхэнта

Мистер Данн меня не разочаровал. Вплоть до содрогания, с которым он брал мешок. Словно знал, что внутри отцовский ремень – пропитанный детской кровью и багровыми криками.

Возвращаюсь в дом. Делать тут больше почти нечего.

Самое важное – проверить пруд. Чем больше я об этом думаю, тем большей уверенностью наполняюсь: он точно пересох, и если я права, то все встанет на свои места. Если же ошибаюсь, то просто расскажу Шепарду про кукольную голову. Меня не очень-то радует перспектива увидеть то, что я предполагаю увидеть, но Шепард скажет мне спасибо.

Мотыги нет, поэтому я беру с собой топор. Любая змея, которая попытается сегодня на меня напасть, мигом лишится своей противной скользкой головы.

Однако всех змей, лениво поджидавших вкусную и розовую человечину, распугали свист топора в высокой желтой траве и грозные вибрации, передающиеся от меня земле.

Вал на подступах к пруду покрыт растрескавшейся глиной. Значит, за ним тоже сухо – или почти сухо. Продолжая смотреть в оба на случай появления змей, я взбираюсь на высокий берег и знаю, что среди мусора на дне пруда мне предстоит увидеть мешок с крошечными костями.

Слышу шипение отца: «Кидай, черт тебя дерь! Кидай». Слышу, как котенок царапает мешковину маленькими белыми лапками, пищит, обещая любить меня всем сердцем. Слышу отчаянный визг мешка, по дуге летящего в воду, потом всплеск... и тишину.

Неудивительно, что я ненавидела отца. Неудивительно, что я решила его убить. «Решила убить, детектив, хотя это не означает, что и правда убила. Обо всем позаботились таблетки Вики, вы же читали ее отчет о вскрытии».

Одолев подъем, убеждаюсь в своей правоте. На дне растрескавшегося кратера – маленькая мутная лужа меньше трех футов в диаметре. Я вижу покосившуюся шляпку и слегка удивляюсь: надо же, дерево не сгнило. Периметр пруда усеивают кости и ребра, прикрепленные к позвоночникам, прикрепленным к длинным треугольным черепам. Останки мучимых жаждой коров, которые увязали в топком иле, барахтались в панике, падали, ломая ноги, и тонули. Я всегда ужасно их жалела.

На дне множество мешков; я понятия не имею об их содержимом – кроме одного, с косточками котенка. Интересно, что отец выбрасывал в других? Вон лежит на боку ржавый трактор: одна половина торчит наружу, вторая погребена под засохшей глиной. Валяются еще какие-то непонятные ржавые механизмы. Видны испещренные пятнами тракторные шины, их штук шесть или семь, и они похожи на гигантские семена аниса. Сотни безвольных печальных стеблей и корней – мертвые кувшинки.

Ржавая бочка на сорок четыре галлона.

Ступаю на узкую отмель в фут шириной, дальше наполовину спускаюсь, наполовину съезжаю по наклонной стене пруда, в которой, наверное, футов двадцать (а не «пятьдесят футов навечно», как пугал отец). Стараюсь не поскользнуться на вязкой глине. По-прежнему беспокоюсь о змеях, хотя даже их в такой зной, похоже, солнышко не прельщает.

Возле бочки меня пробирает дрожь, несмотря на чудовищную жару. Я не смогу... Слышу, как Рут шепчет мне на ухо: *правосудие и месть*.

Кладу топор, сажусь у бочки. По очереди отщелкиваю пять скоб, удерживающих крышку. Она падает на растрескавшуюся глину.

Легкая часть плана пройдена. Я облизываю губы, проклиная жару и заглядываю внутрь.

В бочке лежит камень. И груды костей. Человеческих костей. Не крупных, а маленьких, детских.

Венди Боскомб.

Мысленно вижу, как Шепард рассказывает ее родителям – убитым горем, но уже испытывающим облегчение – о бочке, которую утяжелили камнем и отправили под воду, на дно. Во веки веков, аминь. Ведь в 1960 году никто не поверил бы, что хоть один пруд в округе когда-нибудь высохнет.

Я не думала, что будет так жутко. Желудок скручивает, его содержимое подступает к горлу и струей выплескивается изо рта.

Бедная Венди.

Вытираю губы тыльной стороной ладони. Очень хочется зачерпнуть коричневатой воды из центра пруда и смыть рвоту с подбородка, но вдруг в луже притаилась змея?

Заставляю себя заглянуть внутрь бочки еще раз. Заставляю посмотреть на то, что осталось от бедной Венди Боскомб. Косточки и пара желтых пластиковых сандалий.

Встаю, подбираю сверкающий топор. Правосудие и месть.

К дому возвращаюсь быстро, размахивая перед собой топором. Вспоминаю, как Белл с Шепардом расспрашивали нас после исчезновения Венди.

Сначала отец заявил, что не покидал фермы, но тут неожиданно заговорила мама и напомнила ему – в присутствии полиции – о том, что все-таки покидал. Отец нервно рассмеялся и сказал, потирая спинку стула: «Да, ездил по тракторной колее ремонтировать дальнюю изгородь». По тракторной колее, которая идет вдоль фермы Боскомбов. Брал трактор, а не фургон, потому как последний хлипковат. В тот самый вечер Марк вымыл фургон внутри и снаружи, и Белл наверняка заметил чистенький автомобиль, припаркованный неподалеку от сверкающего топора. Отец сообщил, что транспорта на Уишарт-роуд не было, затем передумал и добавил – была синяя машина. Однако не смог описать ни саму машину, ни того, кто находился внутри. Дальше подчеркнул – сегодня же загляну к Боскомбам, помолюсь с ними.

Записывал ли все это Шепард, изображавший детектива, в свой полицейский блокнотик? Перечитывал ли записи, думал ли: «Да, в тот вечер Джордж Хендерсон вел себя подозрительно»?

Я склонна считать, что его вообще не подозревали. На суждения Рона Белла влияла репутация отца, столпа местного общества и давнишнего церковного старейшины. К тому же не было ни одной

улики, которая могла бы навести полицейских на мысль о причастности отца к исчезновению Венди.

Что ж, теперь улик предостаточно. Кости Венди лежат на дне пруда Джорджа Хендерсона, а в сарае Джорджа Хендерсона хранится голова ее куклы. Вся в отпечатках его пальцев.

Итак, пора рассказать Шепарду.

Глава 74

Джой и Рут

День Австралии^[28], 26 января 1961 года

Джой просидела в своей комнате два дня, пока социальные работники, сержант Белл и Преподобный Брейтуэйт приходили и уходили, приходили и уходили. Однажды даже заглянул доктор Нейбор, выписал рецепт маме. Джой словно находилась внутри огромного замерзшего пруда, откуда не выбраться. Не могла есть, почти не разговаривала. Зато у нее в комнате была прекрасная книга слов и образов. И еще Рут.

Прошло лишь несколько недель, а фото Венди больше не печаталось ни на первой странице газеты, ни на третьей, ни даже на пятой. Венди стала старой печальной новостью; ее вытеснила предстоящая сельскохозяйственная выставка, первая подобная выставка в Блэкханте.

Вся семья – или то, что от нее осталось – была потрясена. Мамины глаза покраснели изнутри и стали сине-коричневыми снаружи. Лицо отца приобрело постоянный красный оттенок.

Колин дважды в день сам доил коров. Как и раньше, приносил по утрам молоко Мэйси, но теперь только половину ведра – ведь больше не было Марка, который выпивал по три стакана молока за едой и еще несколько – в промежутках.

Вечером после побега Марка пришел сержант Белл и расспросил каждого поодиночке в большой комнате.

– У тебя есть догадки, где может быть Марк? – ласково поинтересовался Белл у Джой.

Та подняла на него опухшие глаза. Они с Рут ждали этого вопроса и знали, как надо ответить. Сглотнув, Джой кивнула. Однако ее голос звучал настолько хрипло, сердце помещалось в таком маленьком пространстве, а горло было до того забито угрями, что Белл попросил повторить ответ.

Джой откашлялась, вытерла глаза.

– Да, – всхлипнула. – Я знаю, где он.

Ей было плохо, она чувствовала себя последней грешницей в Аду, вроде Иуды, но они с Рут договорились. Джой отрывисто забормотала

сквозь всхлипы:

– Марк всегда говорил... – Она сглотнула. Неужели и правда язык повернется? – Всегда говорил, что уедет...

Голос вновь оборвался, сержант Белл наклонился ближе.

– Марк всегда хотел уехать в... Хобарт.

И Джой зарыдала пуще прежнего.

Сержант Белл погладил ее по плечу, похвалил:

– Умница.

У себя в комнате Джой подумала было записать в блокнот еще немного прекрасных образов, но даже самые любимые картинки выглядели сейчас серыми и раскисшими, как мокрый картон. В конце концов она уснула, и ей приснился Марк. Он отдыхал на солнечном пляже в Дарвине; рядом лежали увеличительное стекло, справочник по столицам мира и сберегательная книжка. Марк прошептал: «Прости, Джой».

На следующий день она покидала комнату лишь ради обеда и чая. Каждый раз брала несколько яично-салатных бутербродов миссис Ларсен, которые принес Колин, и возвращалась к себе, точно привидение. Отец не возмущался и не гаркал, не обвинял ее в неблагодарности. Правда, в обед у Хендерсонов находился Преподобный Брейтуэйт, а во время чая – сержант Белл, поэтому ни о каких криках, оскорблениях и наказаниях не могло быть и речи. К тому же отец выглядел совершенно раздавленным.

Когда Джой положила на тарелку бутерброды, сержант Белл засобиравшись и сказал:

– Дело в том, Джордж... Гвен, что Марку шестнадцать и он сбеж... покинул дом по собственной воле. Поэтому мы не можем подать в розыск или начать расследование. Ребят в Хобарте я уведомил, но, боюсь, у них нет времени на поиски беглых подростков. Тем не менее мой тамошний приятель пообещал прислушиваться вполуха, не всплывет ли где имя Марка.

– Вполуха?! – брызнул слюной отец.

– Я все понимаю, Джордж, но для основательных поисков нет ресурсов, да и необходимости, если честно, тоже. – Белл помялся. – Послушай, я никому не рассказывал о... затее твоего сына. Зачем распускать слухи? В курсе только соцработники, доктор и Преподобный, а они обязаны соблюдать конфиденциальность, я им об

этом напомнил. На твоём месте я бы говорил всем, что Марк отправился в Мельбурн искать работу. Никто ничего не заподозрит.

Отец уставился на Белла. Тот поджал губы, добавил:

– Я даже юному Шепарду не сообщил. Он уехал на похороны отца. Мальчик и без того очень расстроен историей с бедняжкой Венди; ни к чему накручивать его ещё больше, тем более что тут нет состава преступления. Просто твой парнишка решил, что вырос из Блэкханта, и поехал пытаться счастья. Я бы придерживался такой версии на твоём месте. Это не стыдно, Джордж. Ни тебе, ни твоей семье нечего стыдиться.

Однако Джой знала: отец стыдится, ведь репутация для него – все. Потому не удивилась, когда он достал письмо, в котором Марку рекомендовали продолжить учёбу в школе в связи с высокой успеваемостью и спортивными успехами; достал и тут же бросил в огонь на глазах у сержанта Белла и семьи. Дождался, когда письмо прогорит до золы, и повернулся к домочадцам.

– Чтобы имя этого человека больше никогда не упоминалось в нашем доме!

На вторую ночь после бегства Марка, уже после отхода родителей ко сну, Джой вновь раскрыла «Мои прекрасные образы», и слова с картинками хлынули из нее потоком, как вода из переполнившегося пруда, забурлили ненавистью и гневом. «Ремень», «горячо», «смерть», «Ад», «Рай», «угри», «топор», «шрамы», «крик», «бешенство», «ложь», «страх», «грязь», «ловушка», «Сатана», «хорьки», «отец», «Церковь», «утонуть», «дождь», «убивать». Вызванные этими словами образы были безумными, фантастическими. Черные небеса и океанские глубины, черти и другие необычные создания в Аду, языки и рога, вулканы и взрывающиеся солнца, искореженные тела и вопящие скелеты, ведьмы и безголовые куклы, шипящие угри и змеи, мертвые младенцы и мертвые телята, колючая проволока и колоды для рубки мяса, черные перчатки и красный дым, битое стекло и кровь.

От каждого образа несло злобой, безысходностью и тьмой; Джой сама не могла поверить в то, что извергается из ее головы через руку на бумагу, но вместе с тем понимала: нельзя сдерживать этот поток, надо позволить образам прорваться сквозь полог, ведь за ним лежит бесконечная опасная тьма, которую она не в силах контролировать.

Отец не приходил, не кричал «Погаси свет!», и Джой все писала, писала, писала...

Наконец кисть начала болеть, а голова – пульсировать. Отложив ручку, Джой пролистала блокнот назад и поразилась – она исписала каракулями больше двадцати страниц! На первой странице посмеялась над тем, как старательно она выводила буквы в первый вечер, как огорчалась испорченному слову «нектар». Первая страница легла на вторую, и глазам предстал форзац с заглавием.

«Мои прекрасные образы»

Джой разровняла форзац, как ровняла его в первый вечер, давным-давно, сто лет назад – хотя на самом деле прошло две недели. Со свистом втянула воздух и решительно взяла красную ручку. Тяжело дыша, зачеркнула все три глупых смиренных слова. Провела по ним ручкой туда-сюда, еще, еще, надавила сильнее, туда-сюда, еще – пока они не исчезли совсем. Затем через всю первую страницу вывела новое название, крупными сердитыми буквами красного цвета, обвела их раз, другой, третий; буквы стали жирными и четкими, врезались в страницу навеки. Рут одобрительно улыбнулась.

СЛОВАРЬ ГРЕШНИЦЫ ***Джой Хендерсон***

Так-то лучше. Джой вернулась к последней строке и продолжила писать. Им не было конца – словам и образам, которые вырывались на свободу, заряжали ее гневом, страстью и жизнью. «Забудь про темный шоколад с клубнично-сливочной начинкой; теперь ты – темная неистовая вспышка ярости, и угри жмутся в уголок, испуганно прячутся и затихают».

Тьма сгустилась, потекла по венам, точно сам Дьявол, и Джой поняла – Марка Хендерсона никогда не найдут.

Венди Боскомб – тоже.

Глава 75

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Господь забирает к себе тех, кто Ему особенно дорог. Один из наших первых клиентов и настоящий джентльмен. Арнольд и Мэрилин Патерсон

Я сижу на полу в большой комнате возле телефона и, по-моему, вижу пятнышки ликера, пролитого Марком двадцать лет назад, и вроде бы крошечный осколок стекла, но мне это, наверное, мерещится, а я не могу позволить воображению выйти из-под контроля. Сейчас не время.

Звоню в справочную, чертыхаясь из-за выброшенной телефонной книги, и сразу прошу соединить с полицией Блэкханта, не давая себе возможности передумать. Шепард дал мне семью Фелисити, я дам ему Венди. Точнее, кости Венди и имя человека, виновного в ее смерти. Это честный обмен. И правосудие.

Пока идут гудки, репетирую, что именно сейчас скажу. Включается автоответчик, я на миг теряюсь, но оставляю, на мой взгляд, внятное и убедительное сообщение. Вновь набираю справочную, теперь ради вечно сочувствующего Дерека из «Блэкхант газетт». Стоит заметить, что на этот раз тон у Дерека куда искренней.

Сидя на запятнанном ликером ковре, я мысленно еще раз прохожусь по всем умозаключениям. Не совершила ли я чудовищной ошибки? Уверена, что нет, но вдруг я запомнила какие-нибудь диалоги или события неправильно? Я читала, что мозг переписывает воспоминания с целью уберечь нас от ненависти к самим себе. Думая о некоем событии, мы каждый раз видим себя в чуть лучшем свете. Так происходит вновь и вновь, и вот уже в нашей памяти мы не теряем от страха дар речи на собеседовании, а демонстрируем уверенное поведение и ясно выражаем мысли. Или помогаем подняться упавшему старичку, а вовсе не обходим его, спеша домой к началу сериала. Мы рассказываем друзьям «красивую» версию, потому что считаем ее правдой.

Оттого-то я немного беспокоюсь, нет ли в моей памяти изъянов, но чем больше думаю об этом, тем сильнее убеждаюсь, что помню все четко. Каждое слово и действие отца в тот день, так же как и каждый удар ремнем.

Пора уезжать.

Сажусь в машину. Письма и свидетельство о браке – документы, которые я уже никогда не покажу Марку, – всхлипывают на пассажирском сиденье. Некролог Рут, отмечаю я с кривой усмешкой, хранит молчание. Эти бумаги вполне можно сжечь. Тогда всему и правда конец.

Беру в сарае коробок спичек и топаю к мусорному баку. Поднимаюсь по деревянной лестнице, заглядываю внутрь. Когда-то я считала, что здесь находится портал в Ад. Зола и мусор, копившиеся десятилетиями, почти заполнили бак, до верха осталось сантиметров двадцать. Сворачиваю все бумаги в тонкую трубочку, поджигаю один конец и бросаю.

Приятное чувство.

Настолько приятное, что я поджигаю еще одну спичку, осторожно вставляю незажженным концом назад в коробок и швыряю его в бак. Спустившись на пару ступеней, слышу, как сорок восемь спичек вспыхивают одна за другой и шипят – настоящий хор рассерженных змей.

Руль в машине ужасно горячий, он обжигает, и я вдруг испытываю тоску по прежним дождям и слякоти. Кто бы мог подумать...

Сворачиваю с подъездной дорожки в сторону Боскомбов, и тут меня осеняет: наверное, придется давать свидетельские показания? Или как полиция будет доказывать, что некий покойник убил девятилетнюю девочку двадцать три года назад? В общем, похоже, в Аделаиду я пока не попаду.

Впереди подъездная дорожка Ларсенов. Надо же, ветер поднялся... Сильный. Горячий и сильный.

Через пятнадцать минут я сворачиваю с Буллок-роуд, чтобы напрямик добраться до Уишарт-роуд, и улавливаю запах дыма. Что-то подсказывает мне, что не следовало бросать в мусорный бак зажженную спичку. Пятьдесят спичек – тем более.

Глава 76

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Добрый человек, чьи сострадание и молитвы не имели себе равных. Глубокие соболезнования семье. Нил и Виола Боскомб

Зависть, с сухой иронией думал Алекс, удаляясь от фермы Хендерсонов, – это как нож в живот.

Джой скоро отправится в Аделаиду, а он, Шепард, обречен вечно чувствовать себя коровой, увязшей в иле на краю пруда. Его будут преследовать неотвязные мысли об исчезновении Венди Боскомб, а теперь еще и о «случайной» передозировке Джорджа Хендерсона.

В участке Алекс попробовал отвлечься бумажной работой и уборкой документов. Однако чем усерднее он старался выкинуть из головы Венди с Хендерсонами, тем сильнее ощущал потребность на них сосредоточиться. До чего же не хватает Рона! Очень хочется услышать от кого-нибудь: «Ты поступил правильно, отпустив Джой со всеми ее воспоминаниями и шрамами в Аделаиду».

Шепард понес последний документ в шкафчик и по дороге – дымом, что ли, пахнет? – решил позвонить Вики. Усмехнулся, мысленно услышав ее слова: «Шеп, у вас нет доказательств, поэтому вам, конечно же, пришлось отпустить Джой. И хотя я врач – клятва Гиппократа и все такое, – давайте признаем, что Хендерсон заслуживал долгой, медленной и мучительной смерти».

Стоило вернуться к столу, как зазвонил телефон. Шепард со вздохом приготовил журнал записей на экзамен по вождению, однако услышал в трубке знакомый голос.

– Алекс, это Нев Поттер из пожарной команды Блэкханта.

– Как жизнь, Нев?

– Ты, наверное, слышал по радио про сильные пожары в Южной Австралии. Не знаю, почувствовал ли ты запах, но ветер гонит в нашу сторону тучу дыма и пепла. Пока волноваться не стоит, но мы начеку.

– А, так вот что я унюхал по дороге в участок! Говоришь, у нас пока...

– Минутку.

Шепард услышал, как Нев с кем-то переговаривается. Нетерпеливо побарабанил пальцами. Что ж так долго?

– Ну вот, поступил вызов. Джонсон-роуд. Машины выехали. Я сообщу, если ты понадобишься, но все должно быть хорошо.

Шепард нажал «отбой», намереваясь позвонить Вики, однако вместо непрерывного сигнала на линии услышал длинные гудки – кто-то оставил сообщение. Шепард набрал «101» и вслушался, не веря собственным ушам.

Она тяжело дышала и говорила чересчур быстро; он не понял всего, хотя четко уловил слова «Венди Боскомб», сказанные громко и разборчиво. Не успел ничего толком сообразить, как механический голос завел: «Чтобы прослушать сообщение еще...»

Алекс давно выучил меню наизусть и нажал «2», на этот раз готовый к потоку слов; стал торопливо записывать в блокнот то, что сумел разобрать. По-прежнему не все понял, начал злиться – почему сообщение записалось не полностью?!

Проиграл его еще раз, заполняя пробелы в блокноте. Еще раз. Проверил – правильно ли записал?

«Шепард, это я. Встретимся у Боскомбов как можно скорее. Мой отец – убийца. Кукла Венди Боскомб лежит в его сундуке в сарае, а Венди – над ней»...

Какого дьявола?! Алекс стукнул блокнотом по столу. «Где Венди? Над кем, а, Джой Хендерсон?! Над куклой?»

Уставился на блокнот, лихорадочно соображая.

Неужели она говорит правду? Неужели исчезновение Венди в конце концов будет разгадано, причем благодаря Джой Хендерсон – женщине, которую он до сих пор подозревает в убийстве ее собственного отца?

Глава 77

Джой и Рут

Февраль 1961 года

До начала занятий в старшей школе оставалось всего два дня. Учебники Джой лежали в рюкзаке Марка, его имя внутри было зачеркнуто толстым черным фломастером и заменено на ее имя. Учебники и книги Марка, включая «Гордость и предубеждение», отправились в школьный магазин подержанных книг.

Утром после воскресной школы Фелисити сообщила Джой, что рассказала родителям о порках. Родители обязательно поговорят с ее отцом, заставят его прекратить все это. Джой ответила, что после отъезда Марка отец ни разу ее не порол.

– Вот видишь? – Фелисити просияла от гордости.

Джой не разделяла уверенности Подруги. Возможно, та права, а может, отец просто еще не отошел от потрясения, вызванного поступком Марка.

После его бегства Джой ни разу не была на изучении Библии и не ездила к Фелисити. Временами казалось, что ей не хватит духу вновь встретиться с ее семьей, хотя она знала: однажды после воскресной школы, через несколько недель или несколько месяцев, Джой скажет: «Можно мне сегодня к вам?» – и мистер Фелисити спросит у отца, и тот не посмеет отказать. Однако до тех пор она хотела сидеть дома и писать.

Она заполнила почти весь блокнот. Скоро доберется до последней страницы, и что тогда? В те ночи, когда писать не удавалось, Джой нервничала и чувствовала себя поломанной, словно у нее все кости перекосило. Наверное, если бы не блокнот, она уже давно воплотила бы в жизнь какой-нибудь свой сон и по-настоящему убила отца. Или себя.

Иногда Джой просто сидела и читала слова с описаниями – это было почти так же здорово, как их записывать.

В постели она гадала, как поживает в солнечном Дарвине Марк, и утешалась тем, что его последними словами к ней были: «Прости меня, пожалуйста».

Бывало, она слышала крики брата из его пустой комнаты.

Когда не думала о Марке, думала о бедной Венди. Говорить о ней перестали, но тревога Джой не прошла. Как-то ночью Рут заметила:

– По-моему, Венди никогда не найдут.

Джой, вздохнув, ответила:

– По-моему, тоже. Если б могли, то уже нашли бы, правда?

Джой перечитывала слова, которые строчила в состоянии раскаленного бешенства после ухода Марка, и ее не покидало чувство, будто мир разделен надвое, как доктор Джекил: одна часть, где живет Джой, темная и зловещая; другая, где живут Фелисити и теперь Марк, – солнечная и радостная.

Однажды Джой сбежит и найдет брата. Она закрыла блокнот, прижала к груди, скрестив руки на его шоколадно-кремовой обложке.

Открылась дверь, на пороге вырос отец. Он похудел, лицо посерело. Глядя в его красные глаза, Джой поняла – отныне все изменится. В животе екнуло. Угри затихли в ожидании. Изнутри вдруг поднялась теплая волна, затопила грудь, ударила в голову... нежность, она родилась из того, что теперь объединяло Джой с отцом, – из тяжелой горькой потери. Чтобы привести их к этой точке, понадобились годы бесполезного гнева и страха.

«Он хочет сказать, что любит меня. Что просит прощения, что порки в прошлом».

Затем – озарение, взрыв оранжевых и желтых искр. Отец хочет сказать, что полиция отыскала Марка!

«Сейчас он войдет, широко улыбнется. Все прощено, праздничные стаканы наполнены “Пассионой”».

Розовая волна предвкушения пробежала по телу, шевельнула волоски на руках. Отец открыл рот... Однако прозвучало совсем не то, чего ждала Джой. Он указал на прижатый к ее груди блокнот и спокойно спросил:

– Что это?

* * *

Когда ремень в последний раз со свистом рассек воздух, отец ударил блокнотом по левой щеке Джой, затряс им, брызгая ядом с зубов.

– Я сожгу эту гадость, слышала?! Отныне единственная книга, которую ты будешь держать в руках в этом доме, – Библия!

Он погасил свет и вышел, грохнув дверь.

Джой села, крепко зажмурившись. По подбородку текла кровь, по внутренней стороне щеки – тоже. Когда отец вернется, Джой будет его умолять. «Бей меня сколько угодно, только, пожалуйста, отдай словарь». Она сделает все, чего он захочет. Все.

В голову черной змейкой вползла мысль. «Если отдашь словарь, я скажу, где Марк».

Рут шепнула:

– Нет, этого делать нельзя.

Нельзя, конечно. К тому же тогда придется сознаться во вранье – ведь Джой заявила, что Марк в Хобарте.

Хлопнула задняя дверь. Отец идет к мусорному баку. Взбирается по старой деревянной лестнице. Швыряет блокнот на грудку копившегося годами мусора: заплесневелая апельсиновая кожура, ржавые консервные банки, кости Рут, головы угрей и крыс, тряпки, зола... Зажигает тонкую газетную лучину, и та летит в бак. Как только отец ляжет спать, Джой кинется туда, спасет свою книгу. Дождь не даст ей загореться; она будет лежать мокрая и напуганная, ждать хозяйку, звать ее в ночи, как куклы Венди. Даже если чернила потекут, а листы распадутся, Джой все равно. Она должна спасти блокнот. Готова прыгнуть в вонючую тлеющую жижу, если понадобится.

«Прошу, Господи, прошу, не дай...»

– Зачем ты молишься? – послышался голос Рут, колкий, точно битое стекло. – Когда Бог последний раз отвечал на твои молитвы? Книга погибла, Джой. Сгорела. Тебе ее не спасти.

Язычки пламени с газетной лучины поползли в стороны, жадно, нетерпеливо. Один лизнул краешек словаря и на глазах у Джой превратился в Дьявола, раскаленного и злого. Он с хохотом запрыгнул на ее творение, радостно заплясал и поманил длинным скрюченным пальцем другие язычки – сюда, пляшите, уничтожайте! Язычки, ставшие оранжевыми чертями, поскакали к Дьяволу. Тот спрыгнул с книги, открыл обложку, стала видна надпись «СЛОВАРЬ ГРЕШНИЦЫ». Словно дети, задувающие свечи на именинном торте, черти вытянули шеи, подались вперед идохнули огнем. Черные буквы вспыхнули, поплыли. Черти перевернули страницу, захохотали над

описаниями образов, разинули пасти, втягивая красный воздух и готовясь дохнуть пламенем на книгу, сжечь ее.

– Стойте! – пророкотал сверху громовой голос.

Черти шмыгнули к стенке бака.

– Это Он, – прошептал один, и все сбились в тесную кучу.

Однако Дьявол не дрогнул. Посмотрел вверх и ответил не менее громовым голосом:

– Господь, мы лишь помогаем слуге твоему, Джорджу Хендерсону, уничтожить словарь грешницы. Делаем то, что ты сам поручил бы нам, Властелин мира.

– Сие. Есть. Ложь. Восстановите книгу.

Черти глянули на Дьявола в ожидании указаний, но тот вдруг съежился, обхватил голову руками.

– Восстановите! – прогремел Бог.

Черти кинулись к книге, принялись разглаживать страницы красными руками, стараясь удержать буквы, не дать им взмыть и испариться.

– Слишком поздно, Господь, – заявил один черт.

– Поздно, – дружно подтвердили остальные и поскакали к скулящему Дьяволу.

Раздался оглушительный взрыв, небо прорезала молния, и Дьявол с чертями переплавились в большой кусок воска.

– Превосходно! – пророкотали Небеса.

– Ничего превосходного! – закричала Джой. – Моя книга погибла, отец продолжает меня пороть, а Марк уехал! Почему ты позволяешь такое?

– Тебе не понять, Джой. – Голос Бога по-прежнему гремел. – Быть Богом непросто.

– Глупости! Ты же всезнающий, вездесущий и всеильный.

– Однако в мире столько людей и столько грешников... Столько грехов и столько молитв...

Это напоминало ритмичную считалку, под которую еще шесть недель назад Джой с Венди вполне могли бы попрыгать на школьном дворе.

В голове Джой начал распутываться огромный черный узел. Если бог (больше не заслуживающий заглавной «Б») все-езде-всякий, то зачем он создал Землю и населил ее людьми со свободой воли? Знал

ведь, что миллиарды этих людей попадут в Ад! Почему не разрешил им жить в Раю с самого начала, с сотворения мира? Почему велел всем почитать его? Это ведь Гордыня, которая является Смертным грехом! Похоже, в историях, которыми ее пичкали, полно изъянов. Главный – потрясающая и вдруг очевидная нелогичность.

– Ты не всезнающий, да? – тихо спросила Джой. – Не всесильный и не вездесущий. Ты не все-езде-всякий. Ты вообще *не*.

Бог открыл рот для возражения, но не издал ни звука.

Джой лежала в темной тишине, а узел в голове распутывался дальше. Сегодня утром в церкви (больше не заслуживающей заглавной «Ц») все они повторяли, как бараны: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Теперь же в ее душе вскипало презрение. Кроткие Джой Хендерсон этого мира никогда не унаследуют землю. Их третируют и ломают именно *из-за* кротости. Причем бог через преподобного (больше не заслуживающего заглавной «П») настоятельно советует, указывает и *предписывает* им оставаться кроткими, обещая за кротость несуществующую награду, а сам защищает господство *не*-кротких, Джорджей Хендерсонов этого мира.

Вот только данная конкретная кроткая букашка сыта по горло лукавством, обманом и двуличностью. Джой Хендерсон даст отпор. Не как боксер, выскакивающий из угла в начале первого раунда. О нет, это было бы роковой ошибкой, ведь за отцом – власть, сила и закон. Нет, Джой противопоставит двуличности двуличность. Внешне станет самой непритязательной, набожной и покорной скромницей, зато внутри будет настоящей Джой. Хитрой, неверующей и двуличной. Научится слушать лживые призывы преподобного с такой безгрешной улыбкой, что одурачит самого Дьявола. И отца. Превзойдет его в двуличности.

Раз никто не придет к Джой на спасение, раз в ближайшие четыре года ей еще нельзя сбежать в Дарвин к Марку, она найдет способ выжить в своей тюрьме за колючей проволокой.

Пусть отец возвращается. Пусть сдергивает с кровати и порет – по голым ягодицам, по спине, до крови.

Джой ему... сквозь полог в голове прорвался кровожадный образ: раскаленный красный шар, который катится с холма и становится все больше и горячее, больше и горячее...

Джой *отомстит* отцу.

Часть IV

Глава 78

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Уважаемый член Ассоциации родителей и учителей. Все наши мысли – о его семье. Директор и сотрудники, старшая школа Блэкханта

Алекс вновь и вновь перечитывал расшифровку сообщения. Не исключено, что Джой опять затеяла какие-то игры. Хотя зачем ей все усложнять, она ведь теперь свободна?

Он отправился в подсобку и в который раз открыл полный картотечный шкаф, куда они с Роном складывали материалы по делу Венди, и только по нему. Алекс проводил – бездарно тратил? – много часов, изучая содержимое какой-нибудь выбранной наобум папки, разглядывал фотографии кукол Венди, ее спальни, подъездной дороги; перечитывал опросы сотен местных жителей и надеялся обнаружить подсказку – одну-единственную крошечную подсказку...

Однако Венди словно канула в черную дыру.

Он напомнил себе о том, что время уходит, торопливо выдвинул картотечный ящик с ярлыком «Опросы местных жителей, А-Г^[29]» и взял лежащую сверху папку с надписью «ХЕНДЕРСОН Джордж». Перечитал каждую строчку, на этот раз под мысленный аккомпанемент сбивчивых слов Джой. «Мой отец – убийца».

Итак, в момент исчезновения Венди Джордж Хендерсон работал возле фермы Боскомбов. По его утверждению, был на тракторе, а значит, не мог похитить Венди – в этом Рон с Шепардом сошлись. Однако они еще обратили внимание на недавно вымытый фургон во дворе. Джордж сначала сказал, что он не видел ни машин, ни людей на Уишарт-роуд, но затем передумал и заявил про темно-синий автомобиль. Хотя больше ничего о нем добавить не сумел.

И, как теперь знал Алекс, Джордж Хендерсон неоднократно устраивал чудовищные расправы над детьми.

Вот теперь действительно надо позвонить Вики.

– Это Шепард. Прошу вас съездить со мной к Боскомбам. Объясню все по дороге.

Он ждал ее, нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Чертовы Хендерсоны. И чертова Вики, обещавшая быть через пять минут.

Наконец она распахнула двери, просияв фирменной улыбкой.

– Слыхали, что говорят про пожары в Южной Австралии? На Мельбурн уже сыплется пепел, и нас это, видимо, тоже не минует.

За порогом участка на них обрушились страшная жара, сильный ветер и едкий запах дыма. Алекс внезапно ощутил дикую усталость. В голове мелькали хаотичные образы: Джой, Джордж с ремнем на шее, могила Рут, куклы Венди, она сама... Шепард прислонился к стене, прижал ладонь ко лбу.

Вики оценила обстановку, вытащила у него из руки ключи и села за руль. Господи, невыносимая женщина! Тем не менее Алекс обошел машину и безропотно устроился на пассажирском сиденье. Да и вообще, управлению плевать на то, нарушает он правила или нет.

– Я обычно добираться туда минут за сорок. Не знаете дороги короче?

– Ха! Может, я живу тут не так долго, зато проселочные дороги знаю не хуже бородавок миссис Джонсон!

Вики широко улыбнулась, Шепард помрачнел.

– В чем дело? – спросила она.

– На Джонсон-роуд пожар.

– Черт. – У Вики вытянулось лицо. – По радио передавали, что горит в Южной Австралии...

Пока выезжали из города по центральной дороге, в машине стояла тишина. Наконец Вики повернула на грунтовку, ведущую к ферме Боскомбов, и заинтересовалась:

– Так зачем же нам к Боскомбам?

– Мне позвонила Джой Хендерсон и попросила встретиться с ней там. Говорит, ее отец убил Венди.

– Что?!

Вики в полном изумлении уставилась на Шепарда. Тот угрюмо кивнул.

– Еще говорит, что *нашла* Венди. И куклу.

– Боже, – пробормотала Вики. Затем вновь глянула на него. – Какую куклу?

– Куклу Венди, которая пропала вместе с ней. – Он понял, что придется рассказывать проклятую историю сначала. – Боскомбы перебрались сюда из Милдьюры, когда Венди было шесть. Сбежали от жары, влюбившись в холод и зеленые холмы.

– М-м, – насмешливо хмыкнула Вики.

– В Милдьюре у Венди была двоюродная сестра, а у той – малыш, которого Венди обожала. Здесь же она оказалась одна.

– Очень понимаю.

– Серьезно? – Алекс почему-то думал, что Вики выросла в большой шумной семье. – В общем, Нил, большой любитель всяких затей, решил сделать для дочери целую семью кукол. Обмотал тряпками старые столбики для изгороди, Виола сшила платья, а Нил нарисовал куклам лица. Не Вермеер^[30], конечно... – Он поймал на себе удивленный взгляд Вики. – Не такой уж я невежда, между прочим. Короче говоря, глаза были перекошены, а вместо рта – большая красная ухмылка. – Алекс и сам ухмыльнулся. – Вроде вашей.

– М-м-м, обхохочешься, – отозвалась Вики. Впрочем, слушала она явно с большим вниманием. – А дальше?

– Венди играла во дворе с куклами. После ее исчезновения недосчитались одной куклы, и мы предположили: найдем Венди – найдем и куклу... и наоборот.

Вики выпятила нижнюю губу, кивнула.

– Мы обнаружили информацию об исчезновении куклы, но ее описания не дали. Потому что пропавшая кукла отличалась от остальных – ее не Нил сделал, а сестра из Милдьюры прислала. Если бы кто-нибудь сообщил, что он видел Венди и куклу, или даже признался бы в похищении – чудаков тут хватает, поверьте, – то мы спросили бы: «С девочкой была кукла? Опишите ее». Стандартный прием. Несколько чудиков и правда объявились; один псих даже утверждал, будто Венди живет в каком-то городке в Чехословакии... Так вот, все эти чокнутые говорили – да, была кукла, – но никто не сумел правильно ее описать. Все описывали самодельных кукол Нила, потому что именно их фото печатали в газете.

Вики свернула на незнакомую Шепарду дорогу.

– Значит, куклу нашла Джой?

– По ее словам, да. После того как я отвез ее назад на ферму... Совсем забыл! Марк Хендерсон умер. В автомобильной аварии

в Дарвине, много лет назад. Черт, Джой оставила свидетельство о смерти Марка у меня...

Вики вскинула брови и задала очевидный вопрос.

– Долго рассказывать, но да, Джой была у меня дома. Если вкратце, то ваше беспокойство о ее благополучии передалось мне. И я не знаю, понятно? Не знаю, убила она отца или нет, однако – вас это наверняка обрадует – предъявить ей обвинение я не могу. Доказательств нет, вы же помните? Благодаря вам.

Вики промолчала.

– В общем, после того как я отвез Джой назад, она мне позвонила. Только я в этот момент разговаривал с Невом Поттером про дым из Южной Австралии и пожар на Джонсон-роуд, поэтому Джой оставила сообщение.

– Какое?

– Ее отец убил Венди; Джой нашла куклу – и Венди.

Вики нахмурилась и выдала очередное «м-м-м».

– Как понимать ваше «м-м-м»? Намеряете, что она лжет?

– Все мы лжем, Шеп, – Вики пожала плечами. – Вопрос не в том, лжем мы или нет, а в том, какую именно ложь озвучиваем. И кому.

Шепард привычно дернул подбородком. Интересно, какую ложь озвучивает Вики?

Она стрельнула в него взглядом, продолжила:

– Значит, мы встречаемся с Джой у Боскомбов?

– Да.

– А Джордж Хендерсон убил Венди?

– Так говорит Джой. – Алекс покосился на Вики. – Она, естественно, может лгать.

Они вновь погрузились в молчание, проехали в тишине до Уишарт-роуд, где Вики повернула направо. И резко нажала на педаль газа – еще до того как Алекс крикнул:

– Быстрее!

Даже с такого расстояния они увидели кирпичную дымовую трубу: она напоминала одинокого солдата, который в полном потрясении оглядывает кровавое поле боя. Местами раскаленная докрасна труба, казалось, вот-вот рассыплется по кирпичику. Ее окружали обломки рухнувшей железной крыши, стен не было совсем. Тут и там тлела мебель, в воздухе летали хлопья пепла. Четверо пожарных заливали все

водой. Когда полицейская машина вырулила на подъездную дорожку, в памяти Шепарда всплыли куклы и коляска, валявшиеся здесь в грязи двадцать лет назад.

– Боже, – пробормотал он. – Надеюсь, они успели выбраться...

Навстречу новоприбывшим двинулся пожарный, поднял руку в перчатке – дальше нельзя.

Они вылезли из машины, и Алекс переключился в режим автопилота. Крикнул:

– Алекс Шепард, полиция Блэкханта. Со мной врач. Мне нужно поговорить с жильцами дома. Где они?

Пожарный подошел ближе, лишь затем ответил:

– Муж сильно обгорел, мы вовремя подоспели. «Скорая» повезла его в больницу. Жена, судя по всему, уехала в город как раз перед тем, как пожар добрался сюда. Где она, мы пока не знаем. Послушайте, я понимаю, вы из полиции, но деревья, – он кивнул на черные скелеты вдоль дорожки, – могут обрушиться. К тому же есть опасность новых пожаров. Вам лучше покинуть район, сэр.

– Ясно. Спасибо. Не будем отвлекать вас от работы. Сможете потом заскочить в участок? Я хочу знать, что тут да как.

– Заскочу. Кстати, беда не только здесь. Нам сейчас радировал другой отряд: ферма Джорджа Хендерсона, у холма, тоже сгорела. И по соседству с ней ферма Ларсенов. Учитывая направление ветра, думаю, все это один пожар, и начался он у Хендерсонов.

Алексу стало плохо.

– Случайность? Или поджог?

– Выводы делать рано. Хочется верить, что случайность, но как оно на самом деле... – Пожарный покачал головой. – Если все началось с фермы Джорджа, то, наверное, проводку замкнуло. Жаль, что он умер. Хороший был мужик, много для округа делал... Я приду на его похороны, и не я один. Народу будет море, точно.

В конце подъездной дорожки Вики поднесла палец к указателю поворотов и вопросительно глянула на Шепарда. Тот кивнул, и машина свернула направо, а не налево. По обеим сторонам дороги тлели черные деревья. Пожар явно пришел отсюда.

– Где носит Джой, черт возьми?

– Не знаю, Шеп. Если она хоть что-то соображает, то держится отсюда подальше. Я больше переживаю за миссис Б.

Проехав около двух миль от фермы Боскомбов, повернули за угол, и Вики ударила по тормозам.

В пяти метрах впереди стояла машина – точнее, обугленный перекошенный каркас. Они кинулись туда, надеясь, но не веря, что люди успели спастись.

Алекс добежал первым, хотя на это ушла вечность. Дернул дверцу, обжигая ладони и сыпля проклятиями. Просунул голову в машину, в ужасе отпрянул, попятился. Согнувшись пополам, изверг на землю содержимое желудка и упал на колени. Ему не доводилось сталкиваться с обугленными трупами, он не представлял себе ничего подобного. Выходец из Ада... Вики заглянула в салон, с каменным лицом подошла к нему. Она, конечно, повидала немало покойников, но это зрелище наверняка останется с ней надолго.

Шепард уперся руками в горячую черную землю. Он и не знал, что земля может гореть...

Глава 79

Джой и Рут

1961–1964 годы

При пылкой поддержке Рут Джой начала совершать небольшие акты возмездия под маской добродетели.

Первым делом взялась за таблетки. По совету сестры вытряхнула из коричневой бутылочки, спрятанной за упаковкой соды, одну капсулу и осмотрела ее. Затем аккуратно провернула две половинки в противоположные стороны, высыпала в раковину белый порошок и заменила его парой щепоток соды. Соединить вновь две половинки оказалось трудно, но вскоре Джой сообразила, что одну можно чуть сжать и легко ввести внутрь другой. Она проделала то же самое еще с двумя капсулами и вернулась в прачечную. Когда родители приехали домой, девочка развешивала мокрые полотенца на заднем дворе. В последующие несколько недель она при каждой возможности заменяла порошок в одной-двух капсулах. Могла даже отличить поддельные – по крошечной предательской вмятине на сжатой половинке.

У Рут имелось еще много идей, но сестры сошлись на том, что сперва Джой надо довести до совершенства собственный образ. Медленно и постепенно, чтобы не возбуждать подозрений, она становилась все более набожной, скромной и послушной христианкой. Если не молилась горячо в пределах отцовской слышимости (о Венди и всех язычниках Африки), не благодарила Бога от всего сердца, не пела воодушевленно – хотя не слишком громко – в Церкви, то повиновалась каждому слову отца. В том числе читала и перечитывала Библию, заучивала из нее стихи и произносила их одними губами вместе с Преподобным Брейтуэйтом (Джой даже вернула ему заглавную «П»). Как она и предвидела, ей легко удалось убедить отца в том, что его требования читать исключительно Библию – вкупе с многолетней религиозной обработкой и наказаниями – наконец себя оправдали. Двуличие Джой, по словам Рут, было великолепно.

Ближе к зиме сестры почувствовали, что Джой может без опаски продолжить возню с таблетками. Когда у отца в следующий раз

началась мигрень, она радостно подала ему капсулы с вмятинами. Проще простого, как заметила Рут.

Шли месяцы и годы, разматывались, словно изгородь из колючей проволоки. Для Джой не имело значения то, что у нее выросла грудь и начались кровотечения из нечистого родового канала; что ей теперь приходилось регулярно таскать к вонючему мусорному баку омерзительные прокладки, завернутые в газетный лист. Не имело значения то, что дождь и домашние дела не кончались, а любой сторонний наблюдатель назвал бы ее жизнь бесконечной бурой каторгой. Не имело значения то, что школа стала не более чем коротким перерывом между актами возмездия, которые она разрабатывала вместе с Рут, а осуществляла сама. Единственное, что имело значение, это то, что отец был одурачен.

Однако, несмотря на внешнюю набожность и скромность, Джой не удавалось избегать его гнева. Наказания продолжались, рубцы и шрамы росли и уплотнялись, приобретали фиолетово-красный оттенок родимого пятна Рут.

Клумбы выколи и присыпь мульчей, но не вздумай пропустить хоть один сорняк или выдернуть растение, которое разводит мама. Камелии, розы, телопеи, гипсофилы, тюльпаны, маки, гвоздики и хризантемы бережно срежь, уложи в коробки и отнеси в мастерскую, но не вздумай помять хоть один цветок. Летние фрукты собери, вымой, очисти, свари и законсервируй, но не вздумай испортить хоть один кусочек. Яйца принеси, обработай воском на зиму и приготовь отцу на завтрак, но не вздумай уронить хотя бы одно. Ведь парящий Христос знает о каждом нарушенном правиле, и горе тебе, если ты проявишь глупость или беспечность.

Хотя наказания продолжались, каждый новый акт возмездия был на вкус слаще предыдущего – даже слаще темного шоколада с клубнично-сливочной начинкой.

Как-то вечером, промокая истерзанное кровоточащее тело, Джой задумалась. Почему отец не послушал мистера Фелисити и не прекратил ее пороть? Или мистер Фелисити решил хранить молчание? Невозможно, ведь тогда он оказался бы ничем не лучше отца!

Осторожно укладываясь в постель, она размышляла: значит, не только Ларсены скрывают происходящее в их доме, в их жизни. Так делают все. Даже семья Фелисити показывает другим лишь то, что

хочет показать. Между тем аннотация на книге, написанной мистером Фелисити, упоминала какие-то «личные трудности автора». Еще был обрывок спора – его невольной свидетельницей Джой стала во время одного из своих воскресных визитов в их дом.

– Он не станет меня слушать ни за что на свете! – долетел сердитый голос миссис Фелисити из-за дверей библиотеки, куда Джой направлялась за книгой.

– Ну а что могу сказать я? Он добрый христианин, Женевьева. Господь его наставит.

– До сих пор Господь не очень-то хорошо справлялся с этой задачей...

Даже сквозь закрытые двери Джой ощутила волны злости, всколыхнувшие воздух. Наконец мистер Фелисити произнес:

– Надеюсь, сама ты сейчас молишься как раз о прощении и наставлении.

– Я хотела сказать, что он не следует наставлениям Господа.

Когда Джой передала беседу Рут, та заметила:

– Они обсуждали нашего отца, ты же понимаешь.

– Нет, не отца, – возразила Джой.

– Ну, конечно. Кого же тогда? – поинтересовалась Рут вкрадчивым шелковым голосом.

– Не знаю. Только не отца.

* * *

Как-то утром Джой, которой было уже пятнадцать, развешивала свои окровавленные простыни после очередного наказания и думала: сколько лет ей должно исполниться, чтобы отец счел неприличным видеть ее обнаженное тело, перегнувшееся через край кровати, и тем более применять к этому телу насилие? Позже Рут шепнула:

– Слушай, он никогда не наказывает тебя во время месячных.

Видимо, походы Джой с газетными свертками к мусорному баку информировали отца о кровотечении дочери и вынуждали не трогать ее. Рут улыбнулась:

– Какая жалость, что в этом месяце менструация будет идти долго-долго... И все следующие менструации – тоже.

Если большинство замыслов Рут нацеливались на то, чтобы раздосадовать отца или причинить ему неудобство, то идея уничтожить фотографии была направлена исключительно на удовлетворение сестринской жажды мести. Джой не испытывала ни малейших угрызений совести, открывая старый альбом с зернистыми снимками свадеб и младенцев давно умерших людей – снимками, чьи уголки едва держались в маленьких бумажных треугольниках на толстых черных листах. Первую страницу занимала свадебная фотография родителей. Жестким ластиком для чернильной ручки Джой аккуратно потерла лицо отца, легонько смазала его черты – любой решит, что это лишь прискорбное действие времени на бумагу. Рут похвалила шепотом:

– Идеально.

Через несколько недель Джой стерла отцу один глаз, часть ботинок и фона – «состарила» снимок в разных местах, чтобы следы времени выглядели естественно. Затем перевернула страницу, затерла кое-что на древней свадебной фотокарточке родителей отца и на его совместном фото с родителями и дядей Биллом – причем дядю Билла не тронула. Нашла страницу с младенческими фотографиями: сама Джой, Рут и Марк. Поднесла ластик к своему фото... однако хорошего понемножку. Джой не коснется ластиком этих невинных лиц, даже своего собственного.

За следующие три года она испортила в альбоме все снимки, кроме младенческих. Потом забеспокоилась – у отца может вызвать подозрение тот факт, что изображения дяди Билла хорошо сохранились. Джой поднесла к его лицу ластик, шепнула: «Прости», – и школьная улыбка дяди Билла исчезла, как исчезли его взрослые ноги.

Джой, нервничая, отсоединила ручной насос от сорокачетырехгаллонной бочки с дизтопливом, которую держали рядом с трактором, налила в нее ведро воды и крепко прикрутила насос обратно. Трактор не завелся лишь через две недели, но оно того стоило: это случилось на пастбище в районе Уишарт-роуд, и отцу пришлось топтать домой под дождем.

Успех подстегивал сестер, они могли ждать результата своей работы дни, недели и месяцы, да к тому же потом удивляться искренне, а не поддельно.

Отец любил маракуйю на торте «Павлова», и Джой щедро плеснула под корни растения неразведенного гербицида, после чего

долила в канистру с отравой воды до верха. Она тоже любила маракуйю, но была готова заплатить такую цену.

Джой вытащила струну из запасного комплекта, лежавшего в гитарном чехле, спрятала в карман и вместе с очередным газетным свертком отнесла к мусорному баку. Давясь тошнотворным запахом, одолела деревянную лестницу и швырнула струну в бак. Угри в животе всполошились: отцу хватило бы роста заглянуть через край бака и заметить в нем струну, неуязвимую для огня. Впрочем, вряд ли отец рассматривает мусор. Прошел не один месяц, и как-то вечером за чаем отец рассказал, что позвонил Альфреду из «Музыкального магазина Альфреда» в Талланганге и посоветовал уволить бестолкового мальчишку-подрочного. Джой сочувствовала прыщавому подростку, но не могла отвлекаться на последствия своих поступков.

Она подрезала три стежка на ручке у портфеля старейшины, и через несколько недель, когда девочка уже собиралась повторить тайную операцию, ручка наконец оторвалась. Портфель стукнул о землю, раскрылся, отцовская Библия вылетела в грязь. Отчаянные охи и ахи Джой, а также ее бережные, но неудачные попытки оттереть тончайшие страницы с розовой каймой заслуживали, по словам Рут, высокой похвалы.

В голову Рут приходили все новые идеи злокозненной {крадущаяся крыса с длинными клыками} мести, и, чем благочестивей и покорней вела себя Джой, тем больше возможностей получала для их осуществления – и тем коварней становились замыслы Рут.

Она придумывала все: от мелких мстительных пакостей – вроде крошечной, будто проеденной молью, дырки на спине любимого отцовского свитера – до грандиозных истязаний, вроде соды в пилюлях; а Джой охотно воплощала задумки в жизнь. Рут, которая не имела шрамов, никогда не кричала в покрывало и не истекала кровью на простынях, жаждала мести наравне с Джой. И проявляла паразитильную изобретательность.

Выполняя самый дерзкий план сестры, Джой утопила маленькую шлюпку, которую отец купил для ловли угрей и сбора кувшинок вдали от берега. В ночной темноте она при помощи отцовской аккумуляторной дрели сделала в шлюпке десять отверстий, столкнула ее в воду и стала наблюдать за погружением, бегая туда-сюда от тракторной колеи к пруду и хаотично вытаптывая траву.

Затем нашла на берегу лист ржавого рифленого железа и проволокала его по земле до тракторной колеи, словно кто-то оттащил туда шлюпку. Вернулась с листом к пруду и опасливо шагнула на узкую отмель – хоть бы вода оказалась не выше резиновых сапог! Занесла железный лист над глубиной, повернув его вертикально, и бросила. Тот ушел на дно. Сестры не сомневались – все поверят, что шлюпку украли какие-то бродяги.

Однако на следующий день после школы, когда до шестнадцатилетия и долгожданного бегства оставалось только сто сорок семь дней, Джой вошла домой и увидела за столом отца. Он уставился на нее, и она поняла – знает. Знает, чем занималась Джой на пруду. Она смотрела в его перекошенное красное лицо и ощущала, как дробится и распадается ее фальшивый образ, обнажая раскаленную докрасна порочную душу. Все кончено. Отец ее убьет. Джой знала это так же хорошо, как Десять заповедей.

Он же вдруг застонал и обхватил голову руками:

– Таблетки мне...

Дверь в большую комнату стояла открытой, оттуда слышался голос мамы, принимающей заказ по телефону.

Джой улыбнулась, сказала кротко:

– Я принесу, папа.

Вытряхнула на ладонь несколько голубых капсул, выбрала две с маленькой вмятиной.

...Отец встал с постели лишь через три дня, а отправился на пруд ловить угрей – еще через два. Тогда-то и обнаружил пропажу шлюпки. В бешенстве позвонил в полицию. Приехал сержант Белл, осмотрел уже не слишком примятую траву и заключил, что шлюпка украдена неизвестным или неизвестными. Вроде бы даже провел расследование, но исчезновение шлюпки осталось тайной. Совсем как исчезновение Венди Боскомб.

Глава 80

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Трудлюбивый фермер, который прекрасно заботился о своей семье и своих животных. Соболезнования родным. Фред и Джинни Поллард с семьей

Уже несколько дней газеты писали только о разрушительных пожарах, прокатившихся по Южной Австралии и Виктории в разгар аномальной жары. Их вызывали в основном удары молнии или самовозгорание, а затем разносили сильные ветры, однако случались и умышленные поджоги, и просто бездумные поступки вроде выкинутого в окно машины окурка или сжигания мусора в открытых печах.

Блэкхантский пожар, уничтоживший фермы вдоль Буллок– и Уишарт-роуд, стал одним из первых в штате. Пожар на Джонсон-роуд оказался ложной тревогой: Кларис Джонсон перепугалась, учуяв запах дыма из Южной Австралии.

Однако многим повезло куда меньше. Первые полосы газет пестрели жуткими фотографиями: черные скелеты домов и сараев; обугленный скот на черных пастбищах; безутешные дети и взрослые, сжимающие чудом уцелевшие пожитки – венчик для взбивания яиц, плюшевого медвежонка; снимок погибшего щенка...

Каждый образ впечатался в память Алекса, точно татуировка в кожу, но хозяйкой его ночных кошмаров, когда он вернулся наконец домой и провалился в недолгий сон, стала пассажирка одинокого автомобиля на Уишарт-роуд. Запертая в раскаленном куске металла, она изо всех сил жала на газ, однако огонь вокруг ревел все громче, а жар и задымление нарастали. После пробуждения он еще долго ощущал запах горелого мяса и видел ее руки, приплавленные к рулевому колесу; голову, запрокинутую к небесам; и рот, открытый в нескончаемом крике...

Опустившись на горячую землю рядом с Шепардом, Вики нарушила зловещую тишину:

– Возможно, она молила о прощении.

Алекс отнял руки от лица и выплюнул:

– О каком прощении, Вики? За что?!

* * *

Лишь после того как пожары наконец отбушевали – одни погасли сами, с другими справились пожарные, – Алекс впервые полноценно выспался. Открыв глаза, посмотрел на часы. Восемь сорок. Утра или вечера? Услышал шум на кухне и стремительно распахнул дверь. Вот только воришек тут не хватало!

– Доброе утро, – поприветствовала Вики. – Чай или кофе?

Он вытаращил на нее глаза.

– Кофе, значит, – сказала она.

– Чай, – уронил Алекс и сел за стол, обхватив голову руками.

Теперь, когда вновь появилось время подумать, мысли вернулись к Джой и ее сообщению. В разгар безумия, царившего в последние дни, Нев доложил, что дом Хендерсонов превратился в пепелище. Надо полагать, сундук с куклой Венди уничтожен. Неизвестный контейнер, где лежали ее останки, – тоже. Сама Джой уже больше ничего не расскажет.

Вики разложила на столе воскресные газеты: специальные выпуски «Сан» и «Блэкхэнт газет», посвященные лесным пожарам.

Он отупело уставился на черно-белое фото семейной трагедии, напечатанное на первой полосе «Сан». Четверо детей, мать сгорела заживо, отец попал в реанимацию в Мельбурне, а от дома осталась лишь кирпичная дымовая труба, как у Боскомбов. Девочка на снимке до жути напоминала Венди, потому что держала куклу, похожую на пропавшую куклу Венди. Алекс начал читать, но, охваченный скорбью, не одолел даже первого предложения.

Вики поставила на стол чай и бутерброд на тосте, пролистав «Блэкхэнт газетт» до некрологов. Шепард покачал головой и отодвинул газету. Откусил бутерброд, обжег язык острым помидором.

– Вот это вам надо прочесть, Шеп, – заявила Вики.

Он неохотно глянул на указанный некролог.

ХЕНДЕРСОН, Марк. Горячо любимый и храбрый брат Рут и Джой. Слишком много лет врозь, слишком много неразделенных воспоминаний. Пусть тебе всегда светит солнце

Алекс перечитал. Подумал о множестве вопросов, которые так и останутся без ответа.

Прочитал следующий некролог. Еще один. И еще. Все – о разных людях. Причем даже не в алфавитном порядке. Сколько неразберихи за каких-нибудь пару дней! Многих авторов некрологов он знал, но о многих даже не слышал. Ему вспомнился наивный констебль, который двадцать три года назад верил в то, что вскоре познакомится с каждым в округе. Шепард откусил очередной кусок тоста, мельком отметив обжигающий помидор.

А потом перестал жевать при виде двух некрологов, начинающихся с «ЛАРСЕН».

ЛАРСЕН, Барбара. Самая любящая и самая любимая мама на свете. Покойся с миром.

И ниже:

ЛАРСЕН, Кроха. Самый любящий и самый любимый кот на свете. Покойся с миром.

Алекс потер лоб, в памяти всплыла картина: Колин гладит тяжело дышащего кота перед тем, как уехать с ним к месту захоронения Рут.

Вики поморщилась.

– При приближении огня Барбара с Колином покинули дом, затем Барбара вернулась, чтобы... – Вики громко вздохнула, – спасти кота. Выбежала с ним на руках, и тут на нее упала ветка и убила обоих. Самое обидное то, что дом уцелел. Все трое остались бы живы, если бы не вышли за порог. Хотя знать об этом они, конечно, не могли.

– Боже... Где Колин?

– Ночь он провел в больнице, но физически остался в порядке, и его отпустили. – Вики вновь поморщилась. – Койки нужны для

пострадавших.

– Так где же он?

– Вернулся домой и...

– Что?! Колину нельзя быть одному!

– С ним Виола Боскомб. Она пока поселилась у Ларсенов, поскольку ей негде жить. Нил приедет туда же, когда выпишется из больницы. По словам Виолы, они готовы заботиться о Колине, пока хватит сил, – ведь все трое потеряли любимых людей и нуждаются друг в друге. Боскомбы отстроятся, и Колин сможет жить с ними в новом доме.

– Ну, тогда получается, что все они в выигрыше. Хотя, конечно, какой уж тут выигрыш... Жуткая трагедия... – Алекс вытер лоб. – Столько некрологов! Будто иголки, которыми тычут в зияющую рану.

Вики покачала головой.

– Нет, Шеп. Некрологи не усугубляют боль, лишь признают ее и облегчают.

Он посмотрел на Вики с беспокойством – куда девалось ее привычное легкомыслие? Спросил:

– Разве кто-нибудь хоть раз признал боль Джой Хендерсон? Или Марка? Боль Рут и Гвен?

– Не знаю, Шеп. Возможно, это сделали вы. Отпустив Джой, признали тот кошмар, через который прошла вся их семья.

– А Джордж? Знаю, он был мерзавцем, но не перестаю гадать – с какой болью жил Джордж Хендерсон? Отчего он стал таким?

– Этого мы никогда не узнаем. Однако если... – Вики понизила голос. – Я говорю теоретически, разумеется, – если бы медицинская карта Джорджа случайно очутилась перед вами, и вы случайно ее открыли и случайно прочли о том, что он страдал маниями и галлюцинациями, что не один десяток лет принимал рецептурные антидепрессанты...

– Господи, Вики! У вас что, вошло в привычку нарушать врачебную тайну?

– Ни в коем случае, Шеп. – Вики шлепнула себя правой рукой по груди в области сердца и с мрачной торжественностью произнесла: – Обещаю, что карта Джорджа Хендерсона никогда не очутится перед вами, ни случайно, ни вообще; и что я никогда не расскажу ни вам, ни

кому-либо еще о том, что он страдал галлюцинациями и депрессией. – Она помолчала. – Или не страдал. Правда может быть какой угодно.

Алекс вздохнул.

– Ладно. Пожалуй, это кое-что объясняет. Однако с депрессией живут многие – и при этом не бьют своих детей, не оставляют на их телах и душах страшные шрамы... И тем более не убивают соседских малышей.

«Возможно, – думал он, – отпустив Джой, я признал ее боль. И тут следует остановиться. Вот если б только еще разобраться с сообщением Джой...»

– Джой сказала, что нашла Венди и куклу. Я хочу выяснить, что и где было обнаружено.

– Каким образом?

– Съезжу на ферму.

– Там пепелище, Шеп, – Вики покачала головой. – Искать нечего.

Алекс взял ключи, повернулся к ней.

– Вы едете или нет?

Глава 81

Джой и Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Великолепный человек, вносивший неопенимый вклад в жизнь нашего клуба и общества. Нам будет очень не хватать твоей неустанной работы. Блэкхантский клуб «Ротари»

– Джой не лгала, – прошептал Шепард.

Он достал из кармана носовой платок, обернул им ручку, вставил ее в дырку на кукольной голове и вынул находку из сундука.

– Значит, это и есть та самая кукла Венди? – спросила Вики. – По крайней мере ее голова.

Алекс кивнул. Отнес голову к своей машине и сунул в пакет для вещдоков.

– Господи, Шеп, я была уверена, что внутри окажется скелет Венди, а не только эта жуткая кукольная башка! – крикнула Вики из сарая и заглянула в искореженный оплавившийся сундук, который пришлось взламывать монтировкой из багажника.

Шепард уже вернулся в сарай.

– Мы, конечно, снимем отпечатки и проверим их на предмет разных совпадений, но большого оптимизма я не питаю. Честно говоря, годами я только и делал, что выписывал водительские права, и потому не знаю, сколько держатся отпечатки на разных поверхностях.

– Ну а я годами не только рецепты на антибиотики выписывала, и потому знаю, – похвастала Вики и с довольным видом скрестила руки на груди.

Алекс безуспешно подождал продолжения, наконец рявкнул:

– А мне расскажете?

– До переезда в Блэкхант я работала в...

– Вики! Я спрашиваю, сохранились ли отпечатки пальцев на проклятой кукольной башке!

– А! Ответ – да. С фарфора отпечатки снимать очень легко, и там безусловно найдутся следы всех, кто держал эту куклу в руках, пусть

даже и двадцать лет назад. Если только человек не надевал перчатки... М-м-м, я говорю «всех», но Венди может не обнаружиться, ведь детские отпечатки исчезают быстро. Хотя отпечатки Венди нам не нужны, правда?

– Правда. Ясно. Это хорошо. – Алекс хмыкнул, вновь оглядел сарай и повернулся к Вики. – Ладно, откуда вы набрались всех этих знаний? Расскажите, чем вы занимались.

– Всем понемножку, Шеп. В основном – судебной медициной и помощью коронеру.

– О. Понятно.

Алекс вдруг почувствовал себя неопытным и глупым.

– Что дальше? – поинтересовалась Вики, от которой не ускользнуло его замешательство.

– Кроме проверки отпечатков на кукольной голове? Не знаю. Я-то, собственно, хотел отыскать Венди... Или ее останки. Джой сказала, что нашла их. – Он кивнул на разруху вокруг. – Вот только крупные предметы, где можно было бы спрятать тело, сгорели.

– Верно. Знаете, пожарные уверены, что возгорание началось в мусорном баке на ближнем пастбище. Вдруг Джой жгла там какие-нибудь улики, обвиняющие Джорджа в убийстве Венди?

– Не стала бы она жечь улики. Наоборот, сохранила бы их как доказательства преступления. Кроме того, Джой заявила, что нашла Венди.

– Точно. Повторите мне сообщение еще раз.

Алекс вздохнул.

– Она попросила встретиться с ней у Боскомбов, поскольку обнаружила в сундуке куклу и узнала, что отец убил Венди.

– То есть Джой не говорила про найденное тело, она просто «узнала, что отец убил Венди»?

– Говорила. «Давайте встретимся у Боскомбов, мой отец убил Венди, я нашла куклу в сундуке и Венди – над чем-то там».

– Да, сказано прямо. Только вот над чем?

– Я не разобрал, связь оборвалась. Наверное, пожар уничтожил телефонную линию. Предлагаю вернуться в город и проверить, есть ли отпечатки.

Сели в машину, двинулись по подъездной дорожке. Вики задумчиво смотрела на пастбища, разбегающиеся от выгоревшей

фермы.

– Шеп, – почему-то встревожилась она. – Сомневаюсь, что связь оборвалась из-за пожара.

– Наверняка из-за него. Потому я и не услышал конца фразы.

– Нет. Если б пожар начался до отъезда Джой, она бы о нем знала – чуюла запах, видела дым, когда рылась в сарае, искала куклу и Венди... Если б огонь подступал к дому, Джой было бы не до телефонных разговоров, она уносила бы отсюда ноги. Значит, пожар вспыхнул уже после ее отъезда.

– М-м-м, похоже...

Господи, какая зануда! Особенно когда права.

– Итак, Джой находит Венди, звонит вам рассказать, где тело, но вешает трубку, не договорив. Почему?

– Не знаю.

– Вы разобрали хотя бы первую букву в оборвавшемся слове?

– Нет, ни одной чертовой буквы! Я слушал сообщение сто раз.

И читал столько же.

– Читали?

– Да, я записал его в блокнот.

– Где он?

– Вот. – Алекс выудил из нагрудного кармана рубашки маленький блокнот на спирали, сунул его Вики. – Страница с загнутым нижним углом.

Она молча прочла, отвела взгляд от блокнота, вновь посмотрела на текст, затем – опять в окно.

– Шеп, стойте!

Он резко затормозил, машину на гравии занесло.

– Какого черта?!

– Шеп, гляньте в окно. Что вы видите?

– Пепел, Вики. Сгоревшие луга и море пепла. Что еще может быть после пожара?

– Именно. Теперь гляньте в мое окно. Что вы видите?

Алекс пожал плечами.

– Сухие луга. И... без пепла. И что?

– Огонь двигался туда. – Вики указала на черные холмы, тянувшиеся до фермы Ларсенов и дальше. – Сюда он не шел. – Махнула на уцелевшие пастбища по другую сторону дома.

– Повторю – и что?

– Послушайте. – Она зачитала из блокнота: – «Кукла Венди Боскомб лежит в его сундуке в сарае, а Венди – над ней». Теперь смотрите туда. – Вики ткнула в свое окно. – Видите, что там, вдалеке? Сообщение записалось полностью. Джой Хендерсон сказала, что Венди – *на дне*, Шеп, а не *над ней*! Хотите, по знакомству проверю ваш слух?

Вики расцвела ухмылкой, которая так бесила Алекса.

– Пруд, Шеп! И у него есть дно! Джой нашла Венди Боскомб на дне пруда, а поскольку пожар к пруду и близко не подходил, то останки наверняка еще там.

Глава 82

Шепард

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джой. Любимая дочь Джорджа (покойного) и Гвен (покойной), любимая сестра Марка (покойного) и Рут (покойной). С огромной печалью, Алекс Шепард

Шепард протянул Вики бумаги. Он четырежды переписывал черновик, прежде чем отпечатать на официальном бланке окончательную версию, которую сейчас читала Вики.

СВОДКА ПО ОТЧЕТУ О РАССЛЕДОВАНИИ

Дата: Среда 16 февраля 1983 года

Краткое описание: расследование по факту исчезновения и предположительного убийства Венди Кэтлин Боскомб (дата рождения – 4 ноября 1951 года), которой на момент исчезновения 27 декабря 1960 года было девять лет.

Установленные факты

Человеческие кости, найденные в 44-галлонной бочке в пруду на землях Джорджа Хендерсона (покойного), принадлежат жертве, Венди Боскомб. Пластиковые сандалии, также обнаруженные в бочке, по описанию родителей жертвы были того же цвета и размера, что и сандалии на жертве в момент исчезновения. Повреждение в верхней части затылка указывает на то, что жертва получила

удар по голове, однако в отчете криминалистической экспертизы отмечается, что данный удар, скорее всего, не являлся причиной смерти, а, поскольку его очертания повторяют кривизну бочки, был получен уже после того, как жертву – возможно, мертвую или без сознания – поместили в бочку.

11 февраля 1983 года в 14:38 Джой Хендерсон (покойная), дочь Джорджа Хендерсона, позвонила в полицейский участок Блэкханта из дома Хендерсона и оставила сообщение, в котором заявила, что ее отец виновен в смерти жертвы и что жертва находится на дне пруда, где старший констебль Алекс Шепард и доктор Виктория Купер впоследствии обнаружили скелет жертвы. Мисс Хендерсон также заявила, что в отцовском сундуке «в сарае» нашла пропавшую вместе с жертвой куклу, чью голову старший констебль Шепард и доктор Купер впоследствии обнаружили на землях Хендерсона в сундуке, который, по словам многих местных жителей, Джордж Хендерсон всегда держал закрытым по причине большой ценности хранящихся внутри инструментов.

Прежде чем старший констебль Шепард смог проверить утверждения мисс Хендерсон, пожар уничтожил почти все имущество Джорджа Хендерсона, в том числе и сарай, где стоял сундук; однако голова куклы уцелела. В отчете криминалистической экспертизы отмечается, что, хотя температура лесных пожаров и достигает 1400 градусов по Фаренгейту и выше, тем не менее фарфор (из которого сделана голова куклы) способен выдерживать температуры выше 2000 градусов по Фаренгейту^[31]. Таким образом, голова куклы могла находиться в сундуке до начала пожара.

Показания родителей жертвы и фотография пропавшей куклы жертвы убедили полицию в том, что голова принадлежит пропавшей кукле, которую

легко опознать по отсутствию левого глаза. У полиции нет гипотезы, почему кукольную голову забрали у ребенка и что случилось с остальной куклой.

Криминалистическая экспертиза обнаружила слабые отпечатки пальцев на голове куклы и идентифицировала их как отпечатки Джорджа Хендерсона. Как и ожидалось, отпечатков жертвы на кукольной голове не было, поскольку детские отпечатки пальцев исчезают быстрее отпечатков взрослых из-за разного количества и типа кожного жира. Другие отпечатки на голове куклы отсутствовали.

Джой Хендерсон погибла в лесном пожаре в тот же день, как сделала заявления по телефону; допросить ее полиция не успела. К сожалению, мисс Хендерсон не объяснила ни мотив, ни подробности предполагаемых действий своего отца.

Сведения, подтверждающие склонность Джорджа Хендерсона к насилию

По мнению многих местных жителей, Джордж Хендерсон проявлял жестокость по отношению к миссис Гвен Хендерсон, на которой был женат 38 лет. Согласно показаниям свидетелей, миссис Хендерсон часто наносила толстый слой тонального крема на лицо, шею и руки, но редко пользовалась другой косметикой. Несколько женщин выразили уверенность в том, что миссис Хендерсон маскировала синяки, оставленные мужем. Кроме того, по словам одного из ближайших соседей Хендерсонов, мистера Колина Ларсена, Гвен Хендерсон рассказала ему, как Джордж Хендерсон столкнул ее с заднего крыльца, когда она была беременна, на сроке восемь месяцев. Это заявление

с чужих слов проверить невозможно, а в медицинской карте записано, что рождение мертвого плода было «результатом случайного падения».

Многочисленные местные жители и невестка Джорджа Хендерсона (миссис Розмари Хендерсон) – все без исключения – подтвердили, хотя весьма неохотно: «каждый знал», что Джордж Хендерсон применяет тяжкие телесные наказания к своим детям.

Мисс Хендерсон предъявила визуальное доказательство (многочисленные шрамы на плечах и спине) старшему констеблю Шепарду во время допроса на ферме Хендерсона в среду, 9 февраля. Заявила, что шрамы – результат частых и жестоких порок, которым отец подвергал ее в детстве.

Дополнительно

- Согласно записи в медицинской карте, датированной 14 июля 1960 года, мистер Марк Хендерсон (покойный сын Джорджа Хендерсона и брат Джой Хендерсон) в возрасте пятнадцати лет имел множественные шрамы на теле, руках и ногах.

- Согласно записи в медицинской карте, датированной 29 сентября 1963 года, мисс Хендерсон в возрасте четырнадцати лет имела множественные шрамы на теле, руках и ногах.

Никто из врачей не сообщил властям о предполагаемом насилии; соответствующий закон еще не был принят. Следователь получил эти медицинские записи по почте от анонимного источника.

Нет ни одного свидетельства того, что Джордж Хендерсон проявлял насилие или демонстрировал склонность к нему за пределами семьи. Все опрошенные жители называли Джорджа Хендерсона

образцовым и многоуважаемым членом общества (что подтверждается почти семьястами некрологами в местной газете), а преподобный Алистер Брейтуэйт, священник церкви, где Джордж Хендерсон был старейшиной, высоко отзывался о его духовности и чистосердечии.

Выводы

Вещественные доказательства (в виде скелета Венди Боскомб в 44-галлонной бочке на землях Джорджа Хендерсона и отпечатков пальцев Джорджа Хендерсона на голове пропавшей куклы на землях Джорджа Хендерсона) наряду с информацией о жестоком обращении Джорджа Хендерсона с детьми указывают на то, что Джордж Хендерсон, вероятно, виновен в убийстве Венди Боскомб и последующем сокрытии ее тела в пруду на своих землях.

Рекомендации

Поскольку подозреваемый в совершении преступления мертв и вероятность появления новых доказательств сведена к минимуму из-за пожара, уничтожившего дома и подсобные постройки Хендерсонов и Боскомбов, расследование по факту исчезновения и убийства Венди Кэтлин Боскомб закрыть.

Данные свидетельствуют о том, что во вторник, 27 декабря 1960 года, Джордж Джошуа Хендерсон по неизвестным причинам и неизвестным способом умышленно или случайно убил Венди Кэтлин Боскомб и скрыл ее тело и голову имеющейся при ней куклы с целью избежать разоблачения.

Вики вернула бумаги, кивнула.

– Это заставит людей в Блэкханте пересмотреть свое мнение об их столпе всего сущего. Это – и вчерашняя статья на первой полосе «Газетт».

– Да, – не слишком уверенно отозвался Алекс.

– Как прикажете вас понимать?

– У меня ощущение, что одной детали головоломки по-прежнему не хватает.

– До сих пор жалеете, что не арестовали Джой? Мы ведь уже все обсудили. Доказательств не было.

Он кинул на Вики взгляд, который она расшифровала как «из-за вас не было, между прочим», и ответил:

– Нет, я о другом. Вертится в голове какая-то мысль, а ухватить ее не могу. Что-то про Джой и ее телефонное сообщение...

Шестеренки в мозгу еле ворочались, будто вязли в иле, и это выводило его из себя. Алекс достал из шкафа Венди Боскомб папку с надписью «Хендерсон, Джой» и сел читать. Вики отправилась делать чай.

Вернувшись с заварочным чайником, она застала его за тем же занятием. Стол покрывали бумаги, отдельные слова на них были выделены розовым и оранжевым.

– Получается? – спросила Вики.

– Я думаю... Не уверен... но думаю, Джой с самого начала знала, что Джордж убил Венди. И вернулась, чтобы добиться от него признания – или хотя бы заставить страдать. Решилась наконец выступить против отца открыто, обвинить его в лицо. Знаете, я согласен с вами: она не лгала и *действительно* не хотела смерти Джорджа – потому что мечтала наказать его за убийство Венди. Однако он умер, и тогда...

– Ого, стойте! Давайте назад. Джой знала о том, что Джордж убил Венди? С чего вы взяли?

– В день ее исчезновения мы с Роном были на ферме Хендерсонов. Я попросил Джой рассказать о Венди, и Джой произнесла... Цитирую... – Алекс зачитал с лежащего перед ним листа: – «У нее *была* двоюродная сестра». Прошедшее время.

– Ну и как это...

– Потом добавила, опять цитирую: «а у сестры *есть*» – обратите внимание на настоящее время – «*есть* малыш». Поскольку сестра была жива, да и сейчас еще жива, наверное.

– И что? – Вики покачала головой. – Сколько было Джой? Одиннадцать? Двенадцать? Девочка перепутала времена, узнав об исчезновении подруги. Или вы неправильно записали...

– Записал правильно. – Шепард вновь сверился с листом. – Даже переспросил, почему она использовала прошедшее время.

– И что она ответила?

– «Наверное, потому, что та школа для меня в прошлом».

– Звучит логично.

– Возможно. Только это не все. Когда я отвез Джой проклятый ремень, она рассказала мне о своем детстве, о том, как было страшно, и становилось все хуже и хуже... и настал момент, когда она подумала, что отец убьет ее. Произошло это накануне исчезновения Венди Боскомб. Джордж явно себя не контролировал.

– В вашей теории очень много допущений, – заметила Вики.

Однако ее глаза говорили, что она воспринимает его рассуждения серьезно.

– Хорошо. Вот вам решающий довод. Вот что крутилось тут, – Алекс постучал себя по лбу, – и не давало мне покоя. Откуда, черт возьми, Джой узнала, где искать Венди? С чего вдруг пошла на пруд? Мало того, как она поняла, что в бочке именно Венди? Да, кости маленькие, но они с тем же успехом могли принадлежать ребенку, который умер сто лет назад. Или два месяца назад.

Вики открыла было рот, но он поднял указательный палец.

– И последняя деталь головоломки – никто не знал, как выглядела пропавшая кукла Венди, а Джой открыла сундук и сразу поняла, *что* перед ней.

– Значит, по-вашему, Джой все это знала и говорила о Венди в прошедшем времени, поскольку...

– Поскольку видела, как Джордж убил Венди – или, по крайней мере, избавился от тела и спрятал кукольную голову.

– Господи, какой кошмар! Неудивительно, что она боялась отца.

Шепард вновь уткнулся в свои записи.

– Здесь сказано, что в тот день Джой ходила на пруд за кувшинками. Она, должно быть, видела, как Джордж запикивает Венди

в бочку и топит.

Вики в ужасе слушала.

– Когда мы с Роном опрашивали Хендерсонов, Джой явно была очень напугана. Мы-то списывали это на шок от исчезновения подружки, но вот послушайте... В какой-то момент Рон вывел Джорджа на улицу – сообщить о том, что Венди, по нашему убеждению, не просто заблудилась, а что ее похитили. – Алекс нашел нужное место в своих записях. – Да. Я остался в доме, и Джой спросила меня, не арестует ли Рон ее отца. Повторюсь, тогда я думал, что она просто напугана, зато теперь... да еще кукла Венди и ее кости... Положа руку на сердце, вряд ли в подобных обстоятельствах двенадцатилетняя девочка подумает именно об этом, согласны? Разве что ей известны веские причины для ареста.

Вики нахмурилась.

– Почему Джой столько лет ждала, никому не говорила?

– Видимо, боялась, что отец убьет и ее, скажи она хоть слово. Вместо этого она хранит молчание и сбегает из дома при первом же случае, планируя больше никогда туда не возвращаться – как Марк. Потом звоните вы, сообщаете, что ее отец умирает, и она решает: вот он, шанс добиться справедливости для Венди. Полагаю, на эту тему у них с отцом состоялась откровенная беседа, а то и не одна, и, возможно, он выпил таблетки специально, решив покончить с собой, потому что – еще одно предположение – Джой пригрозила сдать его полиции.

– Жуткая история... – Вики поежилась. – Хотя думаю, вы правы.

Алекс собрал разбросанные бумаги в папку, Вики разлила чай.

– Значит, вы у нас теперь местный герой...

– Не уверен. Я ведь ничего не сделал. Это Джой подсказала мне, где искать. Но все равно я наконец чувствую, что не зря ношу нашивки.

Алекс прикрепил сводку к полному отчету на десяти листах и опустил документы в конверт А4.

Вики улыбнулась.

– Вы сделали многое, Шеп. Не сдались. А еще поехали искать куклу и Венди, пусть даже и на пепелище. По-моему, Блэкхэнт этим очень доволен. И ваше начальство тоже должно радоваться... Ну как, у вас не пропало желание посетить похороны ублюдка?

– Никак нет. Хочу посмотреть, сколько народу явится.

* * *

Уже очень немолодой, но все еще крепкий преподобный Брейтуэйт смотрел с кафедры на людей, пришедших отдать последний долг Джорджу Хендерсону. Вот они, в той самой церкви, где Джордж был давним старейшиной. В церкви рядом с актовым залом, где этот человек на протяжении нескольких десятков лет улыбался, шутил и утешал людей, словно безгрешный ангел Господень.

Последние двадцать четыре часа дались преподобному нелегко. Вчера за обедом он прочел первую полосу местной газеты, не веря собственным глазам, затем позвонил Шепарду и расспросил его о заявлениях журналиста. Остаток дня провел в кабинете, раз за разом переписывая текст для прощальной службы по Джорджу Хендерсону и молясь о напутствии. Отложил ручку уже около полуночи, по-прежнему не уверенный в выбранных словах и стихах из Библии. Наутро торопливо переписал всю службу, оставив только псалмы, чтобы не путать органиста и хор. Но, поднимаясь на кафедру, понял, что поспешил: видимо, очень уж растревожила его зернистая черно-белая фотография улыбающейся, но теперь окончательно усопшей Венди Боскомб. Переписанное вступление определенно не годилось, только менять что-либо было поздно – спутанный разум не мог придумать ничего другого, а количество людей в церкви и вовсе ввергало в ступор.

Преподобный вскинул руки к высокому изогнутому потолку, и по церкви прокатился надтреснутый старческий голос – он уже давно не гремел, как во времена Джой, сидевшей на передней скамье и замиравшей от ужаса перед отцом, Дьяволом и угрозой вечных мук.

– Свят Он! И могущество Царя любит суд. Ты утвердил справедливость; суд и правду Ты совершил. – Преподобный помолчал, обеспокоенный тем, как воспримет паства выбранные псалмы, затем продолжил: – Ибо день и ночь тяготела надо мною рука Твоя; свежесть моя исчезла, как в летнюю засуху.

Алекс с Вики потрясенно переглянулись – что же будет дальше? Они приехали рано и устроились на скамье в конце церкви, не желая мешать скорбящим и привлекать к себе внимание.

Однако они не сумели бы привлечь к себе большего внимания, даже если б с ног до головы испачкались в крови Венди Боскомб: не

считая преподобного Брейтуэйта, они были единственными людьми в церкви. На похороны Джорджа Хендерсона не явился даже органист.

Читая заготовленные записи, преподобный Брейтуэйт думал о том, что им с женой в ближайшие дни предстоит съесть немало булочек и лимонных долек. Мысленно вычеркнув девяносто процентов из прощальной проповеди, уже через десять минут он сошел с кафедры.

Глава 83

Джой и Венди

Вторник, 27 декабря 1960 года

Джой аккуратно подняла мотыгу, занесла ее над листом кувшинки и начала бережно опускать, продев белоснежный цветок через отверстие в насадке. Когда та ушла под воду примерно на восемнадцать дюймов, Джой быстро дернула, перерезав стебель, и медленно подтянула кувшинку к краю пруда, а затем положила ее к уже собранным цветам.

– Здорово придумано, – раздалось за спиной.

Джой испуганно подскочила и тут же поморщилась от жгучей боли в исполосованных ягодицах и бедрах. Где были ее мозги? Как могла она упустить этих противных хорьков? Знала же, на что способен отец. Может, пусть бы Марк все-таки взял вину на себя? Вчера пришел наконец ее час, и теперь вся жизнь превратится в череду наказаний.

Джой обернулась, но не быстро – слишком уж было больно, – и в трех-четыре футах от себя увидела Венди Боскомб в ярко-желтом платье с прямоугольным вырезом и желтых пластиковых сандалиях. Малышка с улыбкой показывала на мотыгу.

«Это мама придумала. Не мотыгу – их можно купить где угодно, – а способ, как при помощи мотыги собирать кувшинки для венков. Мама ведь у меня умная». Так хотела сказать Джой, но побоялась, что язык ее произнесет совсем другое: «Вчера отец меня чуть не убил. Он придумал способ, как при помощи ремня наказывать своих детей. Ведь мой отец – убийца». Не решившись открыть рот, ответила лишь слабой улыбкой.

Венди, по-прежнему улыбаясь, пояснила:

– Я прошла через пастбища. Оказывается, тут недалеко... – Затем добавила: – Мы только вернулись с отдыха на море, и я хотела показать тебе свою новую куклу. – Она вытянула вперед куклу, почти красивую, но без одного глаза. – Я бросила остальных кукол на нашей подъездной дороге – они испачкались, потому что я поскользнулась и перевернула коляску. Я изобразила, будто куклы попали в автомобильную аварию, и выложила их в ряд, как мертвых людей, лицом в грязь. – Венди

рассмеялась, хотя Джой не услышала ничего смешного. – Мне они больше не нужны. У меня теперь есть Джессика.

Джой никогда не имела кукол, а тем более нескольких, которых она могла бы взять да и бросить в грязи по возвращении с морских каникул. Коснулась ноющих ягодиц. Ей даже думать не хотелось о том, что сделал бы отец, будь у нее куклы и оставь она их в грязи. Немногочисленные игрушки доставались ей после Марка, а тому – в основном после Колина. Поэтому, хотя кукла без глаза выглядела уродливо, Джой ощутила в затылке легкое покалывание сверкающей алебастровой зависти – там, где обычно жил фиолетовый пузырь ненависти. Море кукол – и отец, которому нет дела до твоих игр с ними...

– Смотри, у нее лицо из фар-фора. Папа говорит, она стоит очень дорого.

– Дорого?

У отца были инструменты, которые вроде бы стоили очень дорого, и он держал их в запертом сундуке, даже не открывал его никогда и не давал играть с ними детям, так что вряд ли уродливая Джессика стоит дорого. Хотя что Джой понимает в куклах? Она лишь понимает, что Венди повезло, у нее есть кукла в чудесном кремовом платье с кружевами и в блестящих черных туфельках, пусть даже и одноглазая. А еще есть улыбчивые родители и сестра, пусть даже и двоюродная. А еще – каникулы у моря и шоколадные молочные коктейли.

– Тебе понравился молочный коктейль?

– Какой? – спросила Венди, разглаживая шелковистое кукольное платьице.

– Который ты пила в последний день школы.

Наверное, Венди часто пьет коктейли и не помнит о них.

– Да, очень вкусный. Холодный, пенистый и ужасно шоколадный. Молочные коктейли вкусные, правда? Особенно шоколадные.

Джой кивнула. Она ни разу не пробовала молочного коктейля. У семьи не было денег на излишества – из-за правительства, слякоти и маслозавода, которые постоянно строили козни. Почему же Боскомбы богаты, откуда у них деньги на молочные коктейли и отпуск, если ферма Боскомбов такого же размера, как у Хендерсонов? Может, все потому, что у Боскомбов только один ребенок?

– Хочешь поиграть?

– Давай, – согласилась Джой, заталкивая поглубже алебастровую зависть к Венди с ее молочными коктейлями. – Только сперва мне надо собрать еще восемь кувшинок.

Пока она срезала кувшинки и складывала их рядком на земле (почти как Венди складывала своих кукол), Венди играла с Джессикой: будто они мама и дочь, сидят на берегу моря и пьют молочный коктейль. Боскомбы, заключила Джой, единственные богатые фермеры на много миль вокруг.

Подтягивая очередной цветок к берегу, она каждый раз бросала взгляд на Венди. Та как бы прихлебывала молочный коктейль и беседовала с Джессикой взрослым голосом:

– Какой твой любимый коктейль, Джессика? Шоколадный или клубничный, милая? – Наверняка подражала своей маме.

Джой добавила последнюю кувшинку к остальным двадцати четырем и окликнула:

– Все, я закончила.

– Ура! – Венди вскочила. – Давай поиграем в прятки.

– В прятки? – переспросила Джой. Она-то надеялась поиграть с куклой. – Ты не хочешь поиграть с Джессикой?

– Не-а, я хочу в прятки. – Венди пристроила куклу рядом с кувшинками. – Считай до пятидесяти, а я спрячусь. Не подглядывай.

– Ладно. – Джой закрыла глаза руками и отвернулась. – Один, два, три...

Она считала быстро. Не жульничала, а просто знала – надо успеть отнести кувшинки маме и начистить картошки к чаю.

– Семь-восемь-девять...

Еще быстрее. Ей попадет, если картошка не сварится вовремя.

– Восемнадцатьдевятнадцатьдвадцать...

Джой понизила голос, пропустила двадцать с лишним чисел, затем громко объявила:

– Сороквосемьсорокдевятьпятьдесят! Я иду искать, кто не спрятался, я не виновата!

Она посмотрела на горы ржавой техники и мусора вокруг пруда, и по телу желтой волной пробежал страх. Ей некогда играть. Ей пора назад домой, заниматься делами. Зачем она согласилась на прятки?!

Венди нигде не было видно, но Джой не сомневалась, что девятилетняя девочка прячется за какой-нибудь грудой мусора

и подглядывает в щелочку. При приближении Джой Венди сможет незаметно перебежать за другую кучу, и поиски затянутся надолго.

Угри вгрызлись в живот.

– Венди, мне некогда играть! Выходи! Мне пора домой!

Тишина.

Джой отошла от воды и поднялась по крутому берегу в надежде увидеть Венди сверху.

– Венди-и-и-и, Венди-и-и-и! Где ты?!

Та не отвечала.

– Выходи, – громче позвала Джой. – Мне пора!

Она начала злиться. Да где же Венди?

– Мне надо домой!

Еще раз оглядевшись, заметила на другом берегу желтое пятно, которое метнулось от большого тракторного колеса и исчезло за ржавой сорокачетырехгаллонной бочкой.

«Ага. Венди залезла в бочку».

Джой двинулась к колесу, злясь все сильнее. Ну и пусть Венди пьет шоколадные молочные коктейли, когда хочет, и разбрасывается куклами, как ненужными бумажками, и имеет отца, который не порет ее за выпущенных хорьков! Только это не означает, что можно не слушать Джой, когда та говорит, что ей пора!

«Венди не представляет, чтобы с ней могло случиться плохое. Она ужасно избалованная, с этими своими куклами, шоколадными коктейлями и морскими каникулами!»

Какая-то крошечная частичка Джой решила подкрасться к Венди и напугать ее. Самую малость. Потому что жизнь состоит не только из шоколадных молочных коктейлей и фар-форовых кукол. Испуг пойдет ей на пользу. Джой шла к бочке на цыпочках, задерживая дыхание, чтобы не выдать себя.

В двадцати футах от огромной крыши она сделала по откосу несколько шагов вверх, а затем нырнула вниз, к задней части бочки. Отметила, что та открыта со стороны воды, а крышка лежит на земле, рядом.

Джой замерла в ожидании – сейчас Венди высунет руку, подтянет к себе крышку и спрячется в бочке окончательно. Тут-то Джой и выскочит с криком: «Нашла!» – и хорошенько напугает девчонку.

Джой сделала первый шаг вниз по откосу, и тут ее внимание привлекло движение слева. Это оказался просто угорь на мелководье. Небольшой, такого в жаркое не положишь. Плышет быстро, но совсем еще детеныш, даже плавников не успел отрастить. Он проплывет как раз перед входом в бочку. Интересно, Венди испугается? Ее семья точно не убивает и не ест угрей. Да и вообще, с легким ярко-розовым презрением подумала Джой, Венди, наверное, и не видела-то угря никогда, тем более не пробовала.

Разве что существуют шоколадные молочные коктейли со вкусом угрей... О да, такое Венди, пожалуй, пила.

Джой наблюдала за извивающимся в мелкой воде угрем. Когда он был в футе от бочки, сердце Джой вдруг остановилось. Это не угорь! Змея. Форма головы другая. Неудивительно, что плавников нет. Зато есть полосы – как у ядовитой тигровой змеи.

Джой не двигалась. Сейчас бы сюда мотыгу... Почему отец всегда твердил: «Возьми палку или мотыгу», – но никогда не рассказывал, что с ними делать при встрече со змеей?

Хотя волноваться не о чем. Змея явно еще детеныш, вон какая маленькая и тонкая – и она, без сомнений, проплывет мимо Венди, прячущейся в бочке.

Если только не решит где-нибудь поспать. И не сочтет бочку отличным местом.

Словно прочтя ее мысли, змея извернулась и поплыла к берегу, прямо к бочке.

Но это ведь детеныш. Он ничего не сделает Венди. Говорят же, что змеи боятся людей сильнее, чем люди – змей. Он заползет под крышку, а в бочку не сунется.

Все равно надо окликнуть Венди, предупредить.

Однако сверкающая алебастровая зависть неожиданно вырвалась из затылка и растеклась по телу. «Венди не представляет, чтобы с ней могло случиться плохое. Может, змееныш напугает ее и преподаст урок. Небольшой урок. Капелька чего-то плохого и страшного, просто чтобы она знала, как это бывает. Иначе несправедливо».

Змея выползла из воды в десяти дюймах от открытой бочки. Самое время крикнуть: «Венди, осторожно! К тебе ползет змея!»

Но язык прилип к нёбу, слова застряли.

Змея скользнула чуть ближе. Джой не издала ни звука.

Маленькая змея подняла голову над водой, высунула и спрятала язык. Джой знала, что так змеи нюхают. Чувствует ли этот детеныш запах тела? А страха?

Внезапно она услышала голос мистера Ларсена, из очередной субботы месячной давности: он рассказывал о том, как Колин убил змееныша возле дома. Колин молодец, вспомнил, что детеныши опаснее взрослых змей. В ответ на ее удивление мистер Ларсен пояснил: «Видишь ли, деточка, детеныш при укусе впрыскивает весь свой яд без остатка. Взрослая же змея, та бережет яд для следующего укуса. Иначе у нее ничего не останется, как у коровы после дойки. А вот змеенышу, деточка, осторожность не свойственна, он еще не усвоил, что запас яда не пограничный». По маминому лицу промелькнула улыбка, когда мистер Ларсен сказал «пограничный» вместо «безграничный».

Джой должна предупредить Венди, пора! «Венди, берегись, к тебе ползет змееныш!» Надо произнести это немедленно. Сейчас же. Пока не поздно.

Как говорит отец? «Змеи любят воду. И детей».

Джой наблюдала за тем, как змея приближается к открытой бочке. И тут пульсирующая зависть испарилась, а на смену ей пришел густой желтый страх.

Джой наконец открыла рот – ровно в тот миг, когда улыбающееся лицо и рука Венди показались из бочки.

– Джой! А вот и...

Одновременно с воплем «Змея!», вырвавшимся у Джой, ладонь Венди опустилась посередине змеиной спины.

Джой окаменела. Голова змеи повернулась назад, Венди удивленно посмотрела вниз. Вскрикнула, отдернула руку, а змея метнулась вперед и вонзила зубы в обнаженную кожу над вырезом платья, слева.

Венди опять вскрикнула, отпрянула назад и с тяжелым красным стуком ударилась головой о край бочки.

Джой вдруг поняла, что делать с мотыгой. Она побежала к месту, где оставила кувшинки. Каждый шаг отзывался болью в избитом теле. Схватила мотыгу, вскрикнув от жжения в ногах и ягодицах, высоко ее подняла, глубоко вдохнула и быстро, но тихо двинулась назад, чтобы застать змею врасплох. Та лежала футах в пяти от бочки, греясь на солнце. Джой замедлила шаг, бесшумно приблизилась и резко, изо всех

сил опустила мотыгу на голову змеи. Подняла инструмент – змея оказалась ранена, но не убита. Джой ударила еще сильнее, не сдержав громкий стон от боли в спине. Перехватила мотыгу лезвием вниз и вонзила ее в тело змееныша чуть ниже головы. Когда лезвие стукнуло о землю, Джой вскрикнула от облегчения, но занесла мотыгу вновь – ведь обезглавленная змея все равно способна укусить. Джой опускала лезвие еще и еще, пока голова не превратилась в коричнево-белое месиво из кожи, мяса и клыков. Тогда она накинулась с мотыгой на по-прежнему извивающееся тело, разрубила его на десять, двадцать, тридцать, миллион кусков – а потом ее вырвало, из глаз брызнули слезы.

Убедившись, что змееныш больше ничего не сможет сделать, девочка отшвырнула мотыгу, села на землю и зарыдала в голос от гадливости и облегчения. Проплакала долго – и вдруг вспомнила про Венди.

– Венди!

Та лежала на мелководье лицом вниз.

– Венди-и-и!

Джой кинулась к ней, зашла в воду и, опустившись на колени, потрясла за плечо. Подняла голову в жаркое небо.

– Помогите! На помощь!

Никто их не слышал и не видел.

– Помогите!!! – вновь закричала Джой.

Закричала даже громче, чем вчера, когда отец стегал ее ремнем.

Еще раз потрясла Венди, но ее голова лежала в воде, тяжелая, неподвижная. Джой попятилась.

Почему Венди молчит? Она не могла умереть. Змеиный укус убивает очень-очень медленно. Правда? Сколько времени ушло на то, чтобы сбегать за мотыгой и прикончить змею? Пять минут? Десять? Зачем было потом сидеть и рыдать?!

В голове загремели слова мистера Ларсена: «Если змея ужалит в руку или ногу, деточка, все с тобой будет хорошо – главное, не начинай носиться кругами, точно бык, который полгода коровы не видел. А вот если укусит в грудь...»

– Веди-и-и, Венди-и-и!!!

Венди лежала тихо, не шевелясь. Джой вновь потрясла ее за плечо.

– Идем, вставай, Венди. Мне надо домой. Пора варить картошку.

Она перевернула Венди на спину – до чего же маленькая и легкая! – и села рядом на землю. Что делать? Джой уронила голову на грудь, крепко зажмурилась от страха и отчаяния, услышала свист воздуха над своим обнаженным телом, свист отцовского ремня, рвущего и терзающего кожу. В перерывах между стонами и всхлипами она мечтала об одном: пусть бы Венди, с ее куклами и молочными коктейлями, никогда не существовало, пусть бы умер отец, а не Венди.

Что он сделает с Джой, когда узнает, что та не уберегла Венди от змеиного укуса? Да еще позволила ей умереть...

Ответ известен. Отец будет пороть ее, пока она не станет корчащейся грудой мяса и крови – как изувеченный змееныш; пока из живота не вырвутся черные липкие угри, не накинется с жадностью на розово-красное месиво, звавшееся когда-то Джой Хендерсон. Потом выбросит останки в мусорный бак, откуда она провалится в Ад. Отец уже убил Рут, превратил Марка в сгусток горчично-желтого страха, а теперь убьет и Джой.

Она подвывала, ничего не видя из-за слез, и молилась. «Прошу, Господи, прошу, не дай Венди умереть. Прошу, прости меня. Прошу, Господи. Не допусти этого. Все произошло случайно, Господи, прошу. Ибо Твое есть царство, и сила, и слава во веки веков, прошу, Господи, прошу. Аминь, аминь, аминь...»

Однако Джой знала – никто, даже Бог, не услышит ни ее рыданий, ни ее молитв.

И тут в ушах раздался шепот Рут: «Венди уже не спасти, но ты можешь спасти себя. Не надо никому рассказывать. Это был просто несчастный случай. Помнишь, что говорила мама? Умолчать – не значит солгать».

Джой перестала всхлипывать, подняла голову. Сглотнув, кивнула Рут. «Отец убьет тебя, если расскажешь. Получится, что он убил нас обеих».

Вот так, прислушиваясь к тихим подсказкам Рут, Джой Хендерсон затолкала худое маленькое тело Венди Боскомб назад в бочку. Положила внутрь большой камень, закрыла крышку и защелкнула пять скоб, одну за другой.

Слезы не утихали. Джой толкнула бочку. Та оказалась тяжелой, увязла в густом иле, и Джой не хватило сил в дрожащих руках. Она вспомнила, как открыла дверь под домом после подслушанного

разговора мистера Ларсена с Берил. Села за бочкой и пнула ее, хотя спину обожгло мучительной болью. Бочка немного продвинулась, камень внутри загремел. Джой толкнула еще. Еще. Наконец бочка скатилась с грязной отмели. Плюхнулась в воду, и несколько жутких секунд казалось – сейчас просто поплывет, камень недостаточно тяжелый, или уплотнитель крышки водонепроницаемый, или в бочке нет дыр... Однако та медленно, а затем быстрее начала тонуть. Значит, дыра есть, снизу, и бочка наполняется водой.

У Джой вырвалось громкое рыдание, и вдруг она насторожилась. Что это? Стук из бочки? Стон? Слово «Джой»?

Нет, просто камень скользит внутри. Точно?

«Ты спасена, – шепнула Рут. – Никто никогда не узнает».

Они наблюдали, пока бочка полностью не скрылась из виду. Дальше она опустится на илистое дно пруда, кишашее угрями, на пятидесятифутовую глубину. Джой встала и подошла к изрубленной змее. Дотолкала ее мотыгой до мелководья, вдавила в ил и наскребла сверху еще грязи.

«Скорее, – поторопила Рут. – Неси кувшинки маме в мастерскую и принимайся за картошку».

Джой побежала к цветам – и встретила взглядом с одноглазой Джессикой. Схватила уродливую куклу, намереваясь бросить в пруд и ее, но Рут вовремя вмешалась. «Нет, кукла не утонет». Угри в животе пылали, Джой трясло. Куда девать куклу?

Мусорный бак. Кинуть ее в бак и поджечь. Девочка постучала пальцем по «фар-форовой» голове. Подумала в ужасе: «Будто кость. Остальное сгорит, а вот голова – нет». Если отец заглянет в бак, то заметит.

Не переставая напряженно думать, Джой собрала двадцать пять кувшинок и спрятала куклу в стеблях. Трактора в сарае не оказалось – значит, отец еще чинил изгородь. Она уложила куклу на бетонный пол, взяла топор и отсекала ей голову одним резким взмахом острого сверкающего лезвия.

Стоило поджечь тряпичное тело и бросить его в бак, как оно быстро прогорело до пепла.

Это получилось.

Оставалось только спрятать голову.

Эпилог

Джой и Рут

Февраль 1983 года

ХЕНДЕРСОН, Джордж. Супруг Гвен
(покойной), отец Марка (покойного), Рут (покойной)
и Джой

Я уже довольно долго чувствую запах дыма, а теперь еще и слышу неистовый рев {калейдоскоп со стеклышками безумной формы}. Мощный, прекрасный образ.

Никогда в жизни я не испытывала такого страха. Ни когда сбежали хорьки, ни когда умерла Венди, ни когда я накинула на шею отца ремень и затянула его изо всех сил.

Ехать некуда. Огонь мне не обогнать, так что теперь действительно все кончено. Больше всего я жалею о том, что не увижу реакции Боскомбов на слова «мой отец убил Венди». Им придется услышать новость от Шепарда. Не знаю, правда, сумеет ли...

– Не волнуйся, – говорит Рут. – Он найдет куклу. И Венди.

Я удивленно оглядываюсь.

– Я думала, ты ушла навсегда.

Рут пожимает плечами.

– Не могла же я бросить тебя теперь.

Мы лишь второй раз вместе вне дома. Первый раз был на пруду, с Венди и ее куклой.

– Думаешь, Шепард догадается? – спрашиваю, хотя мои губы не шевелятся.

– Ну, ты ясно сообщила про куклу в сундуке и Венди на дне.

– Значит, Боскомбы наконец перестанут гадать, что произошло с Венди. Хотя бы отчасти обретут покой. Смогут устроить нормальные похороны, с ее костями в гробу.

– Да. – Рут кивает. – Готова спорить, на похороны Венди придет куда больше народу, чем на его.

– Жаль, что мама не сделает венков.

Дым уже клубится вокруг машины; горячий рев, безумный калейдоскоп, настагает.

– Что дальше? – Я смотрю на Рут.

Родимое пятно растягивается, делается гладким – она поджимает губы, думает.

– Почти ничего. – Наблюдает за пламенем, мчащим по холмам. – Немного времени на благодарность за то, что у нас были мы, Марк и Фелисити.

– Они расстроятся.

– Да, но опять же, Фелисити даже не попробовали нас спасти, верно? Оказались такими же, как и все остальные.

Вообще-то я не знаю, пытались они нас спасти или нет. Не знаю даже, рассказала ли им Фелисити об издевательствах отца. Хотя это уже неважно.

В машину вползает пепельно-серый дым, и я начинаю кашлять. Когда дым заполняет салон, приходит время замереть – как от скрипа линолеума под отодвигаемым стулом отца.

В голове стучит, легкие болят, отчаянно борются за кислород, но кругом лишь дым, в легких дым, мозг крошится, тысячи образов прорываются из-за полога.

– Ничего, – продолжает Рут, голос у нее хриплый и далекий. – Все узнают, что он убийца, именно этого мы и добивались. Людям, может, плевать на его жестокость по отношению к тебе и Марку, но они ужаснутся убийству Венди. А Шепард никогда...

Я почти не слышу Рут. Голова болит страшно, а при попытке вдохнуть...

Догадается ли Шепард обо всем?

– Не переживай, не догадается, – говорит другой голос.

Передо мной Марк. Он широко улыбается, держит «Словарь грешницы», стоит рядом с Рут. Дым исчез, и мы втроем находимся в Бесконечной библиотеке; вокруг книжные полки, и тянутся они в... ну да, в бесконечность.

Это хорошо. Рут, Марк и я в Бесконечной библиотеке. Я наконец там, где нужно.

От автора

В «Penguin Random House Australia» мне посчастливилось работать с выдающейся командой, которая творила с моей рукописью настоящие чудеса. Мне никогда не выразить всей своей благодарности двум незаурядным людям, издателю Беверли Казинс и редактору Кэтрин Хилл: они охотно и неумолимо работали со мной надо всем, от идей до запятых, и использовали не только свои многочисленные навыки, но и врожденные знания для того, чтобы сделать этот роман успешным. Я многому у вас научилась и получила несказанное удовольствие от каждой проведенной вместе минуты. Спасибо Клэр Гатзен за блистательные правки; Джастину Рэктлифу – за незримые поддержку и руководство; Лу Райану – за глубокое понимание, энергию и советы; всем сотрудникам отделов продаж – за напряженный труд и самоотверженность; Тому Лэнгшоу с командой – за гениальное аудио; Адаму Лащуку – за потрясающую обложку; Люси Баллантайн и Эмили Хиндл – за невероятный задор, знания, воодушевление и творческий подход. Все, с кем я работала в PRH, – люди талантливые и целеустремленные, интересные и веселые... команда мечты для любого автора.

Одним пятничным вечером в феврале 2019 литературный агент Джасинта ди Мэйс прочла в самолете мою рукопись и около полуночи прислала электронное письмо, изменившее мою жизнь. Среди прочих незабываемых слов была фраза: «Хочу заключить с вами контракт». Благодарю, Джасинта (и вся команда), за веру в мою работу и за ее вдохновенное продвижение.

Рукопись воплотилась из мечты в реальность лишь благодаря Энтони Яху и писателям на его мастер-классах. Спасибо, Энтони, за интеллектуальные и творческие задания, за то, что ты всегда на моей стороне, с первого дня нашего знакомства. Твоя помощь начинающим авторам просто поразительна. Бесконечная благодарность вам, увлеченные и щедрые коллеги-писатели с мастер-классов, за энтузиазм и помощь в совершенствовании многих отрывков. Отдельное спасибо, Ник Гадд, Морено Джованнони, Сьюзан Херли, Карен Макнайт, Джанин Микозза, Элли Нильсон, Филлип Шемниц, Джейн Салливан,

Хонитри Томас и Алиса Уайлд. И особенно – Марион Робертс, за направление меня на эту «дорогу к публикации».

Gracias especiales, Марина Аламо, не только за твою теплую, мудрую дружбу, но и за бездонный заварочный чайник, острозаточенные карандаши и «собственную» комнату в Мехико, где я провела целый месяц и сочинила тысячи слов этого романа.

Основная шлифовка романа происходила в январе 2020 в Варуне, резиденции писательского братства «Varuna Residential Fellowship». Хочу поблагодарить благотворительный фонд «Eleanor Dark Foundation», Веру Костелло, Кэрол Мэджор, Вичи Стюарт и несравненную Шейлу Аткинсон за удивительные дни, которое я провела в этой умиротворенной и окрыляющей обстановке. Спасибо также соседям-коллегам – Пэрис Флорид, Элле Джеффри, Одри Моллой, Ванессе Онил, Джанет Сондерс и Люси Стивенс. Ваша изумительная работа – просто восторг; спасибо за беседы, чтение (это нечто!) и продолжающуюся дружбу.

Спасибо вам, Алекс Дэйви (за технические знания о пожарах и борьбе с ними), Стэйси Стюарт (за бесценные акушерские знания, которые произвели на свет правду о Рут), Пэм Купер, Фил Тейлор и доктор Ксавье Фоулер (за добровольное взятие на себя роли источника сведений о Второй мировой войне и воинском призыве), а также Трейси Уэйр и Стюарт Эндрю (ваши советы обо всем, связанном с полицией, помогали мне удерживаться в рамках истины). Любые ошибки или неточности в данных сферах – мои.

Благодарю, Адам Бартлет, Тони Бирч, Карен Корбетт, Сари Смит и Арнольд Зэйбл, за великодушное отношение ко мне, изучавшей литературное творчество в Мельбурнском университете. Ваши мудрость и одобрение много лет помогали мне двигаться вперед и поддерживали в частые минуты сомнений в себе.

Спасибо членам книжного клуба «The Lovely Ladies Book Club», прочитавших не один, а два первых черновика рукописи и убедивших меня в том, что такие вдумчивые читательницы, как вы, способны получить удовольствие от моего романа. Стратегия, которую я очень рекомендую всем авторам! Благодарю вас, Вив Барретт, Белинда Бикертон, Дебора Бербидж, Соузан Говард, Лина Джонсон, Николь Нот, Лин Ломоро, Дейдра Очоа, Шикха Пармар, Сара Тиммс и Стефани Венлок.

Спасибо, Кирстен Александер, Лиам Пипер, Джок Серонг, Бенджамин Стивенсон и Джейн Салливан, за ваше время и светлые умы, за то, что вы читали роман до публикации – пока я тряслась от волнения. Ваша поддержка неизвестному автору олицетворяет широкую душу австралийского писательского сообщества.

Благодарю за уникальную поддержку и содействие вас, Фотини Агротис, Вив Барретт, Фрэнсис Брукс, Кен Тау, Линди Коуэн, Кармелина ди Гуглиельмо, Анита ди Мэйс, Лизель Дисуза, Куин Идс, Ева Иден, Алисия Элдридж, Али Фулчер, Дэвид Грин, Фун Лин Кон, Лорен Маршалл, Беатрис Мэтьюз, Кэрол Мидлтон, Мэрилин Миллер, Сара Монахан, Бронте Зейдель, Маха Сидауи, Кэрин Сигман, Дэвид Смит, Шейн Томас, Натали Велла (и «Memoria Podcast»), Робин Уоллес-Митчелл, Меган Уолтон, Дианна Уир, Кэрол Вульфсон и Мириам Золин.

Моим бесподобным «маэстро» сюжета, Розмари Баннел, Пруденс Дэйви, Тиффани Пламмер и Рут Шепард – ваши блестящие умы подарили книге несколько шикарных поворотов, и моя благодарность глубже, чем пруд у Хендерсонов.

Моим исключительным товарищам по перу, я бесконечно признательна за ваши безжалостные правки, каверзные вопросы и бесценную дружбу. Благодарю от всего сердца, Стелла Глори, Расс «Красная ручка» Хоган, Джейн Леонард, Тиффани Пламмер, Джей Пи Помар, Глен Томсон.

Наконец – ведь мы всегда оставляем лучшее напоследок – безмерная благодарность вам, Алекс, Пруденс, Элла и Ксав. Вы не только доставляли мне неисчерпаемую радость, но и поддерживали на всем протяжении этого непростого пути. Спасибо за все, что вы мне подарили, особенно за смех (и сережки).

notes

СНОСКИ

1

Муравьи-бульдоги – вид австралийских муравьев.

2

1 миля = 1,6 км.

3

Лейк-Энтрэнс – морской курорт и рыбацкий порт в восточной части штата Виктория, Австралия.

4

Летне-рождественские каникулы – самые длинные каникулы в Австралии.

5

Старшая школа в Австралии начинается с двенадцати лет.

6

Кэри Грант (наст. Арчибалд Александер Лич, 1904–1986) – англо-американский актер, кинозвезда.

7

Фунтовый кекс традиционно изготавливается из муки, масла, яиц и сахара; каждый ингредиент берется в количестве одного фунта. Считается, что он происходит из Северной Европы с XVII–XVIII вв.

8

Бакелит – твердый легкоплавкий материал, способный имитировать кораллы, янтарь, слоновую кость и даже черепаховый панцирь.

9

Пресвитерианство – одна из ветвей протестантского вероучения, отвергающая власть епископов и признающая лишь сан священника.

10

Русский вариант гимна дан в переводе И. Проханова.

11

Речь идет об австралийском фунте.

12

Перманент – завивка, которая держится в течение нескольких месяцев.

В Австралии лето приходится на декабрь – февраль, а самые холодные месяцы – с июня по август.

14

Дождемер – инструмент, используемый для сбора и измерения количества жидких осадков.

15

1 фунт в весовой категории равен 0,4 кг.

16

Красноспинный паук – австралийский паук-тенетник из рода черных вдов.

День подарков – праздник, отмечаемый во второй день Рождества в Великобритании и ряде стран, входящих в Британское Содружество наций.

Речь идет о популярной американской песне «You're My Sunshine» (1939), ставшей одним из стандартов стиля кантри.

19

Псал. 22:6.

20

Мак-самосейка.

Милдьюра – областной город в шт. Виктория.

Гипсофила метельчатая; также известна как качим метельчатый.

Псал. 22:1–4.

Дактилоскопия – способ идентификации человека по отпечаткам пальцев.

Глиникский мост вошел в историю разведки во времена холодной войны. В его середине проходила граница между ГДР и Западным Берлином. Мост имел отличную просматриваемость и именно поэтому был выбран местом для обмена пленными шпионами.

Традиционная песня, которую поют, чтобы поздравить человека со значительным событием, таким как повышение по службе, день рождения, свадьба, годовщина свадьбы, рождение ребенка или победа в спортивном соревновании.

В английском языке название австралийского городка Антверпен (Antwerp) в регионе Виктория совпадает с названием бельгийского города Антверпен.

День Австралии – национальный ежегодный праздник; знаменует высадку Первого флота в Сиднейской бухте в 1788 г.

В английском языке – «А-Н».

Ян Вермеер (1632–1675) – нидерландский художник-живописец, мастер бытовой живописи и жанрового портрета.

31

Соотв. 760 и 1100 градусов по Цельсию.

Table of Contents

Лин Йоварт Молчаливая слушательница

Пролог Джой и Джордж

Часть I

Глава 1 Джордж и Гвен

Глава 2 Джой и Рут

Глава 3 Джой и Джордж

Глава 4 Джордж и Гвен

Глава 5 Джой и Рут

Глава 6 Джой и Джордж

Глава 7 Джордж и Гвен

Глава 8 Джой и Рут

Глава 9 Джордж и Гвен

Глава 10 Джой и Рут

Глава 11 Джой и Джордж

Глава 12 Джордж и Гвен

Глава 13 Джой и Рут

Глава 14 Джордж и Гвен

Глава 15 Джой и Рут

Глава 16 Джой и Джордж

Глава 17 Джордж и Гвен

Глава 18 Джой и Рут

Глава 19 Джордж и Гвен

Глава 20 Джой и Рут

Глава 21 Джой и Джордж

Глава 22 Джордж и Гвен

Глава 23 Джой и Рут

Глава 24 Джордж и Гвен

Глава 25 Джой и Рут

Глава 26 Джой и Джордж

Глава 27 Джордж и Гвен

Глава 28 Джой и Рут

Глава 29 Джой и Джордж

Часть II

Глава 30 Джордж и Гвен

[Глава 31 Джой и Рут](#)
[Глава 32 Джой и Джордж](#)
[Глава 33 Джордж и Гвен](#)
[Глава 34 Джой и Рут](#)
[Глава 35 Джой и Джордж](#)
[Глава 36 Джордж и Гвен](#)
[Глава 37 Джой и Рут](#)
[Глава 38 Джой и Джордж](#)
[Глава 39 Джордж и Гвен](#)
[Глава 40 Джой и Рут](#)

[Часть III](#)

[Глава 41 Джордж и Гвен](#)
[Глава 42 Джой и Рут](#)
[Глава 43 Джой и Шепард](#)
[Глава 44 Джордж и Гвен](#)
[Глава 45 Джой и Рут](#)
[Глава 46 Джой и Шепард](#)
[Глава 47 Джой и Рут](#)
[Глава 48 Джой и Шепард](#)
[Глава 49 Гвен и Джордж](#)
[Глава 50 Джой и Рут](#)
[Глава 51 Джой и Шепард](#)
[Глава 52 Джой и Рут](#)
[Глава 53 Джой и Шепард](#)
[Глава 54 Джордж и Гвен](#)
[Глава 55 Джой и Рут](#)
[Глава 56 Джой и Рут](#)
[Глава 57 Джой и Шепард](#)
[Глава 58 Джой и Рут](#)
[Глава 59 Джой и Шепард](#)
[Глава 60 Джордж и Гвен](#)
[Глава 61 Джой и Шепард](#)
[Глава 62 Джой и Рут](#)
[Глава 63 Джой и Шепард](#)
[Глава 64 Джой и Рут](#)
[Глава 65 Джой и Шепард](#)
[Глава 66 Джой и Рут](#)

[Глава 67 Джой и Шепард](#)

[Глава 68 Джой и Рут](#)

[Глава 69 Джой и Шепард](#)

[Глава 70 Джой и Рут](#)

[Глава 71 Джой и Шепард](#)

[Глава 72 Джой и Рут](#)

[Глава 73 Джой и Шепард](#)

[Глава 74 Джой и Рут](#)

[Глава 75 Джой и Шепард](#)

[Глава 76 Джой и Шепард](#)

[Глава 77 Джой и Рут](#)

[Часть IV](#)

[Глава 78 Джой и Шепард](#)

[Глава 79 Джой и Рут](#)

[Глава 80 Джой и Шепард](#)

[Глава 81 Джой и Шепард](#)

[Глава 82 Шепард](#)

[Глава 83 Джой и Венди](#)

[Эпилог Джой и Рут](#)

[От автора](#)

[Сноски](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)

